

SAPIENZA
UNIVERSITÀ DI ROMA

FACOLTÀ DI LETTERE E FILOSOFIA

DIPARTIMENTO DI LETTERE E CULTURE MODERNE

Corso di Dottorato in Scienze documentarie, linguistiche e letterarie

Curriculum di Linguistica e Cultura russa

XXXII ciclo

Tesi di dottorato

**УКРАИНСКИЙ ВОПРОС
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РОССИИ**

Relatori:

Prof.ssa Julia Nikolaeva

Prof.ssa Paola Cotta Ramusino

Dottoranda:

Nataliya Litynska

Anno Accademico 2018-2019

Содержание

Предисловие	3
Российско-украинский кризис: хронология событий.....	7
Глава 1. Политический дискурс в парадигме современных лингвистических исследований	10
1.1. К понятиям «дискурс» и «дискурс-анализ»	10
1.2. Политический дискурс как объект лингвистического изучения	20
1.2.1. Функциональная специфика политического дискурса	30
1.2.2. Дискурс власти и дискурс оппозиции.....	34
1.3. Политический масс-медийный дискурс и его воздействующая функция.....	37
1.3.1. Коммуникативные стратегии и тактики политического дискурса	42
1.3.2. «Язык вражды» в политическом масс-медийном дискурсе	44
1.4. Методологические принципы изучения политического дискурса	48
1.4.1. Дескриптивный анализ	48
1.4.2. Когнитивный подход	49
1.4.3. Критический дискурс-анализ	55
1.4.4. Корпусный анализ	59
Глава 2. Корпусный анализ российского политического дискурса по украинскому вопросу.....	64
2.1. Создание корпуса и отбор материала	64
2.2. Общая характеристика корпуса	65
2.3. Инструменты обработки корпуса и метод анализа	70
2.4. Ключевые слова: моделирование ситуации «украинский кризис»	78
Глава 3. Коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе России по украинскому вопросу	105
3.1. Анализ коммуникативных стратегий в речи В.Путина	105
3.1.1. Стратегия легитимации	105
3.1.2. Стратегия самопрезентации	108
3.1.3. Стратегия дискредитации	112
3.1.4. Стратегия апелляции к эмоциям	115
3.2. Освещение украинского кризиса в российских масс-медиа	118
3.3. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в медиадискурсе России по украинскому вопросу.....	121
3.3.1. Стратегия дискредитации	121
3.3.1.1. Тактика наклеивания ярлыков: бездоказательное умаление авторитета	121
3.3.1.2. Тактика создания образа врага	126
3.3.1.3. Тактика создания экспрессивных этнонимов	129

3.3.1.4. Тактика негативной презентации («анализ-минус»)	133
3.3.1.5. Тактика насмешки.....	135
3.4. Коммуникативные стратегии и тактики в оппозиционном дискурсе	139
3.4.1. Стратегия дискредитации.....	139
3.4.2. Стратегия опровержения	141
3.5. Метафора как инструмент воздействия.....	145
3.5.1. Метафора болезни	147
3.5.2. Физиологическая метафора	151
3.5.3. Метафора родства	152
3.5.4. Игровая метафора	156
3.5.5. Военная метафора.....	157
3.5.6. Театральная метафора	159
3.5.7. Спортивная метафора	162
3.5.8. Коммерческая метафора	163
3.5.9. Природоморфная метафора	165
3.5.10. Артефактная метафора	168
Глава 4. Лексические и фразеологические инновации российско-украинского кризиса	173
4.1. Понятие «неологизм» в современной лингвистике.....	173
4.2. Ключевые слова текущего момента как основа словообразования	176
4.3. Проекты «Словарь года» как источник неологизмов	179
4.4. Формальные неологизмы	182
4.5. Семантические неологизмы	194
4.6. Актуализированная лексика	201
Выводы	209
Краткое содержание диссертации на итальянском языке	212
Библиография	224
Приложения	233

Предисловие

Настоящее исследование посвящено изучению политического дискурса России, касающегося украинского вопроса.

Социально-политические процессы, происходящие в Украине начиная с ноября 2013 года, давно вышли за рамки внутривнутриполитического сюжета отдельной страны и оказались в центре внимания российской политической элиты, масс-медиа и рядовых граждан. Интерпретация украинского вопроса в официальных политических кругах и в средствах массовой информации, а также его активное обсуждение в обществе сформировали дискурс российско-украинского противостояния.

В рамках применяемого в работе дискурс-анализа, дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, представляющее собой целостную формацию текстов, неразрывно связанных с определенным социально-коммуникативным пространством. Центральным является понимание дискурса как систематизированное и упорядоченное особым образом использование языка, за которым встает особая идеологическая и социально-обусловленная ментальность.

Данный подход определил выбор материала исследования: автор ставит цель провести лингвистический анализ российского политического дискурса по украинскому вопросу, используя публикации правительственных и оппозиционных периодических изданий, сопоставляя их с текстами выступлений главы государства. Изучаемый период охватывает наиболее острую фазу кризиса – с декабря 2013 года по февраль 2015 года (события Евромайдана, Крымский референдум, начало вооруженного противостояния на юго-востоке Украины).

Научная новизна работы определяется тем, что впервые было проведено комплексное исследование репрезентации украинского вопроса в российском языковом сознании на материале речей президента Российской Федерации и ряда центральных российских периодических изданий. Сочетание корпусного, когнитивного и коммуникативно-прагматического методов анализа позволило выявить особенности современной политической коммуникации в России в контексте социально-политического конфликта, определить стилистические, прагматические и содержательные характеристики отдельных периодических изданий. Применение корпусного анализа, который еще не получил широкого распространения в российской лингвистике, позволило объективировать результаты исследования. Последующий критический анализ дискурса дал возможность идентифицировать способы воздействия на общественное мнение и формирования политических предпочтений носителей языка.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что изучение политического дискурса является одним из приоритетных направлений современного языкознания. Важным представляется исследование политического дискурса в момент политического и мировоззренческого перелома для идентификации явных и скрытых способов осуществления власти идеологически неоднородными политическими субъектами. Динамика социально-политических процессов, происходящих на фоне

стремительно развивающихся информационных технологий, обуславливает необходимость фиксации способов создания разных версий социальной реальности в интересах конкурирующих политических сил.

Выбор в качестве источника материала публичных выступлений президента объясняется тем, что речь лидера государства отражает базовые принципы менталитета народа, выявляет его отношение к истории и современной политической ситуации. Интерпретация событий в официальных выступлениях президента, рассматривается в данной работе как мнение руководства страны по вопросу российско-украинских отношений. Речь президента в условиях кризисной коммуникации идеологически ориентирована, направлена на усиление консолидации общества и поднятия его патриотических настроений.

Изучение языка средств массовой информации является важным источником исследования, так как в соответствии с двумя базовыми функциями (информативной и убеждающей) СМИ, сообщая о социальном конфликте, создают некий его образ. С одной стороны, они действуют от лица государственных, общественных институтов, с другой – ориентированы на систему идеологических, этических и эстетических представлений и ожиданий адресной группы. Отличие ценностных ориентаций соперничающих политических субъектов приводит к тому, что информационное поле, создаваемое представляющими их издательствами, оказывается весьма противоречивым, что способствует созданию множества репрезентаций одного и того же события, зачастую исключая друг друга.

В связи с этим возникает необходимость углубленного изучения разных видов политического дискурса, с целью выделения взаимосвязи идеологической позиции и языковых средств ее выражения в конкретном дискурсе. В работе исследуются средства массовой информации, которые отражают официальную позицию власти (официальные правительственные СМИ и лояльные к правительству издания) и средства массовой информации, выступающие выразителями интересов оппозиционных социальных групп.

Многие лингвисты отмечают, что во время важных социальных потрясений происходят кардинальные изменения в языке. Каждый новый период в историческом развитии государства «приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы»¹. Известно, что к влиянию так называемых социальных факторов в наибольшей степени восприимчива лексико-семантическая система языка, и именно она в периоды социальных катаклизмов подвержена наиболее существенным трансформациям. Поэтому, важным аспектом настоящего исследования является анализ роли дискурса как среды возникновения новой лексической единицы или формирования ее нового значения. В этом контексте неологизация рассматривается как процесс, представляющий собой обновление лексико-семантической системы языка в соответствии с преобразованиями языкового сознания носителей языка,

¹ Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. *Зарубежная политическая лингвистика*. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т., 2008. С.17.

изменениями их ценностных ориентиров в связи с возникающими когнитивно-прагматическими потребностями речемышления.

Работа состоит из вступления, четырех глав, выводов, краткого содержания на итальянском языке, списка библиографических источников и приложений.

Во вступлении хронологически излагаются основные политические и военные события, произошедшие в период российско-украинского противостояния конца 2013-начала 2015 года.

В первой главе предлагается анализ теоретических предпосылок изучения политического дискурса. Производится обзор работ, посвященных дискурс-анализу, анализируются формальные и содержательные признаки дискурса, определяются понятия «политический дискурс» и «политический медиадискурс», даются их характеристики и выделяются их основные функции, рассматриваются существующие в современной лингвистике подходы к изучению политического дискурса и обосновывается их выбор для целей данного исследования.

Вторая глава посвящена описанию корпуса и методов его анализа. Обосновывается выбор материала исследования, инструменты его количественной обработки и способы качественного анализа. Иллюстрируется применение метода корпусного анализа для выявления содержательных, стилистических и идеологических предпочтений периодических изданий в сопоставительном аспекте (официальное периодическое издание правительства РФ, деловая пресса, «желтая пресса» и оппозиционная газета).

В третьей главе исследуется воздействующая функция политического дискурса посредством анализа коммуникативных стратегий и тактик в официальном политическом дискурсе (президентская речь) и в дискурсе масс-медиа. В результате анализа дискурсивных приемов, используемых главой государства и авторами масс-медийных текстов, идентифицируются различные способы интерпретации украинского вопроса в этих двух жанрах политического дискурса. Посредством анализа концептуальной метафоры, как одного из приемов воздействия, доказывается ее роль в создании образа событий и в формировании ценностных и идеологических предпочтений читателей.

В четвертой главе производится анализ лексических и фразеологических инноваций, источником появления которых стали события в Украине. Иллюстрируется, что пополнение лексического состава языка в период общественно-политического кризиса осуществляется за счет появления новых лексических единиц или изменения значения уже существующих, а также за счет активизации пассивных пластов лексики, коммуникативно-востребованных в изучаемый период. В процессе анализа доказывается, что дискурс масс-медиа является средой появления, функционирования и распространения новых лексем и фразеологизмов.

В общих выводах изложены основные результаты проведенного анализа и намечены перспективы дальнейших исследований.

Библиографический список включает 94 единицы на русском языке, 90 единиц на итальянском, английском и испанском языках, 39 онлайн-источников, 19 лексикографических источников.

В Приложении 1 содержится перечень выступлений президента, касающихся Украины за период с декабря 2013 по апрель 2015 год. В Приложении 2 указан метафорический масс-медийный корпус с подсчетом частотности метафор и их примеры.

Официальной датой начала украинского кризиса считается 21 ноября 2013 года. Формальным поводом для массовых протестов в Киеве и других городах Украины послужил отказ президента Украины Виктора Януковича подписать соглашение об Ассоциации с ЕС, запланированное на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе.

Демонстрации и митинги в столице Украины, получившие название Евромайдан, изначально носили мирный характер, но в ночь на 30 ноября представители спецподразделения МВД «Беркут» разогнали протестующих. Силовой разгон придал Евромайдану резкий антиправительственный характер, в результате чего он перерос в вооруженное противостояние между органами правопорядка и участниками протестов. Наиболее ожесточенные столкновения Евромайдана произошли в период с 20 по 22 февраля 2014 года, что привело к гибели более ста человек, в том числе вследствие действий неустановленных снайперов. Президент Виктор Янукович покинул страну, а в Украине сформировалось новое временное правительство во главе с Александром Турчиновым.

В конце февраля 2014 года в автономной республике Крым начинаются протестные акции против нового правительства в Киеве.

1 марта 2014 года власти Крыма, во главе с председателем совета министров Сергеем Аксеновым, обратились к руководству РФ с просьбой об «оказании содействия в обеспечении мира и спокойствия на территории Крыма». В этот же день президент Владимир Путин внес в Совет Федерации Федерального Собрания РФ обращение об использовании российских Вооруженных сил на территории Украины. Единогласное согласие депутатов Совета Федерации было получено. 6 марта 2014 года Верховный совет Крыма принял решение провести референдум на всей территории Крыма, включая Севастополь. Формулировка вопроса на референдуме предполагала выбор одного из двух вариантов ответа: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» или «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?».

16 марта 2014 года состоялся референдум, в результате которого полуостров вошел в состав РФ. Большинство стран не признали законность референдума, назвав действия РФ нарушением территориальных границ Украины. Реакцией стран ЕС и США стало введение персональных, экономических и административных санкций против лиц, ответственных за присоединение Крыма, временное исключение России из стран Большой восьмерки и ограничение экономического сотрудничества с Россией.

² Ввиду отсутствия историографических источников, хронологические сведения, касающиеся украинского кризиса 2014-2015 годов, указываются со ссылкой на публикацию Carta, M. *Diario della crisi* (novembre 2013 – maggio 2015), in *Attacco all'Ucraina*, a cura di S.Teti, M. Carta. Roma, Sandro Teti Editore, 2015. P.19-46.

В конце февраля – в начале марта юго-восток Украины охватили массовые общественно-политические акции против новой власти в Украине. Протесты были вызваны отказом нового руководства учитывать мнения и интересы значительных групп населения, настроенных на сохранение тесных связей с Россией. Сторонники федерализации требовали от нового украинского правительства сохранения статуса русского языка как государственного и предоставления автономии восточным регионам Украины. Протесты постепенно переросли в вооруженное противостояние, а лозунги федерализации Украины сменились требованиями автономности регионов и привели к провозглашению в апреле 2014 года Донецкой и Луганской народных республик. Для подавления антиправительственных выступлений украинское руководство в середине апреля 2014 года объявило о начале силовой операции.

17 апреля 2014 года в Женеве представители России, Украины, США и ЕС подписали Женевское соглашение, согласно которому незаконные вооруженные формирования должны быть разоружены и распущены. Требование распространялось как на украинские военные формирования, так и на пророссийских активистов, захвативших несколько административных зданий в городах Восточной Украины.

25 мая 2014 года на фоне вооруженного противостояния состоялись внеочередные выборы президента Украины, в результате которых победу одержал Петр Порошенко.

С июня по сентябрь 2014 года продолжаются боевые действия между силами украинской армии и ополченцами Юго-Востока. Наиболее значительные среди них – бои под Славянском и Краматорском (июнь-июль 2014 г.), бои за Илловыйск («Илловый котел», 7 августа-3 сентября 2014 г.), бои при Дебальцево («Дебальцевский котел», середина июня-28 июля 2014 г.), бои за Донецкий аэропорт (26-27 мая 2014 г., 28 сентября 2014-21 января 2015 г.).

17 июля 2014 года на фоне боевых действий произошло крушение пролетавшего над Украиной малазийского гражданского самолета с пассажирами на борту. Украинские военные и пророссийские боевики взаимно обвиняют друг друга в причастности к авиакатастрофе.

6 августа 2014 года в ответ на антироссийские санкции Президент РФ Владимир Путин подписал указ о продовольственном вето, запрещающим импорт в Россию некоторых продуктов из ЕС и США. Действие указа предусмотрено до конца 2019 года.

5 сентября 2014 года с целью деэскалации вооруженного конфликта на территории Донецкой и Луганской областей, представители России, Украины, ОБСЕ, ДНР и ЛНР подписали в столице Белоруссии соглашение о прекращении огня, получившее название Минское соглашение (Минский протокол).

16 сентября 2014 года Украина ратифицировала соглашение об Ассоциации с ЕС.

26 октября 2014 года состоялись внеочередные выборы в украинский Парламент.

3 ноября 2014 года состоялись выборы в ДНР и ЛНР. В результате выборов премьер-министром ДНР стал Александр Захарченко, ЛНР – Игорь Плотницкий.

12 февраля 2015 года контактная группа в составе представителей Германии, Франции, Украины и России, ДНР и ЛНР подписала Второе Минское соглашение. Несмотря на снижение активности боевых действий, вооруженный конфликт на востоке Украины продолжается по сей день.

Глава 1

Политический дискурс в парадигме современных лингвистических исследований

1.1. К понятиям «дискурс» и «дискурс-анализ»

Политический дискурс – сложное социальное явление, свидетельством чего является разнообразие методик интерпретации этой категории и различные методологические подходы к его анализу. Прежде чем перейти к описанию характеристик политического дискурса, остановимся на базовом понятии «дискурс».

Проблема интерпретации дискурса в его соотношении с различными языковыми явлениями, такими как текст, речь, диалог и язык, является одной из важных и спорных проблем в современном языкознании. В настоящее время имеется множество теоретических точек зрения и методологических подходов к дискурсу, относящихся к разным областям научного знания. В данной главе мы попытаемся очертить основные подходы к изучению дискурса и сущность дискурс-анализа.

Дискурс как лингвистический феномен обладает дифференциальными особенностями, которые одни ученые связывают с продуктом речевого действия с присущей ему смысловой однородностью, актуальностью, привязанностью к определенному контексту, жанровой и идеологической принадлежностью (Ван Дейк, Филиппс и Йоргенсен, Демьянков, Кобозева), а другие отождествляют с вербализованной деятельностью с присущей ей соотносительностью с целым слоем культуры, социальной общностью и даже с конкретным историческим периодом (Фуко, Альтюссер, Серио, Кубрякова, Красных, Степанов). Такая широкая парадигма изучения дискурса обусловлена, с одной стороны, мультидисциплинарностью подхода (исследование дискурса осуществляется в соответствии с основными тенденциями смежных дисциплин: семиотики, политологии, социальной психологии, теории искусственного интеллекта, литературоведения, этнографии и т.д.), с другой – синтезом двух ведущих современных направлений – когнитивного и коммуникативного.

Приоритетным в современном языкознании является рассмотрение дискурса в плане взаимоотношения языка и социального окружения. В рамках данной интерпретации под дискурсом подразумевается речевая деятельность, высказывание в их взаимосвязи с коммуникативной ситуацией. Основой этого понимания является *функциональный* подход к языку, который предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте³. Функционализм обращается к семиотическому пониманию языка как системе знаков, служащих и использующихся для конкретных целей. Дискурс, таким образом, рассматривается в связи с использованием языка в процессе речевого

³ Гурочкина, А.Г. Понятие дискурса в современном языкознании // *Номинация и дискурс*: Межвуз. сб. науч. тр. Рязань, Изд-во РГПУ, 1999. С.12-15. С.12.

общения, следовательно, можно говорить о зависимости определения дискурса от того, с какой целью и в каком ракурсе рассматривается само общение⁴. Именно это и позволяет вслед за Арутюновой определить дискурс как «речь, погруженную в жизнь»⁵.

Значительный вклад в развитие функционального понимания дискурса внес нидерландский лингвист Ван Дейк, работы которого ознаменовали переход к междисциплинарному исследованию дискурса. Его концепция строится на вовлечении в анализ таких факторов, как мнения и установки говорящих, их этнический статус и т.д.⁶. Анализ направлен на изучение личностных характеристик носителей языка, их намерений, эмоций, предпочтений. В результате этого дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего. В дискурсе, по мнению Ван Дейка, отражается сложная иерархия знаний, необходимая как при его порождении, так и при его восприятии⁷.

В современной концепции дискурса индивидуумы рассматриваются как участники, вовлеченные в ситуации общения и, в определенной степени, детерминированные институтами и социальным порядком, в котором они находятся⁸. Языковые формы рассматриваются как варианты, согласующиеся с целями и функциями человеческой деятельности, они отражают социальный и интерактивный порядок в момент своего создания или воспроизводства. Иными словами, вовлечение в дискурс означает не только общение, но и действие⁹.

В современных исследованиях прагматического направления дискурс понимается как *диалог* между собеседниками, поэтому внимание исследователей сосредотачивается на говорящем и слушающем, а также на их интенциях и способах выражения. Современная лингвистическая теория исходит из существования двух антропоцентров коммуникации: адресанта (отправителя сообщения – речевого субъекта) и адресата (получателя сообщения). Исходя из этого, дискурс представляет собой «форму общения людей, т.е. речемыслительный процесс интерперсонального характера»¹⁰. Данное взаимодействие может происходить как через непосредственный контакт между участниками коммуникации, так и в ином режиме, например от оратора к аудитории или от автора текста к читателю.

Следовательно, в информации, передаваемой средствами языка, всегда заключено отношение языковой личности к единицам, формам, структурам языка,

⁴ Михалева, О.Л. *Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия*. Москва, Либроком, 2009. С.20.

⁵ Ярцева, В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, Советская энциклопедия, 1990 : электронный ресурс. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения 12.12.2017).

⁶ Ван Дейк, Т. *Язык, познание, коммуникация*. Москва, Прогресс, 1989. Р.27.

⁷ Там же.

⁸ Fairclough, N. *Language and Power* (2nd ed.). London, Longman, Pearson Education, 2001. P.15-16.

⁹ Ivi, p.19.

¹⁰ Кубрякова, Е.С. *Язык и знание*. Москва, «Языки славянской культуры», 2004. С.52.

которые эта личность актуализирует с разной степенью осознанности и целенаправленности. При этом речевая деятельность адресанта осуществляется с учетом фактора адресата¹¹, что регулирует целесообразность и целенаправленность высказывания (речи), поскольку субъект речи всегда ориентирован на коммуникативно-познавательные способности адресата.

Множество интерпретаций понятия «дискурс» обусловлено, по мнению Водак, тремя сложившимися в современной лингвистике тенденциями в его изучении: лингвистикой текста, получившей развитие в Германии и Центральной Европе; интерпретацией дискурса как устной речи или письменного текста, превалирующей в англо-американской традиции, и учениями Фуко, в которых дискурс рассматривается как конкретная реализация абстрактной формы знания, понимания, когниции и эмоций¹². В зависимости от исследовательской традиции, вносятся различные акценты в понимание того, какие именно составляющие экстралингвистического контекста в большей степени имеют дискурсообразующий характер.

Изначально анализ дискурса развивался параллельно с лингвистикой текста. Понятия «текст» и «дискурс», по большей части совпадающие в рамках анализа дискурса и лингвистики текста, расширили область исследования от предложения к тексту, обычно понимаемому как упорядоченную и тематически связную цепочку высказываний, элементы которой определяются синтаксическими, семантическими и прагматическими отношениями между ними¹³. Терминологическая путаница в наименовании дисциплин «анализ дискурса» и «лингвистика текста» приводит к тому, что первый термин может выступать в качестве эквивалента второго, что особенно часто прослеживается в англо-американской лингвистической традиции. Изначально «лингвистика текста» постулировалась в этой традиции как общее обозначение для любого лингвистического исследования текста.

Только в конце 70-х – в начале 80-х годов XX века наметилась тенденция дифференцировать эти две области исследования, в связи с прогрессивным разграничением понятий «текст» и «дискурс». Существенное различие между ними заключается в том, что анализ дискурса направлен на выявление социально-психологических характеристик субъекта, в то время как лингвистика текста фокусируется на раскрытии структуры текста¹⁴. Лингвистика текста уделяет основное внимание формальным и семантическим закономерностям текста, в то время как анализ дискурса интересуют в большей степени проблемы прагматики.

Согласно Ван Дейку, под текстом понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под дискурсом – различные виды её актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с

¹¹ Чернявская, В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2006. С.8.

¹² Wodak, R. *Critical Discourse Analysis: Challenges and Perspectives* (Editor's introduction), in *Methods of Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory*. Los Angeles, London, SAGE, 2013. Vol. 1. P. xix-xlii. P. xxiv.

¹³ Desideri, P. *Teoria e prassi del discorso politico. Strategie persuasive e percorsi comunicativi*. Roma, Bulzoni editore, 1984. P.18.

¹⁴ Yatsko, V.A. *Integrational discourse analysis conception*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://yatsko.zohosites.com/integrational-discourse-analysis-conception.html> (дата обращения 03.12.2017).

экстралингвистическими факторами¹⁵. Так, по определению Ван Дейка, дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие»¹⁶. Преимущество такого подхода заключается в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний¹⁷.

Итак, «текст» – это понятие собственно лингвистическое (высшая единица синтаксиса), в то время как «дискурс» имеет лингвосоциальный характер, это предмет исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики. Термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако он подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения¹⁸. В противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Дискурс включает одновременно два компонента: динамический процесс языковой деятельности, вписанный в ее социальный контекст, и ее результат (т.е. текст); именно такое понимание является предпочтительным.

Согласно англо-американской традиции, дискурс понимается как связанная речь (*connected speech* по Харрису), при этом он отождествляется с диалогом. Дискурсивный анализ направлен прежде всего на изучение устной коммуникации и на взаимодействие его участников (Harris 1952; Stubbs 1985; Brown&Yule 1983; Coulthard 1985; Shiffrin 1994).

Иная концепция дискурса была предложена в трудах французских и франкоязычных исследователей: Фуко, Пеше, Альтюссера, Лакана, Серио. Дискурсивный анализ во Франции развивался как интегративное учение, объединяющее историю, философию, психологию и лингвистику. Основной составляющей анализа дискурса во французской школе стала наука об идеологии. При этом «идеология» понимается как «любой языковой и еще шире – любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности»¹⁹. Тексты/высказывания рассматриваются как продукты идеологической и психической практики. Они – не нейтральны, но культурно, социально, идеологически обусловлены. Понимаемый анализ дискурса у этих исследователей выходит за рамки собственно лингвистической интерпретации текстов. Здесь анализ дискурса соединяется с широким историческим, психологическим анализом.

¹⁵ Ярцева, В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, Советская энциклопедия, 1990: электронный ресурс. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения 15.01.2018).

¹⁶ Ван Дейк, Т. *Язык, познание, коммуникация*. Москва, Прогресс, 1989. С. 46.

¹⁷ Чудинов, А.П. (отв. ред.). *Современная политическая коммуникация: учебное пособие*. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т., 2009 : электронный ресурс. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1635592/> (дата обращения 12.01.2018).

¹⁸ Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // *Критика и семиотика*. Вып.8. Новосибирск, 2005. С. 66-78. С.66.

¹⁹ Серио, П. Как читают тексты во Франции // *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*. Москва, 1999. С. 12-53. С. 20-21.

Значительное влияние на развитие современной теории дискурса оказали идеи французского философа, историка и культуролога Фуко. В «Археологии знания»²⁰ автор использует понятие «дискурс» (*discours*) для обозначения общеизвестных, исторически сложившихся систем человеческого знания. Дискурс, по Фуко, выступает как часть «дискурсивной практики» – совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. Это совокупность анонимных, исторических, детерминированных временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия высказывания²¹. Настаивая на исторической обусловленности дискурса²², Фуко подчеркивает, что дискурс – это не только совокупность знаков, используемых для обозначения предметов или явлений. Это нечто большее, что подлежит собственно дискурсивному анализу, социально-историческая информация, фон, соотносящий события с дискурсом или «мир дискурса». Поэтому Фуко ищет ответ не столько на вопрос «Что было действительно сказано в том, что сказали?», сколько «Почему имеет место данное высказывание, и никакое другое на его месте?»²³. Исторический анализ дискурса, по Фуко, заключается в том, чтобы выяснить, почему участвующие в дискурсивной деятельности индивиды, ограниченные рамками своего знания, не могли думать, говорить иначе, чем они это делали; благодаря каким предпосылкам стало возможным появление новых идей; какие условия воспрепятствовали появлению иных взглядов.

Сложность совмещения теории Фуко с лингвистикой проистекает из того, что ключевые понятия в системе рассуждений философа не тождественны тому содержанию, которое вкладывается в них языковедами. Так, определяя дискурс как «систему высказываний, принадлежащих одной формации», автор понимает высказывание не как вербальную категорию, а как сегмент человеческого знания, одновременно соответствующий дискурсивной практике. Следовательно, дискурс в его концепции относится не к формальным, а к институциональным моделям знаний, которые проявляются в дисциплинарных структурах и действуют через соединение знаний и власти. Процесс речи и в то же время интерпретация, лингвистический акт, не свободны от намерений и поэтому определяются как «высказывание», которое содержит в себе, помимо своего объекта, правила, которые придают этому выражению смысл. Изучая дискурс, придерживаясь концепции Фуко, нужно рассматривать его не только как совокупность синтаксических и семантических правил, но и учитывать условия, в которых они функционируют в пределах дискурса, связывают его элементы, последовательность, в какой они предстают в дискурсе и изменяются в зависимости от контекста.

²⁰ Далее цитируется по русскому переводу: Фуко, М. Археология знания / пер. с франц. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб, «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004 (Серия «Ars Pura. Французская коллекция»).

²¹ Там же, с.105.

²² Там же, с.103.

²³ Там же, с.73.

Следует отметить, что идеи Фуко, выходящие за рамки языкознания, оказали значительное влияние на понимание дискурса в дальнейших лингвистических исследованиях. Кроме французской школы дискурса, его идеи стали стимулом для последующих разработок в немецкой школе дискурсивного анализа (Маас, Линк, Хабермас). В концепции Хабермаса развивается понимание дискурса как коммуникации особого вида, специфического диалога, цель которого – непредубежденный анализ реальности, лишенный субъективизма. В рамках данной теории участники языковой коммуникации (дискурса) анализируют реальность, отказываясь от существующих в сознании и закрепленных в языке стереотипов. Здесь под дискурсом понимается скорее способ получения истинного научного знания. В такой интерпретации дискурс выступает как инструмент познания реальности²⁴.

Итак, понятие «дискурс» возникло в связи с развитием лингвистики текста и расширением предмета ее исследования. В отличие от Европы (где широко распространены и лингвистика текста и дискурс-анализ, и где исследователей интересуют прежде всего его различные разновидности со своей стилистической и идеологической спецификой), в Великобритании и США данная предметная область была вытеснена новым самостоятельным направлением – анализом связной речи, то есть дискурсивным анализом, направленным преимущественно на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего.

Необходимо подчеркнуть, что разные интерпретации дискурса, характерные для вышеуказанных лингвистических школ, не противоречат и не исключают друг друга, а наоборот, взаимодополняют, внося определенный вклад в поиск многозначного и высокоинформативного определения понятия «дискурс».

Междисциплинарное направление, изучающее дискурс, а также соответствующий раздел лингвистики, получили название *дискурс(ив)ный анализ* или *дискурсивные исследования*.

В интерпретации дискурса существует общая идея о том, что язык структурирован соответственно с моделями (паттернами), которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни. Дифференциация этих сфер приводит к выделению разных видов дискурса (политического, юридического, медицинского и т.д.). Следовательно, дискурс-анализ – это анализ этих обуславливающих общение моделей.

Термин «анализ дискурса» был введен Харрисом²⁵ в 1952 году в одноименной статье для обозначения дистрибутивного анализа текста с привлечением к его описанию социокультурной ситуации. Исследователь определил анализ дискурса как метод анализа связной речи. Он же разработал и так называемую методику анализа дискурса, которая основывается на теории дистрибутивной лингвистики Блумфилда. Его цель состоит в том, чтобы установить виды взаимоотношений между

²⁴ Habermas, J. Some Questions Concerning the Theory of Power: Foucault Again, in Kelly, Michael (ed.). *Critique and Power: Recasting the Foucault: Habermas Debate*. Cambridge, Massachusetts, London, MIT Press, 1994. P.79-108. P.81.

²⁵ Harris, Z. Discourse Analysis, in *Language*. Vol. 28 (1). 1952. P. 1-30.

предложениями, для того, чтобы получить представление о межфразовой структуре дискурса.

По Харрису, анализ дискурса – это метод анализа связной речи или письма. Он ориентируется только на встречаемость морфем в дискурсе и не зависит от знаний аналитика о том, каково значение каждой отдельно взятой морфемы. Но это не значит, что в результате такого анализа мы ничего не узнаем о дискурсе и о том, как в нем проявляется грамматика языка. Ведь «хотя мы и пользуемся формальными процедурами, сходными с дескриптивно-лингвистическими, мы можем получить новую информацию о конкретном изучаемом тексте, выходящую за рамки дескриптивной лингвистики»²⁶.

Этот подход нацелен на решение двух взаимосвязанных проблем:

а) распространение методов дескриптивной лингвистики за пределы отдельно взятого предложения;

б) соотнесение культуры и языка, т.е. неязыкового и языкового поведения²⁷.

Дистрибутивный анализ, по мнению Харриса, полезен в обеих областях. С одной стороны, он выводит исследователя за пределы предложения, позволяет установить корреляцию между дистанцированными друг от друга элементами текста. С другой стороны, учитывается, что любой дискурс возникает в рамках конкретной ситуации – в которой находится субъект речи или о которой он сообщает в письменной форме. Этот же метод заключается в установлении встречаемости элементов дискурса, а особенно, в обусловленности – в рамках одного и того же дискурса – появления одних элементов другими.

Можно выделить два типа моделей анализа дискурса:

1) *формальные*, не учитывающие семантические свойства языковых форм и исторические аспекты языка. К ним относятся следующие направления: теория речевых актов, анализ разговора (этнометодология) и этнография речи. Эти модели направлены на описание коммуникативной компетенции. Формальные теории дискурса рассматривают формы существования разговорного языка под углом зрения взаимодействия людей в социологическом аспекте. Предметом анализа становятся транскрипции последовательности речевых взаимодействий. Исследуемые же единицы лежат выше уровня предложения; например, к этим единицам относятся речевые акты или обмен репликами;

2) *содержательные* – полностью сосредоточены на семантической и исторической плоскостях, как в теоретическом, так и в практическом планах. Данный анализ направлен на объяснение явлений речевой деятельности, точнее «исполнения». Материал исследования черпается из истории, из письменных памятников.

Лингвистический анализ дискурса как научная парадигма требует определения его структурообразующих параметров: производство и потребление дискурса,

²⁶ Ivi, p.2.

²⁷ Ivi.

коммуникативное обеспечение, дискурсивные формации и интертекстуальное взаимодействие²⁸.

Под *производством и потреблением* дискурса подразумевается тот факт, что носители языка одновременно вносят вклад в формирование дискурса и являются его потребителями. Это свойство связано с когнитивной функцией языка, которая обеспечивает участие членов социума в дискурсе. Данное понятие применяется именно в лингвистике дискурса, так как в языковой системе оно совпадает с понятием социо- или идиолекта.

Коммуникационное обеспечение связано с каналами коммуникации, по которым передается информация (устный, письменный, радио, телевидение, интернет) и способами хранения этой информации (память как важнейшая когнитивная способность человека, папирус, бумага, электронные носители).

К *дискурсивным формациям* относятся позиции и роли, которые выполняют участники коммуникации – языковые личности, а также знание, содержащееся в дискурсивном общении.

Интертекстуальность обеспечивает устойчивость и взаимопроницаемость дискурсивных формаций, несовместимых со структурной парадигмой²⁹.

Дискурсивный анализ сформировался на фоне господствующих в лингвистике XX века двух противоположных тенденций – борьбы за «очищение» науки о языке и изучения речи. Де Соссюр считал, что истинный объект лингвистики – языковая система (в противоположность речи). Хомский призывал лингвистов изучать языковую «компетенцию» и абстрагироваться от вопросов употребления языка. В последующие десятилетия познавательные установки в науке о языке изменились и укрепилось мнение, в соответствии с которым никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Поэтому дискурсивный анализ стал одним из центральных разделов лингвистики.

Социолингвистический подход к изучению дискурса (Halliday, Fairclough, Martin, Van Leeuwen) заключается в объединении эвристик социальной теории, исключающей изучение лингвистических аспектов текста, и собственно лингвистического метода, т.е. метода анализа текста, не фокусирующегося на социально-теоретических вопросах. Анализ текста, по мнению Фэйрклафа, является важной частью дискурс-анализа, но дискурс-анализ – это не просто лингвистический анализ текстов. Он также включает то, что называется «междискурсивным анализом», то есть, анализ текстов с точки зрения различных дискурсов, жанров и стилей, которые их формируют³⁰.

Главным ориентиром по социолингвистическому анализу текста является системная функциональная лингвистика (СФЛ) – лингвистическая теория и связанные с ней аналитические методы, разработанные Майклом Халлидеем (Halliday

²⁸ Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // *Критика и семиотика*. Вып.8. Новосибирск, 2005. С. 66-78. С.66.

²⁹ Там же, с.68.

³⁰ Fairclough, N. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Routledge, 2003. P.3.

1978³¹, 1994³²). В отличие от более влиятельной традиции Хомского в лингвистике, СФЛ сосредоточена на изучении отношения между языком и другими элементами общественной жизни; этот подход к лингвистическому анализу текстов всегда ориентирован на их социальный характер (особенно ценные источники Halliday 1994³³, Martin 1992³⁴, Van Leeuwen 1993³⁵, 1995³⁶, 1996³⁷).

Важным для нашего исследования является подход, основанный на понимании дискурса как *конструирования социальной реальности*. Социальный конструкционизм – объединяющее понятие для целого ряда теорий о культуре и обществе, широко использующийся в практике анализа дискурса. Данный принцип исходит из понимания языка как системы, которая не определяется окружающей реальностью, а скорее сама определяет ее (постструктуралистические положения Бодияра, Деридда, Фуко).

В процессе интерпретации мира баланс в соотношении «язык – реальность» может сместиться в сторону установления примата языка над действительностью³⁸. Подобный взгляд на дискурс основывается на том, что социальный мир формируется дискурсом с помощью значений. Наши знания о мире не следует принимать за объективную правду. Реальность доступна нам только посредством некоторых категорий. Поэтому наши знания и представления о мире – это не прямое отражение внешней реальности, а результат способов ее категоризации, или выражаясь языком дискурс-анализа, наши знания – это «продукт дискурса» (Burr³⁹; Gergen⁴⁰).

Из-за изменчивости языка значение никогда не может быть постоянным. Ни один дискурс не является замкнутым и завершенным: скорее он постоянно изменяется в процессе контакта с другими дискурсами. Различные дискурсы – каждый из которых представляет собой определенный способ общения и понимания социального мира – вовлечены в постоянную борьбу за превосходство. Они «стремятся» зафиксировать свое значение в языке. В этом случае превосходство можно понимать как преобладание определенной точки зрения.

Исходя из этого, не существует единого образа реальности, который бы можно досконально изучить. В постструктуралистской парадигме реальность – это социальный конструкт, а окружающий социальный мир создается идеями, убеждениями и поведением: по мере распространения в обществе тех или иных идей, люди начинают действовать соответственно с ними (или, пользуясь терминологией

³¹ Halliday, M. The Sociosemantic Nature of Discourse, in *Language as Social Semiotics*. London, Edward Arnold, 1978.

³² Halliday, M. *An Introduction to Functional Grammar*, 2nd edition, London, Edward Arnold, 1994.

³³ Ivi

³⁴ Martin, J. *English Text*. Amsterdam, John Benjamin, 1992.

³⁵ Van Leeuwen, T. Genre and Field in Critical Discourse Analysis, in *Discourse&Society*, 4 (2), 1993. P.193-223.

³⁶ Van Leeuwen, T. Representing Social Action, in *Discourse and Society*, 6(1), 1995. P.81-106.

³⁷ Van Leeuwen, T. The Representation of Social Actors, in C.R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard (eds.) *Texts and Practices*. London, Routledge, 1996.

³⁸ Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С. 53.

³⁹ Burr, V. *An Introduction to Social Constructionism*. London: Sage, 1995. P.3.

⁴⁰ Gergen, K. The Social Constructionist Movement in Modern Social Psychology, in *American Psychologist*, 40 (3), 1985. P. 266-75. P. 266.

Фуко, «люди оказываются внутри дискурсивных правил»). Закрепляясь в правилах, нормах, институтах и механизмах социального контроля, эти идеи (идеологии) создают социальную реальность.

Примером осуществления дискурс-анализа с позиции социального конструкционизма может быть изучение способов, с помощью которых СМИ транслируют знания о мире, и смысл, который они придают вопросам власти и демократии. Объектом исследования может быть то, каким образом СМИ конструируют требования к легитимизации действий; как эти требования в дальнейшем конкурируют между собой; каким образом аудитория «потребляет» эти конкурирующие требования. Такую борьбу можно эмпирически рассматривать как *борьбу дискурсов*, каждый из которых представляет собой различные способы познания мира и формирует различную идентичность субъектов передачи знаний (подробнее о дискурсивном построении реальности в СМИ в Разделе 1.3).

Основной идеей социального конструктивизма, таким образом, является признание основополагающей роли языка (дискурса) в создании и представлении социального мира, и утверждение, что дискурс, как социальная практика *постоянно* (вос)производит социальную реальность. Можно сказать, что с помощью языка (дискурса) мы формируем представления о социальной действительности, которые не являются отражениями ранее существующей реальности, а вносят вклад в ее вос(производство)⁴¹. Иначе говоря, события и явления реальны, но они приобретают значения (оценки) через дискурс.

Итак, анализ дискурса – это непременно анализ использования языка, и как таковой, он не может ограничиваться описанием языковых форм без учета целей и функций, которые они выполняют в человеческой деятельности. Дискурс – неотъемлемая часть социальных отношений, ибо, с одной стороны, формируется ими, а с другой – сам формирует эти отношения. Поэтому любой дискурс можно рассматривать как «особое использование языка»⁴², как «коммуникативное событие»⁴³, как «способ понимания окружающего мира»⁴⁴ или как «способ упорядочивания действительности»⁴⁵. Дискурс, таким образом, является «сложным единством языковой формы, знания и действия»⁴⁶, поскольку в его реализации участвует не только язык в актуальном употреблении, но и экстралингвистические факты, предопределяющие общение и ментальные (когнитивные) структуры, обуславливающие существование дискурса.

⁴¹ Jorgensen, M. Philips, L. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Sage, 2002. P.8-9.

⁴² Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // *Язык и наука конца XX века*. Москва, 1995. С.35-73. С. 38; Чернявская, В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2006. С.3.

⁴³ Ярцева, В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, Советская энциклопедия, 1990: электронный ресурс. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения 13.01.2018).

⁴⁴ Jorgensen, M. Philips, L. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Sage, 2002. P.1.

⁴⁵ Фуко, М. Порядок дискурса // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*: пер. с франц., комм. и послесл. С.Табачниковой. Москва, Касталь, 1996. С.47-96. С.18.

⁴⁶ Ван Дейк, Т. *Язык, познание, коммуникация*. Москва, Прогресс, 1989. С. 121.

1.2. Политический дискурс как объект лингвистического изучения

Сфера политики охватывает широкий диапазон явлений, включает разные сообщества людей, институты и организации, традиции осуществления политической деятельности, политическую культуру и идеологию. Все элементы поля политики так или иначе опосредованы дискурсом, совершаются через дискурс и отражаются в нем.

Связь между языком и политикой очевидна: любая политическая деятельность предполагает использование языка, следовательно «ни один политический режим не может существовать без коммуникации»⁴⁷. Еще Аристотель утверждал, что человек по своей природе – политическое существо, так как только он наделен даром речи⁴⁸. Речь сама по себе уже «политически нагружена», – пишет Косериу, поскольку является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык⁴⁹. Аналогично, Партингтон и Тейлор констатируют, что в современном демократическом обществе политика строится на убеждении, которое совершается исключительно через речевую деятельность⁵⁰.

Несмотря на научный интерес и отдельные попытки описать некоторые аспекты функционирования политической коммуникации, собственно лингвистический подход к ее анализу сформировался только во второй половине XX века. Изучение взаимосвязи «язык-политика» ознаменовало рождение в России нового междисциплинарного научного направления – *политической лингвистики*, возникшей на пересечении двух наук: политологии и лингвистики. Эта дисциплина систематизировала ранее проводимые отдельные попытки описать разные аспекты политического языка и политической коммуникации.

В данной работе термин «политическая лингвистика» используется как синоним английского термина *political linguistics*, восходящего к немецкому *Politolinguistik* – неологизму, введенному в научный обиход лингвистом Буркхардтом⁵¹. В Италии одной из первых, кто употребил термин *politolinguistica*, была Чедрони⁵². На данном этапе в Италии, среди исследований, посвященных вопросам языка политики, политической коммуникации и политического дискурса, следует отметить работы Desideri⁵³, Gualdo⁵⁴, Dell'Anna⁵⁵, Cortelazzo⁵⁶, Giansante⁵⁷, Ondelli⁵⁸, Antonelli⁵⁹, Milizia⁶⁰, Spina⁶¹, Bolasco, Giuliano, Galli De' Paratesi⁶².

⁴⁷ Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С.27.

⁴⁸ Аристотель. Политика // Аристотель. *Сочинения: В 4 томах.* Т.4. Москва, Мысль, 1983. С. 376–644. С.379.

⁴⁹ Coseriu, E. Lenguaje y política, en *El lenguaje político* (Manuel Alvar, coordinador). Madrid, Fundación Friedrich Ebert, 1987. P. 9-31. P.24.

⁵⁰ Partington, A., Taylor, Ch. *Persuasion and Politics.* Milano, LED, 2010. P.160.

⁵¹ Burkhardt, A. *Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung*, in Josef Klein/Hajo Diekmannshenke (Hrsg.): *Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation.* De Gruyter, Berlin 1996 (= Reihe Sprache, Politik, Öffentlichkeit 7), S. 75–100. P.75.

⁵² Cedroni, L. *Politolinguistica: l'analisi del discorso politico* [con prefazione di Tullio De Mauro]. Roma, Carocci, 2014.

⁵³ Desideri, P. Origini e sviluppi delle analisi e delle teorie sul linguaggio politico (1920-1960), in *Linguistica.* Ljubljana, Filozofska fakulteta Univerze Edvarda Kardelja v Ljubljani, 2009.

⁵⁴ Gualdo, R. Dell'Anna, M.V. *La faconda Repubblica. La lingua della politica in Italia* (1992-2004). Manni, 2004; Gualdo, R. Il linguaggio politico, in *Lingua e identità. Una storia sociale dell'italiano*, a cura di P.Trifone. Roma, Carocci, 2009; Gualdo, R. *L'italiano dei giornali.* Roma, Carocci, 2009.

В рамках российской лингвистической традиции (Чудинов, Демьянков, Шейгал, Баранов, Паршин, Караулов, Кобозева, Будаев, Иссерс, Макаров и др.) отмечается несколько автономных (хотя и взаимосвязанных) теоретических и прикладных направлений исследования политического дискурса и политической коммуникации: анализ конкретных единиц в рамках политических текстов; исследование советского политического дискурса; изучение языка постсоветской эпохи; нормативный и дескриптивный подходы к изучению политического дискурса; автономные исследования отдельных языковых уровней языка политики (фонетики, лексики, фразеологии, синтаксиса, стилистики); исследование жанров и стилей политической коммуникации; исследование идиостилей различных политических лидеров, направлений и партий; дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик; сопоставительные исследования политической коммуникации в России и в других государствах.

Истоки формирования элементов политической лингвистики можно обнаружить уже в научных представлениях древнего мира. В русле античной риторики – науке о способах убеждения и разнообразных формах языкового воздействия на аудиторию – были предприняты первые попытки найти и описать наиболее эффективные способы политического красноречия, систематизировать основные риторические ходы для придания речи благозвучия и большей убедительности⁶³. Хотя ни Аристотель, ни Цицерон не использовали термины «политический дискурс» или «политическая коммуникация», их воззрения о применении принципов риторики в политической деятельности остаются актуальными и по сей день. Особенно важными в современной науке остаются вопросы об убеждающей функции политического дискурса.

Исследовательский интерес к взаимоотношениям «язык-политика» особенно проявился с развитием средств массовой коммуникации. В 20-50-х годах XX века появляются тексты, посвященные анализу эффективности средств массовой информации и пропаганды в «производстве согласия»⁶⁴. Толчком к данному направ-

⁵⁵ Dell'Anna, M.V. *Lingua italiana e politica*. Roma, Carocci, 2010.

⁵⁶ Cortelazzo, M.A. *Il linguaggio della politica*, Roma-Firenze, Editoriale L'Espresso-Accademia della Crusca, 2016.

⁵⁷ Giansante, G. *Le parole sono importanti: i politici italiani alla prova della comunicazione*. Roma, Carocci, 2011; Giansante, G. *La comunicazione politica online. Come usare il web per costruire consenso e stimolare la partecipazione*. Roma, Carocci, 2014.

⁵⁸ Ondelli, S. Esempi recenti della retorica populista in Italia: da Forza Italia al Movimento 5 stelle, in *L'italiano della politica e la politica per l'italiano: Atti del 11° Convegno ASLI Associazione per la Storia della Lingua Italiana (Napoli, 20-22 novembre 2014)*. Franco Cesati editore, 2016. P.333-347.

⁵⁹ Antonelli, G. *Volgare eloquenza. Come le parole hanno paralizzato la politica* [collana "Tempi nuovi"]. Roma, Bari, Laterza, 2017.

⁶⁰ Milizia, D. Classifying Phraseology in a Spoken Corpus of Political Discourse, in *ESP Across Cultures*. 2006, 3.

⁶¹ Spina, S. *Openpolitica: il discorso dei politici italiani nell'era di Twitter*. Milano, FrancAngeli, 2012.

⁶² Bolasco, S., Giuliano, L., Galli De' Paratesi, N. *Parole in libertà. Un'analisi statistica e linguistica dei discorsi di Berlusconi*. Roma, Manifestolibri, 2009.

⁶³ Аристотель. *Риторика. Поэтика* [пер. О.П. Цыбенко (Риторика) и В.Г. Аппельрота (Поэтика)]. Москва, Лабиринт, 2000; Cicerone, T.M. *Dell'oratore. Al fratello Quinto libri tre*, in M. Tullio Cicerone. *Opere retoriche*. Vol.I. De oratore. Brutus. Orator [a cura di Giuseppe Norcio]. Torino, UTET, 1970. P. 88-587.

⁶⁴ Lasswell, H.D., Leites, N. [a cura di]. *Il linguaggio della politica : studi di semantica quantitativa* [scritti di Raymond Fadner ... [et al.] ; introduzione di Gianni Statera ; traduzione di L. Cannavo. Torino, ERI, 1979; Lippmann, W. *Opinione pubblica ; prefazione di Nicola Tranfaglia ; traduzione di Cesare Mannucci*. Roma, Donzelli, 2018. Opera

лению исследований послужили мировые войны, повлекшие к кардинальному изменению мироощущения человека. В новых исторических условиях потребность изучения политической коммуникации была связана с опытом беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран, следовательно знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобрело высокую научную и гуманитарную ценность. В фокусе внимания исследователей этого периода оказались вопросы способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды.

Вопросами пропаганды и агитации занимался в это период американский журналист и политический обозреватель Липпманн. Важную роль в современной политической лингвистике сыграло предложенная Липпманном понятие “процесса установки повестки дня” (*agenda-setting process*), т.е. высвечивание в политической коммуникации одних вопросов и замалчивание других⁶⁵. Таким образом, была разграничена реальная актуальность той или иной проблемы и ее «важность» в восприятии общества. Также ученый предложил концепцию *общественного мнения, холодной войны и стереотипов*.

В 30-е годы XX века в США широкое распространение получил *контент-анализ* – научное направление, развиваемое политологом Лассвелом⁶⁶. Это был один из первых методов исследования пропаганды и политического языка, цель которого состояла в классификации, подсчете и объективном описании содержания коммуникативных сообщений, относящихся к конкретной ситуации, оставляя в стороне смысл и их взаимодействие в динамике текста.

Значительное влияние на развитие политической лингвистики последующего периода оказали идеи английского писателя Оруэлла. Автор одним из первых обратился к языку тоталитарных режимов и предвосхитил многие лингвистические идеи, развиваемые в работах, посвященных выявлению заложенных в языке возможностей манипулировать сознанием и осуществлять социальную власть. В романе-антиутопии «1984» автор, на примерах лозунгов типа «Война – это мир», «Свобода – это рабство», «Незнание – это сила», описал принцип двоемыслия (*doublethink*)⁶⁷ и его влияние на политическое мышление. Оруэлл также предложил концепцию так называемого «новояза» (*newspeak*) – особого рода дискурса, позволяющего контролировать политическое поведение⁶⁸. Предположения английского писателя, хотя и не являются собственно лингвистическим анализом, обнаружили важные закономерности взаимодействия языка и политики, составив основу дальнейших исследований о манипулятивной функции языка.

originale: Lippmann, W. *Public opinion*. New York, Harcourt, Brace and Company, 1922; Chomsky, N., Herman, E.S. *La fabbrica del consenso* ; traduzione di Stefano Rini; con un saggio di Alberto Leiss e Letizia Paolozzi. Milano, Il saggiaiore, 2014.

⁶⁵ Lippmann, W. *Opinione pubblica* ; prefazione di Nicola Tranfaglia ; traduzione di Cesare Mannucci. Roma, Donzelli, 2018. Opera originale: Lippmann, W. *Public opinion*. New York, Harcourt, Brace and Company, 1922.

⁶⁶ Lasswell, H.D., Leites, N. [a cura di]. *Il linguaggio della politica : studi di semantica quantitativa* [scritti di Raymond Fadner ... [et al.] ; introduzione di Gianni Statera ; traduzione di L. Cannavo. Torino, ERI, 1979.

⁶⁷ Orwell, G. *1984* [traduzione di Gabriele Baldini ; con un'introduzione, un'antologia critica e una bibliografia a cura di Aldo Chiaruttini. Milano, Arnoldo Mondadori, 1986 (Titolo dell'opera originale *Nineteen Eighty Four*). P. 27.

⁶⁸ Ivi, p. 331-342.

Критическая позиция к политическому дискурсу, выраженная в работах Оруэлла, подтолкнула некоторых английских лингвистов к более детальному рассмотрению объекта политической коммуникации (Fairclough 2001; Fowler 1979; Hodge, Kress 1988; Chilton, 1988). В дальнейшем было установлено, что «новояз» входит в целый класс дискурсов, охарактеризованных Халлидеем как «антиязык»⁶⁹. «Функциональная лингвистика» Халлидея сыграла важную роль в становлении политической лингвистики, так как позволила связать лингвистическую форму с социальной, в том числе с политической деятельностью.

С конца 70-х гг. Чилтон продолжает изучение специфики «антиязыка»⁷⁰. В результате в 80-е гг. развивается более гибкая и продуктивная, по сравнению с «новоязом» интерпретация дискурса «антиязыка». Она была связана не столько с констатацией ограничительных или побудительных возможностей знаковых форм в политическом процессе или поведении отдельных участников, сколько с выявлением когнитивных схем, связывающих политические действия и соответствующие им семиотические системы. Базируясь на исследованиях Лакоффа о метафорике и когнитивных схемах, Чилтон совершил ряд исследований⁷¹, в которых показал, как на основе различных когнитивных схем составляются отдельные политические дискурсы.

Отличительной чертой современных исследований в сфере политической лингвистики является расширение их географии. Если до 90-х годов они проводились преимущественно в Западной Европе и Северной Америке, то на данном этапе можно наблюдать их глобальный характер (распространение в Азии, Африке и Латинской Америке). После падения «железного занавеса», наблюдается активизация научного интереса к темам политической коммуникации и политического дискурса в постсоветских государствах, что раньше было невозможным по объективным причинам. Политическая перестройка стимулировала бурное развитие анализа политического дискурса в России. Приоритет отдавался изучению тоталитарного языка советской эпохи (Норман⁷²) и постперестроечных инноваций в русском языке конца XX века (Баранов⁷³; Баранов, Казакевич⁷⁴; Шейгал⁷⁵).

К современным тенденциям политической лингвистики можно отнести смену акцента внимания из тоталитарного дискурса на демократический: в последние десятилетия появилось много работ, посвященных анализу манипулятивных приемов и техник в «свободных» демократических обществах. Сфера научных интересов

⁶⁹ Halliday, M. "Anti-languages", in *American Anthropologist*, 78 (3), 1976. P.570-584.

⁷⁰ Chilton, P. *Orwellian Language and the Media*. London: Pluto Press, 1988.

⁷¹ Chilton, P. *Security Metaphors. Cold war Discourse from Containment to Common House*. New York; Bern; Frankfurt, Peter Lang Inc., 1996; Chilton P. *Nukespeak: Nuclear Language, Culture and Propaganda*, in *Nukespeak: The Media and the Bomb* / С. Aubrey (ed.). London, 1982; Chilton, P. *Orwellian Language and the Media*. London, 1988.

⁷² Норман, Б.Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) // *Славяноведение*. 1997. № 4. С. 26-33.

⁷³ Баранов, А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // *Человек*. 1997. № 6. С. 108-118.

⁷⁴ Баранов, А. Н., Казакевич, Е. Г. *Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре)*. Москва, Знание, 1991.

⁷⁵ Шейгал, Е. И. Семиотическое пространство политического дискурса // *Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. Москва, Диалог – МГУ, 1999. С. 114-123.*

новой науки расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.)⁷⁶.

Новые тенденции были вызваны новой социально-политической реальностью: на первый план вышло изучение языковых приемов легитимации военных действий, анализ дискурсивных практик, направленных на осуществление разных форм социальной дискриминации (особенно активно изучаются принципы языкового проявления расизма, антисемитизма, ксенофобии и сексизма), анализ способов осуществления власти и создание лингвостилистических барьеров в разных социальных институтах (язык законодательства и судебных заседаний, общение между представителями разных социальных институтов, занимающих неравные статусные позиции), коммуникация в средствах массовой информации, роль дискурса в конструировании национальной идентичности.

Дискурсивный подход к изучению политической коммуникации, превалирующий в современных исследованиях, обуславливает необходимость дефиниции самого понятия «политический дискурс». Размытость границ, жанровое разнообразие и междисциплинарный характер политического дискурса создают трудности в его определении. Данный феномен не поддается однозначной интерпретации также в связи с отсутствием четкой дефиниции политики, с одной стороны, и невозможностью его дифференциации по совокупности узко лингвистических признаков, с другой.

В определении этого термина российские и зарубежные авторы выделяют следующие его системообразующие признаки: институциональность, семиотичность, идеологичность, тематическая соотнесенность, особые условия порождения высказываний (контекст), роль и цели участников политической коммуникации и взаимодействие между ними.

Институциональность политического дискурса находит отражение в интерпретации Баранова и Казакевича, которые определяют его как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом»⁷⁷. В данном понимании политический дискурс интерпретируется как особый вид социального взаимодействия, где участники коммуникации выступают в качестве субъектов, действующих в интересах институтов, организаций, которые они представляют.

В семиотической интерпретации Шейгал, политический дискурс рассматривается как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное (текст в конкретной ситуации политического общения) и виртуальное (вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической

⁷⁶ Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // *Политическая лингвистика*. Вып.20. Екатеринбург, 2006. С. 75-94. С.85.

⁷⁷ Баранов, А.Н., Казакевич, Е.Г. *Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре)*. Москва, Знание, 1991. С.6.

коммуникации)⁷⁸. Политический дискурс интерпретируется как институциональное общение, которое, в отличие от лично-ориентированного, использует особую систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладает собственным языком (лексикой, фразеологией, паремиологией). С учетом значимости ситуативно-культурного контекста, политический дискурс представляет собой феномен, который может быть выражен формулой: дискурс = подъязык, текст, контекст⁷⁹.

Сорокин при определении политического дискурса руководствуется соотношением качественно охарактеризованных рода и вида. В его понимании политический дискурс – это видовая разновидность идеологического дискурса⁸⁰. Различие состоит в том, что политический дискурс (субдискурс) эксплицитно прагматичен, а идеологический (метадискурс) – имплицитно прагматичен.

Политический дискурс определяется по тематическому критерию как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников и формирующих конкретную тематику политической коммуникации»⁸¹. Другими словами, он включает, с одной стороны, совокупность тем, которые составляют предмет обсуждения, с другой стороны – языковые средства, которые используются для обсуждения этих тем (дискурсивные практики).

В концепции Чилтона данный тип дискурса является «результатом политики, которая представляется как борьба за власть между заявляющими о своей силе и ей противостоящими»⁸². Придерживаясь данного определения, подчеркнем, что именно тематическая и целевая доминанта «борьба за власть» являются важным критерием в понимании политического дискурса. Следовательно, политический дискурс понимается как социальное взаимодействие между институтами и гражданами, которое осуществляется для регулирования столкновения интересов по поводу власти, денег, влияния, свободы и т.п.⁸³.

Учитывая вышеизложенные дефиниции, феномен политического дискурса можно рассматривать как минимум в трех аспектах: *филологическом*, как любой текст, при этом исследователь должен иметь ввиду «фон» – политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора; *социопсихолингвистическом* – во время оценки достижения скрытых или четко выраженных целей говорящего, которые безусловно имеют политический характер; *индивидуально-герменевтическом* – во время выявления личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных условиях. Кроме того, с

⁷⁸ Шейгал, Е.И. *Семантика политического дискурса* : автореф. дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог.наук. Волгоград, 2000. С.6.

⁷⁹ Там же, с.15.

⁸⁰ Сорокин, Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // *Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания* (Россия, Москва, 30 марта 1997 г.). Москва, НИОПИК, 1997. С. 57–62. С. 57.

⁸¹ Баранов, А.Н. *Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики*. Москва, Фонд ИНДЕМ, 2004. С.7-8.

⁸² Chilton, P. *Analysing Political Discourse. Theory and Practice*. London, New York, Routledge, 2004. P.3.

⁸³ Ivi

культурологической точки зрения, политический дискурс является самым важным социальным идентификатором и ретранслятором общественных ценностей⁸⁴.

Для решения дискуссионного вопроса о определении границ политического дискурса ученые предлагают две его различные трактовки.

В узком понимании, политический дискурс не выходит за пределы собственно сферы политики. В пределах этого подхода он рассматривается как подвид институционального дискурса, т.е. как дискурс политиков. Приверженец данной трактовки – Ван Дейк – связывает понятие «политический дискурс» с его основными составляющими: *акторами* (участниками политической жизни), их *деятельностью* (политическими практиками) и *контекстом*, в котором эта деятельность осуществляется.

Политики, в понимании Ван Дейка – это группа людей, избранная для профессионального осуществления политической деятельности. Наличие политиков – это то, что отличает политический дискурс от других видов дискурса (медицинского, юридического, педагогического). Ван Дейк характеризует политический дискурс как совокупность жанров социального домена политики и противопоставляет его образовательному дискурсу, юридическому или медицинскому дискурсу. Эти профессиональные дискурсы конституируются, в свою очередь, соответствующими акторами (медиками, юристами, педагогами), совершающими соответствующие социальные практики⁸⁵.

Ван Дейк отмечает, что политический дискурс формируется в контексте функционирования политических институтов (заседание правительства, сессия парламента, съезд партии). Следовательно, он образуется такими жанрами как правительские обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы и речи политиков. Иными словами, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в соответствующей институциональной обстановке⁸⁶.

Подобного мнения придерживается Паршина, которая определяет политический дискурс как «речевую деятельность политических субъектов в сфере институциональной коммуникации»⁸⁷. Автор относит к коммуникативным особенностям политического дискурса такие его характеристики, как институциональность, конвенциональность и публичность (официальность).

Хотя Ван Дейк придерживается *узкого* понимания политического дискурса, он не исключает, что политики не являются единственными участниками политического процесса. С точки зрения интерактивности дискурса, акторами политической жизни выступают также *реципиенты (адресаты)* политической коммуникации – избиратели, граждане, публика, «массы» и другие группы. Таким образом, когда

⁸⁴ Гальперин, И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва, Просвещение, 1981. С.4.

⁸⁵ Van Dijk, T. What is a Political Discourse Analysis?, in Blommaert J., Bulcaen C. (eds.). *Belgian Journal of Linguistics : Political Linguistics*. Vol. 11. Issue 1. Jan 1997. Amsterdam, John Benjamins, 1998. P.11-52 . P.12.

⁸⁶ Ivi, p.14-15.

⁸⁷ Паршина, О.Н. *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России*: дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Саратов, 2005. С.13.

политика выходит за пределы институциональной сферы, количество участников на политической сцене увеличивается.

В *широком* смысле под политическим дискурсом понимают как институциональные, так и неинституциональные формы общения, т.е. «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики»⁸⁸. При таком подходе исследование политического дискурса предполагает анализ всех семиотических систем, а языковым материалом выступают заявления политиков, политических обозревателей и комментаторов, публикации в СМИ, материалы специализированных изданий, касающихся различных аспектов политики.

Сторонники *широкого* понимания политического дискурса включают в сферу политической коммуникации не только официальный контроль явлений социальной жизни, но и обсуждение политики в самых разных ракурсах – бытовом, художественном, публицистическом и др. Для разноплановой классификации жанрового пространства политического дискурса используется полевой подход, который заключается в расположении его жанров по мере отдаления от институциональной/официальной сферы реализации. Градуирование по оси институциональность/официальность, позволяет отнести к центральным жанрам такие прототипические сферы, как парламентские дебаты, публичную речь политиков, политические лозунги. Менее официальными оказываются опосредованные масс-медиа жанры (политическое интервью, политические ток-шоу, новости о политике, блоги политических экспертов и т.д.). Периферию жанрового пространства политического дискурса составляют такие его сферы реализации, как разговоры о политике на уровне межличностного общения (обсуждения в семье, с друзьями, в соцсетях, политические анекдоты и т.д.). Учитывая жанровую неоднородность политического дискурса, часто происходит его пересечение с другими видами дискурса – юридическим, научным, массово-информационным, педагогическим, рекламным, религиозным, спортивно-игровым, бытовым и художественным.

Итак, важным является понимание политического дискурса с учетом контекста осуществления политической деятельности (институциональный или неинституциональный). При этом необходимо учитывать, что неинституциональный политический дискурс вносит свой вклад в формирование политического сознания и общественного мнения и может существенно влиять на ход политического процесса.

При интерпретации понятия «политический дискурс», нельзя обойтись без истолкования двух смежных с ним понятий – *политическая коммуникация* и *язык политики*.

Под «политической коммуникацией» обычно понимается любая передача сообщений, предназначенная оказать влияние на распределение и использование власти в обществе, особенно если эти сообщения исходят из официальных

⁸⁸ Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С.23.

правительственных институтов»⁸⁹. Содержание политической коммуникации в принципе сводится к публичному обсуждению трех фундаментальных вопросов (фактически, вопросов власти): а) распределение общественных ресурсов; б) контроль за принятием решений/ право принимать решения (судебные, законодательные и исполнительные); в) применение санкций (право наказывать или награждать)⁹⁰.

Если термины «политический дискурс» и «политическая коммуникация» можно употреблять как нестрогие синонимы⁹¹, то принципиальным будет разграничение понятий «политический дискурс» и «язык политики».

Различие между ними заключается в том, что политический дискурс – это последовательность взаимосвязанных устных или письменных высказываний (речевых актов), часто представленных в виде текстов, которые относятся к специфическим формам высказывания (жанрам). Анализ содержания этих высказываний позволяет определить идеологический компонент политического дискурса. «Язык политики», в свою очередь, определяется как совокупность более или менее институализированных лексем, в том числе специальных терминов, заимствованных из других профессиональных сфер, использующихся в разных контекстах политического взаимодействия.

Дискуссионным остается вопросом о том, целесообразно ли вообще рассматривать «язык политики» как особую знаковую подсистему. Основываясь на том факте, что он ориентирован на массовую аудиторию и охватывает широкий спектр применения, некоторые исследователи отрицают статус «языка политики» как варианта национального языка.

Сторонники данного подхода⁹² утверждают, что язык политики нельзя называть подсистемой национального языка, ввиду того, что он не обладает собственной терминологией. Скорее, он использует терминологию, относящуюся к различным специализированным областям (правовой, административной, финансовой или бюрократической), адаптируя ее к более понятным формам выражения. Поэтому язык политики можно рассматривать как результат слияния разнородных элементов, относящихся к разным сферам человеческой деятельности.

Исходя из этого, язык политики – это не наличие какого-то специфического вокабуляра или специфических грамматических форм. Скорее это «содержание передаваемой информации, обстоятельства, в которых происходит распространение информации (социальный контекст), и выполняемые функции»⁹³. Когда политические субъекты общаются на политические темы, преследуя политические цели, то они

⁸⁹ Schudson, M. Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s, in *Media, Culture and Society*. Vol. 19, №3. London, 1997. P.311-330. P.311.

⁹⁰ Denton, R. E. Jr., Woodward, G.C. *Political Communication in America*. New York, Praeger, 1985. P.14.

⁹¹ Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С.27.

⁹² Dell'Anna, M.V. *Lingua italiana e politica*. Roma, Carocci, 2010. P. 15-17; Beccaria, L. et al. *I linguaggi settoriali in Italia*. Milano, Bompiani, 1973. P.22; Паршин, П.Б. *Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/Archive/2000/> (дата обращения 23.03.2018).

⁹³ Graber, D. Political Languages, in *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London, Sage Publications, 1981. P.195-224. P.196.

говорят на языке политики. Следовательно, любое слово может стать политическим термином, если оно употребляется в политическом контексте.

Принципиальное отличие языка политики от обыденного заключается не в использовании каких-либо формальных средств, но в таком изменении соотношения между знаком (словом) и значением, при котором привычные единицы языка получают необычную интерпретацию⁹⁴, при этом хорошо знакомые ситуации включаются в неожиданные смысловые контексты.

Еще одним аргументом против признания существования политического языка как феномена является то, что собственно языковые черты своеобразия политической коммуникации немногочисленны и малосущественны, они не выходят за рамки грамматических и даже лексических норм русского языка.

Данной точки зрения придерживается Паршин, которой утверждает, что «то, что обычно имеется в виду под языком политики, в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, лексических норм соответствующих идиоэтнических (национальных) языков – русского, английского, немецкого, арабского и т.д.»⁹⁵. В связи с этим автор предлагает считать преждевременными и, более того, неправомерными широко распространенные обобщающие утверждения относительно структурных свойств языка политики вообще. На практике объектом исследования являются конкретные идиолекты, характерные для индивидуальных, коллективных или метафорических субъектов политического действия».

В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения, что политическая коммуникация происходит на совершенно особом варианте русского языка, который следует называть именно *языком политики*. Следуя дефинициям Шейгал, мы понимаем язык политики как «структурированную совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса»⁹⁶. Это пространство включает три типа знаков: специализированные вербальные (политические термины, антропонимы и пр.), специализированные невербальные (политические символы) и неспециализированные, которые изначально не были сориентированы на данную сферу общения, но вследствие устойчивого функционирования в ней приобрели содержательную специфику (в частности, личные местоимения).

Под языком политики понимается особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия»⁹⁷.

⁹⁴ Гаврилова, М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // *Полис. Политические исследования*. Москва. №3, 2014. С. 127-139. С.128.

⁹⁵ Паршин, П.Б. *Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/Archive/2000/> (дата обращения, 13.06.2018).

⁹⁶ Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С.22.

⁹⁷ Баранов, А.Н., Казакевич, Е.Г. *Парламентские дебаты: традиции и новации*. Москва, Знание, 1991. С.108.

Важно подчеркнуть, что особенность языка политики в настоящее время состоит в том, что это единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата. Язык политики доступен для понимания практически всеми членам языкового сообщества вследствие деспециализации политических терминов. Политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации, но СМИ фактически являются основной средой ее существования, вследствие чего язык политики оказывается лишенным свойства корпоративности, присущего любому специальному языку.

Итак, проведенный анализ дефиниций политического дискурса и смежных с ним понятий «политическая коммуникация» и «язык политики» позволяет сформулировать рабочее определение данного феномена: политический дискурс – это сложное семиотическое образование, особый вид социальной практики, который идентифицирует участников политической коммуникации, формирует тематику высказываний и осуществляется с использованием специальной системы профессионально-ориентированных знаков. В зависимости от социально-речевой ситуации, политический дискурс может пониматься как институциональная форма общения, строго регламентирующая роли коммуникантов и их поведение, или в более широком смысле – как любое социальное взаимодействие, в котором субъект, содержание или контекст высказывания относятся к сфере политики.

1.2.1. Функциональная специфика политического дискурса

Для более глубокого понимания феномена политического дискурса необходимо обратиться к рассмотрению его основных функций. Согласно ранее рассмотренному функциональному подходу, функции политического дискурса связываются с интенциями коммуникантов, их задачами, статусом и действиями, которые они выполняют для достижения собственных целей.

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. С точки зрения преимущественной ориентации дискурса на выполнение той или иной общеязыковой функции, специфика политического дискурса заключается в *воздействии* на адресата.

Воздействующий потенциал политического дискурса соотносится с *конативной* (*апеллятивной*) функцией речи. Согласно Якобсону, конативная (воздействующая) функция – это выражение в речи говорящего его установки на адресата (слушающего), стремления воздействовать на него и сформировать определенный характер взаимоотношений⁹⁸. Это сближает политический дискурс с другими видами дискурса – педагогическим или рекламным. Идеи распространяются не в нейтральной

⁹⁸ Имеется в виду лингвистическая модель теории коммуникации, разработанная Якобсоном. Автор выделяет шесть функций языка в зависимости от ориентации на один из компонентов коммуникации: адресант, адресат, референт, сообщение, контакт, код (Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. Москва, Прогресс, 1975. С. 193–230. С.198).

манере через информирование, а через достижение согласия, одобрения или участия. Политический дискурс считается эффективным, когда он способен влиять на адресата (читателя), формируя в его картине мира определенные оценки, мнения или предпочтения.

Воздействие определяется *регулятивной* функцией, которая подчеркивает роль языка в регуляции поведения адресата (побуждение к действию, запрет на действие, внушение определенных идей, провоцирование необходимого эмоционального состояния). Регуляция поведения в обществе связывается с понятием *власти*, которое мы, придерживаясь концепции Халипова, понимаем как способность, право и возможность тех или иных лиц, органов, учреждений распоряжаться кем-либо или чем-либо, оказывать решающее воздействие на поведение и деятельность конкретных людей, их общностей и институтов с помощью различного рода средств – права, авторитета, воли, принуждения⁹⁹. Итак, глобальная функция политического дискурса может быть сформулирована как *инструмент завоевания и удержания власти*. Исходя из такого общего понимания, можно выделить остальные функции политического дискурса, как аспекты проявления этой главной функции.

В классификации Шейгал, к функциям политического дискурса относятся следующие: *социального контроля* (создание предпосылок для унификации поведения, манипуляция общественным сознанием), *воспроизводства власти* (ритуальное использование символов), *ориентации* (формирование картины политической реальности в сознании общества), *социальной солидарности* (интеграция в рамках всего общества или отдельных социальных групп), *социальной дифференциации* (отчуждение социальных групп), *агональная* (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей), *акциональная* (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения, *легитимизации власти* (оправдание решений касательно распределения власти и общественных ресурсов)¹⁰⁰.

Согласно концепции Чилтона, политический дискурс можно условно свести к трем функциям, которые позволяют выделить его среди других типов дискурса – *репрезентации, легитимации и взаимодействия*¹⁰¹. Посредством этих трех функций, согласно автору, реализуется одна из главных целей политического дискурса – *достижение или укрепление согласия*.

Политический дискурс, в первую очередь, отражает реальность, конкретные факты окружающей действительности (репрезентативная функция). Однако, это отражение в политической коммуникации редко бывает объективным. Политики или журналисты часто упускают или скрывают важные факты или преподносят информацию в выгодном для себя свете. Поэтому их речь часто преисполнена эвфемизмами, смягчающими языковыми элементами или недомолвками. Они могут

⁹⁹ Халипов, В.Ф. *Кратология как система наук о власти*. Москва, Республика, 1999. С.31.

¹⁰⁰ Шейгал, О.С. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С.48-49.

¹⁰¹ Chilton, P. *Analysing Political Discourse. Theory and Practice*. London, New York, Routledge, 2004. P. 30.

также «экономить на правде»¹⁰² или даже врать, если это оправдывает достижение их цели.

Функция *легитимации* заключается в том, что язык используется журналистами или политиками с целью узаконить последних как авторитетных личностей, способных выполнять поставленные перед ними задачи. Политический дискурс служит для придания доверия: слушатель должен поверить, что говорящий действительно имеет намерение и способность делать то, о чем он говорит. Поэтому язык используется для позитивной самопрезентации или, наоборот, для негативной презентации противника, который делегитимируется разными средствами (обвинением, обличением, клеветой, оскорблением и др.). Легитимирующая функция проявляется в том, что она в целях получения согласия узаконивает политическую борьбу и конкуренцию между разными политическими силами.

Политический дискурс используется также для *взаимодействия* собеседников в разных коммуникативных ситуациях. С точки зрения теории коммуникации и теории речевых актов, в политическом контексте данное взаимодействие функционирует не так, как в повседневном общении. Если в последнем обычно соблюдается принцип кооперации, где каждый участник вносит свой вклад в эффективную коммуникацию¹⁰³, то в политическом общении наблюдается нарушение коммуникативных правил, а решающую роль выполняет статус коммуникантов и их интересы.

Чедрони выделяет следующие функции политического дискурса: персуазивную, ритуальную и символическую. *Персуазивная* функция осуществляется посредством создания повествования, которое сознательно используется в качестве инструмента убеждения. *Ритуальная* функция политического дискурса заключается в том, что политики, для усиления собственной власти, создают церемониальную сферу, которая должна способствовать укреплению политического конформизма. Видами политического ритуала обычно выступают выборы, инаугурационная речь президента, строго регламентированные в процедурном плане формы поведения, которые вызывают не критическую реакцию и безоговорочное принятие¹⁰⁴.

И, наконец, *символическая функция* часто строится на мифах и реализуется через образные сюжеты, которые описывают прошлое или будущее того или иного сообщества. Это основополагающая функция для построения национальной идентичности. Среди лингвистических символов можно выделить названия движений, партий, коалиций, и т.д. К нелингвистическим относятся национальные символы – флаг, герб, гимн, памятники, парады, праздники и пр.

¹⁰² *To be economical with the truth* – фразеологизм современного английского языка, появившийся благодаря Э.Берке, в его "Letter I". *Two letters addressed to a member of the present Parliament, on the proposals for peace with the regicide directory of France*. London, Rivington, 1976. P. 137. Используется как эвфемизм для обозначения скрытия правды, введения в заблуждение или откровенной лжи.

¹⁰³ Принцип кооперации в теории Грайса представляет собой единство четырех максим (количества, качества, релевантности и манеры), обеспечивающих совместный вклад участников коммуникации в общую коммуникативную ситуацию (Grice, P. *Logica e conversazione. Saggi su intenzione, significato e comunicazione*. Bologna, Il Mulino, 1993).

¹⁰⁴ Cedroni, L. *Politolinguistica: l'analisi del discorso politico* [con prefazione di Tullio De Mauro]. Roma, Carocci, 2014. P.23.

Грейбер выделяет следующие функции политического дискурса: *распространение информации* (information dissemination), *«определение повестки дня»* (agenda setting), *проекция в будущее и прошлое* (projection to future and past)¹⁰⁵.

Распространение информации о состоянии дел в политическом обществе – одна из важных функций политического дискурса. Люди обычно не соприкасаются напрямую с миром политики, их знания складываются не в результате собственного опыта участия в политической жизни страны, а на основе предлагаемых им «вербальных картинок», когнитивных схем, общих верований. Сообщения о состоянии дел могут приобретать разные формы – неформальной беседы, интервью, пресс-конференции и т.д. Помимо эксплицитной информации, данная категория может включать имплицитно-коннотативный слой информации (эмотивно-окрашенные ключевые слова, выражающие базовые политические ориентации и ценности, патриотические символы, эвфемизмы и пр.).

В «определение повестки дня» (установлении темы или функция «выдвижения») доминирующим оказывается контроль за распространением информации. Данная функция определяет факты или события, которые попадут в фокус общественного внимания. Политики обычно, выбирают те темы, которые представят их в выгодном свете и замалчивают о том, что может их скомпрометировать. Грейбер, анализируя данную функцию, отмечает действие «эффекта гало» (*гало* – круги в атмосфере, возникающие и расходящиеся вокруг источника света): значимость фигуры политика (или активность СМИ, выступающих в качестве суррогатных политических деятелей) привлекает дополнительное внимание к выдвигаемой проблеме.

Проекция в прошлое и в будущее. Значительная часть политического действия осуществляется посредством апелляции к прошлому или к будущему, что используется в качестве аргументативной тактики. Позитивная интерпретация истории, подчеркивание преемственности политического курса, способствуют созданию ощущения надежности и безопасности. И, наоборот, негативная интерпретация исторических событий позволяет вызвать в сознании реципиентов необходимые образы и ассоциации, создать нужное эмоциональное состояние. Проекция в будущее включает прогнозирование последствий выбора (светлое будущее или конец света), идеализированное изображение грядущих чудес и всеобщего благоденствия в случае проведения политики того или иного кандидата. Не случайно ведущим речевым жанром при проведении избирательных кампаний является обещание.

Итак, в основе определения функциональной специфики политического дискурса лежит базисный признак – его использование в качестве инструмента политической власти (борьбы за власть, овладения властью, ее сохранения, осуществления, стабилизации или перераспределения). Остальные функции, рассмотренные в данной главе, являются аспектами проявления этой главной

¹⁰⁵ Graber, D. Political Languages, in *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London, Sage Publications, 1981. P.195–224. P. 198.

функции. Борьба за получение и удержание власти тесно связана с интенцией убеждения, которая рассматривается как намерение автора сообщения повлиять на получателя с целью убедить или побудить его к выполнению определенных действий. Политический дискурс эффективен тогда, когда он способен влиять на адресата посредством выбора языковых средств и соответствующих коммуникативных стратегий.

1.2.2. Дискурс власти и дискурс оппозиции

Политический дискурс неоднотипный, поскольку таковыми не являются ни его субъекты, ни его цели. Актуальным, с нашей точки зрения, является разграничение *дискурса власти* и *оппозиционного дискурса*, поскольку, как правило, любой политический субъект, вне зависимости от конкретной коммуникативной ситуации, позиционирует себя либо как сторонник власти, либо как сторонник оппозиционных сил.

Дискурс власти понимается нами как разновидность политического дискурса, представленного совокупностью речевых практик, совершаемых субъектами власти (например, публичные выступления президента, заседания представителей законодательных органов или членов правительства, выступления лидеров или представителей правящих партий, печатные или электронные публикации подконтрольных власти СМИ). Данный вид дискурса направлен на усиление доверия электората к действиям правящей элиты, поднятие рейтинга политиков, находящихся у власти, продвижение правящей идеологии.

Дискурс президента, реализующийся в таких жанрах как ежегодные послания Федеральному собранию, публичные выступления в честь годовщин или праздников, интервью, «Прямая линия», пресс-конференции и т.д., оказывает большое влияние на формирование дискурсивного поля политики. В выступлениях главы государства транслируются ценности языкового общества, речь президента осуществляется в специальных идеологических рамках, она выступает в качестве инструмента консолидации общества и построения национальной идентичности.

Для дискурса власти характерен так называемый прием “отчетности”. Политическая сила, находящаяся у власти, “отчитывается” перед народом о том, что она сделала полезного для государства за определенный период. В качестве примера можно привести фрагмент речи В.Путина, произнесенной на Большой пресс-конференции 18 декабря 2014 года:

*Рост валового внутреннего продукта за 10 месяцев текущего года составил 0,7, может быть, будет где-то 0,6 процента. Сальдо торгового баланса **выросло** на 13,3 миллиарда долларов и составило 148,4 миллиарда долларов. После прошлогодней паузы немного **ускорило** промышленное производство. За январь-октябрь **прирост** составил 1,7 процента. Продолжает **развиваться** агропромышленный комплекс. Думаю, что по результатам года его **рост** составит 3,3 процента. И, как вы знаете, в этом году у нас **рекордный** урожай – 104 миллиона тонн (Большая пресс-конференция В.Путина, 18.12.2014).*

Важно отметить, что данная конференция происходила в период экономического кризиса, вызванного сложившейся внешнеэкономической ситуацией из-за присоединения Крыма. Констатация президентом экономического роста, с помощью существительных *рост, прирост*, прилагательных *рекордный*, глаголов *развиваться, ускориться* способствовала созданию образа процветающей страны и убеждению слушающих в правильности принятых руководством страны решений. Обилие цифр можно считать приемом воздействия, так как они делают речь адресанта логически и научно обоснованной.

С целью формирования общественного мнения, направленного на поддержку деятельности существующей власти, может использоваться апелляция к авторитету. Например, В.Путин, отвечая на вопрос журналиста о союзниках России во время «Прямой линии», ссылается на Александра III: *Я в этой связи напому слова Александра III, нашего императора, который сказал, что в России есть только два союзника: армия и военно-морской флот. И в напутствие своему сыну потом говорил, что нашей огромности все боятся* (Прямая линия с Владимиром Путиным, 15 апреля 2015). Используя данный прием, лидер страны показывает, что его ценности находятся в тесном контакте с общечеловеческими процессами. Ссылаясь на авторитет, субъект власти доказывает правильность сформированного им нового внешнеполитического курса и демонстрирует, что он рассчитывает на поддержку общественности.

Подконтрольные власти СМИ призваны транслировать идеи, идеологии, ценностные ориентации, поддерживаемые официальной властью. Средства массовой информации, представляющие интересы власти, освещают события с точки зрения силы и спокойствия, вербально демонстрируют стабильные позиции правящих политических сил. Власть обычно представляется тем устойчивее, чем больше граждан ее поддерживает, следовательно СМИ распространяют информацию о поддержке народом того или иного политического движения. Например, это может осуществляться посредством констатации повышения рейтинга политика или корректности действий правящей элиты: *Присоединение полуострова к России повысило престиж российской армии, а рейтинг руководства страны достиг максимальных отметок* (МК¹⁰⁶, 07.05.2014); *В России у Путина непререкаемый авторитет, о чем свидетельствует его стабильный и невероятно высокий для такого политического долгожителя рейтинг, пошатнуть который не смогли ни возникшие экономические трудности, ни внутренние разногласия по Крыму*. (РГ¹⁰⁷, 21.10.14).

Для отражения уверенности и подчеркивания экономической стабильности в правительственных СМИ используются штампы, призванные убедить читателей в улучшении качества жизни (*рост ВВП, повышение пенсий, стабильность, прибавка*): *Рост ВВП – он за 10 месяцев составил 0,6%. Сальдо торгового баланса*

¹⁰⁶ МК – «Московский комсомолец»

¹⁰⁷ РГ – «Российская газета»

выросло и составило 148,4 млрд. (ГК¹⁰⁸, 12.12.2014); В целом, ситуация с выплатой зарплат **стабильная**. Как и пенсий: 552 тысячи крымчан с первого апреля получают **повышенную пенсию**, а с первого июля **прибавка составит 100 процентов** (РГ, 27.06.2014). Средства массовой информации стремятся позиционировать себя как объективный источник информации, поэтому используют данный прием для снижения неудовлетворенности жизнью предполагаемого реципиента.

Оппозиция в современной России представлена политическими субъектами (органами политических партий и движений), находящимися в оппозиции к курсу правительства, оппозиционными СМИ, политическими экспертами, блогерами и т.д, публикации которых отличаются антиправительственным характером. Главная цель *оппозиционного дискурса* – предложить свою, отличную от официальной, интерпретацию уже известных событий. При этом, характерной его особенностью является преобладание интерпретации над фактом: объектом обсуждения часто служат «не актуальные события, а само «положение дел» – константные свойства и постоянные участники ситуации, например темы «преступность», «коррупция», «первые лица государства»¹⁰⁹: *Навальный уверен, что при рассмотрении иска Владимира Свирида за фразу о «Единой России» как партии «жуликов и воров» Люблинский районный суд Москвы нарушил, а Мосгорсуд не восстановил его право свободно выражать свое мнение* (НГ¹¹⁰, 02.06.2014); *Большинство крымчан мало чем отличаются от жителей российской глубинки, где **власть по-прежнему принадлежит ворам в законе*** (НГ, 22.03.2014); *Точка невозврата будет достигнута тогда, когда г-н Путин лишится своих неограниченных **имперско-властных полномочий*** (НГ, 06.03.2014).

Критика сил находящихся при власти – прерогатива оппозиционной прессы. Она осуществляется в форме констатации ухудшения уровня жизни населения и экономического кризиса, виновником которого является власть: *Лихорадочно-оппортунистическое присоединение Крыма нанесло и без того **слабевшей отечественной экономике** колоссальный по своей мощи удар – даже без учета возможных санкций, которые материально пока неосязаемы. Ожидаемые в текущем году темпы экономического роста **сокращены на 1,4-2 процентных пункта, до величин, статистически мало отличных от нуля*** (НГ, 28.04.14).

Оппозиционный дискурс занимает особое место в информационном пространстве, поскольку, противостоя власти, он призван разоблачать мифы, ложные установки, манипулятивные технологии своих оппонентов. Основной прагматической установкой оппозиционного политического дискурса является изобличение политических оппонентов во лжи, восстановление истины с позиции адресанта и ориентирование адресата в политическом пространстве.

¹⁰⁸ ГК – Газета «Коммерсантъ»

¹⁰⁹ Какорина, Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)* / отв. ред. Е.А. Земская. Москва, Языки русской культуры, 1996. С. 409-426. С.410.

¹¹⁰ НГ – «Новая газета»

Дихотомия «власть-оппозиция» проявляется прежде всего в том, что цели каждой из них изначально амбивалентны и конфликтны: с одной стороны – это взаимная адаптация практик и перспектив своей деятельности путем социально направленного политического диалога, с целью подтверждения легитимности каждого в глазах граждан, с другой – стремление к односторонней победе для завоевания достаточного ресурса голосов на выборах. В этом смысле «борьба дискурсов» проявляется в том, что один дискурс конкурирует с другим, претендующим на то, чтобы по-иному описывать реальность и устанавливать другие принципы социальной практики. Там, где сталкиваются дискурсы, могут возникать «конфликты интересов» и даже антагонизм. Как правило, конфликт решается через «артикуляцию с помощью силы», когда один дискурс удаляет через интервенцию другой¹¹¹.

Анализ конкурирующих в общественно-политической жизни дискурсов представляет научный интерес, так как их взаимодействие рождает оппонирование друг другу относительно способов решения социально-политических вопросов. При этом политическая оппозиция играет здесь важную и социально ответственную роль – представлять действующей власти альтернативы принятия политических решений на основе анализа социально-экономических реалий и критики ошибок правительства, защищать интересы «обиженных».

1.3. Политический масс-медийный дискурс и его воздействующая функция

Влияние средств массовой информации на все происходящее в политической жизни события не вызывает сомнения. Оценки растущего влияния СМИ на политику и общество далеко не однозначны, а иногда и прямо противоположны. Опыт показывает, что потенциально СМИ способны служить различным целям. С одной стороны, они могут просвещать людей, помогать их компетентному участию в общественной жизни, способствовать личностному становлению. Но с другой, что сегодня нередко происходит, – духовно поработать, дезинформировать, иногда не желая того, разжигать массовую ненависть, сеять недоверие и страх.

Особенность современной политической жизни заключается в том, что политики все реже общаются с населением напрямую и все чаще делают это через средства массовой информации. Ввиду того, что у политиков минимизированы возможности прямого контакта с населением, в «цепи» коммуникации между адресантом (политиком) и адресатом (гражданином) появляется третье звено – журналист, интерпретирующий полученную от адресанта информацию и передающей ее адресату уже в обработанном виде.

Как удачно отмечает британский издатель Филип Грэм, «газета – это первый черновик истории»: именно печатные и электронные СМИ являются главными

¹¹¹ Jorgensen, M. Philips, L. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Sage, 2002. P.48.

интерпретаторами событий для массовой аудитории, которая дистанцирована от правительства и не имеет прямого доступа к информации о происходящих в политической жизни событиях. Журналисты в этом смысле выступают в роли рассказчиков о политике и о политиках, своеобразных «агентов влияния»¹¹², способствующих формированию общественного мнения.

Таким образом, политическая коммуникация опосредована дискурсом СМИ, что порождает особый вид коммуникации – *политического масс-медийного дискурса*.

Наиболее точное определение этого понятия дает Кудрявцева, подчеркивая его синкретический характер. В понимании автора, политический дискурс масс-медиа – это не разновидность политического или масс-медийного дискурса, а «симбиоз, закономерный результат их эволюции, органически сочетающий их основные особенности и реализующийся, прежде всего, в текстах масс-медиа различных жанров»¹¹³.

В настоящее время средства массовой информации – главный инструмент распространения сообщений, воздействующий на общественное сознание. Сообщения СМИ выступают инструментом направленного управления общественным сознанием, формированием мнения адресата на заданную в определенном контексте тему. Воздействующая функция текстов масс-медиа объясняется и тем, что они – одна из самых распространенных форм бытования языка¹¹⁴, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности.

Большая часть наших социальных и политических знаний и убеждений о мире основана на данных, которую мы получаем из средств массовой информации. Количество участников, вовлеченных в дискурсивную практику масс-медиа превышает (за исключением повседневного общения) все остальные виды социального взаимодействия. Этот факт, по мнению Фэйрклафа, является важным фактором социального контроля¹¹⁵. Контроль осуществляется через отбор информации и дезинформации, которые используются для оценки социально-политической действительности. Субъекты, контролирующие мир коммуникаций, формируют представления о проблемах и явлениях и определяют поход к тому, что считать проблемой или явлением. Будучи продуктом разных социально-политических групп, язык СМИ отражает множественный характер интерпретаций, передает ту или иную идеологическую модальность (окраску) и национально-культурную специфику.

В оценке того, как создаются новости, каковы критерии отбора событий, каков способ подачи материала и интерпретации фактов, Грейбер приводит четыре модели: *зеркальную, профессиональную, организационную и политическую*¹¹⁶.

¹¹² Шейгал, Е.С. *Семиотика политического дискурса*: дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С. 36.

¹¹³ Кудрявцева, Л.А. Массмедийный политический дискурс Украины: особенности «послемайданного» периода // *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке*. Москва, Академический проект, 2011. С.30.

¹¹⁴ Добросклонская, Т.Г. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2008. С.3.

¹¹⁵ Fairclough, N. *Language and Power* (2nd ed.). London, New York, Person Education, 2001. P.30.

¹¹⁶ Graber, D.A. *Mass Media and American Politics*, 3rd ed. Washington, DC, CQ Press, 1989. С.76-77.

Согласно первым трем моделям, новости должны объективно отражать реальность, информировать общество; журналисты, придерживаясь профессиональных норм, должны отбирать новостной материал по степени его значимости и соблюдать баланс между разными смысловыми элементами. Релевантным для нас в этой классификации представляется *политическая* модель, исходной точкой которой есть тот факт, что любые новости являются продуктом деятельности людей, имеющих определенные идеологические воззрения, а также, создаются под давлением политического окружения, в котором находится организация, отбирающая и транслирующая новости. В поле зрения СМИ попадают люди, имеющие высокий статус в обществе, а остальные большей частью игнорируются. Те, кто поддерживают существующую систему, изображаются в позитивном свете, а те, кто выступает против – в негативном.

Следуя этой логике, нельзя не согласиться с Барановым, который отмечает, что нейтральное использование языка в принципе невозможно. Отбор частей обсуждаемой ситуации, последовательность введения в текст тех или иных участников, экспликация отношения говорящего к передаваемой информации – все это и многое другое воздействует на понимание речевого сообщения адресатом¹¹⁷. Данная концепция согласуется со взглядами Блакара, который понимает процесс речевого общения, и в частности речевого воздействия, как осуществление власти¹¹⁸. Языковое воздействие проявляется на высоком уровне именно в политическом дискурсе, который по своей природе воздействующий, так как от правильного использования языковых форм зависит выбор электората в пользу того или иного кандидата, что значит завоевание и удержание власти.

За основу можно принять следующее определение речевого воздействия, по Баранову: *речевое воздействие* – коммуникативное использование языковых выражений при котором в модель мира носителей языка вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся, т.е. происходит процесс «онтологизации знаний»¹¹⁹. Разделяя данное мнение, хотим отметить, что любое использование языка предполагает воздействие на восприятие мира и способ его структурирования. Чем эмоциональнее воздействие, тем оно эффективнее.

Говоря о воздействии и связанным с ним коммуникативным эффектом, т.е. изменении взглядов, оценок и поведения адресата, необходимо иметь в виду соотношение рационального и эмоционального компонентов в процессе воздействия одного субъекта на другой. В частности, нас интересует, какую роль играет убеждение с опорой на аргументы, на интеллектуальную сферу человека, с одной стороны, и внушение с опорой на эмоциональные оценки, стереотипы, воображение при достижении коммуникативных целей, с другой. Фактически эта проблема

¹¹⁷ Баранов, А.Н. *Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики*. Москва, Фонд ИНДЕМ, 2004. С.5.

¹¹⁸ Блакар, Р. *Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва, Прогресс, 1987.

¹¹⁹ Баранов, А.Н. *Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание : сборник статей*. Москва, Центр совет. филос. (методолог.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990а. С.12.

восходит к представлениям Аристотеля о взаимосвязи «ума и чувства» (*logos* и *pathos*) как двух рычагов воздействия на слушателя. В связи с этим, для описания характера языкового воздействия в научный оборот современной лингвистики вошло два термина – «персуазивность» и «суггестивность».

Под *персуазивностью* (*убеждением*) (от лат. *persuadere* – уговаривать) понимается воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-либо, призыва к совершению или не совершению действий. В данном процессе участники коммуникации сознательно продуцируют сообщения, нацеленные на то, чтобы спровоцировать определенное поведение реципиента (или группы реципиентов), повлиять на его/их точку зрения, мнения, установки. При осуществлении персуазивного речевого акта просматриваются две коммуникативно-прагматические интенции: 1) воздействовать средствами языка на *сознание* адресата, его мнения оценки; 2) побудить его к совершению определенных *действий*, изменить направление его поведения¹²⁰.

Суггестивность или *внушение* (лат. *suggestio* – внушение) – это процесс воздействия на чувства, волю и разум адресата, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации¹²¹. Информация, усвоенная по механизму внушения, с трудом поддается осмыслению и коррекции, представляя собой совокупность *внушенных установок*. Отсутствие контроля со стороны сознания (ослабленный контроль) при получении и обработке информации – отличительное свойство суггестии¹²².

Итак, прагматическая установка персуазивного речевого акта заключается в побуждении к действию посредством логических доводов, в изменении картины мира адресата через критическое осмысление им действительности. Целевая направленность суггестии – исключить рациональное мышление, изменить мнения и установки реципиента посредством влияния на его эмоциональную сферу, привить постороннюю идею без прямого и непосредственного участия воли и ясного сознания объекта воздействия. Суггестия (внушение) предполагает некритическое восприятие информации и поэтому противопоставляется убеждению. Не существует четких границ между этими двумя подходами: персуазивное воздействие может опираться не только на рациональное обоснование, но и на чувственно-ассоциативные стороны сознания. В таком случае считаем, что эффективное воздействие на адресата достигается путем комбинирования этих двух приемов.

Одной из разновидностей речевого воздействия является *манипулирование* (*манипуляция*). Манипулятивное воздействие понимается как искусство управлять поведением человека с помощью целеустремленного воздействия на общественную психологию, сознание и инстинкты. Принципиальное различие, между

¹²⁰ Чернявская, В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия*. Москва, Изд-во «Флинта» ; Изд-во «Наука», 2006. С. 25-26.

¹²¹ Желтухина, М.Р. *Тропология суггестивности масс-медиа дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. Москва-Волгоград, Изд-во ВФ МУПК, 2003. С.93.

¹²² Авдеенко, И.А. *Структурные и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста : автореф. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук*. Барнаул, 2001. С. 3.

манипулятивным и неманипулятивным воздействием заключается, по мнению Желтухиной, в трех особенностях его осуществления: скрытость и тайный характер (использование адресата как средство достижения целей адресанта); стремление подчинить адресата своей воле (получить односторонний выигрыш); разрушающий личность эффект воздействия (негативный эффект сказывается на личности адресата)¹²³.

Исходя из данной классификации, при попытке дифференцировать манипуляцию в отношении других видов воздействия, выделяются нравственно-этические критерии: манипулирование осуществляется для достижения одностороннего выигрыша, проводится тайно, скрыто, помимо воли адресата. Для манипуляции характерны искусность, ловкость, превращение адресата в марионетку, при одновременном создании иллюзии самостоятельности решений и действий адресата.

Механизм манипуляции, применяемый средствами массовой информации, основывается на том, что масс-медийные тексты не сообщают о фактах, но сами определяют реальность и делают те или иные выводы. В большинстве материалов критерии неподвижны и заранее фиксированы, а факты ищут только для того, чтобы вставить их в уже выведенные концепции. Если факты не сходятся с имеющейся точкой зрения, их игнорируют.

Периодические издания, являясь общедоступным источником информации, формируют т.н. «вторую реальность»: мнение человека о событии складывается под воздействием того, как масс-медиа преподносят информацию. При таком положении дел реципиент вынужден строить свое знание об окружающей действительности на медиареконструкциях и интерпретациях, которые в силу своей природы идеологичны и культуроспецифичны.

Таким образом, тексты СМИ существуют между двумя полюсами – *информационным* и *воздействующим*. Политический дискурс СМИ может манипулировать общественным мнением в необходимом для отправителя сообщения русле. Это является его задачей, которая позволяет одержать победу в борьбе за власть, а затем сохранить и удержать ее.

Суммируя вышесказанное, мы определяем политический масс-медийный дискурс как особый вид коммуникации, объединяющей в себе типологические признаки политического дискурса, главной целью которого есть борьба за власть, и масс-медийного дискурса – одну из наиболее распространенных форм существования языка, способной влиять на общественное мнение и формировать те или иные политические взгляды и предпочтения.

¹²³ Желтухина, М.Р. *Тропологическая суггестивность масс-медийного дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. Москва, Ин-т языкознания, РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. С.76.

1.3.1. Коммуникативные стратегии и тактики политического дискурса

Достижение и удержание власти, воздействие на аудиторию и получение поддержки с ее стороны обеспечивается, в первую очередь, подбором эффективных дискурсивных приемов, называемых *коммуникативными стратегиями и тактиками*.

В современной научной литературе существует множество классификаций коммуникативных стратегий и тактик политического дискурса. Некоторые работы посвящены их изучению в устной речи политиков (Гайкова 2003, Паршина 2005, Михалева 2009), другие рассматривают их употребление в медиадискурсе (Филинский 2002, Желтухина 2000).

Одной из базовых по исследованию коммуникативных стратегий и тактик речевого поведения является работа Ван Дейка *Язык. Познание. Коммуникация*¹²⁴, где автор приводит основные когнитивные тактики, то есть операции над знаниями реципиента, которые осуществляет говорящий в своих интересах. Ван Дейк рассматривает речевое воздействие в аспекте глобального намерения, цели или плана, реализуемого с помощью различных стратегий коммуникации, среди которых выделяет стратегии говорящего и адресата, социокультурные и коммуникативные, риторические, макро- и микростратегии, дискурсные и грамматические стратегии.

Иссерс в контексте когнитивного подхода определяет коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий», направленных на достижение коммуникативных целей», который предполагает «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана»¹²⁵. В свою очередь, коммуникативная тактика рассматривается ею как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации этой стратегии»¹²⁶.

В понимании Гончаровой, коммуникативная стратегия – это своего рода план по оптимальному воплощению определенного коммуникативного намерения отправителя сообщения. Этот план регулирует: 1) содержание (тему) информации, закладываемой им в текст; 2) тот коммуникативный эффект (реакцию адресата), к достижению которого он стремится; 3) выбор и комбинирование языковых средств. Обеспечивающих речевое формулирование задуманных целей высказывания¹²⁷.

Изучая процесс речевого воздействия, Чернявская рассматривает понятия «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика» как категории, принадлежащие разным уровням коммуникативной иерархии¹²⁸. На высшем уровне находится *коммуникативная стратегия*, которая предполагает общий план осуществления коммуникативных действий, целостную систему операций, производимых адресатом по выбору и реализации оптимального осуществления прагматических целей в конкретной ситуации общения. На низшем уровне в системе

¹²⁴ Ван Дейк, Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация* /пер. с англ. Москва, Прогресс, 1989.

¹²⁵ Иссерс, О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. С.56.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Гончарова, Е.А. Научная коммуникация – дискурс – интердискурсивность // *Текст и дискурс. Проблема экономического дискурса*. СПб, 2001. С.59-67.

¹²⁸ Чернявская, В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия*. Москва, Изд-во «Флинта» ; Изд-во «Наука», 2006. С.46.

коммуникации находится *коммуникативная тактика* (коммуникативный прием, коммуникативная техника), которая представляет собой частное явление, конкретный коммуникативный ход, выступающий в качестве отдельного инструмента реализации общей стратегии.

Рассмотренные определения позволяют сформулировать понятия «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика» как совокупность речевых приемов, последовательно осуществляемых коммуникантами для достижения их коммуникативных целей. Процесс воздействия подразумевает планирование этапов его осуществления и происходит с учетом конкретной ситуации общения, ее темы и ролей ее участников. Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика рассматриваются как интегративные понятия, подразумевающие «неразрывное единство речевых, познавательных и коммуникативных действий»¹²⁹.

Обратимся к классификациям коммуникативных стратегий, представленных в работах современных исследователей.

Шейгал выделяет в политическом дискурсе следующие виды стратегий:

а) *вуалирования* – затушевывания нежелательной информации (позволяет притушить, сделать менее очевидными неприятные факты);

б) *мистификации* (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение);

в) *анонимности* (деперсонализации) как прием снятия ответственности¹³⁰. Данная стратегия часто реализуется в устных выступлениях политиков с заменой личного местоимения «я» на «мы».

Применительно к политическому дискурсу Филинский выделяет следующие виды стратегий: *реификации* (конструирование образа врага), *делегитимизации* (разрушение образа оппонента), *амальгамирования* («мы»-дискурс) и *героизации* (обобщенные идеологические мифы)¹³¹.

В классификации Михалевой представлены следующие стратегии¹³²:

а) стратегии на *понижение*, направленные на дискредитацию оппонента, которым является политический противник. Они представлены следующими тактиками: «*анализ-минус*», *обвинения*, *безлично обвинения*, *оскорбления*, *угрозы*;

б) стратегия на *повышение*, характеризующаяся желанием говорящего представить себя в выгодном свете, увеличить свою значимость в глазах электората. Данная стратегия представлена следующими тактиками: «*анализ-плюс*», *презентации*, *отвод критики*;

в) тактика *театральности*, отмеченная высокой эмоциональностью. Она представлена тактиками *побуждения*, *размежевания* (оппозиция «свой-чужие»), *обещания*.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Шейгал, О.С. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С. 70.

¹³¹ Филинский, А.А. *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000* : дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Тверь, 2002. С.69-85.

¹³² Михалева, О.Л. *Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия*. Москва, URSS, 2009. С.45-69.

Иссерс, на материале письменных текстов СМИ, идентифицировала и подробно проанализировала в политической риторике стратегии *дискредитации* и *самопрезентации*¹³³.

Паршина представляет подробную классификацию коммуникативных стратегий и тактик в устном политическом дискурсе политической элиты: *самопрезентации*, *дискредитации*, *нападения*, *самозащиты*, *формирования эмоционального настроения адресата*, а также *информационно-интерпретационную*, *аргументативную*, *агитационную* и *манипулятивную*¹³⁴.

Как можно заметить, в соответствии с авторской целеустановкой (интенцией), современный политический дискурс реализует два основных типа стратегий:

а) стратегии *позитивной самопрезентации* (в случае публичного выступления политика), или *стратегия позитивной презентации*, превозносящая отдельных политиков или политические силы (в случае опосредованной масс-медиа коммуникации);

б) стратегии *дискредитации* политических оппонентов.

Систематизация коммуникативных стратегий и тактик происходит с позиции того, как идентифицируются роли политических субъектов, т.е. с позиции разделения на «своих» («мы») и «чужих» («они»). Формирование ментальной рамки (фрейма) «свои» («мы») предполагает атрибуцию принадлежащим ей субъектам позитивных характеристик и оценок. И, наоборот, все, что попадает в поле зрения фрейма «чужие» («они») наделяется негативным смыслом, интерпретируется как ненужное, несущественное, враждебное, ошибочное. Существование этих двух полюсов является предпосылкой осуществления социальной власти, которая всегда предполагает наличие противоборствующих сил и оценку принадлежащих им субъектов.

1.3.2. «Язык вражды» в политическом масс-медийном дискурсе

По мнению многих лингвистов (Желтухина, Иссерс, Майданова, Романов, Руженцева, Шейгал и др), отличительной чертой современного политического дискурса, и в частности, российского, является его агрессивность, которая проявляется в активном использовании конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угроз, дискредитации, лжи, наклеивания ярлыков, оскорбления и др.).

Показательно, что речевая агрессивность в ее разнообразных проявлениях особенно возрастает в периоды обострения социальной ситуации. В таких условиях увеличивается количество уничижительных терминов, направленных на оскорбление политических противников. Российско-украинский кризис послужил стимулом для образования и употребления инвектив (оскорбительной лексики), ярлыков, прозвищ

¹³³ Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва, URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. С.160-167, 193-205.

¹³⁴ Паршина, О.Н. *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России*: дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Саратов, 2005. С. 8.

и т.д (Кронгауз¹³⁵, Шмелев¹³⁶, Жаботинская¹³⁷, Радченко, Архипова¹³⁸, Алексеева¹³⁹). В связи с этим, остановимся подробнее на понятии и характеристиках «языка вражды», а также его функционировании в масс-медийной коммуникации.

Под «языком вражды»¹⁴⁰ обычно понимаются любые некорректные высказывания в адрес этнических, конфессиональных или иных социальных групп или сообществ или их представителей – от самых жестких (по сути, криминальных открытых призывов к насилию или дискриминации) до наиболее мягких, которые являются скорее результатом журналистской небрежности, нежели целенаправленной дискредитацией группы.

«Язык вражды» включает всю вербальную и невербальную информацию тем или иным образом способствующую групповой, национальной или религиозной неприязни. Ссылаясь на авторов коллективной монографии «*Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте*»¹⁴¹, отметим, что данное явление может рассматриваться и в более широком контексте, как исторически, культурно и социально сложившееся враждебное отношение в социуме к уязвимым социальным группам.

Использование «языка вражды» пронизывает разные сферы общественной деятельности – межличностное общение, социальные сети, масс-медиа коммуникацию. Чаще всего именно средства массовой информации являются сферой реализации и основным каналом трансляции «языка вражды». Это связано с тем, что в этой области данное явление оказывается в большей степени публичным и тем самым более заметным. Авторы текстов намеренно усиливают интерес к материалу, манипулируя фактами и часто нарушая этические нормы. Распространению «языка вражды» в масс-медиа способствует отсутствие толерантности в обществе и недостаточный уровень знаний, как со стороны авторов материалов, так и со стороны читателей, воспринимающих на веру информацию, поступающую из текстов СМИ.

Языковыми маркерами «языка вражды» являются выражения, в значении которых встроена отрицательная оценка; она подается как нечто само собой

¹³⁵ Кронгауз, М.А. «Вырабатываются специальные слова ненависти»: известный лингвист о пропагандистских приемах, поляризации общества, о речевом поведении и умении договориться // *Новая газета*. 15.09.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/12/61126-maksim-krongauz-171-vyubatuyayutsya-spetsialnye-slova-nenavisti-187> (дата обращения 18.02.2019).

¹³⁶ Шмелев, А.Д. «Колорады», «ватники», «укропы». *Язык вражды и риторика ненависти* [интервью] // *Правмир: Благотворительный фонд*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/koloradyi-vatniki-ukropyi-uazyuk-vrazhdyi-i-ritorika-nenavisti/> (дата обращения 18.02.2019).

¹³⁷ Жаботинская, С.А. *Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан-антимайдан: словарь-тезаурус лексических инноваций*. Киев, УАКЛиП, 2015.

¹³⁸ Радченко, Д.А., Архипова, А.С. Укроп и ватник: «язык вражды» российско-украинского конфликта как нападение и защита // *Ab Imperio*. 1/2018. С.191-220.

¹³⁹ Алексеева, А.А. «Крымнаш»: конфликтные речевые тактики в социальной сети «ВКонтакте» // *Политическая коммуникация. Перспективы развития научного направления* : материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 26-28 августа 2014), гл. ред. А.П.Чудинов. Екатеринбург, УГПУ, 2014. С. 6-9.

¹⁴⁰ Словосочетание «язык вражды» используется как аналог английского термина *«hate speech»*, вошедший в научное употребление после выхода книги *Hate Speech: The History of an American Controversy*, S.Walker, Lincoln, New York, 1991.

¹⁴¹ Вепрева, И.Т., Купина, Н.А., Михайлова, О.А. Предисловие // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности*: коллективная монография. Екатеринбург, УрГУ, 2006. С.10-11.

разумеющееся. Например, наименования, с которыми уже заранее связываются какие-то негативные ассоциации. Причем, существенно, что такая связь возникает именно в соответствующем социальном окружении. Фактически эта оценка не является эксплицитной – она заложена внутри значения слова. Например, пишет Шмелев, «называя силы регулярной украинской армии «бандеровцами» или «фашистами», авторы медиатекстов не говорят, что они плохие, а сразу закладывают эту оценку в номинацию, и, соответственно, с этим бессмысленно спорить»¹⁴².

Тем не менее, нельзя отождествлять «язык вражды» с негативно-окрашенной лексикой. Очевидно, что отрицательная оценка тех или иных действий представителей социальной группы не всегда предполагает враждебное отношение к ним (например, создание негативного образа через высмеивание, иронию или сарказм исключает компонент враждебности).

Необходимо отличать также понятие «языковой вражды» от «языковой агрессии», т.е. речи, при которой говорящий проявляет агрессивное поведение по отношению к адресату. Последняя может содержать побудительные конструкции, которые призывают к совершению действий (например, публичные выступления с призывами к «борьбе с врагом»). Впрочем, эти понятия могут пересекаться, когда в агрессивной речи проявляется враждебное отношение к адресату, на основании его принадлежности к некоторой группе людей.

Учитывая тот факт, что любая речевая деятельность должна анализироваться с учетом экстралингвистической ситуации, отметим, что изучение явления «языка вражды» не может сводиться лишь к констатации факта появления специфических лексем, ведь в таком случае статистический словарь оскорбительных слов будет лишен объяснительной силы¹⁴³. Вместо этого «язык вражды» нужно рассматривать как результат сложного семантического процесса, связанного с социальной прагматикой.

Согласно теории Кит и Барридж¹⁴⁴ (теория X-фемизмов), язык как система знаков сам по себе является социальным действием, который может выступить в роли щита, защищающего говорящего и/или слушателя от внешней опасности или, наоборот, – оружия, позволяющего нападать на противника. Защищающие лингвистические механизмы получили название «эвфемизмы», а нападающие – «дисфемизмы» («говорить дисфемизмами означает использовать язык как оружие для атаки других или, по крайней мере, для их исключения»)¹⁴⁵. Авторы подчеркивают, что X-фемизмы нестабильны – они могут менять окраску и переходить из разряда дисфемизмов в эвфемизмы или в нейтральные лексемы.

¹⁴² Шмелев, А.Д. «Колорады», «ватники», «укропы». *Язык вражды и риторика ненависти* [интервью] // Правмир: Благотворительный фонд: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/koloradyi-vatniki-ukropyi-yazyk-vrazhdyi-i-ritorika-nenavisti/> (дата обращения 18.02.2019).

¹⁴³ Радченко, Д.А., Архипова, А.С. Укроп и ватник: «язык вражды» российско-украинского конфликта как нападение и защита // *Ab Imperio*. 1/2018. С.191-220. С.192.

¹⁴⁴ Работа Allan Keith and Kate Burridge «*Euphemism and Dysphemism. Language Used as Shield and Weapon*» (1991) считается отправной точкой изучения явления дисфемии.

¹⁴⁵ Keith, A., Burridge K. *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon*. New York, Oxford University Press, 1991. P.222.

Термин «дисфемизм», употребляемый в работах англоязычных авторов (уже процитированные Кит и Барридж («*Euphemism and Dysphemism. Language Used as Shield and Weapon*» (1991), а также Andersson and Trudgill «*Bad language*» (1990)¹⁴⁶), был заимствован и ассимилирован российской лингвистической наукой. На основе сформированной концептуальной базы началось создание умозрительных выводов и заключений в отношении последствий дискурсивного употребления дисфемизмов.

В словаре «*Русский язык, культура речи, стилистика, риторика*» под редакцией Матвеевой «дисфемизм» характеризуется как «резкая форма выражения эмоциональной оценки, замена стилистически нейтрального слова или выражения сниженным, грубым»¹⁴⁷. Данный термин применяется относительно ситуаций, которые заведомо предполагают нарушение корректности высказывания. В последующем издании автор дополняет дефиницию термина указанием на умысел говорящего в дискредитации речевого партнера. Реализация подобной речевой установки ведет к нарушению постулатов речевого общения и служит утверждению цинизма отношений¹⁴⁸.

Емкое определение термина «дисфемизм» содержится в энциклопедическом словаре-справочнике под редакцией Иванова: «Слово или оборот, противоположный по функции эвфемизму, намеренное использование грубых, вульгарных, стилистически сниженных (иногда нецензурных) слов и выражений с целью выражения (резко) отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление»¹⁴⁹. В «*Словаре социолингвистических терминов*» под редакцией Михальченко¹⁵⁰ процессы дисфемизации и эвфемизации в языке причисляется к объекту исследования социолингвистики, т.е. с учетом изучения социальной природы языка и его общественных функций. Исходя из этой позиции, употребление в речи эвфемизмов и дисфемизмов социально дифференцируется, то есть их использование обусловлено спецификой речи разных общественных классов.

Основываясь на вышеизложенных дефинициях, можно сделать вывод, что основным ассоциативным признаком дисфемизмов является употребленные в речи грубых, неприличных, нетактичных, неуместных, резких, сниженных, вульгарных, фамильярных слов и выражений. Кроме того, понятие дисфемии всегда коррелирует с явлением эвфемии; это два противоположных понятия, антонимическая пара. Дисфемизм функционально противопоставляется эвфемизму: дисфемизм экспрессивно передает отрицательную оценку действительности говорящим, дискредитируя оппонента и нанося ему моральный ущерб, вплоть до оскорбления, таким образом, он сообщает агрессию со стороны адресанта; в то время как эвфемизм

¹⁴⁶ Andersson, L.G., Trudgill, P. *Bad language*. Oxford, Basil Blackwell Limited. 1990.

¹⁴⁷ Матвеева, Т.В. *Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2003. С.64.

¹⁴⁸ Матвеева, Т.В. *Полный словарь лингвистических терминов*. Ростов н/Д: Феникс, 2010.

¹⁴⁹ Иванов, Л.Ю., Сквородников, А.П., Ширяев, Е.Н. *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2003. С.169.

¹⁵⁰ Михальченко, В.Ю. (под ред.). *Словарь социолингвистических терминов*. Москва, Институт языкознания РАН, 2006.

искажает, маскирует подлинную сущность обозначаемого и тем самым служит смягчающим средством.

Массовое появления эвфемизмов и дисфемизмов в языке указывает на наличие значимой социальной или политической напряженности в этой культуре, поскольку есть объект для защиты и нападения¹⁵¹. С этой точки зрения, язык вражды – это семантический процесс, позволяющий атаковать группы, объединенные по социальному, политическому, этническому или иному признаку через замену нейтральных номинаций на негативные.

1.4. Методологические принципы изучения политического дискурса

Анализируя имеющиеся в современной лингвистике подходы к изучению политического дискурса, ученые сводят их к трем основным типам – *дескриптивному* (описание языковых изменений, риторический анализ языкового поведения политиков, контент-анализ), *критическому* (выявление социального неравенства, выраженного в дискурсе) и *когнитивному* (анализ фреймов, концептов и концептуальных метафор политического дискурса)¹⁵². В данной главе остановимся на анализе и критическом осмыслении тех подходов, которые будут применяться в данном исследовании.

1.4.1. Дескриптивный анализ

Дескриптивный анализ заключается в описании и констатировании языковых фактов. Цель данного метода – обнаружить, какие изменения произошли в языке в определенный период и установить, таким образом, связь между экстралингвистической ситуацией и состоянием языка. Например, этот подход применяется для описания лексико-фразеологических особенностей использования языка в конкретном социально-политическом контексте (во время предвыборных компаний, политических скандалов, социально-политических конфликтов). В рамках данного подхода изучается, как определенное политическое событие повлияло на лексику языка, способствовало появлению лексических и/или фразеологических новообразований, увеличению частоты употребления тех или иных лексем.

В качестве примера можно привести коллективную монографию «Язык конца XX столетия. 1985-1995», вышедшую в 1996 году под редакцией Земской¹⁵³. Работа была посвящена изучению активных процессов, произошедших в русском языке в период перестройки. Авторы – ведущие специалисты в области русистики –

¹⁵¹ Радченко, Д.А., Архипова, А.С. Укроп и ватник: “язык вражды” российско-украинского конфликта как нападение и защита // *Ab Imperio*. № 1. 2018. С.193.

¹⁵² Шейгал, О.С. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С.22; Чудинов, А.П. (отв. ред.). *Современная политическая коммуникация: учебное пособие*. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т., 2009: электронный ресурс. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1635592/> (дата обращения 12.01.2018).

¹⁵³ Земская, Е.А. (под. ред.) *Язык конца XX столетия. 1985-1995*: кол. монография. Москва, Языки русской культуры, 1996.

произвели комплексный анализ языка, отметив следующие характерные для данного периода явления: активное пополнение словарного состава, приобретение словами новых значений, актуализацию слов, ранее находившихся в пассиве или, наоборот, переход активных слов в пассив. Авторы продемонстрировали, что в период коренных социальных сломов происходят трансформации языка на всех его уровнях (фонетическом, грамматическом лексическом, синтаксическом), но именно лексика является наиболее подвижной и восприимчивой к важным социальным изменениям.

Применительно к ситуации «украинский кризис» использование данного метода представляется релевантным, так как он позволяет проследить, какие процессы произошли в языке в результате изменения политической обстановки в Украине и заострения российско-украинского кризиса (особенно в плане появления лексических инноваций и изменения значения уже существующих слов).

К дескриптивному описанию относится и изучение речевого поведения (идиолектов) отдельных политиков или политических движений. В данном случае, объектом исследования становятся стилистические особенности использования речи, риторические приемы, используемые политиками. В сферу дескриптивного анализа включаются также методы контент-анализа, непосредственно связанные с политологией и направленные на содержательную сторону политических текстов.

1.4.2. Когнитивный подход

Характерной чертой многих современных исследований в сфере политической коммуникации является обращение к эвристикам когнитивной парадигмы языкознания. Важную роль в ее формировании сыграла *теория концептуальной метафоры* Лакоффа и Джонсона. В русле данной теории метафора определяется как «инструмент мышления, который позволяет категоризировать человеческий опыт»¹⁵⁴ и без которого любой мыслительный процесс был бы невозможным.

В основе метафоризации лежит проекция с одной концептуальной сферы (*source domain* – “сфера-источник”, “исходная понятийная сфера”) на другую *target domain* – “сфера-мишень”, “сфера-цель”). Данная ментальная операция обеспечивает понимание абстрактных явлений с помощью известных и конкретных. Используя метафору, человек имеет возможность представить какое-то сложное понятие как относительно простое, новое – как хорошо известное, абстрактное – как конкретное¹⁵⁵.

В политической коммуникации метафора является особенно востребованной, так как, при метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстрактности, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Таким образом, метафора – это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка.

¹⁵⁴ Lakoff, G., Johnson, M. *Metafora e vita quotidiana* (trad. di P.Violi). Milano, Bompiani, 1998. P.12.

¹⁵⁵ Чудинов, А. П. Новые русские метафоры // *Русская речь*. 2003. № 2. С. 44-48. С. 44.

В современной лингвистике интерес к политической метафоре настолько велик, что исследователи все чаще выделяют *политическую метафорологию* в отдельную область лингвистических изысканий¹⁵⁶. Она объединяет в себе результаты исследований когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, политической лингвистики и теории метафоры.

Если в начальный период становления когнитивного подхода к анализу политической метафоры основное внимание было направлено на проверку теории концептуальной метафоры на примере анализа отдельных метафор и небольших временных периодов, то в 90-х гг., когда эта теория получает широкое признание и применение, в научных публикациях проявляется стремление исследователей к аккумуляции и обобщению все большего количества фактов.

В России ярким примером такого подхода стал «*Словарь русских политических метафор*» (1991), изданный под редакцией А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова¹⁵⁷. Данный лексикографический источник содержит около 10.000 словарных статей и составлен на материале корпуса политических текстов (выступлений депутатов на Первом съезде Верховного Совета, политических дискуссий), отраженных в СМИ советского периода. Словарь является важным источником метафорического осмысления политических реалий, зафиксированных в публицистике того времени.

Большинство современных исследований ориентировано на *синхроническое* изучение политических метафор (метафоры конкретного периода или политической ситуации)¹⁵⁸. Исследователи политического дискурса отмечают, что те или иные метафоры могут быть востребованы языковым сообществом в большей или меньшей степени на определенном историческом этапе, что продиктовано различными культурными факторами, чаще всего социальными и политико-экономическими потрясениями¹⁵⁹. Например, Чудинов, исследуя концептуализацию образа России в российском политическом дискурсе последнего десятилетия XX века, отмечает, что в российском национальном сознании того периода политическая деятельность понималась на основе концептов «преступность», «театр», «цирк», «игра», «война»¹⁶⁰. Преобладание определенных моделей автор объясняет существованием неких концептуальных векторов, которые определили востребованность именно таких метафор. С другой стороны, заявляет автор, «отражаясь в метафорическом зеркале,

¹⁵⁶ Будаев, Э.В. Экстралингвистические корреляции российской морбиальной метафоры // *Современная политическая лингвистика : Тезисы международной научной конференции*. Екатеринбург, 2011. С. 41-43. С.41.

¹⁵⁷ Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. *Словарь русских политических метафор*. Москва, Русский язык, 1994.

¹⁵⁸ Musolf, A. *Mirror Images of Europe. Metaphors in the Public Debate about Europe in Britain and Germany*. München, Iudicium, 2000; Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*: [монография]. Екатеринбург, УрГПУ, 2001; Wei, J.M. *Virtual Missiles: Metaphors and Allusions Used in Taiwanese Political Campaigns*. Lanham, Lexington Books, 2001; Zinken, J. *Metaphoric Practices in the German Wende Discourse*, in *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25. № 5/6; Santa Ana, O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. Austin, 2002; Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2004a; Charteris-Black, J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2004b.

¹⁵⁹ Landtsheer, Ch., de. *Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach*, in *Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4.1991.

¹⁶⁰ Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, УрГПУ, 2001.

эти векторы оказывают обратное воздействие на социальную оценку политической ситуации, еще более усиливая пессимистические настроения»¹⁶¹.

Существуют метафорические модели (и их варианты), которые особенно активно используются в определенных политических ситуациях. Так, политическая ситуация “Выборы” часто метафорически представляется как *спортивное* состязание – забег на длинную дистанцию. Политическая борьба нередко концептуализируется и в *военной метафоре*. Эта модель также позволяет обозначить подготовку к схватке, совместность действий, иерархические отношения действующих лиц, всевозможные проблемы, используемые средства и т. п. Победа в войне видится самой высокой наградой, а поражение – полным крахом без особых надежд на скорый реванш. Политическая схватка, концептуализированная военной метафорой, воспринимается как значительно более жестокая, чем политическая борьба, которая метафорически представляется как спортивное состязание. Политическая борьба может быть описана и при помощи *театральной метафоры*. В этом случае обычно акцентируются ритуальность борьбы, наличие заранее написанного сценария и режиссеров, “неподлинность” изображаемых эмоций и предсказуемость побед и поражений.

В исследовании метафор некоторые ученые концентрируются на описании метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. В таком случае автор выбирает определенный концептуальный домен (*source domain*) и анализирует метафорическую актуализацию элементов данного домена в политическом дискурсе. Примером может служить монография Мусолффа¹⁶², где подробно рассмотрены отдельные сценарии из сферы-источника FAMILY, реализуемые в британском политическом дискурсе.

Другие исследования сосредотачивают внимание на описании метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии. Применение данной методики коррелирует с наиболее важными для общества проблемами. Такие исследования направлены на изучение метафорической актуализации ключевых понятий современных национальных дискурсов – терроризм, иммиграция, мировой экономический кризис и его локальные проявления в отдельных странах и т. д.

Лингвисты не всегда выбирают в качестве точки отсчета для исследования конкретную концептуальную метафору, сферу-мишень или сферу-источник. Нередко точкой отсчета становится определенный политический дискурс, в котором фиксируются все метафоры без ограничения круга сфер-мишеней и сфер-источников метафорической экспансии. В качестве субъекта дискурса могут выступать конкретные политики, политические организации, определенные СМИ, политические партии и иные сообщества, объединяемые общностью политических взглядов. Автор выбирает такую методику, когда его интересуют не способы концептуализации определенного фрагмента политического мира или моделирующий потенциал определенной сферы-источника, а особенности реализации концептуальных метафор

¹⁶¹ Там же, с.95.

¹⁶² Musolf, A. *Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios*. London, Bloomsbury Academic, 2016.

в контексте определенной идеологии, предлагаемой в индивидуальных или коллективных политических дискурсах¹⁶³.

Перспективным направлением в современной метафорологии является *дискурсивное* изучение метафоры, которое предполагает концентрацию внимания на частных, дискурсивных моментах её использования. В когнитивно-дискурсивной парадигме метафора представляет интерес не как отдельная языковая единица, а как неотъемлемая часть дискурса, в рамках которого происходит реализация метафорических значений. Использование когнитивно-дискурсивной методики предполагает изучение метафоры с учетом многообразных взаимоотношений между языком, мышлением и коммуникацией, между спецификой политического дискурса и состоянием общества. Метафора изучается с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста читателями, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в социальной жизни страны¹⁶⁴.

В рамках дискурсивного подхода метафора рассматривается не только как инструмент познания реальности, но и как средство *воздействия* на адресата, инструмент преобразования его политической картины мира. Исследования политической метафоры имеет два измерения – семантическое и прагматическое: в первом случае она выступает в качестве «зеркала» политической культуры, во втором – как «инструмент» конструирования культурной идентичности¹⁶⁵. Обладая образностью и экспрессивностью, метафора является важнейшим средством воздействия на интеллект и эмоции адресата, ввиду того, что человек в процессе коммуникативной деятельности стремится преобразовать существующую в сознании адресата картину мира¹⁶⁶. Воздействующая функция метафоры максимально реализуется в медиадискурсе.

Метафоры в политической коммуникации играют особую роль в создании реальности: они не только влияют на то, как воспринимается ситуация большими группами людей, но и позволяют формировать *идеологии*, которыми оправдываются различные стратегии решения проблем. Лакофф¹⁶⁷ справедливо подчеркивает, что метафорическая модель может служить эффективным орудием для *манипулирования социальным сознанием*. Рассматривая пути метафорического оправдания вмешательства США в боевые действия между Ираком и Кувейтом, Дж. Лакофф специально отмечает демагогический характер таких приемов, как персонификация

¹⁶³ Чудинов, А.П. *Теория и методика лингвистического анализа политического текста*: [монография] / отв. ред. А.П. Чудинов; авторы: Э.В. Будаев, Е.В. Дзюба, О.Н. Кондратьева, Н.Н. Кошкарлова и др. Екатеринбург, УрГПУ. 2016. С.204.

¹⁶⁴ Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // *Вопросы когнитивной лингвистики*. №1 (001). 2004. С. 91-105. С.91.

¹⁶⁵ Будаев, Э.В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // *Аналитика культурологии*, №3 (9), 2007: электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskaya-metafora-v-lingvokulturologicheskom-aspekte> (дата посещения 11.12.2017).

¹⁶⁶ Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // *Вопросы когнитивной лингвистики*, №1 (001). 2004. С. 91-105. С.91.

¹⁶⁷ Lakoff, J. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf, in *Journal of Cognitive Semiotics*. IV (2). 1991. P.5-19.

(обозначение действий президента Саддама Хуссейна как действий Ирака, обозначение помощи кувейтскому шейху как спасение Кувейта), использование метафорической схемы «коварный злодей – невинная жертва – благородный спаситель» (кувейтский монарх мало подходит на роль невинной жертвы, правительством США движут не только благородные мотивы и даже президент Ирака – личность далеко не однозначная), использование метафоры немецкого генерала Клаузевица «Война – это продолжение политики другими средствами».

Являясь важнейшим образным средством масс-медиа, метафора активно используется журналистами для *создания определенных имиджей* государств и народов. Образ действий нации на международной арене всегда определяется целым рядом метафор, которые «в значительной степени структурируют наше понимание международной политики и международных конфликтов»¹⁶⁸. По наблюдениям филологов, метафоры с отрицательной оценкой явно преобладают в языке, в то время как положительные оценки представлены скупо и фрагментарно¹⁶⁹. Преобладающая в метафорах пейоративность делает их удобным инструментом для создания в текстах СМИ негативных образов других стран и народов.

Использование концептуальных метафор в медиадискурсе позволяет авторам *избежать прямого декларирования своей позиции*, навязывания своей точки зрения, оно оставляет возможность читателю интерпретировать происходящее самостоятельно (но в заданном масс-медиа направлении), т. е., по сути, создает у читателя иллюзию объективности изложения, соответственно, процесс влияния на читателя становится имплицитным, неявным, а потому и более эффективным¹⁷⁰.

Анализ метафор в политической коммуникации становится распространенным методом *познания социально-политической реальности*. Метафора в тексте придает ему яркие образы определенных явлений, событий или ситуаций. Говорящий посредством метафоры акцентирует важные, нужные или выгодные для него моменты текста. Он выстраивает ассоциативные цепи, поддерживающие его идеи или иллюстрирующие оправданность, истинность высказывания. Одновременно метафора призывает аудиторию лучше понять, положительно оценить и, в итоге, принять предложенную говорящим информацию.

Учитывая вышесказанное, современная когнитивная лингвистика считает метафору не тропом, призванным украсить речь и сделать образ более понятным, а формой мышления. В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Соответственно для ученого анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания.

¹⁶⁸ Lakoff, G., Wehling, E. Auf leisen Sohlen ins Gehirn. Politische Sprache und ihre heimliche Macht. Heidelberg, 2009. P.30, цит. в: Котов, Б.С. Метафора как средство создания «образа врага» в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны // *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. №1. 2014. С.94-110. С.94-95.

¹⁶⁹ Складаревская, Г.Н. *Метафоры в системе языка*. СПб, Наука, 1993. С.110-112.

¹⁷⁰ Кондратьева, О.Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа // *Политическая лингвистика*. №5 (65). 2017. С.80-84. С.81.

Несмотря на то, что изучение политической метафоры дает представление об особенностях осмысления политических процессов и о способах ориентации средствами массовой информации общественной мысли, считаем необходимым очертить ряд теоретических проблем, связанных с применением этого метода.

Инвентаризации метафор. Инвентаризация метафорических моделей связана со стремлением максимально полно выявить *все* метафоры, используемые в политическом медиадискурсе при описании общественной ситуации в ограниченный во времени период. Ставя перед собой данную цель, следует учитывать, что исчерпывающее представление метафорической концептуализации можно получить только на основе обширного языкового материала. Например, в монографии Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры», автор использует более 40.000 контекстов российских центральных и региональных масс-медиа, касающиеся последнего десятилетия XX века. Материалы, послужившие основой «Словаря русских политических метафор» (Баранов, Караулов 1994), насчитывают 9525 метафорических моделей. Диссертация Феденевой «Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х годов XX века» (1996) включает 5000 примеров. Данные работы дают богатый материал для охвата широкого спектра метафор.

В нашем исследовании, проведенном на материале публикаций четырех российских периодических изданий в течение одного календарного года, присутствуют далеко не все метафорические модели, реально функционирующие в политической речи. Тем не менее, осуществление анализа с применением меньшего по размеру, темпорально ограниченного корпуса, может оказаться полезным, так как он представляет собой некий образец использования метафор в исследуемый период. При этом важно обнаружить совпадения, т.е. выделить те метафорические модели, которые уже были выделены исследователями на предыдущих временных срезах, выявив, таким образом, общие закономерности метафорического моделирования в политическом медиадискурсе. Не менее важным представляется идентификация метафор, которые ранее не использовались или не были активными в предыдущие десятилетия. Это может быть показателем особенности метафорической концептуализации в конкретном социально-политическом контексте.

Классификация метафор. Анализ теоретического материала показал, что до сих пор в лингвистической науке не существует единой и общепризнанной классификации метафорических моделей. Это обусловлено, в определенной степени их диффузностью и взаимопроникновением. Обычно, классификация метафор происходит через выделение сфер-источников метафорической экспансии, но критерий может варьироваться в зависимости от целей исследования. Например, метафорическая модель «Политика – это игра» в некоторых случаях может включать и спортивные игры (спортивно-игровая метафора), в других случаях модель «Политика – это спорт» анализируется как отдельная метафора. Метафора «Государство – это дом» может включать фрейм «кухня» но понятийная сфера «кухня» может быть основой и автономной метафорической модели, которая, в свою

очередь, структурируется фреймами, относящимися к разным понятийным сферам (например, *кухонная утварь, ТВ-стряпня, заварить кашу, идеологический коктейль* и т.д.).

Кроме этого, типичным свойством метафор является их тенденция взаимодействовать между собой. Существующие в сознании метафорические модели – это своего рода комплекс метафорических полей, свойства которых во многом аналогичны свойствам лексико-семантических полей¹⁷¹. Отсюда такие сходные с лексико-семантической системой признаки метафор, как их иерархичное устройство, полевая структура (центральные и периферийные признаки метафоры), фреймо-слотовая организация метафорической модели.

1.4.3. Критический дискурс-анализ

Критический анализ политического дискурса (КДА) – новое и активно развивающееся направление дискурс-анализа. Данное направление относится не к онтологическому, а к аксиологическому уровню методологии: если первый акцентирует внимание на дискурсе как объекте действительности, то второй выявляет ценностное отношение субъекта исследования к экстралингвистическим факторам функционирования политической коммуникации.

Критический дискурс-анализ занимается изучением того, как власть осуществляется посредством дискурсивных практик. КДА в первую очередь сосредоточен на анализе злоупотребления властью в различных социальных контекстах и, как результат этого, на социальном неравенстве и социальной несправедливости¹⁷². Большая часть работ этого научного направления изучает то, как с помощью дискурсивных практик осуществляется и воспроизводится политическое, культурное, классовое, расовое, гендерное, религиозное или этническое неравенство. Именно акцент на роли дискурса в воспроизводстве доминирования и неравенства существенно отличает КДА от других социально-политических дисциплин.

КДА сформировался под влиянием критической лингвистики (Fowler, 1979¹⁷³) и системной функциональной лингвистики (Halliday, 1985¹⁷⁴). Истоки КДА восходят «к исследованиям мыслителей, предпринимавших попытки выявить сущность и факторы социального угнетения, в том числе и для выработки методов построения справедливых социальных отношений»¹⁷⁵. Основателями этого научного направления считаются Маркс (воспринимающийся как устаревший в России, в зарубежных исследованиях считается одним из первых практиков КДА), Грамши, Альтюссер, Хабермас.

¹⁷¹ Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, Ур. гос. пед. ун-т, 2001. С. 172.

¹⁷² Van Dijk, T. Principles of Critical Discourse Analysis, in *Discourse&Society*. 1993. Vol.4, №2. P. 249-283. P.252.

¹⁷³ Fowler, R. *Language and Control*. London, Routledge, 1979.

¹⁷⁴ Halliday, M. *Spoken and Written Language*. Oxford, Oxford University Press, 1985.

¹⁷⁵ Будаев, Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // *Политическая лингвистика*. №6 (60). 2016. С.12-17. С.12.

В настоящее время критические исследования активно проводятся в Великобритании (Ланкастерский университет), Австрии (Исследовательский центр «Дискурс, политика, идентичность»), Голландии (Амстердамский университет), в научных центрах Испании и Латинской Америки. В 90-х годах XX столетия была создана под руководством Водак и ван Дейка международная сеть CRITICS (Centers for Research into Text/Talk, Information, and Communication in Society). Этот проект занимается организацией мероприятий, направленных на содействие критическому изучению языка, дискурса и общения, а также на организацию во всем мире ученых и центров, занимающихся исследованиями и преподаванием в этой междисциплинарной области¹⁷⁶. С 1990 года выходит специальный журнал «*Discourse & Society*» под редакцией Ван Дейка, где публикуются материалы, представляющие это научное направление, а также журнал «*Critical Discourse Studies*» (под ред. Фэйрклафа и Водак).

Ученые, разрабатывающее данное направление науки, разделяют мнение Хабермаса относительно того, что язык – это средство доминирования и социальной силы. Он служит для законодательного закрепления отношений организованной власти¹⁷⁷. Под воздействием доминирующей идеологии как совокупности культурных нормативов, правящий класс может интеллектуально преобладать над другими классами через навязывание собственного мировоззрения, идеологически обосновывающего социальный, политический или экономический порядок, как если бы он был естественным, исторически-обусловленным и неизменным. Чем больше в языке проявляется функция закрепления (легитимации) власти, тем больше он идеологизирован. Исходя из этого, задачей КДА, является совершение дискурс-анализа, направленного на выявление отношений между языком и идеологией, языком и властью, языком и доминированием.

Субъекты, наделенные властью, обладают определенными полномочиями: доступом к ресурсам – экономическим (богатство, прибыль), статусным (роль, позиция в обществе), членством в группе, образованием и знанием. Обладание властью предполагает доступ к информации и контроль над ней (медиа-контроль).

Такой контроль может относиться к действию или познанию: это значит, что одна группа может контролировать действия другой, но также может влиять на ее сознание. Кроме прямого осуществления контроля посредством применения физической силы (например, подавление демонстраций), в современном мире контроль осуществляется более эффективными методами – посредством убеждения, симуляции или манипуляции, т.е. посредством стратегий, цель которых – изменение сознания других в собственных интересах¹⁷⁸. Подобное манипулирование происходит в дискурсе и посредством дискурса нередко в скрытой форме, что усложняет распознавание его воздействующей функции: часто доминирование может

¹⁷⁶ CRITICS – Centers for Research into Text/Talk, Information, and Communication in Society, available from <http://www.discursos.org/Critics-Info.htm> (дата обращения 25.10.2018).

¹⁷⁷ Habermas, J. 1977. P.259 цит в: Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2011. № 4 (38). С. 286-291. С. 286.

¹⁷⁸ Van Dijk, T. Principles of Critical Discourse Analysis, in *Discourse & Society*. 1993. Vol.4, №2. P. 249-283. P.254.

осуществляться и воспроизводиться с помощью тонких, рутинных, повседневных форм устной речи или текста, которые кажутся естественными и общепринятыми. Следовательно, КДА должен сосредотачиваться на дискурсивных стратегиях, которые узаконивают контроль, или же, наоборот, «натурализуют» социальный порядок, и особенно отношения неравенства¹⁷⁹.

КДА особенно интересуется *злоупотреблением властью*, т.е. в нарушении законов, правил и принципов демократии, равноправия и справедливости теми, кто обладает властью. Чтобы отличить легитимные и приемлемые формы власти от злоупотребления ею, используется термин *доминирование*. Доминирование в рамках КДА понимается как осуществление социальной власти политической элитой, политическими институтами или группами, что приводит к социальной неравности. Этот процесс может включать такие способы реализации отношений между дискурсом и властью как прямая или скрытая поддержка, принятие, репрезентация, легитимация, отрицание, смягчение или скрытое доминирование. В более узком смысле, КДА изучает какие структуры, стратегии и другие характеристики устных и письменных текстов, речевых практик и коммуникативных событий играют роль в реализации этих дискурсивных практик¹⁸⁰.

Сторонники КДА исходят из постулата, что в современном обществе доминирование той или иной социальной группы достигается не с помощью принуждения, а через согласие, идеологию, язык. В связи с этим критическое осмысление взаимоотношения власти и языка – это наиболее простой и естественный путь к пониманию социального порядка. В центре внимания «критиков» находятся лингвистические составляющие социальных взаимодействий. Анализ языковых элементов помогает им выявить в системе социальных отношений имплицитно выраженные установки и исследовать скрытые эффекты того влияния, которое оказывает на нее дискурс.

В современных исследованиях КДА выделяют несколько разных подходов, каждый из которых представляет теоретико-методологическую вариацию этой научной школы. Ядро КДА составляют три основных подхода: диалектно-реляционный, социо-когнитивный и дискурсивно-исторический¹⁸¹.

1. *Диалектно-реляционный подход* (Dialectical Relational Approach) был разработан Фэйрклафом. Цель этого подхода сводится к изучению семиотического отражения социального конфликта. Называя язык «формой социальной практики», автор подразумевает неразрывную связь между языком и обществом. Фэйрклаф объясняет эту позицию прибегая к следующим постулатам: 1) язык – это часть общества, а не существующий вне общества феномен; 2) язык – это социальный

¹⁷⁹ Fairclough, N. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis, in *Journal of Pragmatics* 9. 1985. P.739-63.

¹⁸⁰ Van Dijk, T. Principles of Critical Discourse Analysis, in *Discourse&Society*. 1993. Vol.4, №2. P. 249-283. P.249-250.

¹⁸¹ Будаев, Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // *Политическая лингвистика*. №6 (60). 2016. С.12-17 . С. 13.

процесс; 3) язык – это социально-обусловленный (иными, нелингвистическими факторами) процесс¹⁸².

Рассматривая язык как часть общества, автор утверждает, что связь между ними – это не связь двух отдельно существующих явлений, а их диалектическая взаимосвязь (отсюда название диалектно-реляционный подход). При этом, отмечает лингвист, отношения «общество-язык» находятся в отношении целого к частичному: все языковые явления – это социальные явления, но только некоторые социальные явления являются языковыми.

Что касается второго постулата, интерпретация языка как социального процесса подразумевает дифференциацию понятий дискурс и текст (ранее рассмотренное в гл. 1.1). Если текст – это продукт речевой деятельности, то дискурс – это процесс социального взаимодействия. Дискурс предполагает процесс *производства* (результатом которого есть текст) и процесс *интерпретации*, для которой текст выступает в качестве ресурса.

Понятия производства и интерпретации не могут быть полностью описаны без обращения к третьему постулату: язык как социальная практика обусловлен внеязыковыми факторами. Процесс производства и интерпретации не только когнитивный, но так же и социальный, в том смысле, что он социально укоренен и его характер зависит от сложившихся социальных отношений.

Дискурс, таким образом, включает *социальные условия производства* и *социальные условия интерпретации*. Эти условия коррелируют с тремя уровнями социальной организации: 1) уровнем социальной ситуации или непосредственного социального окружения, в котором производится и интерпретируется дискурс; 2) уровнем социальных институтов, который составляет более широкую матрицу для дискурса; 3) уровнем общества в целом¹⁸³.

2. *Социо-когнитивный подход* (Socio-Cognitive Approach) разрабатываемый Ван Дейком, направлен на изучение соотношения между когнитивными структурами, дискурсом и обществом. Теоретическая база этого направления представлена методологией лингвистического анализа текста, психологического анализа моделей памяти и моделирования структур сознания (фреймов) в когнитивистике. Понятий аппарат этого подхода представлен следующими понятиями: фреймы, стереотипы, воспроизводство этнических предрассудков, злоупотребление властью, угнетаемые группы, контекстуальные модели, структуры знания. Последнее понятие включает в себя личностные, межличностные, групповые, институциональные, национальные и культурные знания.

3. *Дискурсивно-исторический подход* (Discourse-Historical Approach), разрабатываемый Водак, основная цель которого изучить как язык и иные семиотические системы используются властными элитами для поддержания своего доминирования. Важный принцип дискурсивно-исторического подхода – объединение текстуального и контекстуального уровней анализа. Контекст

¹⁸² Fairclough, N. *Language and Power* (2nd ed.). London, Pearson education, 2001. P. 18-19.

¹⁸³ Ivi, p.19-20.

понимается в рамках этого подхода как сложный феномен, состоящий из нескольких уровней: лингвистический контекст (*cotext*), интертекстуальный и интердискурсивный уровень, экстралингвистический уровень, социально-политический и исторический уровень. Ключевые понятия связаны с шестью стратегиями идентификации идеологической позиции: номинация, предикация, аргументация, «смягчение» позиции, перспективизация и интенсификация.

Специфика КДА, как отмечает Будаев, «заключается не в наборе оригинальных методик, которые нередко заимствуются из других направлений (когнитивная лингвистика, социолингвистика, лингвистика текста), а в основных тематических направлениях, позволяющих максимально реализовать базовые принципы критического подхода»¹⁸⁴. В тематическом ракурсе современные исследования в сфере КДА направлены на изучение способов формирования негативного образа определенных социальных групп. Объектом анализа может стать любая совокупность людей, объединенных существенным признаком социального характера (общей деятельностью или общими этническими, демографическими, религиозными, гендерными и другими характеристиками, чьи права ущемляются посредством дискурса, рассматриваемого как средство конструирования социальной реальности.

Итак, материалом для критического дискурс-анализа становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Применительно к нашему исследованию, данное неравенство проявляется в асимметричном отношении между политиками и СМИ, с одной стороны, и реципиентами, с другой. Контроль за информацией и за ее распространением осуществляется субъектами власти (политиками или подконтрольными им средствами массовой информации), а гражданам отводится второстепенная роль «потребителей» информации. Адаптация метода КДА применительно к данному исследованию заключается в анализе дискурсивных способов конструирования ситуации «украинский кризис» в российском политическом дискурсе и, таким образом, в определении явных и скрытых форм осуществления власти посредством формирования мировоззрения и установок массового адресата.

1.4.4. Корпусный анализ

Ввиду того что сторонники критического дискурс-анализа склонны производить отбор материала с учетом интересов исследования (для доказательства выдвигаемых тезисов), выборка может быть недостаточно репрезентативной, а результаты недостаточно достоверными. Для повышения надежности и объективности результатов ученые все чаще обращаются к методам корпусного анализа.

¹⁸⁴ Будаев, Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // *Политическая лингвистика*. №6 (60). 2016. С.12-17 . С.14.

Под *корпусом* понимается массив отобранных и представленных в электронном виде текстов естественного языка¹⁸⁵. При составлении корпусов исследователи руководствуются следующими критериями: соответствие определенной лингвистической или социо-прагматической цели¹⁸⁶, аутентичность (корпус должен отражать реальное речевое употребление), объем (варьируется в зависимости от целей исследования), репрезентативность. Последняя подразумевает сбалансированное и пропорциональное представление текстов в корпусе. Так как корпус – это своеобразная модель языка, его репрезентативность определяет достоверность полученных на его основе данных.

Корпусный анализ – это прежде всего количественный анализ. Количественный характер корпусной лингвистики заключается в том, что частота употребления языковой единицы является основой для утверждения о ее свойствах. Частота употребления рассматривается с двух сторон: с одной стороны учитывается, как отдельные слова встречаются в корпусе, с другой – факты употребления одних языковых единиц с другими или в составе определенной конструкции. Первый вид репрезентируется в так называемых *частотных списках*, второй – в *конкордансах*, под которыми понимаются все употребления заданного языкового выражения в контексте.

Корпусные исследования могут производиться с использованием *макрокорпуса* (референциального корпуса) или *микрорекорпуса* (специализированного, специально-созданного корпуса).

Примером макрокорпуса является Национальный корпус русского языка, общим объемом более 600 миллионов употреблений (данные от 7 апреля 2018). Данный онлайн-ресурс обладает встроенными инструментами для проведения анализа, он постоянно дополняется и обновляется (последнее обновление было произведено в 2014 году).

Под микрорекорпусом понимается меньший по объему массив специально отобранных текстов. Примером могут быть транскрипты выступлений отдельных политиков или представителей политических движений, предвыборных дебатов или заседаний парламента. Данный материал используется как источник исследования речи участников политической коммуникации, способ трансляции идеологии или формирования общественного мнения. Микрорекорпусы могут состояться и на материале текстов СМИ, посвященных актуальным вопросам социальной и политической жизни.

Несмотря на сравнительно небольшой объем, микрорекорпус может дать информацию о частотности использования слов, об их лексической сочетаемости, а также о словах, которые играют роль ключевых в тексте. Эти данные позволяют переходить от исследования формальных показателей (например, частотности употребления лексики) к исследованию семантики (т.е. изучению смысловой стороны

¹⁸⁵ Conrad, S. *Corpus Linguistics Approaches for Discourse Analysis*, in *Annual Review of Applied Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. P. 75-95. P.76; Flowerdew, K. *Corpora and Language Education*. New York, Palgrave MacMillan, 2012. P.3.

¹⁸⁶ Flowerdew, K. *Corpora and Language Education*. New York, Palgrave MacMillan, 2012. P.3.

коммуникации). Переход к семантическому анализу – это необходимый шаг, который позволяет проводить дальнейшее описание идеологии и системы ценностей общества. Использование микрокорпусов предполагает использование специального программного обеспечения для обработки данных.

Учитывая то, что инструментарий корпусных исследований включает компьютерную обработку данных, преобладающими в корпусном анализе оказываются статистические (количественные) методы. Однако следует отметить, что количественный подход не исключает качественный: функциональная (качественная) интерпретация также является важным шагом в любом корпусном анализе¹⁸⁷.

На базе корпуса может осуществляться как собственно лингвистический, так и социо-прагматический анализ. Электронный формат позволяет быстро обрабатывать большой объем текстов, определять примеры языкового употребления и частотность языковых единиц. В ином случае потребовалось бы значительно больше времени на подобные операции.

Популярность корпусного метода в дискурс-анализе объясняется тем, что корпусные исследования предоставляют комплексную информацию о социальных и текстовых факторах, которые влияют на выбор языковых средств, и, следовательно, могут внести большой вклад в наше понимание дискурса¹⁸⁸. При традиционном анализе не учитываются особенности сочетаемости слов или их частотность в анализируемом тексте. В таких условиях существует вероятность пропустить (не заметить) важные смысловые элементы или, наоборот, сконцентрироваться на малозначимых деталях.

Доказательством этого может быть сравнительное экспериментальное исследование, проведенное группой ученых в рамках дискурс-анализа по теме расизма в Великобритании¹⁸⁹. Исследование проводилось на материале британских новостных статей о беженцах, лицах, ищущих убежища, иммигрантах общим объемом в 140 миллионов слов. Примечательно, что две группы получили разные результаты. Исследовательская группа, использующая корпус-анализ, обнаружила как позитивные, так и негативные модели представления иммигрантов, в то время как группа, которая использовала критический дискурс-анализ, и обработала меньшее количество текстов, идентифицировала только негативные модели.

Один из основных приемов корпусной лингвистики – выявление *частотности* языковой единицы в дискурсе. Данный подход, в отличие от традиционного метода, позволяет выявить смысловые доминанты текста и определить повторяющиеся речевые образцы на объемном текстовом материале. Если исследователь идентифицирует использование определенных слов или оборотов в исследуемом

¹⁸⁷ Baker, P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, New York, Continuum, 2006. P. 2.

¹⁸⁸ Conrad, S. *Corpus Linguistics Approaches for Discourse Analysis*, in *Annual Review of Applied Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. P. 75-95. P.75.

¹⁸⁹ Baker, P., Gabrielatos, C., Khosravini, M., Krzyzanowski, M., McEnery, T., & Wodak, R. A Useful Methodological Synergy? Combining Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics to Examine Discourses of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press, in *Discourse and Society*, 19 (3), 2008. P. 273-306.

дискурсе, он может сделать вывод о его идеологическом уклоне или обосновать наличие в нем определенных речевых стратегий.

Еще одна практическая задача, решаемая с помощью корпусного подхода – это анализ *сочетаемости* слов. Одни слова «притягивают» другие, формируя с ними устойчивые сочетания, способные вызывать позитивные или негативные ассоциации. Если слово сопровождается преимущественно негативными словами (что вычисляется автоматическими методами), в сознании носителей языка формируются устойчивые негативные ассоциации, которые впоследствии сохраняются и при независимом употреблении слова. Например Ханстон, иллюстрируя высокую сочетаемость существительного «иммигрант» *immigrant* с прилагательным «нелегальный» *illegal*¹⁹⁰, делает вывод о том, что в английском языке сформировалось устойчивое сочетание *illegal immigrant*, которое вызывает в сознании носителей языка ассоциацию слова «иммигрант» со словом «преступник».

И, наконец, полезным для дискурс-анализа инструментом корпусной лингвистики может быть выделение *ключевых слов* текста. Ключевые слова – это слова, статистически чаще встречающиеся в одном корпусе, по сравнению с другим. Например, сопоставляя корпус российских газет по украинскому вопросу с газетными публикациями более широкой тематики, ключевыми словами, окажутся лексемы «Украина», «украинцы», «украинский». Если же сравнивать корпуса отдельных газет по теме украинский кризис, ключевыми окажутся слова, отражающие стилистические особенности конкретного издания (тенденция к эмотивному или нейтральному описанию событий) или его идеологическую ориентацию (в этом случае ключевые слова будут отражать отличия в интерпретации событий в официальной или оппозиционной прессе). Это подтверждает тот факт, что важным аспектом критического дискурс-анализа является подбор и составление корпуса текстов, позволяющего максимально точно выявить специфику изучаемого феномена.

Несмотря на широкие возможности предоставляемые корпусом, следует учитывать его ограничения. Одна из проблем корпусного анализа заключается в *деконтекстуализации* языковых данных. Как справедливо отмечает Флауэдью, корпусные исследования дают возможность идентифицировать повторяющиеся языковые образцы, но это всего лишь количественные данные, существующие отдельно от контекста¹⁹¹. К тому же дискурс во многих случаях продуцируется взаимодействием между вербальной и визуальной информацией, где контекст, в котором происходит коммуникация, является решающим фактором при дискурсивной интерпретации исследуемых явлений.

Например, действия мужчины, открывающего дверь перед женщиной, могут дискурсивно интерпретироваться по-разному – как «галантность», «как дискриминация» или как «общее проявление этикета в обществе»¹⁹². Семиотическое

¹⁹⁰ Hunston, S. *Corpora in Applied Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. P. 119.

¹⁹¹ Flowerdew, K. How Is Corpus Linguistics Related to Discourse Analysis, in *Corpora and Language Education*. New York, Palgrave MacMillan, 2012. P.31.

¹⁹² Baker, P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, New York, Continuum, 2006. P.17.

обеднение¹⁹³, которому подвергается материал при переводе в электронный текстовый формат, значительно сужает возможности интерпретации.

Таким образом, главным аргументом против корпусного подхода в целом и к его основному инструментарию – конкордансам, является абстрагирование текста от контекста, невозможность продемонстрировать «как язык в контексте, систематически интегрируется с другими семиотическими ресурсами»¹⁹⁴. Тем не менее, следует отметить, что данная проблема свойственна прежде всего макрокорпусам. В случае менее объемных специализированных корпусов, исследователь, участвующий в составлении корпуса, имеет доступ к оригинальному контексту и способен распознавать тексты в соответствии с их коммуникативной целью или функцией.

Еще одним проблемным аспектом корпусного анализа остается *интерпретация* языковых данных. Обработка данных корпуса носит дедуктивный характер, в связи с чем возникает проблема социально-прагматической интерпретации текста¹⁹⁵. Для правильной интерпретации языкового материала исследователь должен обладать информацией касательно социальных условий производства: например, кто автор текста, в каких условиях, с какой целью и для какой аудитории он создавался, какую реакцию вызвал у читателя. Ограничиваясь лишь корпусными данными, исследователь не сможет дать ответ на этот вопрос, ведь для понимания текста необходимо знать, какое место он занимает в социальном контексте, какими идеологическими установками руководствовался автор в процессе его создания. В некотором смысле это может быть методологическим преимуществом: исследователь должен поэтапно обосновать предпринятые им действия, совершаемые в процессе перехода от наблюдения до интерпретации¹⁹⁶.

Ввиду вышесказанного, для решения проблемы объективации результатов исследования перспективным представляется сочетание методов критического дискурс-анализа с корпусным анализом. Статистические методы корпусного подхода делают результаты анализа более эмпирически релевантными, позволяют отслеживать активность функционирования языковых единиц на малом временном отрезке. Определение количественных параметров корпуса позволяет перейти к исследованию его качественных характеристик с последующим интерпретационным анализом значимых для корпуса слов. Это открывает возможности для перехода к критическому дискурс-анализу, который позволяет выйти за рамки собственно корпуса и включить изучаемое явление в более общий культурный, социально-политический или исторический контекст.

¹⁹³ Hardt-Mautner, G. “Only connect”: *Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics*. University of Lancaster, 1995. Retrieved January 10, 2011: electronic version. Available from: http://ucrel.lancs.ac.uk/tech_papers.html (дата обращения 12.07.2019).

¹⁹⁴ Baldry, A. Introduction, in A. Baldry (ed.) *Multimodality and Multimediality in the Distance Learning Age*. Campobasso, Palladino, 2000. P. 11-40. P.36.

¹⁹⁵ Hunston, S. *Corpora in Applied Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

¹⁹⁶ Ivi, p.123.

Глава 2

Корпусный анализ российского политического дискурса по украинскому вопросу

2.1. Создание корпуса и отбор материала

Для анализа интерпретации российско-украинского кризиса были использованы тексты, относящиеся к двум жанрам политического дискурса: *институциональный политический дискурс* (дискурс власти), представленный стенограммами речей президента и *медиадискурс*, представленный электронными версиями российских периодических изданий.

В качестве фактического материала для исследования институционального политического дискурса привлекался специализированный корпус, состоящий из 17 официальных речей Путина, произнесенных в период с 12 декабря 2013 года по 15 апреля 2015 года: ежегодные послания президента Федеральному Собранию (2013 и 2014 гг.), транскрипции встреч с членами правительства, официальные выступления на торжественных мероприятиях, обращение к лидерам ЕС, «Прямая линия»¹⁹⁷. Материалы отбирались из официального сайта Президента Российской Федерации <http://kremlin.ru/> и сохранялись в электронном виде (формат .txt). Общий объем корпуса – 106.570 слов. Критерием отбора материала была тематическая направленность (речи, касающиеся украинского кризиса).

Для исследования особенностей масс-медийной репрезентации российско-украинского кризиса того же периода был использован специально созданный корпус текстов сетевых СМИ общим объемом 755.323 словоупотребления. Тексты отбирались из официальных сайтов указанных источников по ключевым словам «Украина», «украинский кризис», «Майдан», «Крым», «Крымский референдум», «присоединение Крыма», «Донбасс», «война на Юго-Востоке», «санкции» и сохранялись в формате .txt.

Корпус масс-медийных текстов включает 4 под-корпуса: Корпус 1 («Российская газета», 177.874 слова), Корпус 2 («Газета Коммерсантъ», 143.447 слов), Корпус 3 («Московский комсомолец», 289.457 слов), Корпус 4 «Новая газета» (144.545 слов). В процессе анализа рассматривались характеристики как общего масс-медийного корпуса, так и отдельно взятых под-корпусов. Не забывая об определяющей роли телевидения в освещении социально-политических событий и его влиянии на общественное мнение, предпочтение было отдано медиадискурсу. Электронные масс-медийные тексты являются важным источником интерпретации действительности, они не только реагируют на происходящие в обществе события, но и во многом определяют изменения в сознании значительной части рядовых носителей языка. Важным представляется сравнение официальной позиции России, выраженной в

¹⁹⁷ Список выступлений указан в Приложении 1.

подконтрольных власти изданиях с оппозиционным источником. Таким образом удалось проанализировать, как одно и то же событие интерпретировалось с двух противоположных точек зрения.

Хронологические рамки исследования совпадают с острой фазой украинского кризиса (Евромайдан, Крымский референдум, вооруженное противостояние на Донбассе, подписание Вторых Минских соглашений). Выбор указанного периода определяется тем, что внимание российской политической элиты и масс-медиа было максимально приковано к украинским событиям именно в этот период. Начиная с 2015 года акценты сместились на другие темы – война в Сирии, президентские выборы в США, внутренняя политика России.

2.2. Общая характеристика корпуса

Речи президента

«Ежегодное Послание Президента Федеральному Собранию». В соответствии с Конституцией, президент России ежегодно обращается к Федеральному Собранию с посланием о положении дел в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики. Согласно традиции, на оглашении послания присутствуют депутаты обеих палат Федерального Собрания и приглашенные. Оглашение послания обычно занимает около часа.

В 2013 году Ежегодное Послание Президента Федеральному Собранию было оглашено 12 декабря, в день двадцатилетия Конституции РФ. В послании Владимир Путин отметил основные направления внутренней и внешней политики страны, коснулся вопросов межнационального мира. Касательно украинской тематики, В. Путин очертил перспективы вступления Украины в Таможенный союз, выразил поддержку Украине в решении внутренних политических и экономических проблем.

В 2014 году Владимир Путин обратился с Ежегодным Посланием к Федеральному Собранию 4 декабря. Во время своего выступления президент дал оценку международной обстановке, сложившейся после Крымского референдума, а также коснулся вопросов социальной и экономической сферы России. Президент довольно подробно остановился на проблемах внешней политики страны, очертил смену внешнеполитического курса России, остановился на вопросе взаимоотношений с Украиной. В. Путин подчеркнул историческую важность событий текущего года (присоединение Крыма), выразил надежду на сохранение партнерских отношений со странами Евросоюза, отметил вклад, который сделала Россия в решение украинского кризиса.

«Крымская речь Путина» – историческая речь президента России, произнесенная в формате «Послание Федеральному Собранию» 18 марта 2014 года в Георгиевском зале Кремля. Причиной внеочередного выступления перед Федеральным Собранием послужило вхождение Крыма в состав РФ по итогам референдума, проведенного 16 марта 2014 года. Основные тезисы «Крымской речи» –

справедливость и законность Крымского референдума, значение Крыма и Севастополя для России и их историческая связь, необходимость соблюдения международного права, важность волеизъявления жителей Крыма, защита национальных интересов России, благодарность жителям Крыма и народу России за сплоченность и поддержку. По мнению экспертов, «Крымская речь» – одно из самых эмоциональных выступлений президента¹⁹⁸. Предполагается, что большую часть текста Путин писал сам¹⁹⁹. Сразу после обращения состоялось подписание Договора о принятии в состав России Крыма и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов.

Выступление В. Путина на митинге-концерте «*Мы вместе*» состоялось 18 марта 2014 года на Красной площади. Мероприятие было организовано в честь принятия Крыма в состав Российской Федерации.

21 марта 2014 года президент провел в Кремле регулярное оперативное совещание с постоянными членами Совета Безопасности. Во время встречи В. Путин обсудил ситуацию в Украине и в Крыму, возможное введение визового режима между Россией и Украиной, коснулся вопросов санкций.

В тот же день в Екатерининском зале Кремля состоялась Церемония подписания законов о принятии Крыма и Севастополя в состав России. В своем выступлении президент выразил благодарность депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации за ратификацию Договора о включении Крыма и Севастополя в состав РФ, поздравил граждан России с этим событием, призвал депутатов обеих палат завершить процедуры по включению Крыма в правовую систему Российской Федерации.

На встрече Владимира Путина с членами Совета палаты Совета Федерации 27 марта 2014 года обсуждались вопросы интеграции двух новых субъектов Российской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя – в единое правовое, экономическое, культурное, социальное и административное поле страны.

9 апреля 2014 года Владимир Путин провел совещание с членами Правительства, в ходе которого обсуждалась ситуация в Украине, перспективы развития экономических контактов двух стран, в частности в сфере энергетики.

10 апреля 2014 года президент России обратился к лидерам ряда иностранных государств касательно вопросов поставки российского газа через Украину. В. Путин отметил тяжелое состояние украинской экономики, призвал иностранных коллег провести консультации по выходу Украины из кризиса, отметил вклад России в поддержку украинской экономики. Те же вопросы обсуждались во время Обращения президента к лидерам Европейских государств 15 мая 2014 года.

¹⁹⁸ «Нагнули всех, а теперь возмущаются» // *Газета.ru*, 18.03.2014: электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2014/03/17_a_5953769.shtml (дата обращения 01.11.2019).

¹⁹⁹ Там же.

11 апреля 2014 года В. Путин провел очередное совещание с членами Совета Безопасности, где обсудил вопросы поставок российского газа в Европу через Украину.

«Прямая линия с Владимиром Путиным» – ежегодный прямой эфир, в ходе которого президент РФ отвечает на вопросы граждан. Это особая форма взаимодействия между зрителями и лидером страны, когда каждый желающий может задать президенту вопрос, отправив его в специальный центр обработки сообщений. Данный формат общения позволяет сократить дистанцию между политическим лидером и народом, способствует вовлечению граждан в общественно-политическую жизнь. По словам президента, «Прямая линия» является мощным социологическим опросом, позволяющим гражданам донести свою позицию и оценку руководству страны²⁰⁰.

В 2014 году «Прямая линия» транслировалась 17 апреля. За время телеэфира глава государства ответил на 81 вопрос. Продолжительность программы составила 3 часа 54 минуты. Центральной темой стала обострившаяся ситуация в Украине.

В 2015 году «Прямая линия» вышла в эфир 16 апреля. За время телеэфира глава государства ответил на 74 вопроса. Продолжительность программы составила 3 часа 57 минут. Темами обсуждения стали российско-украинские отношения, события на юго-востоке Украины, соблюдение Минских соглашений, возрождение экономики Донбасса.

9 мая 2014 года В. Путин выступил на праздничном концерте в Севастополе, посвященном 69-й годовщине победы в Великой Отечественной войне и 70-летию освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков. Президент поздравил крымчан с Днем Победы и напомнил, что годовщина освобождения происходит на фоне исторического события – воссоединения Крыма и Севастополя с Россией.

29 августа 2014 года В. Путин выступил на молодежном форуме «Селигер» – Всероссийском молодежном образовательном форуме, проходящем ежегодно на озере Селигер в Тверской области. Президент обсудил с участниками мероприятия политические и экономические вопросы, а также международные проблемы. Главные тезисы выступления – газовый вопрос, поддержка законной власти в Украине, превращение Крыма в центр туризма РФ, международное признание статуса Крыма, укрепление ядерного потенциала России и готовность противостоять агрессии.

Международный дискуссионный клуб «Валдай» – экспертно-аналитический центр, созданный в 2004 году. Своим названием Клуб обязан месту проведения первой конференции, которая состоялась в Великом Новгороде, недалеко от озера Валдай. С 2014 года Клуб перешёл от формата «рассказа миру о России» к практически ориентированной работе по формированию глобальной повестки дня, квалифицированной и объективной оценке мировых политических и экономических

²⁰⁰ Как Владимир Путин общался с народом: Ъ собрал яркие моменты прямых линий с президентом // *Коммерсантъ*, 15.06.2017: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2962818> (дата обращения 11.11.2019).

проблем. В 2014 году В. Путин принял участие в итоговой пленарной сессии XI заседания Клуба с темой: «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?». Президент раскритиковал политику Запада, обозначил существующие глобальные проблемы и призвал к равноправному диалогу и уважению позиции РФ. По степени откровенности, с которой президент обличил авторов идеи «глобального доминирования», в первую очередь США, речь Путина стали сравнивать с его знаменитым выступлением на конференции по безопасности в Мюнхене в 2007 году, где российский лидер предупредил об опасности одностороннего наращивания американцами стратегических вооружений. Однако в Сочи глава российского государства подчеркнул, что, несмотря на то что в двух выступлениях есть нечто общее, в «валдайской» речи обозначены другие тезисы, так как ситуация с тех пор изменилась²⁰¹.

Во время «*Большой пресс-конференции*» 18 декабря 2014 года В. Путин ответил на вопросы российских и зарубежных журналистов. Главной темой было состояние российской экономики. Президент отметил, что текущая ситуация спровоцирована внешними факторами и предложил пути выхода из кризиса. В. Путин коснулся темы вооруженного конфликта на юго-востоке Украины и предложил мирные способы урегулирования конфликта.

Итак, корпус президента представлен разными жанрами текстов. Они отличаются по длительности (от небольших выступлений на мероприятиях до многочасовых речей, как например, «*Прямая линия*», «*Большая пресс-конференция*» или «*Послание Федеральному Собранию*»). Речи, отобранные нами для анализа, произносились лидером страны в разных контекстах: институциональном – программные речи («*Ежегодное послание Федеральному Собранию*»), совещания и обсуждения актуальных вопросов с членами правительства, официальные встречи; масс-медийном («*Прямая линия*»); в непосредственном общении с публикой (выступления во время торжественных мероприятий). Адресатом речей президента выступали как граждане России и Украины, так и лидеры других стран.

В содержательном плане большая часть речей В. Путина, произнесенных в период с конца 2013 – по начало 2015 года, касалась темы Крымского референдума, присоединения Крыма к РФ, помощи Украине в выходе из кризиса, смены внешней политики России, взаимоотношений России с Евросоюзом и США.

²⁰¹ «Валдайская» речь Путина: критика Запада как путь к диалогу // *РИА Новости*, 24.10.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://ria.ru/20141024/1029977993.html> (дата обращения 11.11.2019).

Общая характеристика анализируемых газет

В корпус масс-медиа вошли следующие электронные версии российских общенациональных периодических изданий: «*Российская газета*», отражающая официальную позицию РФ по украинскому вопросу, газета «*Коммерсантъ*», отражающая взгляды деловых кругов, «*Московский комсомолец*» – «желтая пресса», «*Новая газета*» – российская оппозиционная газета. Критерием отбора вышеуказанных источников является их высокий рейтинг²⁰², ориентация на массового читателя (широкая читательская аудитория), количество статей, посвященных вопросам политики, активное обсуждение украинской тематики в исследуемый период.

«*Российская газета*» – официальный печатный орган Правительства Российской Федерации, официальный публикатор документов. В печатной и электронной версиях газеты публикуются указы, распоряжения и другие правительственные документы. Первый номер газеты вышел 11 ноября 1990 года. По состоянию на 2010 год, тираж издания составил 185.445 экземпляров, что делает его одной из крупнейших российских и русскоязычных газет. Среднее количество посетителей на сайте в день составляет 1.319.308 человек, количество просмотров достигает 2.212.484 в день (по данным Analysis²⁰³). По версии «Медиалогия» (ведущая компания в сфере мониторинга СМИ), «*Российская газета*» в 2018 году вошла в топ 10 самых цитируемых общественно-политических изданий²⁰⁴.

«*Коммерсантъ*» – ежедневная крупнейшая политико-финансовая газета, публикуемая в России, с редакционной линией ориентированной на политику и экономику. Выпускается издательским домом «Коммерсантъ». Считается преемником одноименной газеты, выходившей в Москве в 1909-1917 годах. Первый номер газеты вышел в свет 9 декабря 1989 года. Тираж издания составляет 125.000 экземпляров, посещаемость в день – 559.927 посетителей, количество просмотров в день – 1.432.569²⁰⁵. В мае 2009 года «TNS Media Intelligence» составила отчет по цитируемости российских изданий в эфире центрального телевидения и радио. Согласно исследованию, «*Коммерсантъ*», наряду с «*Российской газетой*», «является ключевым источником деловых и политических новостей в российском информационном пространстве»²⁰⁶.

«*Московский комсомолец*» – российская общественно-политическая газета, основанная в 1919 году, тираж составляет один миллион экземпляров. Посещаемость интернет-сайта газеты – 1.730.000 пользователей в день, количество просмотров –

²⁰² Согласно данным сайта *Медиалогия*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.mlg.ru/ratings/> (дата обращения 13.04.2018).

²⁰³ Analysis: электронный ресурс. Режим доступа: <https://a.pr-cy.ru/rg.ru/> (дата обращения 18.07.2019).

²⁰⁴ СМИ в соцмедиа: 2018 год. Рейтинги // *Медиалогия*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/socmedia/6455/> (дата обращения 13.04.2018).

²⁰⁵ Analysis: электронный ресурс. Режим доступа: <https://a.pr-cy.ru/www.kommersant.ru/> (дата обращения 09.09.2019).

²⁰⁶ Деловые издания – лидеры по длительности цитирования. Данные исследования за май 2009. Архивировано августа 2009 года // *TNS Media Intelligence*, 5 июня 2009: электронный ресурс. Режим доступа: https://kantartns.ru/rus/press/news/_news_article.wbp?article-id=1DB65DC1-CD03-445F-AC67-0A746F24DFD5 (дата обращения 13.04.2018).

4.220.000 в день²⁰⁷. Распространяется по всей территории Российской Федерации, в странах СНГ, а также за рубежом. Считается сенсационным и провокационным изданием, публикующем статьи о российской политике и российском обществе.

«Новая газета» – российская либеральная оппозиционная газета, известная журналистскими расследованиями в сфере национальной политики и критической позицией по отношению к российскому правительству. Тираж газеты составляет 123.400 экземпляра по состоянию на 17 апреля 2019 года. Посещаемость – 331.114 интернет-пользователей в день, количество просмотров – 548.560 в день²⁰⁸. Была создана в 1993 году группой журналистов, ушедших из «Комсомольской правды». Изначально издание выходило под названием «Новая ежедневная газета», а в 1996 году была зарегистрирована как «Новая газета». Редакция газеты позиционирует себя как «газету смыслов, акцентов, интерпретаций»²⁰⁹. Среди целей и задач руководство издания отмечает предложение «качественного контента» и занятие «позиции неприсоединения» к существующим направлениям, точкам зрения, сторонам в конфликтах.

2.3. Инструменты обработки корпуса и метод анализа

Для количественной обработки корпусных данных использовалась программа-конкорданс *AntConc*²¹⁰. Программа была разработана Энтони Лоуренсом, профессором университета Васеда (Япония). Она находится в свободном доступе в интернете, обладает удобным интерфейсом, не требует специальной подготовки для использования, так как все результаты рассчитываются автоматически. *AntConc* позволяет генерировать и сортировать списки частотности, определять ключевые слова, составлять конкордансы (т.е. автоматически выделять все контексты, в которых употребляется то или иное слово), анализировать лексическую сочетаемость языковых единиц. Функция *File view* (просмотр файла) предоставляет доступ к контекстной информации, т.е. дает возможность рассмотреть контекст, где употреблялась языковая единица или статья, а также дату и издание, где она употреблялась.

²⁰⁷ Analysis: электронный ресурс. Режим доступа: <https://a.pr-cy.ru/www.mk.ru/> (дата обращения 09.09.2019).

²⁰⁸ Analysis: электронный ресурс. Режим доступа: <https://a.pr-cy.ru/www.novayagazeta.ru/> (дата обращения 09.09.2019).

²⁰⁹ «У нас никогда не будут работать роботы. Сергей Кожеуров и Алексей Полухин – о редакционной политике, «газете смыслов», и о том, почему «Новую» можно закрыть, но нельзя реформатировать» // *Новая газета*, 2 апреля 2018: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/04/01/76021-u-nas-nikогда-ne-budut-rabotat-roboty> (дата обращения 09.09.2019).

²¹⁰ Anthony, L. (2017). *AntConc (Versione 3.5.2)* [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University. Available from <http://www.laurenceanthony.net/software> (дата обращения 17.01.2018).

Анализ количественных параметров корпуса

Анализ количественных характеристик корпуса включает следующие этапы исследования:

- а) составление частотных списков слов;*
- б) анализ ключевых слов;*
- в) составление и анализ конкордансов.*

а) составление частотных списков слов

Определение частотности языковой единицы – один из базовых инструментов корпусной лингвистики, позволяющий составлять социологический портрет слова или фразы, и дающий возможность лучше понять его/ее использование в определенном контексте²¹¹. Данный вид анализа осуществляется посредством составления списков частотности (*Frequency lists*), которые в убывающем порядке представляют наиболее часто встречающиеся слова в корпусе. Кроме того, без исследования частотности было бы невозможным понимание других понятий, таких как коллокации и ключевые слова.

Почему понятие частотности важно для дискурс-анализа? Частотность – один из показателей востребованности слова в дискурсе, на основе которого можно делать выводы о значимости определенной темы или сферы жизнедеятельности для социума. Употребление терминов никогда не бывает нейтральным: выбор слов выражает идеологическую позицию²¹². Использование адресантом неконвенциональной формы или предпочтение им одной (негативной) языковой формы другой (нейтральной) выявляет его явные или скрытые интенции.

При использовании языковых корпусов для составления списков частотных слов приходится учитывать преобладание в верхней части списка слов, которые относятся к служебным частям речи (предлоги, союзы) либо являются дейктическими единицами (личные и указательные местоимения, наречия с семантикой места и времени), либо выполняют грамматические функции (вспомогательные глаголы). Поэтому далее будут анализироваться только слова, относящиеся к самостоятельным частям речи (существительные, прилагательные и глаголы).

Для вычисления наиболее часто встречающихся слов в корпусе используется функция *Word list*, которая продуцирует списки слов в корпусе с указанием их частотности.

Ниже изображены наиболее часто употребляющиеся слова в корпусе президента (График 1):

²¹¹ Baker, P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, Continuum, 2006. P.47.

²¹² Ivi, p.48.

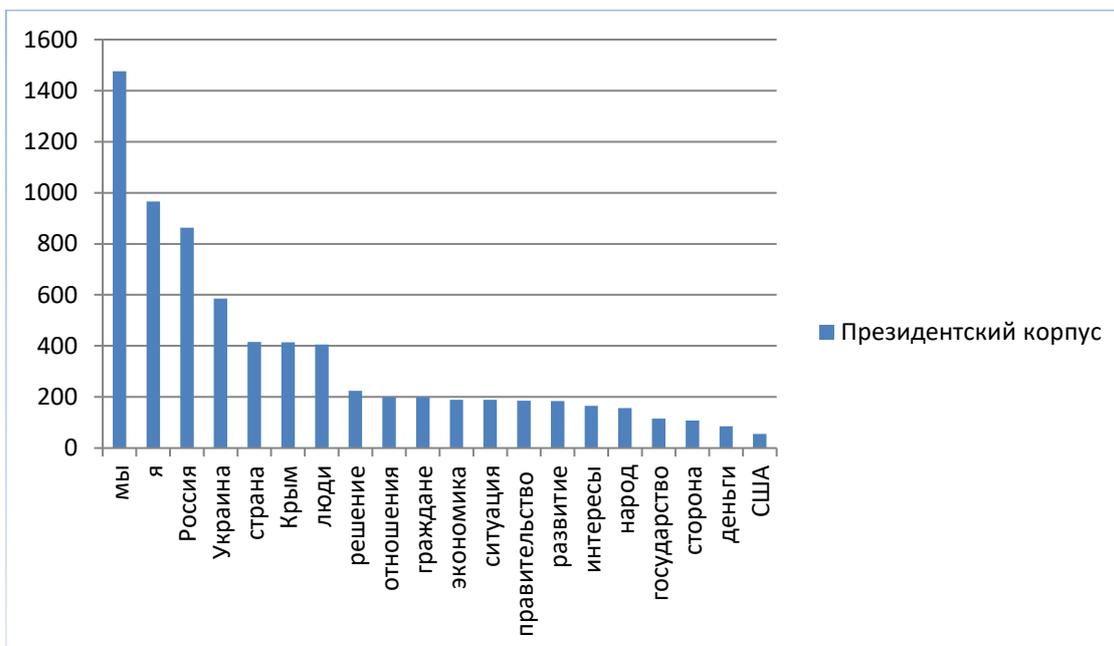

График 1. «Топ-20 наиболее употребительных слов президентского корпуса»

Проанализировав список наиболее употребительных слов корпуса президента, было обнаружено, что применительно к украинской тематике смысловыми доминантами в речи Путина оказались темы России, Украины, Крыма, российских органов власти, развития страны, граждан России, внешних участников конфликта. Характерно, что наиболее употребительная полнозначная лексема в корпусе президента – местоимение с объединительной семантикой *мы* [121]²¹³, превышающая употребление личного местоимения в единственном числе *я* [81]. Можно предположить, что используя эту форму, президент осуществлял дискурсивную стратегию символической принадлежности к сообществу и интеграцию адресатов в институционально-дискурсивное пространство.

Проанализируем наиболее частотные слова общего газетного корпуса. Исходя из Графика 2, можно заметить, что наиболее употребительными словами в корпусе российских масс-медиа оказались названия стран-участниц кризиса (*Украина, Россия, ЕС, США*), имена их лидеров (*Путин, Порошенко*), объект кризиса – *Крым*. Референтом лексемы *президент* оказались бывшие президенты Украины Виктор Янукович и Петр Порошенко, президент России Владимир Путин, бывший и.о. президента Украины Александр Турчинов, бывший президент США Барак Обама. Референтами лексемы *страна* выступают прежде всего Россия и Украина. *Власть* – ключевой концепт политического дискурса²¹⁴ также оказался в десятке наиболее популярных слов.

²¹³ Здесь и далее квадратные скобки будут использоваться для обозначения количества употреблений слова в корпусе.

²¹⁴ Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000. С.92.

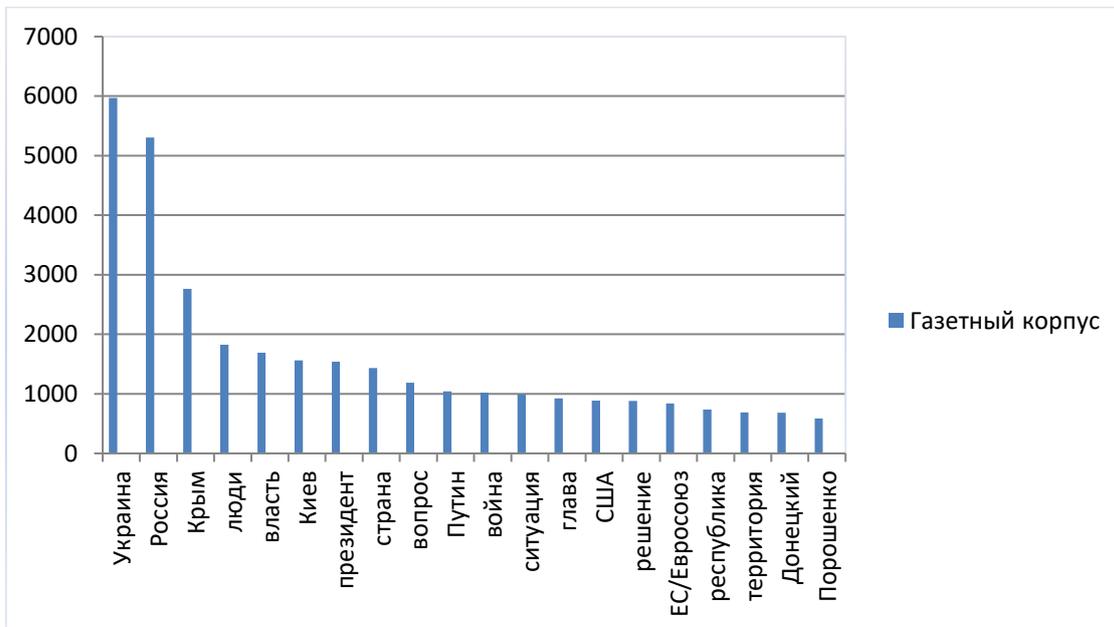

График 2. «Топ-20 наиболее употребительных слов газетного корпуса»

Сравним наиболее употребительные слова в корпусе президента и в газетном корпусе (из-за разного объема данные обоих корпусов представлены в процентном соотношении):

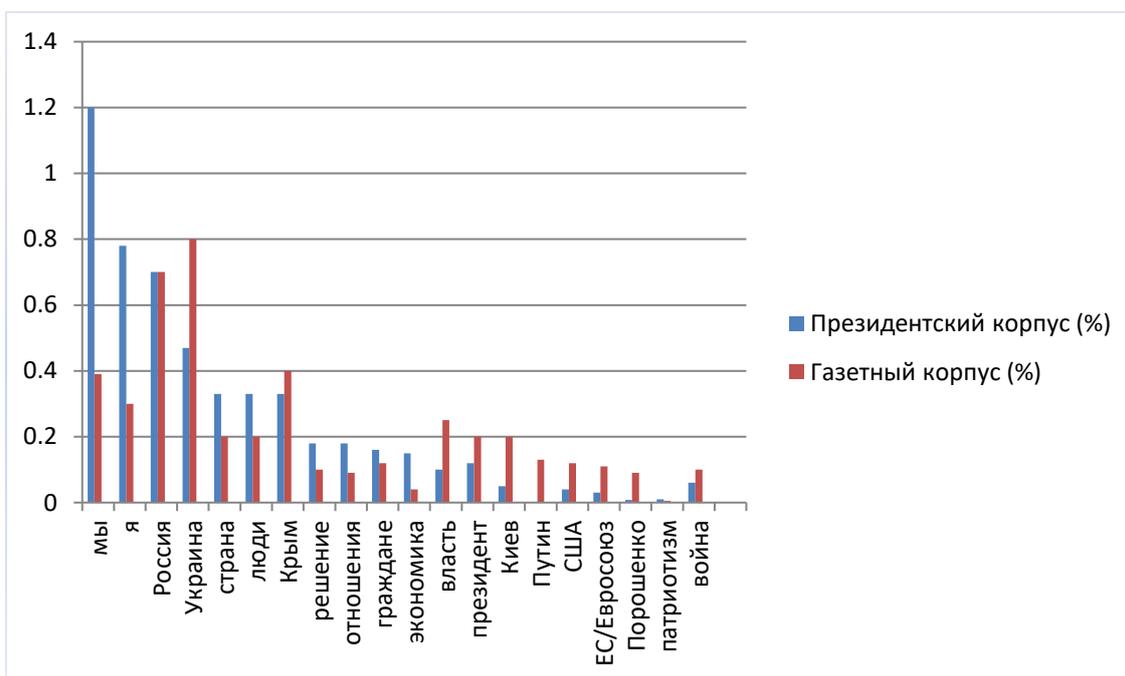

График 3. «Сравнение частотных слов президентского и газетного корпусов»

Сравнение двух графиков позволяет увидеть разное количественное соотношение тематик институционального дискурса и медиадискурса. Можно заметить, что только 8 из 20 слов совпадают в обоих списках: *Россия, Украина, Крым, страна, люди, решение, ситуация, США*.

Преобладание некоторых слов в дискурсе Путина связано с условиями устной коммуникации: местоимения *мы* и *я*, а также существительное *граждане*, которое входит в состав речевой формулы-приветствия: *Дорогие граждане России!* Релевантными для президента оказались слова *отношения, экономика, развитие, деньги, интересы, государство, сторона, правительство*. В корпусе масс-медиа преобладающими оказались слова: *власть, Киев, президент, Путин, война, Евросоюз, Порошенко*, выражение *Донецкая республика* (подробнее о характеристиках президентского и масс-медийного корпусов смотреть Параграф 2.4).

Как было ранее отмечено, высокая частотность слов в корпусе – это показатель их важности. Однако, низкая частотность или отсутствие слова в корпусе также может иметь значение для исследования. Данное явление может объясняться двумя факторами: 1) несоответствием слова или выражения типу дискурса; 2) нежеланием говорящего употреблять то или иное слово или выражение²¹⁵ (в данном случае речь идет о реализации стратегии вуалирования). Например, при сравнении президентского и масс-медийного корпусов можно заметить, что личное имя *Порошенко* встречается в корпусе Путина только 5 раз, в отличие от корпуса масс-медиа, где оно попало в список 20-ти наиболее частотных слов (589 употреблений). Предположительно, В. Путин не употребляет фамилию украинского президента, так как не признает его субъектом власти и отрицает его легитимный статус. Президент России употребляет вместо этого группу обобщенных номинаций с размытой референцией: *наши украинские друзья, наши украинские коллеги, наши украинские партнеры, наши соседи*. Таким образом, В. Путин имплицитно осуществляет стратегию делегитимации политического оппонента.

Аналогично, лексема *война*, попавшая в список 20-ти наиболее употребительных слов в газетном корпусе, не оказалась в списке топ-20 слов президентского корпуса. Считаем, что В. Путин избегает употребления данной лексемы, делая акценты на положительных аспектах: мирном решении проблемы, диалоге, сотрудничестве. Данное слово употребляется в речах президента в коллокациях *холодная война* [14], *Вторая мировая война* [16], *Великая Отечественная Война* [9], *гражданская война* [6] (о происходящих в Украине событиях), *Крымская война* [2]. Обращаясь к истории, президент напоминал о подвигах советской армии в борьбе с немецкими оккупантами и проводил исторические параллели с современной ситуацией.

Итак, при подсчете наиболее важных слов в корпусе, в одинаковой степени показательной является как их высокая, так и низкая (или нулевая), по сравнению с другим корпусом, частотность. Избегая употребления некоторых слов, говорящий выражает свое нежелание затрагивать негативные стороны кризиса, смещает акценты на другие, выставляющие его в позитивном свете темы.

Как можно заметить, список частотности дает представление о наиболее важных словах в дискурсе. Тем не менее для более глубокого исследования необходимо обратиться к контекстуальному анализу этих слов. Важно также учитывать, что

²¹⁵ Bolasco, S., Galli de' Paratesi, N. *Parole in libertà: un'analisi statistica e linguistica dei discorsi di Berlusconi*. Roma, Manifestolibri, 2006. P.15.

анализ наиболее частотных слов – это начальный этап, отправная точка для последующего интерпретационного анализа. Ограничение частотных списков заключается прежде всего в том, что по крайней мере половина слов встречается в них только один раз, что делает невозможным какое-либо контекстное изучение. В данных условиях целесообразным будет анализировать употребление только тех слов, которые находятся на вершине частотного списка.

б) анализ ключевых слов

Отметим, что корпусный анализ дает возможность не только статистически определить наиболее частотные слова и выражения в корпусе, но и сравнить отдельные его части – под-корпусы. Программа *AntConc* позволяет сравнивать несколько корпусов и выделять слова, частота встречаемости которых в одном корпусе значительно отличается в большую или меньшую сторону от частоты их использования во втором корпусе. Это осуществляется с помощью инструмента *Key Words*.

Хотя списки частотности предоставляют важную информацию для анализа, они несут в себе только статистическую информацию. В отличие от частотности, ключевые слова (*Key Words*) указывают на «относительную частотность», т.е. на лексемы, которые более часто встречаются в одном корпусе по сравнению с другим. Таким образом, ключевые слова передают главную идею текста (*aboutness*), его основной посыл. Цель данного анализа – определить, какие слова являются наиболее характерными для исследуемого корпуса. При анализе ключевых слов сравниваются два корпуса: исходный (*study/background corpus*) и справочный (*reference corpus*). Единственным условием при сравнении двух корпусов является то, что справочный корпус должен превышать по объему исходный²¹⁶.

Анализ ключевых слов будет производиться следующим образом. Корпус разделяется на 5 под-корпусов: под-корпус 1 «Выступления президента», под-корпус 2 «Российская газета», под-корпус 3 «Коммерсантъ», под-корпус 4 «Московский комсомолец», под-корпус 5 «Новая газета». Для каждого под-корпуса будет сгенерирован список ключевых слов. Каждое слово из списка будет анализироваться на предмет его сочетаемости и контекстного употребления с помощью функции *Concordance Tool*. Сравнение списков ключевых слов будет направлено на выявление тенденций описания темы «украинский кризис» в каждом отдельно взятом под-корпусе, его смысловых доминант и общей смысловой маркированности.

в) составление и анализ конкордансов

Функция конкордансов (*Concordance Tool*) изображает результаты поиска в формате *KWIK* (*Keyword in Context*). Он представляет собой вертикальное

²¹⁶ Milizia, D. Classifying Phraseology in a Spoken Corpus of Political Discourse, in *ESP Across Cultures*. Foggia, Edizioni B.A.Grafis, 2006. Vol.3. P. 41-66. P.46.

изображение ключевого слова – исследуемой словоформы или леммы (*node word*) и коллоката (коллокатов) (*collocate/collocates*), т.е. слов, с которыми оно употребляется. Функция конкордансов позволяет проследить, как слова или фразы используются в тексте, идентифицировать и анализировать словосочетания, а также ассоциации слов и список повторяющихся кластеров или фраз. Допустимое количество компонентов коллокаций обычно ограничивается 4-мя словами справа или слева от ключевого слова.

Проиллюстрируем на примере лексической сочетаемости формы «*Майдан*» как с помощью данной функции выстраивается семантическое поле соответствующего понятия.

На Рисунке 1 изображены результаты первых 20 конкордансов с поисковым словом «*Майдан**». Настройки были установлены со словом непосредственно слева от поискового слова:

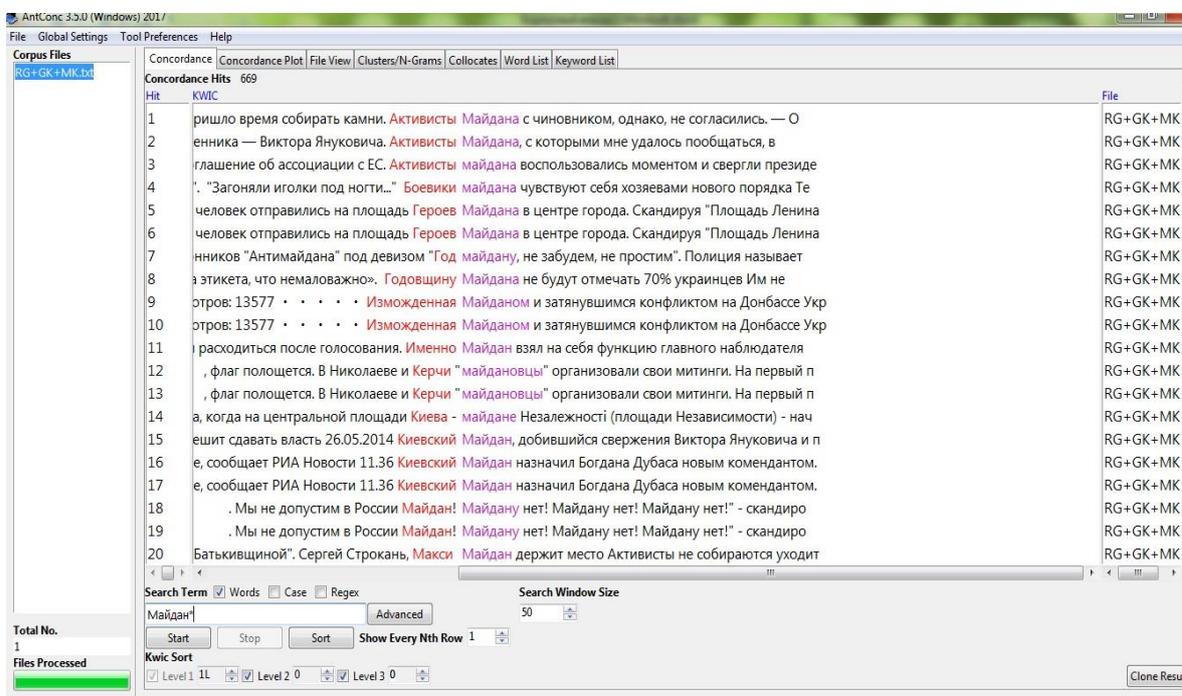

Рисунок 1. «Конкордансы со словом «*Майдан*»

Первые 20 строк включают номинации участников протестов: *активисты Майдана*, *боевики Майдана*; место протестов: *киевский Майдан*, новый топоним в г. Днепропетровск: *площадь Героев Майдана*, метафору: *изможденная Майданом Украина*, лозунг: *Майдану нет!*

Дальнейший анализ всех употреблений позволил выделить словосочетания со следующим значением:

а) участники Майдана: *активисты Майдана*, *боевики Майдана*, *бойцы Майдана*, «*демократы*» *Майдана*, *деятели Майдана*, *митингующие Майдана*, *обитатели Майдана*, *представители Майдана*, *революционеры Майдана*, *ударная сила Майдана*, *стражи Майдана*, *штурмовики Майдана*, *самооборона Майдана*, *ведущий Майдана*, *комендант Майдана*, *совет Майдана*, *сотни майдана*, *народное вече Майдана*;

б) хронология, цикличность Майдана: *теперешний Майдан, первоначальный Майдан, новый Майдан, очередной Майдан, последний Майдан, Третий Майдан*;

в) сторонники Майдана: *сторонники Майдана, приверженцы Майдана, близкие Майдану, симпатизирующие Майдану, соратники по Майдану, сочувствующие Майдану, любят Майдан, выступить за Майдан, подвиг Майдана, поддержать Майдан, потворствовать Майдану (Запад), ставленники с Майдана*;

г) противники Майдана: *альтернативный Майдану, обличение Майдана, осудили Майдан, не поддержавшие Майдан, выступить против Майдана, противники Майдана, противостоят Майдану, зачистить Майдан*;

д) лидеры и организаторы Майдана: *возглавить Майдан, лидеры Майдана, спонсоры Майдана, «партии Майдана», «политруки» с Майдана, «министр иностранных дел» Майдана, Майдан был сделан, американцы устроили Майдан, Америка поддерживает Майдан, «посол» Майдана*;

е) процесс: *возникновение Майдана, продолжение Майдана, итог Майдана*;

ж) место проведения: *украинский Майдан, киевский Майдан, местный Майдан, региональные майданы, всякие Майданы*;

з) контроль: *под контролем Майдана, контролировать Майдан*;

и) результат: *экономические последствия Майдана, к чему приводит Майдан*.

Негативная семантика лексемы «Майдан» проявляется в следующих примерах:

- сочетание с существительными: *абсурд (воинствующий абсурд Майдана), война, хаос (Майдан приводит к войне и хаосу), диктат (диктат Майдана), раздувание (раздувание Майдана), жертвы (жертвы Майдана), нацизм (нацизм Майдана), бандеровцы и бандерлоги (бандеровцы и бандерлоги – активисты Майдана)*;

- сочетание с прилагательными: *радикальный (радикальные майдановцы, радикальное крыло Майдана, фашистский (Майдан был назван фашистским), антирусский (Майдан – это концентрация всего антирусского)*;

- иронические употребления: *«мирный» («мирный» Майдан), диванный (диванный Майдан²¹⁷)*;

- сочетание с глаголами: *гибнуть (люди гибнут за Майдан), пытаться (майдановцы пытались), карать (Майдан карал), захватить (майдановцами было захвачено), взять под контроль (Майдан взял под контроль), воспользоваться (активисты майдана воспользовались); контролировать (Майдан контролирует), резать, поджигать (майдановцы резали и поджигали бойцов «Беркута»), пригрозить (майдановцы пригрозили), пробить (майдановцы проббили колеса)*;

- сочетание с причастием: *проплаченный (проплаченный Майдан)*.

Итак, с помощью функции *Concordance Tool* были определены компоненты семантического поля понятия «Майдан»: Майдан – организованное мероприятие (процесс), в которое было вовлечено большое количество участников, часто радикально настроенных, которые использовали насильственные методы борьбы. Майдан был поддержан украинскими гражданами и Западом, в России был осужден.

²¹⁷ Коллокация возникла в результате активного обсуждения событий Майдана в социальных сетях.

Майдан проводился по всей территории Украины, главным местом проведения был Киев.

2.4. Ключевые слова: моделирование ситуации «украинский кризис»

Проведем сравнение корпуса президента с общим газетным корпусом на предмет ключевых слов (График 4). Указывается индекс относительной частотности (*Keyness*), т.е. вероятности того, что слово в данном корпусе встречается чаще, чем в референциальном. Количество употреблений слова в корпусе (абсолютная частотность) будет указываться в квадратных скобках:

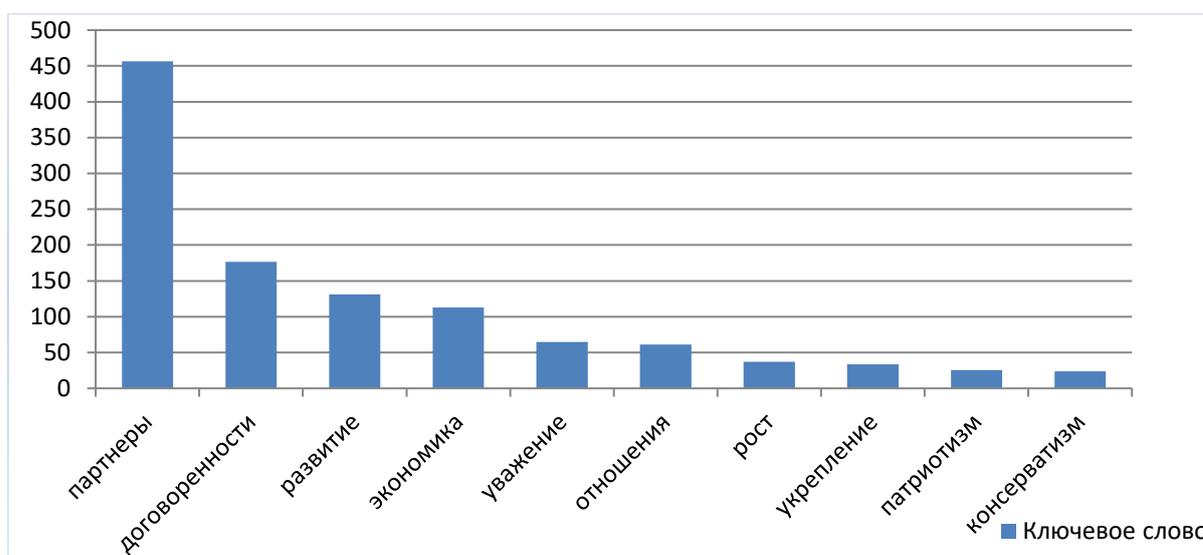

График 4. «Ключевые слова корпуса президента»

Можно заметить, что все концепты, попавшие в фокус внимания президента, отличаются позитивной семантикой. В. Путин выбирает стратегию сотрудничества, делая акцент на установлении взаимовыгодных отношений с другими участниками сложившейся ситуации (*отношения, договоренности, партнеры, уважение*). Релевантным является аспект экономического развития (*экономика, рост, развитие*). К ключевым относятся два ценностно-идеологических слова-маркера (*консерватизм, патриотизм*).

Слово *партнер/партнеры* используется в речи Путина 147 раз, другие слова, принадлежащие этой же парадигме – *партнерство* [4], *партнерский* [1]. Президент употребляет это слово по отношению к представителям Евросоюза: *наши европейские партнеры* [11], *наши западные партнеры* [10], *наши партнеры в Европе* [2], *наши партнеры в Евросоюзе* [1], *наши партнеры в Брюсселе* [1]; к политикам США: *наши американские партнеры* [2]; к украинским политикам: *наши украинские партнеры* [13], *наши партнеры в Киеве* [1]. Подчеркивая важность для России восстановления дружеских отношений с Украиной, В. Путин называет Украину *ведущим* [1], *ключевым* [1], *главным партнером* [1]. Используя позитивную номинацию, президент

осуществляет стратегию сотрудничества: несмотря на отсутствие поддержки со стороны других государств, он выражает уважение ко всем странам и призывает к взаимовыгодному сотрудничеству.

Ключевая лексема *договоренности* [118] отражает стремление президента России выстраивать международные отношения при условии соблюдения договоренностей (упоминается Украина и другие страны). Существительное входит в состав коллокации *Минские договоренности* [12]; употребляется с глаголами *выполнять* [1], *исполнять* [1], *достичь* [1]; прилагательными и причастиями *прозрачные* [1], *действующие* [1], *имеющиеся* [1], *достигнутые* [1]; существительными *исполнение* [8], *изменение* [1].

Ключевым для президента России является аспект международных отношений: слово *отношения* встречается в его речи 199 раз. Ему предшествуют прилагательные позитивной оценки: *нормальные* [6], *добрые* [5], *добрососедские* [3], *уважительные* [2], *особые* [2], *равноправные* [1], *союзнические* [1], *дружеские* [1], *прекрасные* [1], *цивилизованные* [1], *доверительные* [1] и нейтральные прилагательные: *международные* [17], *межгосударственные* [6], *торгово-экономические* [2], *двусторонние* [1], *финансовые* [1], *деловые* [1]. Глаголы и существительные, с которыми употреблялось данное слово, также отличались преимущественно позитивной оценкой: *развивать* [3], *выстраивать* [3], *нормализовать* [2], *поддерживать* [1], *строить* [2], *испортить* [2]; *развитие* [3], *нормализация* [3], *ухудшение* [2]. В контекстах, где президент упоминал о международных связях, использовались названия стран-участниц, с которыми Россия намерена устанавливать отношения сотрудничества: *российско-украинские* [5], *российско-американские* [3].

Ключевое слово *уважение* [42] используется в конструкциях *относиться с уважением* [6], *взаимное уважение* [1], *основанный на уважении* [1]. Слово *уважение*, обладая экспрессией и оценочностью, служит способом построения собственного позитивного имиджа: *Мы с уважением относимся ко всем странам, ко всем народам, уважаем их законные права и интересы* (Выступление на праздничном концерте, посвященном 69-й годовщине Победы в ВОВ, 9 мая 2014); *Мир, основанный на уважении, означает прагматичную кооперацию, и прагматизм является основой, которой мы должны следовать* (Заседание Международного клуба «Валдай», 24 октября 2014). В. Путин стремится сформировать не только образ профессионального политика, но и носителя позитивных моральных качеств, что делает его речь более убедительной: *Добавлю, что международные отношения должны строиться на международном праве, в основе которого должны быть и моральные принципы, такие как справедливость, равноправие, правда. Пожалуй, главное – это уважение к партнёру и его интересам. Очевидная формула, но простое следование ей способно в корне изменить ситуацию в мире* (Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014).

Слово *экономика* было зафиксировано в корпусе президента 103 раза. В отношении российской экономики использовались слова, которые называли действия правительства, направленные на ее улучшение: *развитие экономики* [9],

диверсификация экономики [2], *деоффишоризация экономики* [1], *прозрачность экономики* [1]. Для описания состояния российской экономики использовались прилагательные позитивной оценки: *здоровая* [2], *сильная* [1], *эффективная* [1]. Говоря об украинской экономике, президент использовал номинации, объективирующие ее негативные аспекты: *кризис* [3], *критическое состояние* [2], *разрушенная экономика* [2], *банкротство* [1], *развал* [1]. Меры, предпринимаемые Россией для помощи Украине, номинировались следующими языковыми единицами: *восстановить* [2], *поддержать* [2], *поддержка* [1], *возрождение* [1], *спасение* [1], *субсидирование* [1].

Слово *рост* [15] использовалось президентом для констатации собственных заслуг и позитивных процессов, происходящих в российской экономике: *обеспечение высоких темпов роста* [1], *стимулирование роста* [1], *новая модель роста* [1], *пойти в рост* [1], *устойчивый экономический рост* [1], *фактор роста* [1]. Характерно, что для вуалирования негативных аспектов экономики президент использовал эвфемизм *нулевой темп роста* [1]. Аналогично, лексема *развитие* [184] употреблялась для номинации стратегических задач правительства: *развитие экономики* [18], *развитие страны* [7], *развитие производства* [4], *развитие России* [3], *развитие инфраструктуры* [3], *развитие отношений* [3]. Существительное *укрепление* [35] использовалось для номинации качественных изменений в экономике России, в сфере самообороны, права, взаимоотношений с другими странами: *укрепление национальной валюты* [3], *укрепление рубля* [3], *укрепление Вооруженных Сил* [1], *укрепление международного права* [1].

Таким образом, акцентируя внимание на позитивных изменениях в разных сферах деятельности государства с помощью слов *развитие, рост, укрепление, уважение*, президент имплицитно совершал стратегию самопрезентации.

Завершим анализ ключевых слов корпуса президента исследованием двух аксиологем²¹⁸ – *консерватизм* [13] и *патриотизм* [22].

Концепция консерватизма в риторике президента включает такие аргументы, как защита традиционных ценностей (*традиция* [46], *ценности* [23]) и противопоставление их западным, эксплуатация образа внешнего (США, ЕС) и внутреннего врага («пятая колонна» [11], «национал-предатели» [3]), поляризация общества (оппозиция «мы-они»). Президент активно позиционирует себя как защитник традиционной морали, нравственности и семьи: *Мы знаем, что в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации каждого народа [...]. Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию* («Послание Президента

²¹⁸ Под термином *аксиологема* (от др. греч. ἀξία «ценность») подразумевается лексическая единица, номинирующая ценность; смысл, который воспринимается носителями языка как абсолютная ценность, игнорирование которой осуждается обществом.

Федеральному Собранию», 12 декабря 2013). Цитирование русского философа укрепляет авторитет адресанта и усиливает важность высказывания. Прием обращения к традиции позволяет президенту консолидировать общество, объединив его вокруг ценностей и сплотив в борьбе с внешним врагом.

Другие ценности, зафиксированные в корпусе президента, можно разделить на три группы: конституциональные (*безопасность* [48], *суверенитет* [28], *свобода* [27], *демократия* [25], *нация* [23], *национальные интересы* [8], *солидарность* [2], *общее благо* [2]); исконно русские (*Родина* [20], *русский мир* [5]) и общечеловеческие (*культура* [45], *ответственность* [33], *справедливость* [11], *семья* [10], *правда* [10], *цивилизация* [9], *любовь* [5], *дружба* [3], *вера* [3], *толерантность* [2]).

Патриотизм – еще один важный элемент президентской риторики (*патриотизм* [22], *патриот* [7], *патриотический* [1], *патриотично* [1]). Еще до вступления на пост президента в 2000 году, В. Путин сформулировал новую общенациональную идеологию, которая должна была основываться на патриотизме. В статье «Россия на рубеже тысячелетий» В. Путин постулировал необходимость искать «свой путь» для страны, который должен сочетать в себе как универсальные, общечеловеческие, так и исконно российские ценности «выдержанные испытанием времени». Эти ценности были обозначены как патриотизм, державность и социальная солидарность²¹⁹.

Необходимость формирования патриотических настроений граждан возросла на фоне украинского кризиса, когда на Западе после Крымского референдума начал создаваться образ врага в лице российского государства, а российская политическая элита обвинялась в аннексии Крыма и поддержке «сепаратистов» на Востоке Украины. Оказавшись в неблагоприятной внешнеполитической обстановке, российское руководство начало осуществлять меры по усилению патриотических тенденций внутри страны через культивирование любви к Родине.

Ввиду того, что в социальной практике не существует однозначного понимания, что такое патриотизм, президент во время публичных выступлений вносит ясность в его интерпретацию. Среди прилагательных, квалифицирующих существительное *патриотизм*, выделяются: *правильный* [3], *истинный* [2], *неправильный* [3], *ложный* [1], *картонный* [1], *плакатный* [1]: *За последние два десятка лет трудно назвать событие, которое бы вселило в сердца миллионов россиян такой могучий заряд не картонного, не плакатного патриотизма, а истинного патриотизма, который помог сплотиться и народу, и армии* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014). В поле данного понятия попадают лексемы, объединенные семей «единение» – *сплочение, единение, консолидация: Наши приоритеты – консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма* (Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014).

Размышляя о понятии «патриотизм», президент предостерегает от его неправильной интерпретации. В частности, он констатирует негативные проявления патриотизма с помощью антитезиса: истинный патриотизм – это любовь к Родине,

²¹⁹ «Россия на рубеже тысячелетий» // *Независимая газета*, 30.12.1999: электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения 01.10.2019).

ложный патриотизм – это ксенофобия и национализм: *Вы поставили на одну доску патриотизм и ксенофобию. В моём понимании это совершенно разные вещи. Патриотизм – это любовь к Родине, а ксенофобия – ненависть к другим нациям и народам. Абсолютно разные вещи* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014); *Патриотизм может перейти в национализм. Это опасная тенденция, здесь я не могу с Вами не согласиться* (Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014); *Некоторый патриотизм стал выражаться, на мой взгляд, в очень опасном национализме, который в России очень резко растет* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014). Итак, президент разъясняет публике истинное значение понятия «патриотизм», подчеркивая важность его правильной интерпретации в обществе.

Государственная политика, направленная на усиление патриотизма, активно проявилась в период празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Данное историческое событие стало одним из главных ресурсов для усиления патриотических тенденций в обществе. В этой связи В. Путин отмечает, что патриотизм – присущая россиянам черта, неотъемлемая часть российского менталитета: *Вот в этом и есть глубокие корни нашего патриотизма. Вот отсюда и массовый героизм во время военных конфликтов и войн и даже самопожертвование в мирное время* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014); *Посмотрите, как события в Крыму и Севастополе всколыхнули общество. Оказалось, что патриотизм глубоко у нас сидит, мы часто не отдаём себе в этом отчёта, но он – неотъемлемая суть нашего народа, часть этой сути* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014). Упоминая о событиях Великой Отечественной войны, президент подчеркивает факт победы СССР и тот вклад, который внес советский народ в освобождение Европы: *В следующем году мы будем отмечать 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Наша армия сокрушила врага, освободила Европу. Но и о тяжких поражениях 1941 и 1942 годов нельзя забывать, чтобы не повторять ошибок в будущем* («Послание Президента Федеральному Собранию», 4 декабря 2014). Президент использует прием обращения к истории, активируя в памяти граждан ключевой момент – события Великой Отечественной войны. Представление о прошлом играет важную роль в президентской риторике, поскольку является эффективным способом построения коллективной идентичности. «Общая» история представляет собой интерпретацию и репрезентацию прошлого, адресованную широкой аудитории. Это важный элемент символической политики, направленный на формирование позитивных представлений о нации и мобилизацию групповой солидарности.

Итак, анализ ключевых слов корпуса В. Путина показал, что смысловыми доминантами в его выступлениях были развитие и поддержка экономики России в период кризиса и сохранение партнерских отношений с другими странами. В корпусе президента обращает на себя внимание установка на диалог и на стремление к дипломатическому решению проблем. Президент делает акцент на поддержании порядка и стабильности в стране, выступает в роли защитника традиционных

ценностей, стремится к консолидации граждан. Речи президента создают некий символический образ реальности, они содержат ценности, которые формируют основу для взаимодействия между разными социальными группами, обуславливая образ мышления и поведения членов общества. Апеллирование к ценностям – это эффективный прием солидаризации президента со слушателями и консолидации последних вокруг его авторитетной фигуры. Общность ценностей и их иерархия – основополагающие элементы в построении коллективной идентичности, главная составляющая правящей идеологии.

Перейдем к анализу масс-медийного корпуса. Проведем сравнение под-корпуса «Российской газеты» с под-корпусами остальных газет. Под-корпус «Российской газеты» будет исходным, под-корпусы газеты «Коммерсантъ», «Московский комсомолец» и «Новой газеты» будут использоваться в качестве справочного. Ниже представлен График 5 с указанием полнозначных ключевых слов, сгенерированных программой с помощью функции *Key words*:

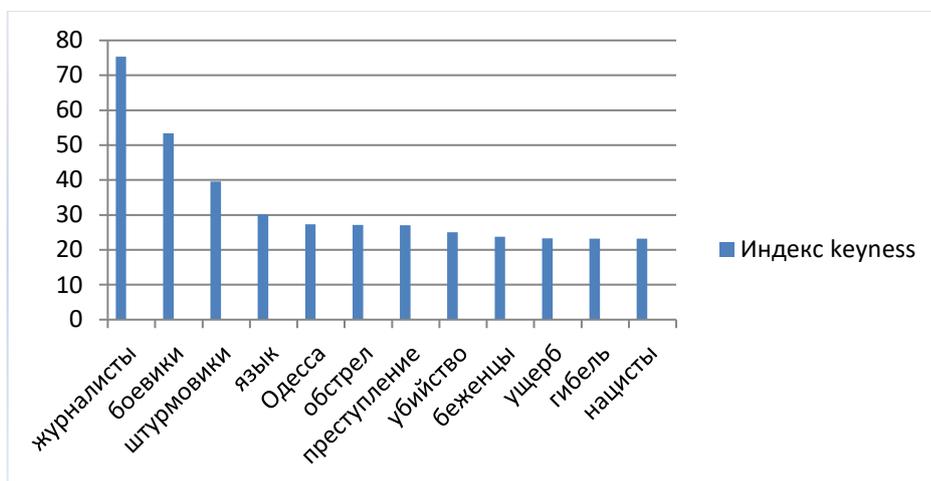

График 5. «Ключевые слова корпуса «Российской газеты»

Ключевые слова можно разделить на 3 категории:

- а) грамматические/функциональные/служебные слова;
- б) личные имена;
- в) тематические слова (определяют тематическую направленность дискурса).

Наиболее интересным, на наш взгляд, представляется анализ тематических ключевых слов, так как именно благодаря им можно составить представление о том, на каких темах чаще всего заострялось внимание газеты. Данная категория представлена следующими лексемами: *боевики*, *штурмовики*, *беженцы*, *журналисты*, *язык*, *обстрел*, *преступления*, *убийства*, *ущерб*, *гибель*, *нацисты*.

Анализ контекстов²²⁰ с ключевыми словами *боевики* [112] и *штурмовики* [36] показал, что они ассоциируются с деятельностью запрещенной в России радикальной

²²⁰ Контексты рассматриваются через функцию конкордансов KWIC (Key Words in Context) и функцию просмотра файлов File View.

организации «Правый сектор» и его лидером: *боевики «Правого сектора»* [20], *штурмовики «Правого сектора»* [3], *лидер боевиков Дмитрий Ярош* [3]. Также эти слова использовались для названия участников Майдана: *боевики Майдана* [7], *штурмовики Майдана* [5] или украинской армии: *боевики Нацгвардии* [2]. Отметим, что оба слова обладают резкой негативной коннотацией: *боевик* в словаре Ожегова и Шведовой определяется как «член вооружённой группировки, входящей в неформальную (обычно террористическую) организацию»²²¹, *штурмовик* – «член немецкой нацистской военизированной организации в годы фашизма в Германии»²²².

Негативная коннотация данных лексем подтверждается их атрибутивной сочетаемостью: *фашистские боевики, нацистские боевики, правые штурмовики, ультраправые боевики*; предикатной сочетаемостью: *боевики открыли огонь, от рук боевиков погибли, боевики проводят карательную операцию*; субстантивной сочетаемостью: *нападение боевиков, наступление боевиков, вседозволенность боевиков*; композитами со вторым компонентом-ярлыком: *боевики-бандеровцы, боевики-неофашисты*; синонимическими парами: *боевики и радикалы, боевики и наемники, боевики и криминальные авторитеты, штурмовики и экстремисты*.

Массовое присутствие вооруженных лиц в Украине актуализируется количественными и собирательными числительными: *15 боевиков, несколько сотен боевиков, сотни боевиков*; собирательными существительными: *отряды боевиков, колонны штурмовиков*; *Итак, в середине февраля только в Киеве число боевиков «Правого сектора», по оценкам экспертов, достигало уже не 1700, как перед Новым годом, а 12 тысяч человек! К марту аналитики оценивали число штурмовиков «Правого сектора» по всей Украине уже в 40 тысяч человек. Напомню, что по советским меркам это уже не менее трех дивизий* (РГ, 06.03.2014). Отметим, что стратегия числа обладает сильным воздействующим эффектом, с ее помощью транслируется идея милитаризации Украины и распространения угрозы для мирного населения.

Итак, можно утверждать, что по отношению к участникам Майдана и боевым действиям на юго-востоке Украины авторы статей «Российской газеты» использовали дискредитирующую стратегию негативной номинации и стратегию числа.

Нужно заметить, что к ключевым словам «Российской газеты» относится также идеологически-окрашенная лексема *нацисты* [35]. Она использовалась по отношению к лидерам Майдана, его участникам и к украинскому правительству: *Запахло рейхстагом. Тягнибок берет на вооружение тактику нацистов* (РГ, 14.04.2014); *Вместе с тем следует признать, что вероятность близкого одномоментного захвата власти в Киеве с опорой на боевые группы откровенных нацистов тогда не просматривалась* (РГ, 15.10.2014). *На этом фоне разброда и недееспособности о своих президентских амбициях заявил лидер «Правого сектора» Дмитрий Ярош*. В

²²¹ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-1948.htm> (дата обращения 13.07.2019).

²²² Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-39453.htm> (дата обращения 13.07.2019).

своем черновике инаугурационной речи облачившийся в галстук лидер нацистов заявил, что удивлен отсутствием задержанных снайперов (РГ, 11.03.2014).

В статьях «Российской газеты», посвященных украинским событиям, повторяется сравнение современной ситуации в Украине с нацистским режимом: *Ситуацию на Украине Янукович сравнил с нацистской Германией; Приравнять к нацистам. Депутаты хотят запретить бандеровскую символику*; констатируется факт распространения нацизма: *на фоне разгула нацистов в Киеве*. В этом контексте была зафиксирована зооморфная метафора: *Именно на Украине были высижены нацистские змеиные яйца, породившие эскадроны цыплят, которые теперь будут распорядиться вместе с другими противниками Януковича деньгами, поступающими от Европы* (РГ, 13.03.2014). Использование номинации *нацист*, отсылающей к событиям Второй мировой войны, и сравнение украинского движения с нацистским является примером осуществления пропагандистского приема, использующегося в российском масс-медийном дискурсе.

Преобладание в корпусе «Российской газеты» формы *журналисты* [247] объясняется вниманием издания к условиям работы российских журналистов в зоне боевых действий, свободе освещения украинского кризиса, отношению к российским журналистам в Украине. Тактика прямого обвинения и обличения украинских властей, препятствующих, согласно авторам статей, объективному освещению кризиса, реализуется в следующих номинативных единицах: *похищение российских журналистов, задержание и притеснение журналистов, захват российских журналистов, практика не пускать российских журналистов, насилие в отношении журналистов, удержание российских журналистов, неправомерные захваты российских журналистов, гибель журналистов, убийство журналистов*; в глагольных конструкциях: *в Луганске прицельно стреляют в российских журналистов, Киев зачищает журналистов, украинские силовики избивали освобожденных журналистов, снайпер обстрелял российских журналистов, выбивают показания из журналистов, украинская власть продолжает убивать журналистов, организовать провокации против российских журналистов, журналистов с телеканала «Россия» обстреляли в Луганске, освобожденных журналистов LifeNews угрожали убить*; в метонимическом выражении: *кровь журналистов на руках президента Украины*.

Анализ контекстов со словом *язык* [144] показывает, что много внимания уделялось статусу русского языка в Украине и использованию его как второго государственного (*русский в качестве официального языка, статус второго государственного языка, статус русского языка, зафиксировать статус русского языка, изучение русского языка*); нарушению прав русскоязычного населения в Украине (*русский язык оказался под запретом, запретить русский язык, ограничивать русский язык, изгнание русского языка из Украины*); украинскому законодательству, касающемуся русского языка (*проект запрета русского языка, закон, лишивший русский язык даже половинчатого статуса, декрет против русского языка*); защите прав русскоязычного населения (*проявлять уважение к*

культурному и языковому наследию жителей Донбасса, сбережение и сохранение русского языка, право говорить на родном языке, найти в киевских магазинах книги на русском языке, решения в защиту русского языка).

Преобладание лексемы *Одесса* [71] указывает на описание трагедии, произошедшей 2 мая 2014 года в Доме профсоюзов в Одессе, в результате которой погибло 48 жителей города: *трагедия в Одессе* [4], *в Доме Профсоюзов в Одессе* [3], *жертвы одесской бойни* [2]. С помощью данной лексемы реализуется дискредитирующая стратегия украинской власти, подчеркиваются ее насильственные действия. Данный топоним используется в контекстах, где констатируются пророссийские настроения жителей города: *«Украина и Россия вместе. Одесса – русский город»* (РГ, 23.03.2014); *Андрей записался в народную дружину Одессы, чтобы защищать свой город от фашистских боевиков* (РГ, 31.10.2014); *В Одессе тысячи людей собрались на митинг против узурпации власти на Украине* (РГ, 23.03.2014).

Лексико-семантический ряд, представленный ключевыми словами *обстрел* [90], *преступление* [53], *убийство* [70], *ущерб* [22], *гибель* [38], *беженцы* [88], свидетельствует об осуществлении дискредитирующей стратегии, целью которой является обвинение и обличение украинской власти и украинской армии в «преступлениях против жителей Донбасса» и в последствиях военных действий для жителей востока Украины: *Порошенко дал украинским силовикам “лицензию на убийство”* (РГ, 19.06.14); *Украинская армия возобновила обстрел города* (РГ, 02.10.2014); *Счет видеосвидетельств преступлений, совершенных украинской армией на Донбассе, идет на тысячи* (РГ, 04.07.2014).

Лексема *беженцы* использовалась в «Российской газете» для описания гуманитарной катастрофы, сложившейся в результате боевых действий в юго-восточных регионах Украины. Актуальным для издания было происхождение беженцев: *украинские беженцы* [13], *беженцы с Украины* [3]; массовость: *поток* [5], *наплыв* [3], *очередь* [3] (этот смысл передавался также с помощью числительных и собирательных имен): *очередь украинских беженцев на границе, на Дону размещены более 40 тысяч беженцев с Украины; поток беженцев с Украины не прекращается, десятки тысяч беженцев прибыли в Россию, беженцы находятся в более чем 60 пунктах размещения, по официальным данным на Украине около полумиллиона беженцев; прогрессивный характер явления: количество беженцев растет, в полевые лагеря прибывают беженцы; государственная помощь: прием беженцев, средства, выделяемые на беженцев, помощь беженцам.* Изображая данное явление как массовое, авторы обвиняли украинскую власть и армию, которая, по мнению руководства газеты, спровоцировала гуманитарную катастрофу: *Через пункты пропуска в сторону России продолжают идти беженцы, спасающиеся от боевых действий и кровопролития* (РГ, 01.07.2014).

Из приведенного анализа ключевых слов «Российской газеты» можно сделать вывод, что смысловыми доминантами этого издания был вооруженный конфликт на юго-востоке Украины, методы осуществления военных действий, последствия

конфликта. Газета характеризуется общей тенденцией к негативному описанию украинских событий: использовалась негативно-окрашенная лексика для описания участников протестов в Киеве (*боевики, штурмовики, нацисты*), действий украинской армии (*обстрел, преступления, убийства, ущерб, гибель*), свободы освещения событий (*похищение, захват, удержание журналистов*), политики по отношению к русскому языку (*проект запрета русского языка*).

Обратимся к списку ключевых слов газеты «Коммерсантъ». Под-корпус данной газеты использовался как исходный, под-корпусы «Российской газеты», «Московского комсомольца» и «Новой газеты» как справочный:

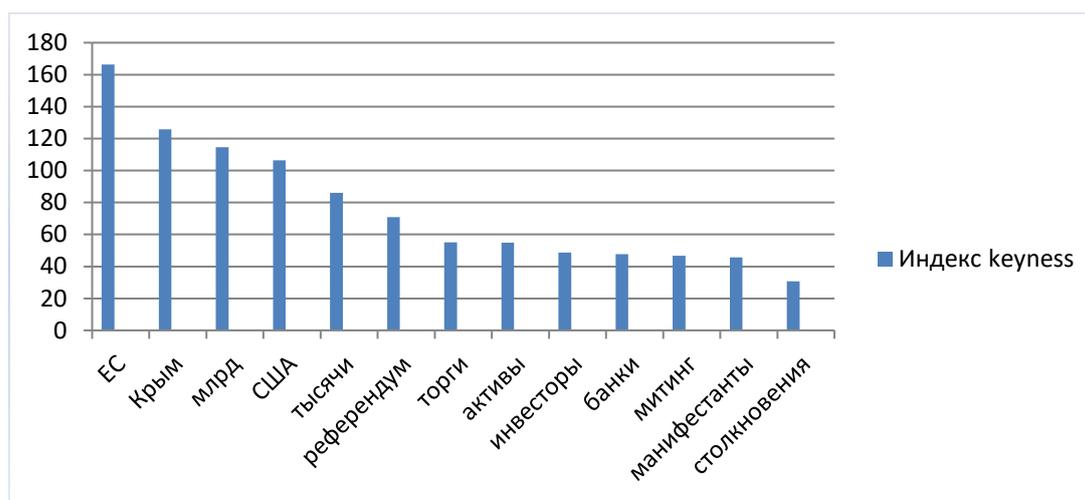

График 6. «Ключевые слова под-корпуса «Коммерсантъ»

Согласно Графику 6, смысловыми доминантами газеты «Коммерсантъ» оказались: Евромайдан (*столкновения*), события Крыма (*Крым, референдум*), отношение западных стран к кризису (*США, ЕС*), пророссийские протесты на юго-востоке Украины (*манифестанты, митинг*), экономические аспекты присоединения Крыма (*торги, активы, инвесторы, банки*).

Контекстуальное употребление ключевого слова «Крым» [1072] и его лексическая сочетаемость позволили выделить следующие смыслы в структуре соответствующего понятия:

а) органы власти Крыма: *Верховный совет Крыма* [33], *правительство Крыма* [13], *власти Крыма* [14], *руководство Крыма* [6], *Совет Министров Крыма* [2], *администрация Крыма* [1], *Парламент Крыма* [1];

б) жители Крыма: *жители Крыма* [9], *население Крыма* [6], *народ Крыма* [2];

в) статус Крыма: *присоединение Крыма* [22], *вхождение Крыма в состав РФ* [22], *статус Крыма* [15], *включение Крыма в состав РФ* [8], *воссоединение Крыма с Россией* [5], *отделение Крыма от Украины* [3], *возвращение Крыма* [1];

г) территория: *территория Крыма* [20];

д) экономика и экономические проблемы: экономика Крыма [6], курорты Крыма [4], дефицит бюджета Крыма [4], импорт из Крыма [2], двухвалютность Крыма [2], туризм Крыма [2].

Данные контексты свидетельствуют о том, что Крым рассматривался в газете «Коммерсантъ» как автономная административная единица (*автономия Крыма*), имеющая собственные органы власти (*Верховный Совет, Совет Министров Крыма*) и население (*жители, народ, население Крыма*). Ключевыми были вопросы перехода Крыма в состав РФ, что номинировалось лексемами *присоединение, вхождение*, реже – лексемами *включение, воссоединение, возвращение*.

Слово *референдум* [186] использовалось для названия Крымского референдума, проведенного 16 марта 2014. Атрибутивная сочетаемость с прилагательными *всекрымский* [1], *общекрымский* [11], *всенародный* [3] выражала масштабность явления. Референдум описывался как процесс, включающий: этапы подготовки – *в преддверии референдума* [11], *предстоящий референдум* [4], *накануне референдума* [2]; проведение – *проведение референдума* [22], *провести/проводить референдум* [6]; подсчет и анализ результатов – *результаты референдума* [4].

Газета «Коммерсантъ» – деловое и финансово-экономическое издание, что определяет его тематику и стиль подачи информации. Вполне предсказуемым оказалось преобладание среди ключевых слов корпуса терминов, относящихся к финансово-экономической сфере: *торги, активы, инвесторы, партнеры, банки* и числительных (*тысячи, млрд.*).

Слово *торги* [23] использовалось в контекстах, где речь шла о падении рубля и мерах, осуществляемых правительством для поддержки его курса: *Как рубль продолжает падение. Участники **торгов** оценивали ситуацию на рынках как крайне нервную* (ГК, 04.03.2014); *Тем не менее, принятых Банком России мер пока оказалось достаточно, чтобы поддержать курс рубля. По итогам дня курс доллара закрылся на уровне 36,58 руб./\$, что на 67 коп. выше закрытия пятницы [...]. По итогам **торгов** индекс РТС закрылся на отметке 1115,06 п., что на 12% ниже закрытия пятницы* (ГК, 04.03.2014); *18 декабря **торги** на валютном рынке начались укреплением рубля* (ГК, 19.12.2014).

Существительное *активы* [25] использовалось для описания экономических мер, предпринятых по отношению к лицам, причастным к присоединению Крыма. В частности, в контекстах, касающихся санкций, использовалась коллокация *замораживание активов* [12]: *Джон Керри сообщил, что США и их партнеры рассматривают **замораживание** российских **активов** как возможную меру воздействия на Москву* (ГК, 03.03.2014); *США предупредили Москву, что в случае военного вмешательства в украинский кризис Запад готов ввести санкции в отношении РФ. Они подразумевают ее исключение из “восьмерки”, **замораживание** российских **активов** и ограничения на выдачу виз россиянам* (ГК, 03.03.2014).

Лексемы *инвестиции/инвесторы* [32] использовались в газете «Коммерсантъ» в контекстах, описывающих состояние экономики Крыма после присоединения к России, выражалась необходимость привлечения капитала и инвестиций в развитие

региона: По словам собеседников “Ъ”, сейчас в ТПП рассматриваются варианты ответа правительству с учетом этих аргументов, но возможность привлечения частных **инвесторов** для крымских проектов в условиях мобилизационной экономики всерьез не обсуждается (ГК, 04.03.2014); Финансировать проект, как и прочие предложения по российским **инвестициям** в Крым, скорее всего, придется государству. Еще на прошлой неделе Минэкономики затребовало у Торгово-промышленной палаты РФ список **инвесторов** готовых вложить в Крым до \$5 млрд. (ГК, 04.03.2014).

Существительное *банк* [144] использовалась в тех случаях, когда давалась экспертная оценка состоянию российской экономики: *Если разрыв между потребительской корзиной и импортом в РФ из США, ЕС, Канады и Японии не будет компенсирован поставщиками, то дополнительные темпы инфляции к годовому показателю 2014 года могут составить 1,5 процентного пункта, считает экономист банка ING Eurasia Дмитрий Полевой* (ГК, 06.08.2014).

Итак, газета «Коммерсантъ» фокусировалась на теме украинского кризиса с точки зрения его влияния на экономику России. Основными темами было описание состояния российской экономики после присоединения Крыма, обсуждение проблем, связанных с интеграцией полуострова в российскую финансово-экономическую систему.

Проанализировав контекстуальное употребление слов, относящихся непосредственно к украинским событиям (*столкновения* [38], *манифестанты* [32], *митинг* [136]), было отмечено отсутствие каких-либо коннотаций. Например, для описания событий Майдана использовалась лексема *столкновения*: *19 февраля, в начале столкновений в Киеве доходность украинских гособлигаций подскочила до 34,27%* (ГК, 14.03.14); *Пророссийские акции вылились в столкновения с активистами «Евромайдана»* (ГК, 03.03.2014). Лексема *столкновения* сопровождалась числом – указанием количества жертв – и указанием места, где эти столкновения происходили: *В результате начавшихся в Киеве столкновений пострадало не менее 75 человек* (ГК, 03.03.2014); *В результате столкновений в столице пострадало восемь бойцов* (ГК, 27.02.2014); *Эпицентром столкновений стала площадь у здания облдминистрации* (ГК, 03.03.2014). В данных контекстах не было обнаружено каких-либо оценок или личных мнений авторов о происходящих в Украине событиях (ср. употребление лексем *штурмовики*, *боевики*, *нацисты* в «Российской газете»).

Лексемы *манифестанты* и *митинг* использовались для описания пророссийских протестов на юго-востоке Украины и в Крыму: *Манифестанты в Донецке и Харькове ранее также без отпора со стороны правоохранительных органов брали под контроль облдминистрации, однако удержат их не могли* (ГК, 11.03.2014); *У стен верховного совета в Симферополе прошли сразу два митинга – русскоязычных противников новой украинской власти и крымских татар, перемены в Киеве поддержавших* (ГК, 27.02.2014).

Атрибутивная сочетаемость лексем *манифестанты* и *митинг* проявляется в словосочетаниях, выражающих политическую ориентацию участников протестов – *пророссийские манифестанты, пророссийский митинг* и место проведения протестов *харьковский митинг*. Глагольная сочетаемость объективирует мирный, ненасильственный характер протестов – *манифестанты требовали, манифестанты скандировали, манифестанты решили, манифестанты постояли, манифестанты отстаивали*. Как видно, в описании участников протестов использовались прилагательные, описывающие их политические предпочтения, и глаголы, обозначающие форму проведения протестов. Исходя из этого можно заключить, что в контекстах, описывающих протесты, отсутствуют какие-либо коннотации и личная оценка авторами действий или поведения участников протестов.

Отсутствие оценочной лексики среди ключевых слов газеты «Коммерсантъ» позволяет сделать вывод, что это издание отличается взвешенным описанием событий, авторы материалов оперировали фактами и цифрами, использовали логическую (не эмоциональную аргументацию). Данные характеристики соответствуют категории «деловой прессы» – профессиональному жанру, в котором журналисты отслеживают, собирают, записывают и анализируют информацию, имеющую отношение к финансам и бизнесу. В описании российско-украинской тематики авторы газеты «Коммерсантъ» воздерживались от какого-либо эмоционального представления событий, описывали всех участников противостояния в нейтральной манере.

Обратимся к ключевым словам, характеризующим газету «Московский комсомолец»:

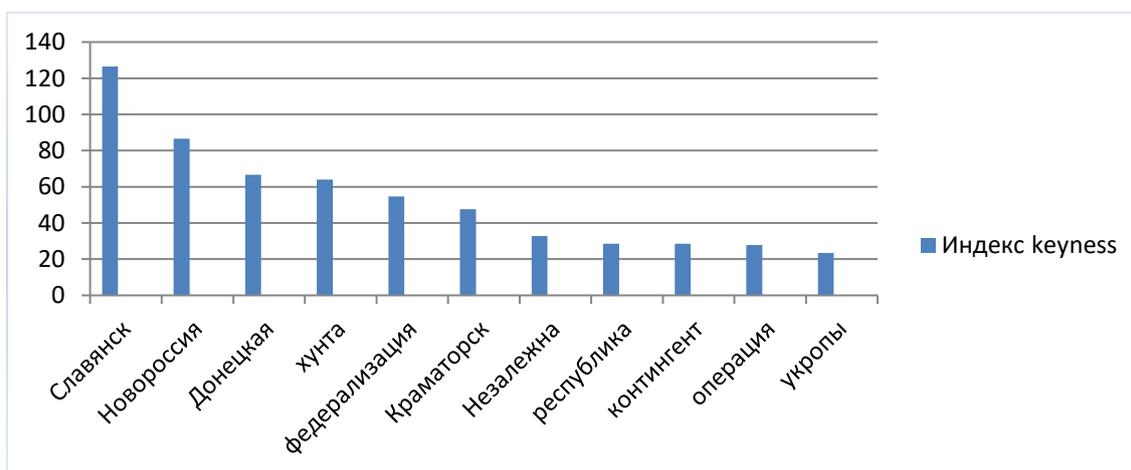

График 7. «Ключевые слова под-корпуса «Московский комсомолец»

Тематическая направленность «Московского комсомольца» – вооруженный конфликт на юго-востоке (*Славянск, Краматорск, операция, контингент*), создание новых политико-административных единиц (*Новороссия, Донецкая народная республика*), смена конституционного строя Украины (*федерализация*), украинская власть (*хунта*).

Исходя из списка ключевых слов газеты можно обнаружить, что много внимания уделялось описанию военных действий на юго-востоке Украины и их последствиям. В частности, ключевыми словами стали географические объекты *Славянск* [225] и *Краматорск* [75] – города в Донецкой области, где с 12 апреля по 5 июня 2014 года происходили первые столкновения между украинской армией и вооруженными формированиями самопровозглашенной Донецкой народной республики. Бои под Славянском и Краматорском ознаменовали начало военной фазы конфликта. В результате боевых операций города перешли под контроль украинского правительства.

Анализ конкордансов ключевого слова *Славянск* показывает, что лексемы, с которыми оно сочетается, относятся к лексико-семантической группе «война», «боевые действия»: *штурм, бои, боевая операция, вооруженная операция, спецоперация, отряды, кольцо, оборона, оккупация*: *Прошлой ночью Народное ополчение Донбасса провело в Славянске спецоперацию и три машины с боевиками «Правого сектора» были уничтожены* (МК, 14.04.2014); *Командующий обороной Славянска считает, что теперь вопрос стоит либо о "сдаче с потрохами" Юго-Востока Украины, либо о прямой военной поддержке со стороны Москвы* (МК, 08.06.2014).

Наиболее употребительными оказались словосочетания *жители Славянска* [19] и *ополчение Славянска* [9]. Говоря о жителях города, авторы упоминали о жертвах среди мирного населения (*нападать, убивать*) и обвиняли в этом украинское правительство: *Вопреки всем международным документам, хунта направила регулярную армию подавлять народ на Донбассе. Мы уже знаем о всех убитых этой армией жителях Славянска, Краматорска, Донецка* (МК, 27.04.2014); *В Славянске в Пасху Правый сектор напал на мирных жителей* (МК, 12.04.2014). Как и в «Российской газете», в «Московском комсомольце» осуществлялась дискредитирующая стратегия украинской власти.

По отношению к ополчению использовались определения с позитивной коннотацией: *В этом случае можно сказать, что ополчение Славянска – героическое. И благодаря авторитету Стрелкова ситуация там достаточно стабильна в этом плане – люди держат позиции и не у многих еще сдали нервы* (МК, 26.06.2014). Авторы статей, таким образом, занимали позицию сторонников федерализации.

Топоним *Краматорск* также обнаруживает сочетаемость с лексико-семантической группой, объединенной семьей «война», «военные действия»: *захват, штурм, нападение, взятие, оккупация, блокировать, расстрелять, убить*: *Славянск взят: Госучреждения захвачены в Красном Лимане, Красноармейске и Краматорске* (МК, 12.04.2014); *Правительство Украины не владеет информацией о погибших со стороны ополченцев в ходе штурма украинской армией аэродрома около Краматорска во вторник, сообщил журналистам первый вице-премьер Виталий Ярема* (МК, 16.04.2014). Прилагательные и причастия, характеризующие Краматорск – *мятежный, осажденный*: *Утром в среду в мятежный Краматорск вошли*

десантные части и бронетехника (МК, 16.04.2014); Как в фильме Тарантино. Волонтер из России – о последних днях ополченцев в осажденном Краматорске (МК, 08.07.2014).

Из-за того, что бои под Славянском и Краматорском разворачивались одновременно, соответствующие топонимы использовались в конструкции с сочинительной связью *Славянск и Краматорск* [12]: *Оккупация Славянска и Краматорска приведет к большому недовольству населения, которое еще больше поддержит ополчение* (МК, 07.07.2014); *Отступление ополченцев из Славянска и Краматорска – это начало конца Новороссии или хитрый тактический маневр, который поможет новорожденным республикам выстоять в войне с украинской армией?* (МК, 07.07.2014).

Прилагательное *Донецкая* использовалось в составе словосочетаний *Донецкая республика* [32] и *Донецкая народная республика* [29]; аббревиатура *ДНР* использовалась 50 раз. *Донецкая народная республика* – непризнанное государство, провозглашенное в пределах территории Донецкой области Украины 7 апреля 2014 года после ряда массовых протестов против нового руководства страны, которое пришло к власти в результате Евромайдана. Коллокация наиболее часто употреблялась со словами, которые эксплицитировали значение «государство», «суверенитет» и «органы власти»: *представители* [9], *руководство* [6], *лидеры* [6], *флаг* [6], *Верховный Совет* [4], *правительство* [3], *премьер-министр* [3], *суверенитет* [3], *власти* [2], *независимость* [2], *глава* [1], *Конституция* [1], *армия* [1], *командующий армии* [1]. Таким образом, описывая ДНР как независимое государство, имеющее собственное правительство, Конституцию, армию, государственные символы, редакция газеты «Московский комсомолец» признавала факт существования самопровозглашенной республики, ее законность и право на самоуправление.

Закономерной оказалась лексическая сочетаемость коллокации *Донецкая народная республика* со словами, означающими боевые действия (*ополченцы* [5], *наступление* [4], *бойцы* [3], *батальон* [4], *блокада* [2], *оборона* [2], *операция* [1]), так как именно на этой территории с начала апреля 2014 года происходили наиболее ожесточенные бои украинской армии с ополченцами.

Новороссия [118] – номинация объединенных Донецкой и Луганской народных республик, подразумевающая заявленную их руководством преемственность в отношении одноименного исторического региона Российской Империи. В контекстах была обнаружена как референция к историческому региону, так и к новообразовавшейся конфедерации: *В Одессе пытаются возродить дореволюционную Новороссию. В ходе митинга противниками киевской власти на Куликовом поле в Одессе было объявлено о создании Одесской народной республики – или Новороссии* (МК, 21.04.2014); *Так, местные сайты в качестве иллюстрации сообщения о митинге на Куликовом поле публикуют карты исторической области Новороссия в разные периоды ее существования. Тот же сайт "НовоРоссия" размещает карту, судя по которой, новая республика будет почти полностью*

совпадать с **Новороссийской губернией**, просуществовавшей в царской России до начала XIX века (МК, 21.04.2014); *На юго-востоке идет борьба за полное отделение – уже было провозглашено, что ДНР и ЛНР создадут конфедерацию под названием **Новороссия**. То есть они не хотят статуса регионов в составе Украины, за это идет борьба* (МК, 26.06.2014).

Большинство контекстов со словом *Новороссия* включали лексемы, актуализирующие смысл «объединение», «воссоединение». Таким образом передавалось значение «возрождение исторической Новороссии и включение в ее состав новых регионов Украины». На языковом уровне это достигалось перечислением топонимов, которые должны были войти в состав нового территориального объединения: *Проект резолюции включает в себя следующие пункты: развивать и укреплять всесторонние интеграционные связи регионов **Юга России, Крыма и Новороссии*** (МК, 18.03.2014); *Что такое юго-восток Украины? Неслучайно вышеуказанные девять областей обнимаются также историческим понятием **Левобережье и Новороссия**. Эта топонимика вопиет против зачисления их в Украину* (МК, 11.03.2014).

Так же как и Донецкая народная республика, Новороссия описывалась как государство посредством следующих лексем и словосочетаний: *флаг Новороссии* [4], *парламент Новороссии* [2], *армия Новороссии* [2], *гражданин Новороссии* [2]. Актуальными были значения поддержки, защиты региона: *помощь Новороссии* [5], *ополчение Новороссии* [4], *защитники Новороссии* [4], *признание Новороссии* [3], *поддержка Новороссии* [2], *казаки Новороссии* [1].

Лексема *федерализация* [56] чаще всего употреблялась в составе словосочетания *сторонники федерализации* [30]. Оно использовалось для номинации жителей юго-востока Украины, участвующих в митингах против новой украинской власти, а после начала вооруженного конфликта – для номинации участников военных действий. Данная коллокация сочетается с глаголами и глагольными конструкции активного действия: *митингуют, итурмуют, захватили, заблокировали, разыскивают провокаторов, сломали, готовы драться, остановили автобус, формируют отряды*. Случаи, в которых выражение использовалось в качестве объекта действия, менее многочисленные: *подвергаются обстрелам, задержанные Киевом*. Итак, жители юго-востока изображались как движущая сила, как активные участники реформ и военного сопротивления.

Существительное *контингент* [30] в большинстве случаев использовалось в конструкции *миротворческий контингент* [24], когда упоминалось о возможности введения российских войск на территорию Украины: *Среди российских политиков, судя по всему, нет однозначного мнения насчет возможности отправки на восток Украины **миротворческого контингента*** (МК, 07.04.2014); *Только **миротворческие контингенты** России смогут дать убедительный сигнал киевской хунте, которая пришла к власти через оружие и кровь», – заявил один из представителей совета* (МК, 07.04.2014); *Но, как заявил тогда глава комитета Совфеда по обороне и безопасности Виктор Озеров, «просто так взять и ввести по призыву местных*

властей наш **миротворческий контингент** в Донецк или куда-то еще – это противоречит международным принципам и нормам» (МК, 16.04.2014).

Также были зафиксированы примеры использования коллокаций **минимальный контингент** [2], **военный контингент** [2] в контекстах крымских событий: *На вопрос о том, как он [Председатель Верховного Совета Константинов] к решению о вводе войск РФ, он ответил: «Это минимальный контингент. Большого военного вмешательства РФ нет»* (МК, 02.03.2014); – *Как очевидец, можете ли вы подтвердить или опровергнуть слухи о наличии в Крыму российского **военного контингента**? – Я думаю, что это спецназ ВДВ. Этими людьми контролируется аэропорт Симферополя и аэропорт «Бельбек»* (МК, 28.02.2014).

Данные контексты являются примером эвфемистической замены – авторы намеренно избегали использования выражений *российская армия, российские войска*, обращаясь к непрямому, перифрастическому обозначению явления. Использование эвфемизмов при номинации военных действий – распространенная практика СМИ. Например, коллокация *ограниченный контингент войск* уже употреблялась в качестве эвфемизма для обозначения советской армии, участвующей в войне в Афганистане²²³. Данный прием дает возможность замаскировать неблагоприятные для политического руководства смыслы и скрыть от общественности суть явлений или действий.

Военный термин *операция* [84] входит в состав следующих словосочетаний: предикативных (*остановить операцию* [2], *проводить операцию* [1]) и атрибутивных (*антитеррористическая* [15], *карательная* [14], *контртеррористическая* [7], *военная* [6], *миротворческая* [5], *боевая* [3], *силовая* [4], *воздушно-десантная* [2], *вооруженная* [1], *совместная* [1], *специальная* [1], *спланированная* [1], *точечная* [1]).

Особенность публикаций «Московского комсомольца», посвященных украинскому вопросу, заключается в том, что в список ключевых слов попали два ярлыка – *укроп* и *хунта*, а также ироническое название Украины *Незалежна* (украинизм, дословно «Независимая»).

Уничжительная номинация украинцев *укроп* [38] характеризуется полисемией (подробнее смотреть в Параграфе 3.3.1.3). Нами были зафиксированы следующие ее значения: 1) украинская армия [17]; 2) знак отличия [8]; 3) украинцы, поддерживающие Майдан и военные действия на юго-востоке Украины [7]; 4) политическое объединение – партия «Укроп» [6].

Наиболее часто референтом слова *укроп* выступала украинская армия: *Зато на стороне ополченцев – чеченцы и ингуши. Эти молодцы: опытные ребята, очень помогали, местное население выводили из деревень мимо мин и растяжек, когда туда входили «укропы»* (МК, 10.10.2014); *Хотя германская разведка только что заявила, что точно – ополченцы из зенитно-ракетного комплекса «Бук», захваченного у вражеских украинцев («укропов»)* (МК, 23.10.2014). Как видно, в этом смысле данное слово отличается крайне негативной коннотацией.

²²³ Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. *Толковый словарь языка Совдепии*. СПб., СПГУ, 1998. С.278.

В значении «знак отличия» слово *укроп* употреблялось в контекстах, где описывалось использование официальными лицами, журналистами и общественными деятелями соответствующего символа как средства политической самоидентификации (изображение наносилось на одежду): *Президент Украины призвал защищать город, правда, не уточнил от кого, но представил новые шевроны – «Укроп»* (МК, 08.09.2014); *Журналист в майке с надписью «укроп» спросил Путина о «карательной операции России» на Украине* (МК, 18.12.2014).

В значении «украинцы» слово *укроп* использовалось для обобщенного пренебрежительного названия украинского народа: *Из несвязного разговора выясняется, что противники у православного люда уже другие: это «Черный Обама» и «укропы». Вот вам и любовь к братскому народу, к которому взывал митрополит* (МК, 05.08.2014); *В Твиттере Губарева еще 11 января также появилась запись: «Я не обвинял Кадырова в терактах в Париже. Это фейк укропов»* (МК, 20.01.2014); *Они [патриоты] твердят о духовности, христианских добродетелях, но ненавидят всех, кто может грозить их мещанскому благополучию: «укропов», чернокожего Обаму и любые конспирологические фантазмагии, которые внушают им аристократы-пиарщики* (МК, 26.01.2015).

Употребление существительного *укроп* в значении «политическая партия», в отличие от вышеперечисленных случаев, несет нейтральный оттенок: *Ярош создает в Верховной раде межфракционную группу «укроп»* (МК, 02.12.2014); *Для создания межфракционной группы в Верховной Раде необходимо 19 человек. Береза сообщил, что в «Укроп» готовы войти более 10 человек, и предположил, что в ближайшее время к ним присоединятся другие депутаты* (МК, 02.12.2014).

Лексема *укроп* образует словообразовательную парадигму. Производными оказались: *укропия* (пренебрежительное название Украины), *укропский* [2], *укропный* [1] (относящийся к Украине): *Армия укропии – все же регулярная армия, а не ополчение* (МК, 08.06.2014); *Не успело отзвучать в СМИ знаменитое «укропное» выступление Петра Порошенко в Мариуполе, как в интернете появилась масса предположений по поводу причин нестандартного поведения украинского президента* (МК, 11.09.2014); *Укры, как это ни смешно, нас давно уже опережают. Их машина неповоротлива, но руководят ею сейчас компетентные парни из-за океана (впрочем, я представляю, как они бесятся и «лезут на стенку» из-за укропской нерасторопности и пофигизма* (МК, 08.06.2014).

Незалежна [22] – распространенное название Украины в российских медиа. Прием использования иноязычного вкрапления позволяет имплицитно актуализировать значение «несостоявшееся государство». В отличие от нейтрального «Украина», «Незалежна» обладает стилистически сниженной окраской и, как любое украинское слово в российском контексте, несет оттенок иронии. Этот прием особенно эффективен, когда речь идет об Украине как государстве и субъекте международной политики: *Президент подчеркнул, что подписание договора об ассоциации с ЕС отрицательно скажется на объемах и динамике сотрудничества Незалежной со странами ТС, в первую очередь – с Россией* (МК, 27.08.2014).

Данный украинизм использовался также для описания негативных явлений в Украине: неэффективности управления и власти олигархов: *Ни один из избранных президентов Незалежной не ушел без скандалов и проклятий со стороны его бывших горячих сторонников* (МК, 12.09.2014); *Украинская политическая верхушка или признает свои убытки или предпримет еще одну попытку силой переделить власть и собственность в свою пользу. К этому готовы далеко не все олигархи Незалежной* (МК, 08.10.2014).

Существительное *хунта* [78] использовалось для номинации украинского правительства после событий Евромайдана. Негативная оценка, заложенная в данной лексеме, усиливается ее сочетаемостью. Она встречается в атрибутивных словосочетаниях *киевская хунта* [44], *фашистская хунта* [4], *военная хунта* [6], *украинская хунта* [2]; в номинативных конструкциях *хунта самозванцев* [1], *карательная операция хунты* [4]; в глагольных конструкциях: *хунта захватила* [6], *хунта затеяла* [2], *хунта направила регулярную армию* [1], *хунта учредила репрессии* [1], *хунта зачистит город* [1]; в синонимических конструкциях: *это хунта, клика какая-то* [1].

Превалирование ярлыков в «Московском комсомольце» свидетельствует об эмоциональном описании событий. «Желтая пресса», в отличие от официальной («Российская газета») и деловой прессы («Коммерсантъ»), отличается более экспрессивной подачей материала. Здесь преобладает эмоционально-окрашенная лексика, с помощью которой достигается сенсационность и провокационность публикаций, что является отличительной чертой данной газеты.

Наконец, проанализируем ключевые слова оппозиционного источника «Новая газета». В качестве справочного корпуса выступили «Российская газета», «Коммерсантъ» и «Московский комсомолец».

Исходя из Графика 8 можно заметить, что «Новая газета» сосредотачивалась на следующих темах: необъективное освещение правительственными СМИ украинского вопроса (*пропаганда, миф, сознание*), незаконные действия России по отношению к Украине (*вторжение, аннексия*), участники военных действий на юго-востоке Украины (*сепаратисты*), жители Донбасса (*шахтеры*), отношения России и Запада (*изгой, холодная война*), критически настроенная к действующей власти прослойка общества (*интеллигенция, профессор*):

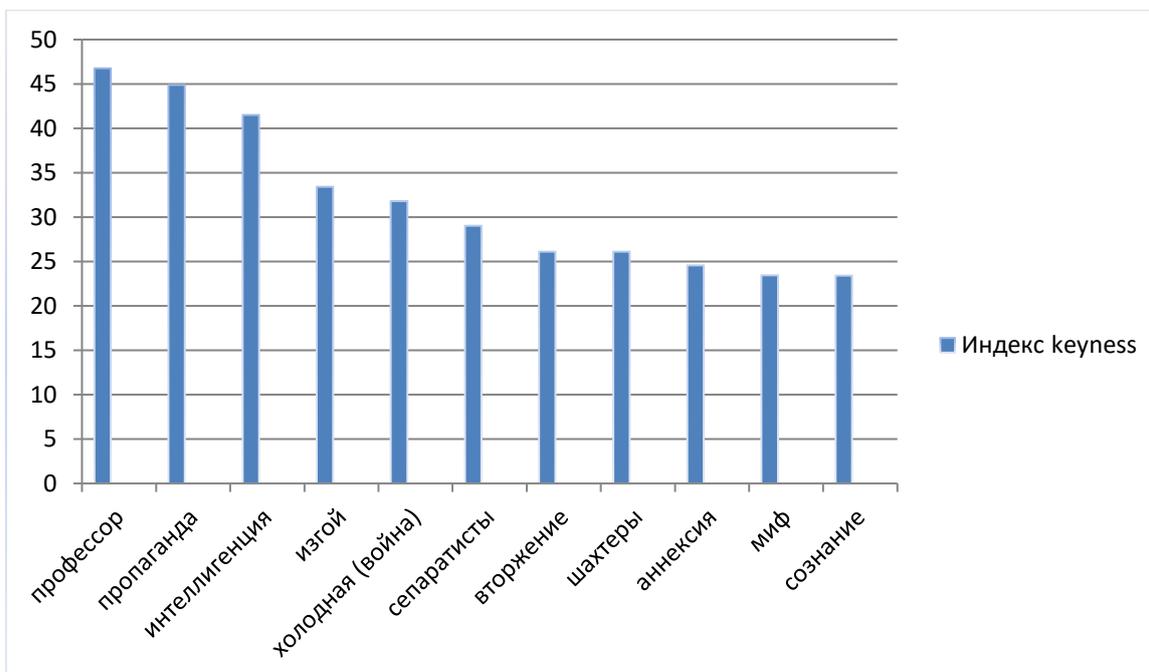

График 8. «Ключевые слова корпуса «Новой газеты»

Как можно заметить, «Новая газета» совсем по-иному моделировала ситуацию «украинский кризис».

Отсутствие объективной подачи информации – ключевая тема в «Новой газете», на что указывают слова *пропаганда* и *миф*. Объектом критики выступали российские, реже украинские СМИ, обвиняемые в проведении информационной войны:

Общая депрессия, взаимный страх и напряженность усугубляются отсутствием источников надежной информации. Все стороны, участвующие в этом конфликте, ведут информационную войну в чистом виде. Журналисты, работающие «на стороне» Майдана или наоборот – это не журналисты, а пропагандисты (НГ, 16.04.2014).

Обличение российских СМИ в пропаганде осуществлялось через словосочетания: *российская пропаганда* [5], *отечественная пропаганда* [1], *кремлевская пропаганда* [3], *московские пропагандисты* [2], *кремлевские пропагандисты* [2].

Массовость и распространенность данного явления передавались через прилагательные: *массированная* [5], *массовая* [2], *безудержная* [1], *беспардонная* [1].

Пропаганда концептуализировалась как военное дело (*пропагандистская война, пропагандистская кампания*), как слаженный механизм (*механизма пропаганды*), как искусство (*пропагандистское искусство*), как психическое расстройство (*пропагандистская истерия*), как природное явление (*пропагандистский потоп*).

Слово *миф* [44], относящееся к тому же семантическому полю, понималось как способ осуществления *пропаганды*:

На войне ложь никогда не называется ложью, но военной хитростью, дезинформацией. По этой причине война требует мифологизации: без мифа и ружье не стреляет [...]. Несложно оживить в массовом сознании миф о коварном внешнем враге для холодной (пока что) войны с Америкой (НГ, 12.05.2014).

Характерно, что слова *пропаганда* и *миф* «притягивают» контексты со словами семантического поля «война»: *ружье, стрелять, противник, враг, вторжение*. Таким образом, в «Новой газете» осуществлялась критика власти, которая с помощью мифов и пропаганды оправдывала военные действия.

С помощью лексемы *сознание* [33] передавалось значение «осуществление пропаганды и информационной войны». Использовались именные конструкции: *манипулирование сознанием* [3], *стереотипы сознания* [1], *мифы сознания* [1], *отравление сознания* [1], *внедрение в сознание* [1], *манипуляторы сознания* [1], *установка сознания* [1]; атрибутивные: *массовое сознание* [7], *мифологизированное сознание* [2], *общественное сознание* [1], *национальное сознание* [1], *магическое сознание* [1], *имперское сознание* [1], *государственно-патерналистское сознание* [1]; предикатные: *сформировать сознание* [1], *трансформировать сознание* [1], *оживить в сознании* [1], *вытеснить из сознания* [1], *усваиваться сознанием* [1]. Эти лексические средства передавали значение активного влияния государства на сознание и политические установки граждан.

Противостояние пропаганде передавалось с помощью лексемы *интеллигенция* [33]. Традиционно «интеллигенцией» называется слой образованных и мыслящих людей, выполняющих функции, которые предполагают высокую степень развития интеллекта и профессиональной образованности; класс людей умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры²²⁴. В обществе широко распространено мнение, что едва ли не родовой чертой интеллигенции является ее оппозиционность относительно власти. Это и легло в основу номинаций: в «Новой газете» существительное *интеллигенция* использовалось для названия общественных деятелей, представителей культуры, искусства, правозащитников и т.д., не поддерживающих политику официальной власти:

Мнение интеллигенции, не согласной с политикой, проводимой властями в создавшейся ситуации, должно быть выражено более четко и звучно. А для этого необходимо уже в ближайшие дни провести Конгресс российской интеллигенции с приглашением представителей украинской интеллигенции (НГ, 14.05.2014).

Поскольку класс интеллигенции составляет небольшое число граждан, основными лексемами, попавшими в поле этого понятия, оказались слова с общей

²²⁴ Толковый словарь Ожегова: электронный ресурс. Режим доступа: <http://zhegov.info/slovar/?ex=Y&q=ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ> (дата обращения 05.06.2019).

семой исключительности (*элита, культура*) и единения (*объединиться, консолидироваться, собраться, конгресс*):

*И ни один человек не может высказать свое критичное мнение! Голос подают только представители **интеллигенции**, деятели культуры, правозащитники. Не может быть стабильной страна, в которой подавляется любое инакомыслие* (НГ, 06.03.2014).

*Слава богу, что **интеллигенция** консолидировалась сейчас, в этот опасный и критический момент. ... Она жива и ценности ее живы. И жива главная ценность – антивоенный настрой, желание мира, противостояние насилию и произволу. ... Сейчас на нас вылился целый поток лжи: лгут политики, СМИ и многие граждане. ... И то, что **интеллигенция** сейчас объединилась против этого произвола делает ей честь* (НГ, 18.03.2014).

К этому же семантическому полю относится и лексема *профессор* [24]. Она попала в список ключевых благодаря статьям, в которых речь шла об увольнении профессора МГИМО Андрея Зубова. Причиной увольнения были его критические высказывания в сторону российского политического руководства касательно украинского вопроса. Событие вызвало общественный резонанс и возмущение оппозиционно настроенных граждан. Слово *профессор* использовалось со словами *увольнение* [3], *уволить* [2], *в защиту* [1], *восстановить* [1], *ситуация вокруг* [1]. Задачей «Новой газеты» было привлечь внимание читательской аудитории к теме преследования лиц, несогласных с политикой официальных властей и защиты их прав.

В под-корпусе «Новой газеты» выражение *холодная война* использовалось в контекстах, где описывались отношения между Россией и Западом после присоединения Крыма, а также в контекстах, посвященных теме санкций. Словосочетание встречается чаще, чем в правительственных газетах (27 употреблений в «Новой газете» и 40 суммарно в трех правительственных):

*Украинский кризис подтвердил очевидное – виток исторической спирали привел отношения между Россией и Западом к состоянию **холодной войны*** (НГ, 02.03.2014).

*Но Глазьева не проведешь. Он твердо знает, что санкции это часть **холодной войны*** (НГ, 26.04.2014).

В контекстах, где употреблялось выражение *холодная война*, использовались словосочетания, подчеркивающие неблагоприятные условия, в которых оказалась Россия и возможные для нее негативные последствия: *Россия стремительно скатывается, поставить страну на грань холодной войны*:

Россия стремительно скатывается к новой холодной войне (НГ, 13.03.2014).

Прозвучавшая накануне программная речь президента, по сути поставившая страну на грань холодной войны, внесла серьезные коррективы в предполагавшуюся тональность общего разговора (НГ, 20.03.2014).

Номинация *шахтеры* [46] использовалась в «Новой газете» для опровержения информации, распространяемой правительственными СМИ о том, что жители юго-востока безоговорочно поддерживают идею федеративного устройства Украины. Известно, что шахтеры составляют значительную часть населения Донецкой области, поэтому говоря об их низкой активности, авторы транслировали смысл недостаточной поддержки местными жителями антиукраинских протестов. Это проявлялось в употреблении отрицательных глаголов и глагольных конструкций: **Шахтеры Донбасса не поддерживают сепаратистов [...]. Шахтеры – не политики. На митинги не ходят и не знают, откуда взялись сепаратисты и какие у них цели** (НГ, 20.05.2014); **Разве не удивительно, что в российской ТВ-реальности начисто отсутствуют шахтеры, вроде бы передовой отряд рабочего класса, краса и гордость тов. Зюганова? Однако не видно шахтеров в телевизоре** (НГ, 20.05.2014); **Независимый профсоюз горняков разочаровал тех, кто устраивает беспорядки: на наше участие не рассчитывайте. Шахтеров среди толпы с битами действительно нет** (НГ, 09.04.2014).

Эффективным для реализации данной коммуникативной цели было использование стратегии числа: **Шахтеры, наравне с Ахметовым, отлично понимают, что в стране нефтегазовой иглы Донбасс с его дотационным «черным золотом» никому особенно не нужен. Поэтому в Донецке, где населения под миллион, на митинги в поддержку бутафорской республики ходит максимум 2-3 тысячи человек** (НГ, 20.05.2014); – **Сколько в Украине шахтеров? Их можно считать серьезной силой? – 300 тысяч. 270 тысяч человек живут и трудятся в Донецкой области. – И какая же часть старается разобраться, что происходит? – На нынешних акциях шахтеров немного** (НГ, 20.05.2014).

В публикациях этого издания осуществлялась стратегия дискредитации представителей самопровозглашенной Донецкой республики, которые, согласно авторам, совершали незаконные действия по отношению к шахтерам. Это проявлялось в использовании глаголов: *блокировать, захватывать, ворваться, пытаться, требовать, забрать*: **Надо иметь личное мужество, чтобы противостоять в одиночку. Тем более, что преступникам помогает милиция. В шахтерском местечке Новоградовка ворвались к предпринимателю Константину Мусейко. Застрелили собак, хозяина увезли в помещение облгосадминистрации. Пытали зверски, ребра ломали. У Саши Вовка, шахтера, с боем забрали то немногое, что имел при себе – 60 гривен** (НГ, 20.05.2014).

Если сравнить использование существительного *шахтеры* в оппозиционной «Новой газете» и правительственной «Российской газете» (13 употреблений), можно увидеть, что в последней создавалась противоположная реконструкция событий. С помощью глаголов *действовать, захватывать, кричать, подтянуться,*

сформировать утверждалось, что шахтеры активно поддерживали протесты против украинской власти: *Сейчас практически во всех крупных городах Донецкой области есть свой антимайдан. Шахтеры не хотят ничего слышать о киевской власти. Самые смелые кричат о присоединении к России. Слова “референдум” и “федерализация” проникли даже в детские сады. И еще одно слово: спецоперация. Им вот уже неделю пугает Киев шахтеров. Но те каждый день захватывают все новые отделы милиции и горадминистрации. Действуют точно по рецепту киевского “евромайдана”* (РГ, 18.04.2014).

Существительное *изгой* [24] использовалось для описания ситуации, в которой оказалась Россия после Крымского референдума. Традиционно «изгоем» называют человека, исключенного из социальной группы и потерявшего какие-либо социальные признаки. Используя прием персонификации, авторы констатировали международную изоляцию России. Наиболее распространенным было употребление данной лексемы в составе слова-композиата *страна-изгой* [8]. Слово также использовалось с прилагательными, объединенными семой «глобальность»: *международный изгой* [3], *мировой изгой* [2], *глобальный изгой* [1] и в номинативной конструкции *статус изгоя* [2]. Слово служило основой для образования существительного *изгойство* [1].

Разные стратегии номинации использовались в подконтрольных власти СМИ и в оппозиционной газете. В правительственных изданиях для названия участников протестов и военных действий в восточных регионах Украины употреблялись нейтральные выражения: *манифестанты, сторонники федерализации, пророссийские активисты, участники пророссийских митингов* или позитивно-окрашенные лексемы, включающие сему «патриотизм»: *ополченцы* (жители территории, которая восстала против центральной власти)²²⁵, *повстанцы* (люди, восставшие против действующей на данной территории власти не обязательно проживающие на ней). Таким образом создавался образ жителей Донбасса, выступающих за свои права и требующих от центральной власти автономии региона.

В «Новой газете» превалировало слово *сепаратисты* с градацией значений от нейтрального до крайне негативного:

(нейтральное):

Днем в субботу в Славянске было относительно спокойно. Центр по-прежнему контролируют сепаратисты. Но за некоторые блокпосты по окраинам уже шли столкновения с украинскими военными (НГ, 04.05.2014).

²²⁵ Согласно Толковому словарю Ожегова, *ополченец* – человек, вступивший в *ополчение* – военное формирование, создаваемое с помощью действующей армии, преимущественно на добровольных началах (Толковый словарь Ожегова: электронный ресурс. Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=ОПОЛЧЕНИЕ>, дата обращения 06.06.2019). Во время украинского кризиса ополченцами называли добровольно вступивших в ряды армии жителей Донбасса, воюющих против сил украинской армии.

(оценочное):

*Говорят, что мы **сепаратисты**, захватчики, террористы! Все это чушь. Украинские каналы нагло врут* (НГ, 10.04.2014).

Сепаратист – сторонник отделения территории от государства, в состав которого она входит, либо требующий широкой автономии. Учитывая, что слово «сепаратист» может ассоциироваться с событиями в других регионах России (например, в Чечне), оно имеет сильный эмоциональный заряд и оценочность.

Использование данной лексемы в «Новой газете» показывает, что авторы более критично высказывались по отношению к сторонникам федерализации. Важно отметить, что в «Новой газете» использовалась, кроме *сепаратист*, лексема *террорист* [15] для номинации пророссийских активистов:

*Когда все еще начиналось, **террористы** говорили местным жителям: мы пришли вас, русскоязычных защищать, ваши интересы, требовать федерализацию. А посмотрите сейчас большинство этих защитников превратилось в обыкновенных бандитов и мародеров* (НГ, 25.05.2014).

В «Новой газете» использовались слова *вторжение* и *аннексия* для обозначения действий России в Украине (в остальных периодических изданиях использовались существительные *присоединение, вхождение, включение, воссоединение, возвращение*). Оба слова обладают негативным смыслом и являются проявлением стратегии делегитимации: *Для чего российская власть оставляет переговорное окно: для дипломатической торговли с Западом или **вторжения** в восточные регионы Украины?* (НГ, 19.03.2014); *Ближайшим следствием **аннексии** Крыма станет превращение России в страну с нулевой репутацией* (НГ, 16.03.2014). Согласно Политологическому словарю, *аннексия* (от лат. *annexio* – «присоединение») – насильственное и противоправное присоединение одним государством территории или части территории другого государства²²⁶. Используя данное слово, авторы ставили под сомнение правомерность действий властей:

*Наша страна оказалась ввергнутой в опаснейшую авантюру. Под лозунгом «Защитим русских в Крыму, а также всех украинцев от новой нелегитимной фашистской власти в Украине!» уже произошла фактическая **аннексия Крыма*** (НГ, 13.03.2014).

*Бывают моменты в истории, когда политические решения преобладают над экономическими интересами. Что и проявилось в действиях Москвы по **аннексии** Крыма.*

²²⁶ Коновалов, В.Н. *Политология. Словарь*. Москва, РГУ, 2010: электронный ресурс. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/11/Аннексия> (дата обращения 15.09.2019).

Слово *аннексия* использовалось не только для декларации личной позиции авторов (как в вышеуказанных примерах), но и для цитирования мнений экспертов и политиков. В этом случае слово графически оформлялось кавычками:

*Выступая на этой неделе в Брюсселе, генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен не жалел злых слов, очевидно, выражая общее мнение, как и положено генсеку. [...] В официальном коммюнике министры осудили «российскую интервенцию, нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины», а «попытку **аннексии** Крыма» признали незаконной (НГ, 03.04.2014).*

Показательно, что в российских правительственных источниках слово *аннексия* также встречается, но в совсем ином значении – как незаконные действия Украины по отношению к Крыму:

*Спикер Госдумы Сергей Нарышкин отметил, что международное сообщество должно понимать разницу между событиями 1990-х годов, когда Крым был, по сути, **аннексирован** Украиной, и самоопределением жителей полуострова в 2014 году (РГ, 25.03.2014).*

В этом случае имеет место идеологическая полисемия – одно и то же слово, в зависимости от интенции автора и его идеологических предпочтений, приобретает противоположные значения. Семантическая неопределенность и неоднозначность значений – характеристика политического масс-медийного дискурса, позволяющая авторам манипулировать смыслом высказывания.

Проведенный анализ ключевых слов позволяет сделать вывод о том, что ситуация «украинский кризис» по-разному моделировалась в анализируемых периодических изданиях. При этом ключевые слова выступали неким стилистическим и содержательным портретом, отражающим темы, которые попали в фокус внимания редакции издания. Выбор языковых средств при описании общественно-политической ситуации «украинский кризис» зависел от идеологической ориентации издания и осуществлялся с учетом ожиданий читательской аудитории. Анализ ключевых слов позволил увидеть тенденции в выборе способов воздействия на аудиторию.

Рупор власти «Российская газета» сосредотачивался на вопросах правительственного значения – защите русского языка и прав русскоязычного населения за рубежом, обеспечения безопасности журналистов, осуждения украинской власти, ограничивающей права русскоязычных граждан Украины, критическом описании силовых методов, с помощью которых происходила смена власти в Украине.

Совсем иной подход был обнаружен в газете «Коммерсантъ». Тематическими маркерами данного издания были Крымский референдум и его последствия для экономики страны. Ключевые слова данной газеты, по сравнению с другими

анализируемыми источниками, свидетельствуют об отсутствии негативных коннотаций при описании ситуации в Украине. Это говорит о том, что авторы статей склонялись к нейтральной подаче событий. Данный подход определяется, на наш взгляд, адресатом данной газеты – профессионалами в сфере бизнеса и финансов, мало заинтересованными в эмоциональной составляющей кризиса. В связи с этим, авторы статей максимально объективно оперировали фактами и использовали логические доводы.

«Московский комсомолец» сосредотачивался на теме военных действий на востоке Украины, способах их проведения и участниках этих действий. Список ключевых слов данного издания включает наибольшее количество оценочной лексики. Это объясняется тем, что данная газета рассчитана на максимально широкую аудиторию, находящуюся в поиске сенсационных новостей. Это и определило выбор авторами статей эмоционально-экспрессивных языковых средств и ярлыков. Данные характеристики соответствуют типу издания – «желтой прессе», цель которого привлечь внимание читателей к определенной тематике, сформировать их мнение по важным социальным вопросам, направить их политические и идеологические предпочтения в необходимое русло.

«Новая газета», как оппозиционное СМИ, выступает выразителем интересов оппозиционных социальных групп и организаций. Следовательно, способы номинации событий, относящихся к Украине, были кардинально и иногда диаметрально противоположны тем, которые использовались для описания той же ситуации в подконтрольных власти СМИ. В целом, авторы «Новой газеты» выражали критическую позицию по отношению к российской власти. Это проявлялось в негативной номинации участников пророссийских протестов и в критике действий России по отношению к Украине.

Глава 3

Коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе России по украинскому вопросу

3.1. Анализ коммуникативных стратегий в речах В. Путина²²⁷

3.1.1. Стратегия легитимации

Стратегия легитимации лежит в основе любого политического действия. В этом отношении она является актом узаконивания, оправдания поведения (психического или физического). Процесс легитимации начинается с аргументации, то есть путем предоставления аргументов, объясняющих социальное поведение, идеи, мысли, заявления и прочее. Кроме того, акт легитимации или оправдания связан с целью, которая в большинстве случаев заключается в получении поддержки и одобрения адресата. Этот поиск одобрения может быть мотивирован разными причинами: например, чтобы получить или сохранить власть, добиться общественного признания, улучшить отношения в сообществе, достичь популярности или славы и т.д.²²⁸.

В контексте российско-украинского кризиса, данная стратегия строилась на аргументации законности принятых российским правительством решений (проведение Крымского референдума и последующее присоединение Крыма). Характерными в этом случае были ссылки на закон, нормы международного права и международные документы: *закон* [45], *правовой* [31], *законный* [23], *легитимный* [20], *соблюдать* [7], *легитимность* [5], *право* [5].

Использование вышеуказанных лексем позволило президенту аргументировать справедливость поддерживаемых им политических и социальных порядков: *16 марта в Крыму состоялся референдум, он прошёл в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами* («Крымская речь», 18 марта 2014); *Важной частью для нас является, конечно, соблюдение законных прав и интересов русских, проживающих на Украине, и тех людей, которые считают себя русскими вне зависимости от того, что у них в паспорте написано* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014); *Решение о проведении референдума принял абсолютно легитимный представительный орган власти Крыма – парламент Крыма* (Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014).

Корректность действий России по отношению к Крыму и законность вхождения полуострова в состав РФ как воссоединение с «исторической родиной» реализуется обращением к истории (*история* [56], *исторический* [46]): *Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила*

²²⁷ Классификация коммуникативных стратегий и тактик осуществлялась с использованием типологии, указанной в Параграфе 1.3.1.

²²⁸ Reyes, A. Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions, in *Discourse&Society*. Vol. 22 (6). Sage, 2011. P. 781-807. P.782.

и значит Россия для Крыма и Крым для России. В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора («Крымская речь», 18 марта 2014); Рассчитываю, что граждане Германии также поддержат стремление русского мира, **исторической России к восстановлению единства** («Крымская речь», 18 марта 2014). В данной речи президент делает отсылку к ключевым моментам в истории Крыма – присоединению Крыма к Российской империи (1782-1783), русско-турецким войнам, основанию Черноморского флота, Балаклавскому сражению (1854). Президент определенным образом преломляет исторический нарратив так, чтобы представить в выпуклом виде собственную роль в государственном строительстве.

Апелляция к общему историческому прошлому осуществляется и по отношению к Украине. Метафора «Россия и Украина – братские народы» реализуется через существительные *братья* [3], словосочетания *один народ* [3], *близкие родственники* [2], *братская Украина* [1], коллокацию *братские народы* [7]. Аллюзия на общее географическое пространство совершается посредством лексемы *соседи* [15]: *Вот люди, которые имеют свои собственные взгляды, могут поспорить, но мне кажется, что русский и украинский народ – это практически **один народ**, вот кто бы чего ни говорил* (Всероссийский молодежный форум «Селигер», 29 августа 2014); *Мы очень переживаем за то, что происходит на Украине. Но я верю, что Украина преодолет все трудности. Мы не просто **соседи**, мы самые **близкие родственники**, и наш будущий успех зависит от нас: и от России, и от Украины* (Митинг «Мы вместе» в поддержку принятия Крыма в состав Российской Федерации, 18 марта 2014); *Мы заинтересованы в том, чтобы украинская экономика вышла из кризиса, потому что это наши **соседи**, и мы заинтересованы в том, чтобы на наших границах было спокойствие и порядок* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014).

Для номинации изменения статуса Крыма предпочтительными в корпусе президента лексемами являются: *присоединение* [18], *воссоединение* [10], *вхождение* [10], *возвращение* [5]: *И в заключение хочу сказать, что, наверное, пройдет время, осядет пена, уляжется эта истерия, но **присоединение Крыма и Севастополя** в благодарной памяти многих поколений останется как символ возрождения величия России* (Встреча с членами совета Палаты Федерации, 27 марта 2014); *Более 96 процентов высказалось за **воссоединение** с Россией. Цифры предельно убедительные* («Крымская речь», 18 марта 2014). Таким образом, президент аргументирует историческую принадлежность Крыма России.

Легитимация посредством мифа. Многие авторы объясняют механизм легитимации, обращаясь к понятиям *идеологии* и *мифа*²²⁹. Идеология понимается как

²²⁹ Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. New York, Palgrave Macmillan, 2005; Lakoff, G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf, in *Journal of Cognitive*

«последовательная репрезентация реальности, которая служит основой вовлечения индивидов в социальную жизнь»²³⁰. Идеология интерпретируется как понятие высшего уровня, которое включает в себя систему верований, связанных с политической практикой и верований, относящихся к религиозной деятельности. Таким образом, идеология – это система идей, мнений, убеждений, с помощью которых определенная социальная группа создает смыслы, которые оправдывают ее существование и действия, следовательно, это средство легитимации.

Определяя критерии того, что считать правильным, а что ошибочным, хорошим или плохим, политический субъект осуществляет легитимацию внутри социальной группы, которая эти мнения разделяет. Суть легитимации заключается в том, что политический лидер устанавливает систему ценностей, которая, в свою очередь, является основой политического действия. Легитимация, таким образом – не только логический но и иррациональный процесс: политический лидер использует язык этики для эмоционального воздействия на аудиторию.

Один из способов трансляции идеологии – это миф. Миф – это история, которая объясняет суть общих понятий, например происхождение добра и зла, вселенной, человека и т.д. Гейс идентифицирует три политических мифа²³¹:

1. миф Заговора (создание врага) – это миф, в котором враждебная группа «они» осуществляет заговор для того, чтобы причинить зло группе своих («мы»): *Наши западные партнеры во главе с США предпочитают руководствоваться правом сильного. Они применяют силу против суверенных государств, выстраивают коалиции по принципу «кто не с нами, тот против нас». Чтобы придать агрессии видимость законности, выбирают нужные резолюции из международных организаций («Крымская речь», 18 марта 2014);*
2. миф Бесстрашного Лидера – миф, в котором великодушный политический лидер эффективно спасает (защищает) людей от опасности благодаря таким своим качествам, как смелость или умение преодолевать трудности: *Жители Крыма и Севастополя обратились к России с призывом защитить их права и саму жизнь. Разумеется, мы не могли не откликнуться, не могли оставить Крым и его жителей в беде, иначе это было бы просто предательством («Крымская речь», 18 марта 2014);*
3. миф Объединения («мы») – вера в то, что группа может победить врага, покоровшись или принеся жертву лидеру: *Мы вместе должны справиться с этим вызовом, должны защитить межнациональный мир, а значит, единство нашего общества, единство и целостность нашего государства («Послание Президента Федеральному Собранию», 4 декабря, 2014).*

Semiotics. IV (2). 1991. P. 5-19; Chilton, P. *Security Metaphors: Cold War Discourse from Containment to Common House*. New York, P.Lang, 1996; Van Dijk, T. Discourse and Manipulation, in *Discourse&Society*. 1993. Vol.4, №2. P.249-283; Wodak, R. *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*. Amsterdam, John Benjamins, 1989.

²³⁰ Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. New York, Palgrave Macmillan, 2005. P.21.

²³¹ Geiss, M. *The Language of Politics*. New York, Springer Verlag, 1987. P.54.

Важно отметить, что в данной концепции дискурс легитимации включает три компонента: угрозу, реакцию на угрозу и наличие сильного лидера. Политическая власть основывается не только на абстрактных идеях и системах верований, но и на конкретном присутствии героя-лидера.

Как можно заметить, в риторике В. Путина присутствуют все три вышеперечисленных компонента: миф заговора против России в лице европейских государств и США, миф сильного президента-лидера в лице В. Путина и миф объединения россиян против «внешней угрозы».

3.1.2. Стратегия самопрезентации

Построение позитивного имиджа политического лидера является важным элементом в процессе борьбы за власть. Под имиджем понимается стереотипное, закрепленное в массовом сознании представление о политике, которое в концентрированной форме отражает его суть. Важность позитивного имиджа для политика заключается в том, что его успех напрямую зависит от того, какой образ и какие ассоциации он вызывает у потенциальных избирателей. В политической коммуникации имидж – это результат сознательного воздействия на адресата, когда политический лидер демонстрирует не свои истинные качества, а культивирует образ, который активно навязывается избирателям.

Во время кризисных периодов построение позитивного образа политика особенно актуально, так как оно направлено на усиление авторитета политического лидера. Выстраивание положительного образа президента страны в выступлениях, касающихся присоединения Крыма, осуществлялось путем использования языковых средств со значением «мирный», «невооруженный»: *В Крыму не произошло ни одного вооружённого столкновения и не было человеческих жертв. Как вы думаете, почему? Ответ простой: потому что против народа и его воли воевать трудно или практически невозможно («Крымская речь», 18 марта 2014); Нам говорят о какой-то российской интервенции в Крыму, об агрессии. Странно это слышать. Что-то не припомню из истории ни одного случая, чтобы интервенция проходила без одного-единственного выстрела и без человеческих жертв («Крымская речь», 18 марта 2014).*

Президент демонстрирует сильные стороны своей политики и собственные позитивные качества через стремление выстраивать отношения сотрудничества с другими странами (*тактика сотрудничества*). Данная позиция реализуется лексемами *диалог* [55], *сотрудничество* [34], *доверие* [28]: *И это в то время, когда Россия искренне стремилась к диалогу с нашими коллегами на Западе. Мы постоянно предлагаем сотрудничество по всем ключевым вопросам, хотим укреплять уровень доверия, хотим, чтобы наши отношения были равными, открытыми и честными. Но мы не видели встречных шагов («Крымская речь», 18 марта 2014).*

Преобладающими номинациями стран-участниц кризиса являются: *партнеры* [147], *коллеги* [73], *друзья* [42]²³²: *Мы разговариваем очень профессионально, очень доброжелательно с нашими партнёрами и на Украине, и в Еврокомиссии. Мы взяли на себя огромную ответственность и риски, считаем абсолютно справедливым, чтобы эти риски были с нами поделены нашими европейскими или американскими партнёрами* (Заседание Международного клуба «Валдай», 24 октября 2014); *Но это не может вечно продолжаться [О расширении НАТО]. Это все должны понять, в том числе наши американские друзья и партнеры* (Заседание международного клуба «Валдай», 24 октября 2014). Данные существительные употреблялись чаще всего в словосочетаниях: *европейские партнеры* [16], *американские партнеры* [3], *украинские партнеры* [12], *украинские коллеги* [2], *европейские коллеги* [2], *американские коллеги* [2], *украинские друзья* [2], *европейские друзья* [1], *американские друзья* [2]. Называя Украину, страны ЕС и США партнерами, президент демонстрирует стремление к мирному решению конфликта и призывает их к сотрудничеству.

Противопоставляя агрессивную политику Запада мирным действиям России, Путин выстраивает собственный положительный имидж: *И, наконец, условия, при которых мы могли бы нормализовать отношения с Западом. Не мы их портили, и мы всегда выступаем за нормальные отношения со всеми государствами: как на Востоке, так и на Западе. Самое главное условие восстановления нормальных отношений – это уважение к России и уважение её интересов* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014).

В контекстах, касающихся взаимоотношений с Украиной, превалировали аргументы, отражающие желание помочь ей в выходе из кризиса: *урегулирование* [14], *стабилизация* [9], *поддержка* [8], *помощь* [8], *развитие* [6], *восстановление* [6].

Неотъемлемой частью создания позитивного имиджа политика является *тактика отождествления*. Ее суть заключается в «ненарочитой демонстрации символической принадлежности к определённой социальной, статусной или политической группе»²³³. Если лидер воспринимается избирателями как «свой» и затрагивает проблемы, которые близки его потенциальной аудитории, он может рассчитывать на ее поддержку.

Тактика отождествления осуществляется посредством инклюзивных местоимений *мы* и *наш* (ср.: 1212 употреблений формы *мы* против 819 местоимения *я*). Особенность этих местоимений заключается в том, что они объединяют в своей семантике отправителя и получателя сообщения. Личное местоимение *мы* и притяжательное местоимение *наш* могут стать расширенным обозначением

²³² Высокая частотность лексем *коллеги* и *друзья* объясняется частым употреблением президентом форм-приветствий *Дорогие коллеги! Дорогие друзья!*

²³³ Паршина, О.Н. *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России*: дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Саратов, 2005. С.69.

отправителя речи²³⁴, с помощью которого он объединяет себя в адресатной функции с другими лицами. Например:

У нас интеграционная, позитивная, мирная повестка дня. Мы активно работаем с нашими коллегами по Евразийскому экономическому союзу ... Мы не собираемся сколачивать какие-либо блоки, втягиваться в обмен ударами. ... Не имеют под собой основания и утверждения, что Россия [...] покушается на суверенитет своих соседей [...]. Уважая интересы других, мы хотим, чтобы и наши интересы учитывали («Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014).

Использование личных местоимений *мы* и *наш* создает эффект коллективного отправителя. Президент в этом случае демонстрирует не собственные заслуги, а политический вес «стоящей за спиной» социальной группы. Отождествление в речи президента происходит на трех уровнях:

1) «мы-правительство». В. Путин выступает в роли главы правительства, совершающего вместе с другими его представителями действия во благо страны: *Все мы хотим одного – блага России* («Послание Президента Федеральному Собранию», 4 декабря 2014 года); *На какой-то период, для того чтобы пройти сложные времена, мы будем использовать их [резервы] так, как мы это делали в 2008 году. Но просто на резервах мы жить не будем. Мы будем стараться генерировать позитивную работу самой экономики* (Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014);

2) «мы-государство». В. Путин выступает в качестве лидера государства, отстаивает его национальные интересы: *Надеюсь, что мы будем двигаться именно по этому пути – по пути укрепления международного права* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014);

3) «мы-народ». Президент отождествляет себя со всем народом России, действует вместе с гражданами или от имени граждан: *Мы вместе много сделали, но предстоит сделать еще больше, предстоит решить очень много задач. Но я знаю, я уверен, мы все преодолеем, все решим, потому что мы вместе* (Митинг «Мы вместе», 18 марта 2014).

Тактика отождествления президента с аудиторией осуществляется и посредством стилистического приема – употребления выражений, относящихся к регистру повседневной речи. Переход от формальной фазы общения к неформальной был отмечен в ряде исследований как излюбленный прием в речах В. Путина²³⁵.

²³⁴ Чернявская, В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия* [учебное пособие]. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2006. С. 48-49.

²³⁵ Филинский, А.А. *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000*: дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Тверь, 2002. С. 111-112; Сопова, И.В. *Фразеология и институциональный дискурс в лингвоперсоналогическом аспекте (на материале речевых манифестаций В.В.Путина и А.Меркель)*: автореф. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Белгород, 2011. С.12-13; Вепрева, И.Т. «Мы их в сортире замочим» или штрихи к риторическому портрету В.В.Путина // *Политический дискурс в России – 4: материалы рабочего совещания*. Москва, Диалог – МГУ, 2000. С. 43-45. С.43.

Нарушение критериев официальности, к которым относится строго прогнозируемый характер коммуникативных ситуаций, делает речь президента экспрессивной.

Материал нашего исследования показывает, что президент использовал следующие просторечные формы: в отношении турецкого президента – дефиницию *крепкий мужик*, в отношении крымского вопроса – словосочетание *решить междусобойчиком* и компаративную конструкцию *передали как мешок картошки*. Для передачи смысла отстаивания собственных интересов использовалась метонимическая конструкция *не позволим хозяйничать возле нашего забора*, для номинации внешнеполитических процессов – фразеологизм *дразнить гусей*: *Что касается уговоров Турции присоединиться к санкциям, я и не сомневался. Я когда был там, господину Эрдогану сказал: «Может быть, о некоторых вещах нам сейчас не стоит публично говорить, **не стоит дразнить гусей**, а то завтра налетят сюда?» Но господин Эрдоган – **крепкий мужик**, он мог не делать этого* (Большая пресс-конференция Владимира Путина, 18.12.2014).

Использование стилистически-сниженной лексики позволяет президенту сократить дистанцию между им и аудиторией, солидаризироваться со слушателями, убедив их в том, что он понимает их проблемы и нужды. В имидже политика появляется, таким образом, семантический компонент «простой человек».

Стратегия *самопрезентации* непосредственно связана с трансляцией В. Путиним образа сильного и уверенного в себе лидера. Это достигается через употребление конструкций *я знаю* [23], *я уверен* [10], *я верю* [3], *я убежден* [2]: *Так что, **я уверен**, мы с вами на правильном пути и обязательно добьёмся положительных зримых результатов* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 16 апреля 2015); ***Я верю**, что Украина преодолет все трудности* («Крымская речь», 18 марта 2014). ***Я абсолютно убеждён** в том, что, опираясь на лучшие традиции нашего народа, используя самые современные идеи и эффективные способы развития, мы решим все стоящие перед нами задачи и обязательно добьёмся успеха* («Послание Президента Федеральному Собранию», 12 декабря 2013). Использование данных конструкций является примером осуществления приема *акцентирования*, т.е. намерения говорящего выделить, подчеркнуть, заострить внимание слушателей на определенных фрагментах речи, а также передать смысл компетентности и уверенности в правильности принятых руководством решений.

Стратегия *самопрезентации* соотносится со стратегией *вуалирования* – скрытия, затушевывания информации, которая может навредить имиджу политика. Языковой формой ее реализации являются *эвфемизмы*. Они употреблялись в тех контекстах, где необходимо было смягчить неблагоприятные аспекты внешней политики России: военное присутствие в Крыму и последствия присоединения Крыма (санкции). Например, аргументируя присутствие российских военных в Крыму, президент использовал формулировку: *За спиной сил самообороны Крыма встали наши военнослужащие* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014). С помощью эвфемизма президент опровергает обвинение в военном вмешательстве.

Упомянув об экономическом кризисе, Путин использовал литоту *непростая ситуация*, а также эвфемистические замены: *ситуация, в которой оказалась наша страна; санкции вносят вклад в наши сложности*. Говоря о санкциях, президент подчеркивал, что они не навредили, а наоборот, стали стимулом для развития экономики. Об этом свидетельствует использование в одном высказывании нескольких экспрессивных, позитивно-окрашенных языковых средств: «*помогать*», «*корректировать*», «*коррекция*», «*элемент оздоровления*», «*базовые условия нашего развития*»:

*И на самом деле Правительству и Центральному банку эти санкции только помогли – можно сказать: «А, вот, мы из-за санкций вынуждены так себя вести». Не только из-за этого. А из-за того, что нам нужно более профессионально, и последовательно, и своевременно **корректировать** нашу экономическую политику. Это произошло, **коррекция** произошла. И я хочу сейчас сказать вам, что это чрезвычайно важная вещь, это элемент оздоровления нашей экономики и создание базовых условий для её дальнейшего развития. Поэтому санкции санкциями, они, конечно, вносят свой вклад (мы, наверное, об этом ещё скажем несколько слов, если будут вопросы) в наши сложности, но это всё-таки не главное («Прямая линия с Владимиром Путиным», 16 апреля 2015).*

Нейтрализация негативного смысла слова «санкции» достигается путем размещения его в конце высказывания: *санкции санкциями, но это не главное*.

Итак, создание позитивного имиджа – важный элемент риторики президента в условиях кризисной коммуникации, позволяющий укрепить его авторитет и сплотить граждан вокруг его фигуры. Для позитивной самопрезентации президент использовал такие тактики, как сотрудничество, отождествление и солидаризация с аудиторией, вуалирование и маскирование негативных аспектов собственной политики, стилистический прием неформального общения.

3.1.3. Стратегии дискредитации

Данная стратегия может быть рассмотрена как часть глобальной стратегии в области речевого воздействия, которую можно обозначить как «*игру на понижение*»²³⁶. Подрыв авторитета политического оппонента осуществляется в рамках разграничения «*своих*» и «*чужих*», что является неотъемлемым элементом политической борьбы.

Дискредитация политических противников является, по мнению исследователей, одной из наиболее действенных в политическом дискурсе. Ее сущность заложена в подрыве доверия к кому-либо или чему-либо, умалении авторитета и значения кого-либо или чего-либо²³⁷. С точки зрения психологии, эффективность дискредитации

²³⁶ Иссерс, О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва, ЛКИ, 2008. С. 160.

²³⁷ Карякин, А.В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // *Вестник ВолГУ*. Сер. 2: Языкознание. 2009. №2. С.163-167. С.65.

объясняется принципом контраста, который усиливает различие между двумя противопоставленными друг другу вещами²³⁸.

Стратегия дискредитации в речи президента направлена на отрицание законности украинской власти и политической ситуации, сложившейся в Украине. В речи президента четко прослеживается семантическая оппозиция «украинцы – братский народ» vs «нелегитимная украинская власть». На фоне благожелательного отношения к украинцам, президент крайне негативно высказывается по поводу событий киевского Майдана и «незаконного» прихода новой украинской власти.

Говоря о Евромайдане, президент использовал номинации: *нарушение* [32], *госпереворот* [23], *захват власти* [10], *радикальный национализм* [5], *путч* [3], *погром* [2], *издевательство над конституцией* [1]. Оценивая организаторов и участников Майдана, использовал существительные: *националисты* [17], *экстремисты* [3], *нацисты* [5], *радикалы* [5], *самозванцы* [2], *наследники Бандеры* [1], *бандеровцы* [2], *бандерлоги* [2], *русофобы* [2], *фашисты* [2], *хунта* [1], *предатели* [1]; глаголы: *захватить* [12], *нарушать* [7], *узурпировать* [1]. Процессы, происходящие в Украине, описывал с помощью прилагательных: *вооруженный* [12], *антиконституционный* [6], *незаконный* [3], *нелегитимный* [2], *антигосударственный* [2], *самозванный* [2], *силовой* [9], *насильственный* [2], *самопровозглашенный* [2], *экстремистский* [3], *недействительный* [1].

Нелегитимность украинской власти передавалась также с помощью приема «отрицание легитимности»: *Легитимной исполнительной власти на Украине до сих пор нет, разговаривать не с кем* («Крымская речь», 18 марта 2014) и языковых маркеров сомнения («так называемый», ироничные кавычки): *Первым делом новые так называемые «власти» внесли скандальный законопроект о пересмотре языковой политики, который прямо ущемлял права национальных меньшинств. Правда, зарубежные спонсоры этих сегодняшних «политиков», кураторы сегодняшних «властей» сразу одёрнули инициаторов этой затеи* («Крымская речь», 18 марта 2014).

Как видно, отрицание законности правительства и протестов в Украине совершалось с помощью разных средств: описаний действий, характеристик участников кризиса, отрицательно-маркированных существительных.

Стратегия дискредитации реализуется и с помощью *обличения* и *обвинения* украинской власти, действия которой привели к кризису (номинации «кризис», глаголы «доить», «драться»): *И конечно, русские, как и другие граждане Украины, страдали от постоянного политического и государственного перманентного кризиса, который сотрясает Украину уже более 20 лет* («Крымская речь», 18 марта 2014); *Менялись президенты, премьеры, депутаты Рады, но не менялось их отношение к своей стране и к своему народу. Они «доили» Украину, дрались между собой за полномочия, активы и финансовые потоки. При этом властей предержавших мало интересовало, чем и как живут простые люди* («Крымская речь», 18 марта 2014). Объектом критики стал факт ограничения украинским

²³⁸ Чалдини, Р. *Психология влияния*. СПб, Питер, 2006.

правительством прав русскоязычного населения: *И на востоке, и на юго-востоке Украины люди забеспокоились за своё будущее, за будущее своих детей, имея в виду, что они наблюдали и всплеск национализма, и угрозы в свой адрес, и желание отменить некоторые права национальных меньшинств, русского меньшинства* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014).

Одним из тезисов президента является идея исторической несправедливости, в результате которой Крым был отдан в состав УССР, а в 1991 – в состав независимой Украины. Эта идея передается существительным «*нарушение*», глаголами «*обокрасть*», «*ограбить*», словосочетанием «*решить кулуарно*»: *Это решение [о передаче Крыма Украине] было принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм. Вопрос решили кулуарно, междусобойчиком* («Крымская речь», 18 марта 2014); *И когда Крым вдруг оказался уже в другом государстве, вот тогда уже Россия почувствовала, что её даже не просто обокрали, а ограбили.* («Крымская речь», 18 марта 2014). На фоне этих событий, «возвращение Крыма» интерпретируется Путиным как аллюзия на восстанавливаемую историческую справедливость.

Дискредитирующая стратегия использовалась президентом и по отношению к странам Запада – Европе и США. Политика, проводимая этими странами по отношению к России, называлась «*давлением на Россию*» [10], «*политикой сдерживания*» [4]; отношения в современном мире – «*холодной войной*» [14], «*однополярным миром*» [7]; принципы, которыми руководствуются страны Запада – «*двойными стандартами*» [9], «*силой*», «*правом сильного*» [7], «*агрессией*» [10], «*цинизмом*» [3]: *Америка стала вести себя агрессивно во внешней политике и закрываться от мира* (Заседание Международного клуба «Валдай», 24 октября 2014); *Уже тогда стало ясно, что чем больше мы отступаем и оправдываемся, тем больше наши оппоненты нагледят и ведут себя всё более цинично и агрессивно* (Заседание Международного клуба «Валдай», 24 октября 2014); *Я уже тоже говорил на одной из «линий»: некоторым крупным державам, супердержавам, которые претендуют на свою исключительность и считают себя единственным центром силы в мире, союзники не нужны – им вассалы нужны, имею в виду США* («Прямая линия с Владимиром Путиным», 17 апреля 2014); *И потом, знаете, это даже уже не двойные стандарты. Это какой-то удивительный примитивный и прямолинейный цинизм. Нельзя же всё так грубо подвёрстывать под свои интересы, один и тот же предмет сегодня называть белым, а завтра – чёрным* («Крымская речь», 18 марта 2014).

Осуществляя стратегию дискредитации, В. Путин использует логическую аргументацию – приводит конкретные примеры, факты и доводы, стимулируя аудиторию к активному восприятию информации и ее анализу.

3.1.4. Стратегия апелляции к эмоциям

Аргументация публичной политической речи осуществляется не только посредством логических доводов, но и путем *апелляции к эмоциям* адресата. В речи президента отражается ясное стремление вызвать у аудитории сильные чувства при использовании лексем *сердце* [12] и *душа* [11]: *В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России [...]. Скажу прямо, у нас болит душа за всё, что происходит сейчас на Украине, что страдают люди, что они не знают, как жить сегодня и что будет завтра* («Крымская речь», 18 марта 2014).

В «наивном сознании» сердце и душа ассоциируются с эмоциями и состраданием. Используя эти языковые средства, президент осуществляет тактику *отождествления*, так как стремится показать, что он часть российского общества и вместе с ним сопереживает жителям Крыма.

Воздействующую функцию в выступлениях В. Путина выполняют также метафоры.

Антропоморфная метафора используется для концептуализации России как живого организма: *Сегодня, спустя уже много лет, я слышал, как крымчане, совсем недавно, говорят, что тогда, в 1991 году, их передали из рук в руки просто как мешок картошки. Трудно с этим не согласиться. Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду* («Крымская речь», 18 марта 2014). Сравнивая Россию с живым существом, президент транслирует идею исторической несправедливости, которая заключается в том, что Крым длительное время оставался в составе Украины.

Метафора дома актуализирует восприятие Крыма как общего дома для всех проживающих в нем этносов: *Мы с уважением относимся к представителям всех национальностей, проживающих в Крыму. Это их общий дом, их малая Родина, и будет правильно, если в Крыму – я знаю, что крымчане это поддерживают, – будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский* («Крымская речь», 18 марта 2014); *Повторю, он [Крым] будет, как и было веками, родным домом для представителей всех живущих там народов* («Крымская речь», 18 марта 2014). Называя Крым домом для проживающих на его территории разных национальностей, российский президент гарантирует им равные права и, таким образом, позиционирует себя как справедливого лидера государства.

Метафора дома использовалась и для номинации Крыма, как территории у границ России, которая находится под угрозой экспансии НАТО: *Мы против того, чтобы военный альянс, а НАТО остаётся при всех внутренних процессах военной организацией, мы против того, чтобы военная организация хозяйничала возле нашего забора, рядом с нашим домом или на наших исторических территориях* («Крымская речь», 18 марта 2014). Высказывание президента оказывает сильный прагматический эффект на адресата, так как оно построено на семантической параллели между защитой границ собственного дома и защитой государственной границы.

Эта же метафора прозвучала и в последующих выступлениях В. Путина: *Крым, Севастополь вернулись домой, вернулись в родную семью, люди наконец вздохнули с облегчением и стали жить с уверенностью в завтрашнем дне* (Встреча с членами Совета Федерации, 27 марта 2014). Во время выступления на митинге «Мы вместе!», проведенном в поддержку принятия Республики Крым в состав Российской Федерации, полуостров сравнивается с кораблем, который после долгого плавания возвращается в родную гавань: *После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!* Благодаря образности достигается сильное воздействующее влияние данной метафоры.

Прагматический эффект метафоры дома усиливается в ее сочетании с метафорой родства. В контексте присоединения Крыма Россия сравнивается с матерью, принимающей домой своих детей: *Дорогие севастопольцы, крымчане! [...] Родина-мать открыла вам широкие объятия и приняла в свой дом как родных дочерей и сыновей* (Выступление посвященное 70-летию освобождения Севастополя, 9 мая 2014).

Метафора дома была зафиксирована и по отношению к Украине – украинские граждане несут ответственность за происходящие в их стране события: *Но повторю: только сами граждане Украины в состоянии навести порядок в собственном доме* («Крымская речь», 18 марта 2014). В данном контексте передается значение права украинцев решать внутренние проблемы самостоятельно.

В речи российского президента было зафиксировано два употребления зоометафоры «Россия – это медведь». Медведь – популярный символ России, он занимает важное место в языковом сознании россиян. В фольклоре, сказках и анекдотах медведь предстает как большое, но безобидное животное, иногда нерасторопное, иногда добродушное, он редко нападает первым, но защищает свою территорию. Медведь олицетворяет все исконно русское (достаточно вспомнить известную картину Шишкина с изображением медведя «Утро в сосновом лесу», известные конфеты «Мишка на Севере» или Олимпийского Мишку – символ Олимпиады, проходившей в Москве в 1980 году). В последние годы в России наблюдается «медвежий бренд», который охватывает разные сферы жизни – от названия продуктов питания до политической партии.

Стереотип медведя активно используется не только на бытовом уровне, но и в политической риторике. В 1999 году для поддержки кандидатуры В. Путина был создан избирательный блок «Межрегиональное движение «Единство» – сокращенно «Медведь». Впоследствии блок был переименован в партию «Единая Россия», логотипом которой стал медведь.

Важно отметить, что в то время как внутри страны стереотип медведя обладает позитивными коннотациями, олицетворяет образ сильного и миролюбивого государства, гордость и патриотизм, то в западной политической риторике пропагандируется негативный стереотип России.

С помощью данной метафоры происходит концептуализация места России в международном пространстве и антироссийской внешней политики, проводимой Европой и США.

Я вспомнил наш наиболее узнаваемый символ – медведя, который охраняет свою тайгу. Вы знаете, в чём дело? Если продолжить такие аналогии, мне самому иногда приходит в голову мысль: может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят и подсвинков по тайге, а питаться ягодками, медком. Может быть, его в покое оставят? Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырежут и зубы, и когти. Как только, не дай бог, это произойдёт, и мишка не нужен, так тайгу будут сразу прибирать. А потом мишка вообще не нужен. Чучело из него сделают, и всё. Поэтому дело не в Крыме. Дело в том, что мы защищаем свою самостоятельность, свой суверенитет и право на существование («Большая пресс-конференция Владимира Путина», 18 декабря 2014).

В данном примере «политика сдерживания» России интерпретируется как желание посадить медведя на цепь, агрессивное поведение других стран – как причинение зла животному (*вырвать зубы и когти, чучело из него сделают*), отстаивание Россией собственных интересов – как охрана медведем места своего обитания (*медведь, который охраняет свою тайгу*).

В следующем примере президент использует образ медведя для констатации самостоятельности действий при осуществлении внешней политики:

Хочу вам сказать, что медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. Вообще, он считается у нас хозяином тайги и не собирается, я знаю это точно, куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неуютно. Но тайги он своей никому не отдаст. Я думаю, что это должно быть понятно (Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014).

Когнитивная функция данной метафоры помогает составить представление о России как о большой, сильной и потенциально опасной стране. Кроме того, образ медведя помогает создать образ России как миролюбивого государства. Воплощая огромные размеры страны, ее силу и мощь, медведь, не хищник по своей природе, он добродушный и миролюбивый.

Анализ эмпирического материала показал, что дискурс президента реализуется в особых идеологических рамках, которые диктуются политической принадлежностью и накладывает отпечаток на выбор языковых средств. Президентский дискурс обладает кризисной направленностью, масштабностью (касается всех слоев населения), политико-идеологической ангажированностью речи, способностью оказывать влияние на слушателей в силу особой формы подачи.

Наиболее распространенными аргументами в риторике президента были следующие: легитимация собственных действий, делегитимация и дискредитация действий политических оппонентов, помощь Украине и партнерские отношения с

ней, апелляция к эмоциям. Метафорическое употребление в речи В. Путина базировалось на обращение к понятийным сферам «дом», «живое существо», «животный мир», «родственные связи».

Эффективное использование как логической, так и эмоциональной аргументации, оперирование этическими категориями (справедливость, необходимость помогать, защищать) делают президентскую риторику по украинскому вопросу максимально убедительной. Данный факт подтверждается опросом, проведенным Левада-Центром: в 2014 году рейтинг президента Путина достиг максимального уровня (80% процентов россиян одобрили действия В. Путина в Украине)²³⁹.

3.2. Освещение украинского кризиса в российских масс-медиа

С начала украинского кризиса (ноябрь 2013 года) российское общество пристально следило за событиями в Киеве. Информацию о ситуации в Украине граждане России черпали главным образом из телевидения (Первый и Второй канал), а также из печатных и интернет-изданий, которые существенно определяли их оценки. Подавляющее большинство граждан России доверяло федеральным российским СМИ и считало их объективными. Кроме того, во внешней политике россияне солидаризировались с позицией официальных властей.

Подача и интерпретация событий на Киевском майдане и действия оппозиции вызывали у россиян негативные чувства: происходящие в Киеве акции протестов рассматривались как попытки государственного переворота. По мнению общественности, акции протестов проходили под влиянием Запада, «стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов», и распространяющихся в Украине «националистических настроений». При этом, официальные российские СМИ только изредка упоминали о борьбе с коррупционным режимом Януковича и о подписании Ассоциации с ЕС как о причинах протестного движения в Украине. Подача событий российскими средствами массовой информации резко отличалась от западных СМИ, которые отмечали, что Евромайдан был демократическим протестным движением, который на «законных основаниях устранил от власти бывшего украинского президента Виктора Януковича»²⁴⁰.

Согласно статистическим опросам «Левада-Центра» в период 2014 – начала 2015 года, украинский конфликт и связанные с ним события устойчиво держались «в топе»

²³⁹ Мартовские рейтинги одобрения и доверия, 26.03.2014 // *Левада-Центр*: Аналитический центр Юрия Левады: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2014/03/26/martovskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-2/>.кого (дата обращения 18.07.2018).

²⁴⁰ Nazemroaya, Mahdi Darius (14 March 2014). *Controlling the Lens: The Media War Being Fought Over Ukraine Between the Western Bloc and Russia*. *Global Research* (Centre for Research on Globalization): электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.globalresearch.ca/controlling-the-lens-the-media-war-being-fought-over-ukraine-between-the-western-bloc-and-russia/5373364> (дата обращения 16.12.2017).

запомнившихся россиянам тем²⁴¹. Внимание граждан к украинским событиям достигло максимума в период с января по июнь 2014 года, который ознаменовался присоединением Крыма к России и массовыми протестами на юго-востоке Украины, впоследствии переросшими в вооруженный конфликт. С июня 2015 года в целом отмечается спад интереса жителей России к украинским событиям, несмотря на разовые скачки роста внимания в феврале-марте 2016 года и феврале 2017 года. На протяжении 2017 года большинство россиян без особого внимания относились к событиям в соседней стране, либо не следили за ними вовсе. Снижение интереса объяснялось замещением украинского вопроса другими, более запомнившимися населению событиями (война в Сирии). В октябре-ноябре 2018 года снова возрос интерес к теме Украины в российском обществе в связи с двумя резонансными событиями: столкновением кораблей в Керченском проливе и отделением Украинской православной церкви от Московского патриархата.

На фоне событий в Киеве в российском общественном сознании резко возросло негативное восприятие Украины и украинцев²⁴². Если в период с 1998-2013, согласно данным «Левада-Центр», Украина рассматривалась как наиболее дружественное по отношению к России государство (мнение, поддерживаемое около 80% россиян), то в 2014 году Украина оказалась на втором месте в списке «врагов России», уступая место только США.

Существенную роль в формировании резко негативного имиджа Украины принадлежало российским СМИ, которые последовательно изображали кризис в Украине как результат подстрекательства со стороны украинского правительства. Новая украинская власть характеризовалась как «фашистская» и «нелегитимная», утверждалось, что она привела Украину к полной анархии. Она также часто называлось «бандеровской хунтой» – от имени лидера украинских националистов 40-х годов XX века Степана Бандеры:

Радикальный национализм, ставший двигателем и главной боевой силой "еврореволюции" в Киеве, в новостной картинке оказался лишенным лица – сотни боевиков в черных масках, пара-тройка публичных лидеров "Правого сектора" и портрет Бандеры под сценой на площади Независимости. Тем не менее у фашизма на Украине есть и женское лицо (РГ²⁴³, 13.03.2014).

²⁴¹ «Российско-украинские отношения», 30.10.2017 // *Левада-Центр*: Аналитический центр Юрия Левады: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/10/30/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-2/> (дата обращения 16.12.2017).

²⁴² По данным аналитического центра «Левада центр» от 06.08.2014, украинский кризис радикально изменил отношение россиян к Украине: более половины респондентов (55%) были негативно настроены по отношению к «соседу». 40% опрошенных рассматривали отношения между Россией и Украиной как «враждебные», 39% – «напряженные». Россияне возлагали ответственность за ухудшение отношений между странами на киевскую власть. Только 3% опрошенных считали Россию виновной в росте напряжения (источник: «Отношение россиян к другим странам», 06.08.2014 // *Левада Центр*: Аналитический центр Юрия Левады: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2014/08/06/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam-7/> (дата обращения 16.12.2017).

²⁴³ РГ – «Российская газета»

Дикие, не поддающиеся осмыслению новости приходят с юго-востока Украины. По сообщениям СМИ, украинская армия открыла огонь по Славянску, Луганску, селу Андреевка из тяжелого оружия – артиллерии. Телевизионные кадры позволяют опознать как минимум четыре артиллерийских системы, которые "борцы с сепаратизмом" подтянули к отказавшимся признать бандеровскую хунту населенным пунктам (РГ, 23.05.2014).

Российские источники утверждали, что Евромайдан был «насильственным государственным переворотом», который контролировался «ультранационалистическими», «фашистскими», «неонацистскими» и «антисемитскими» группами, самой известной из которых был «Правый сектор»:

Конечно, всем понятно, что с помощью новых технологий в стране пытаются осуществить государственный переворот. Особенно опасно, что делается это при помощи националистических сил, причем в последнее время вышедших из-под контроля даже у оппозиции. Это радикальные неонацистские организации (РГ, 20.02.2014).

Представляя украинское правительство как нацистский режим, сравнимый с марионеткой в руках Запада и предателем исторической дружбы, СМИ стремились дискредитировать украинский политический выбор, а именно его западноевропейские устремления²⁴⁴.

Заявления о насилии и подавлении русскоязычного населения в Украине были использованы как оправдание для ввода российских войск в Крым²⁴⁵. Российские СМИ утверждали, что демонстранты на юго-востоке Украины и в Крыму выступали за свои демократические права. В связи с этим российские источники последовательно называли пророссийские выступления «Российской весной», по аналогии с такими продемократическими движениями, как Пражская весна и Арабская весна²⁴⁶:

Минувшую субботу на Украине некоторые уже называют "русской весной". В этот день почти во всех областных центрах и крупных городах юга и востока Украины прошли многотысячные митинги противников новой киевской власти и "евромайдана", которые требовали от местных чиновников не признавать этот режим (РГ, 03.03.2014).

Украинское правительство обвинялось российскими СМИ в проведении «погромов» против русскоязычного населения в восточной и южной Украине. Утверждалось, что эти «погромы» и «анархия» привели к «гуманитарному кризису» в

²⁴⁴ De Maio, G. Russia's View of Ukraine After The Crisis, in *IAI Working Papers* 16/04, February 2016. P.10.

²⁴⁵ "World media offer divergent views on Ukraine crisis", in *BBC News*, 4 March 2014, available from <https://www.bbc.com/news/blogs-echochambers-26441892> (дата обращения 15.01.2018).

²⁴⁶ «Русская весна на Юго-Востоке Украины» // РИА Новости Украина, 03.03.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://rian.com.ua/analytics/20140303/340429692.html> (дата обращения 15.01.2018).

Украине, который в свою очередь привел к наплыву беженцев. Антиправительственные группы в Восточной и Южной Украине характеризовались как «местные жители, мужественно борющиеся за свои права», как «силы самообороны» и как «сторонники федерализации»²⁴⁷. Украинская армия, участвующая в наступлениях против боевиков в Донецкой области, изображалась как «дезорганизованная» и с «низким моральным духом»²⁴⁸. Постоянной темой публикаций об Украине были новости об актах насилия украинской армии, совершаемых против мирного населения в зоне военного конфликта.

3.3. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в медиадискурсе России по украинскому вопросу

3.3.1. Стратегия дискредитации

Стратегия дискредитации направлена на разрушение образа Украины и ее правительства. В российских СМИ в качестве объекта дискредитации выступает, прежде всего, украинская власть. Критике подвергаются действия всей власти или ее отдельных представителей, профессиональные качества и личностные характеристики украинских политиков.

Данная стратегия реализуется посредством следующих тактик:

- а) наклеивания ярлыков;
- б) создания образа врага;
- в) создания экспрессивных этнонимов;
- г) негативной презентации («анализ-минус»);
- д) насмешки (через иронию и сарказм).

3.3.1.1. Тактика наклеивания ярлыков: бездоказательное умаление авторитета

Одной из проблем, связанных с политическим использованием языка, является использование номинативно-классификационных возможностей языка как средства формирования взгляда на действительность (проблема ярлыка): язык может в какой-то степени решить или, наоборот, создать и заострить социальную проблему²⁴⁹.

Ярлык представляет собой необъективную, неаргументированную характеристику человека или явления, выраженную в эмоционально окрашенной форме. Его воздействующая сила отмечается Клушиной: «Негативная номинация –

²⁴⁷ “The Media War Behind the Ukraine Crisis”, in *The Moscow Times*. 11 March 2014, available from: <https://themoscowtimes.com/news/the-media-war-behind-the-ukraine-crisis-32837> (дата обращения 15.01.2018).

²⁴⁸ “Media poles apart in Ukraine crisis”, in *BBC News*. 16 April 2014, available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-27047896> (дата обращения 15.01.2018).

²⁴⁹ Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса*: дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2002. С.32.

это и есть публицистический ярлык, “конденсирующий” в себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя»²⁵⁰.

Ярлыки употребляются в СМИ для достижения выгодных манипулятору целей: «Прием “наклеивания ярлыков” – это использование слов негативной окраски с целью дискредитировать идеи, планы, личности, вызвать чувство предубеждения, страха, ненависти, не прибегая к объективной оценке или анализу»²⁵¹. Цуладзе называет ярлыки «манипулятивными терминами» и отмечает: «Опасность их в том, что, входя в широкий обиход благодаря прежде всего СМИ, они приживаются надолго, становятся привычными, повседневными словами, порой замещая, вытесняя другие – смежные, но менее агрессивные понятия»²⁵².

Ярлыки обладают воздействующей силой, а выбор номинации чаще всего зависит от идеологической позиции автора или издания. «В публицистике», отмечает Клушина, «ярлык не просто шаблон и неодобрительная характеристика предмета, личности, явления, а их идеологическая интерпретация»²⁵³.

Создание и использование для одной или другой противоборствующей стороны оскорбительных названий – *слов-ярлыков* является одним из способов языкового манипулирования. Как объясняет Кронгауз, во время конфликта появляются новые слова, так как привычные слова для другой нации уже не имеют сильной негативной окраски²⁵⁴.

Принцип «наклеивания ярлыков» – один из популярных приемов нечестной полемики (враждебной риторики). В основе данной тактики лежат ассоциативные связи, бездоказательное занижение авторитета. Эти приемы воздействуют на подсознание людей, вызывая у них недоверие к политическим персонам.

Своеобразие ярлыков заключается в том, что адресату уже дается готовая оценка, где негативная коннотация заложена в самой номинации. Например, называя пророссийских активистов «*террористами*», «*сепаратистами*» или «*бандитами*», авторы текстов автоматически транслируют отрицательную оценку, формулируют резко негативный образ оппонента, не поддающийся опровержению. Быстрое распространение информации способствует «тиражированию» подобных номинацией, автоматизации и закреплению в использовании.

Как было ранее отмечено, политический дискурс отличается оценочностью и высоким употреблением негативно-окрашенных лексем и выражений. Несомненно, во время социально-политического кризиса частотность употребление такой лексики возрастает. Выбор в пользу оценочной лексики и отказ от употребления нейтральных

²⁵⁰ Клушина, Н.И. *Стилистика публицистического текста*. Москва, МедиаМир, 2008. С.140.

²⁵¹ Булгакова, Н. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // *Мир русского слова*. 2012. № 2. С.42-47. С. 42.

²⁵² Цуладзе, А. *Политические манипуляции, или Покорение толпы*. Москва, Книжный дом «Университет», 1999. С. 86-87.

²⁵³ Клушина, Н.И. *Стилистика публицистического текста*. Москва, МедиаМир, 2008. С. 140.

²⁵⁴ Кронгауз, М. Вырабатываются специальные слова ненависти // *Новая газета*, 14.09.2014. Вып. 103: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/12/61126-maksim-krongauz-171-vyrabatyvayutsya-spetsialnye-slova-nenavisti-187> (дата обращения 12.10.2018).

лексем выражает идеологическую позицию автора или политическую ориентацию издания, которое он представляет.

Тексты масс-медиа выступают в качестве распространителей ярлыков. Тиражируясь в текстах СМИ, ярлыки превращаются в языковые штампы, за которыми закрепляются устойчивые ассоциации. Посредством повторения речевых образцов, достигается так называемый кумулятивный эффект, который влияет на восприятие событий и на формулировку последующих мыслей о них. Исходя из этого, возникает необходимость количественной верификации результатов исследования. Ниже приведен график частотности употребления ярлыков по отношению к украинцам в 3-х российских изданиях: «Российская газета», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец» за исследуемый период:

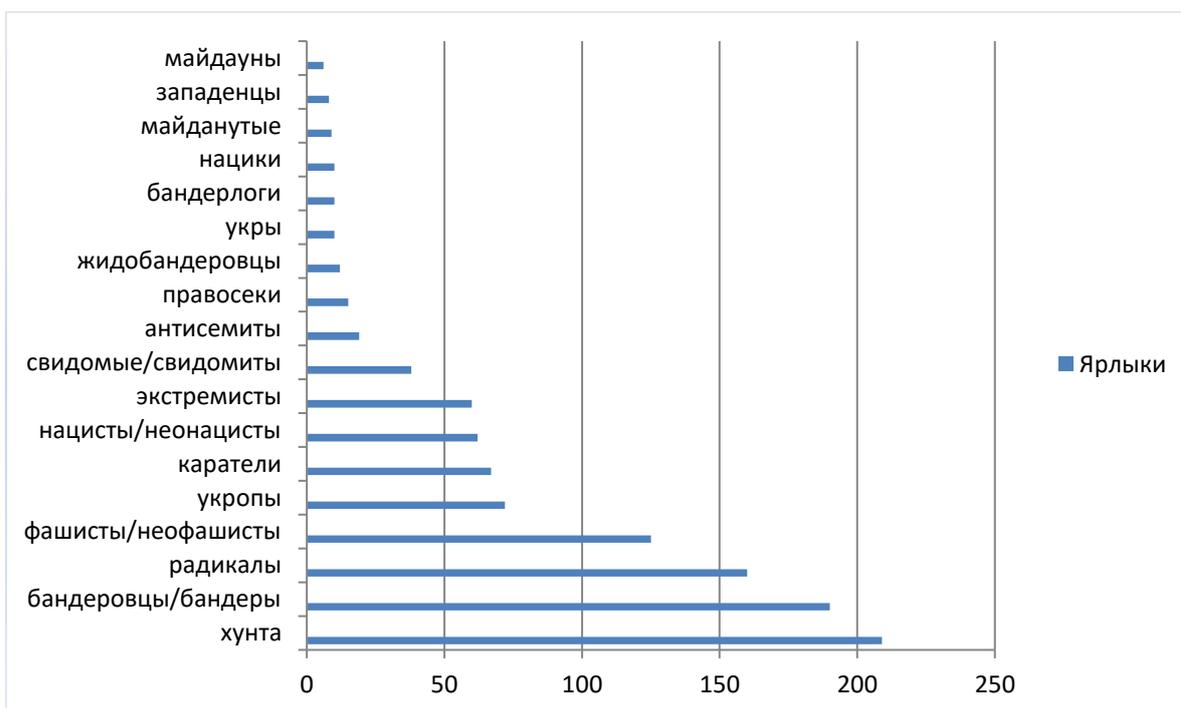

График 9. «Частотность употребления ярлыков в газетном корпусе»

Далее был произведен подсчет употребления ярлыков в каждой отдельно взятой газете:

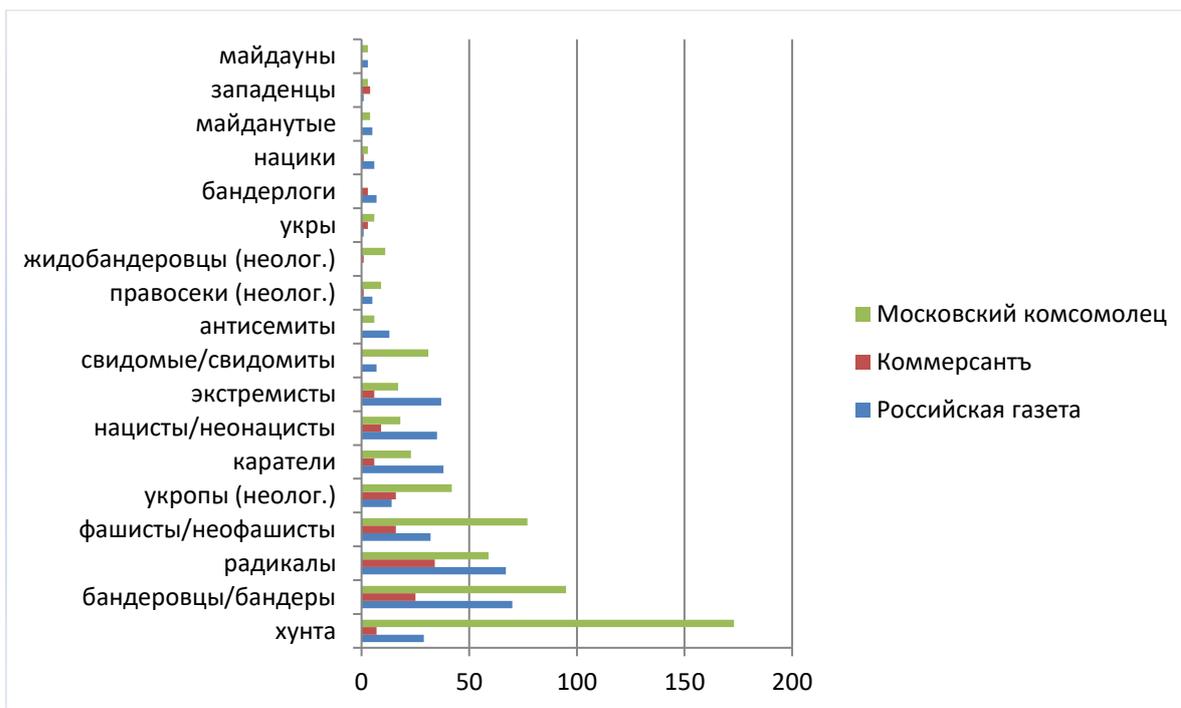

График 10. «Частотность употребления ярлыков в отдельных изданиях»

Как видно, тенденция к использованию ярлыков наиболее сильно выражена в «Московском комсомольце», наименее – в газете «Коммерсантъ».

Согласно нашим подсчетам, самым распространенным ярлыком в российских периодических изданиях оказалось слово *хунта* [209]. «Хунтой» (от исп. *junta*) традиционно обозначается группа военных, пришедшая к власти насильственным путём в результате переворота. Изначально термин возник в Испании и обозначал союз, совещательное собрание Испании и Латинской Америки. Согласно толковому словарю Ожегова, значение термина «хунта» не ограничивается правительственными объединениями, но включает также реакционные террористические группировки, захватившие власть в стране при помощи военных и установившие террористическую диктатуру²⁵⁵. В современном русском языке слово «хунта» вышло за пределы испаноязычных стран и используется в основном для обозначения военной диктатуры, установившейся в результате государственного переворота. Например, *греческая военная хунта*, *хунта черных полковников*, *чекистская хунта*, *хунта Мьянмы*, *египетская хунта* (данные из Национального корпуса русского языка).

События в Украине привели к тому, что термин «хунта» начал использоваться в подконтрольных власти российских правительственных СМИ для названия нового украинского правительства. Поскольку происходящие в Украине события трактовались как «государственный переворот», данное слово отражало прежде всего значения «насильственный» и «незаконный».

²⁵⁵ Толковый словарь Ожегова: электронный ресурс. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34623> (дата посещения 18.07.2019).

Показательно, что термин активно функционировал в период с зимы 2013 по осень 2014 года. После парламентских выборов в Украине в октябре 2014 года ярлык «хунта» сменился названиями «киевский режим» и «режим Порошенко»:

Донецкие силовики пошли на решительные меры после того, как в среду вечером пророссийские активисты захватили обладминистрацию, а потом попытались заблокировать здание казначейства – “чтобы средства, заработанные в Донбассе, не перечислялись на содержание нелегитимного киевского режима” (ГК, 07.03.2014).

С помощью функции *Concordance Tool* была обнаружена взаимная встречаемость слова *хунта* со следующими прилагательными: *киевская* [86], *военная* [6], *фашистская* [5], *прозападная* [2], *украинская* [2], *бандеровская* [2], *нацистская* [2], *олигархическая* [1]: *Киевская хунта целенаправленно ведет нас к войне и разрушениям* (МК, 07.04.2014); *Сегодня принято считать, что в результате украинской революции к власти в Киеве пришла «фашистская хунта»* (МК, 09.06.14). Прилагательные *киевская*, *бандеровская*, *украинская* указывают на смену сочетаемости слова, его новую семантику в украинском контексте. Глагольная сочетаемость слова указывает на незаконное поведение киевской власти и ее военный характер: *хунта пришла к власти через оружие* [11], *хунта захватила* [6], *хунта зачистила* [3], *хунта атакует* [2], *хунта вооружила* [2] *хунта подавляет* [3], *хунта проводит репрессии* [1], *хунта напала* [1], *хунта итурмует* [1]. Противодействие хунте выражается в словосочетаниях: *независимость от хунты* [5], *противостоять хунте* [4], *устоять против хунты* [3], *защита от хунты* [3], *испытывать возмущение к хунте* [1]. Сотрудничество с киевскими властями выражается в словосочетании *друзья хунты* [3], *хунтовский приспешник* [3], «13 друзей хунты» (трансформация названия фильма «13 друзей Оушена»: *И если хунтовский приспешник Порошенко озвучил нам решение неонацистского правительства, что с ними надо разговаривать языком силы, они эту силу получают* (РГ, 27.04.14); *Тут и телевидение, быстренько вставившее Макаревича, признанного и заслуженного человека, в тошнотворную «патриотическую» агитку «13 друзей хунты»* (МК, 24.09.2014).

Нужно отметить, что среди ярлыков встречаются собственно неологизмы, т.е. слова, созданные в период украинского кризиса – *укроп*, *укр* (пренебрежительное название украинцев), *жидобандеровец* (украинский националист еврейского происхождения), *правосек* (член или приверженец украинской националистической партии «Правый сектор», созданной 22 марта 2014 года). Однако большинство ярлыков – это семантические неологизмы, т.е. уже существующие в языке лексемы, активно используемые с начала кризиса (определение и анализ семантических неологизмов в Главе 4).

К группе ярлыков относятся идеологически-окрашенные лексемы – «*нацисты*», «*фашисты*», «*бандеровцы*», «*каратели*». Их употребление можно соотнести с тактикой «создание образа врага».

3.3.1.2. Тактика создания образа врага

Образ врага – одно из фундаментальных понятий общественного сознания. Конструирование и внедрение иллюзорного врага – основа манипулирования. Согласно исследованиям «Левада Центра» мнение о том, что «у сегодняшней России есть враги», выросло и укрепилось в период 2013–2014 годов²⁵⁶. По мнению двух третей опрошенных, список «врагов России» возглавляют США (68%), на втором месте – Украина (29%), на третьем – ЕС (14%). Каждый второй респондент (57%) считал, что России следует опасаться стран Запада, входящих в НАТО.

Подконтрольные власти российские СМИ, распространяя идеи о «бандеровцах», «нацистах», «украинских фашистах», «Правом секторе», обеспечили не просто консолидацию общества, а объединение его вокруг действующей власти, которая как бы защищает своих, не дает их в обиду. Это важнейший механизм негативной интеграции²⁵⁷. Использование разнообразных тактик информационного влияния совершалось с целью формирования в российском обществе образа Украины как врага, что позволило поставить под сомнение позицию Украины на международной арене.

Принцип конструирования образа врага. Формирование образа врага начинается с понятия враждебности. Это негативная реакция на реальную или мнимую опасность, или реакция на появление реального или сконструированного образа «жертвы» у социума²⁵⁸.

Не последнюю роль в процессе формирования образа врага играют сложившиеся ранее стереотипы. Историческая память любого общества позволяет людям сохранять и передавать из поколения в поколение образы врагов и механизмы их идентификации. Это помогает им мобильно идентифицировать опасность и принимать меры по ее устранению. Поэтому, когда перед социальной общностью возникает та или иная опасность, народная память «воскрешает» соответствующий ситуации стереотип «образа врага», и на его основе в общественном сознании конструирует новый (обновленный) образ врага²⁵⁹. Усвоенные ранее стереотипы легко воспроизводятся в общественном сознании и могут переключаться с одного объекта на другой. Сформировав необходимые стереотипы, навязанный общественности дискурс переходит в новую фазу. Разворачивается дискуссия о том, как обезвредить и уничтожить врага.

²⁵⁶ «Россияне назвали главных врагов России» // *Левада-Центр: Аналитический центр Юрия Левады*, 10.01.2018: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyane-nazvali-glavnyh-vragov-strany/> (дата обращения 15.10.2014).

²⁵⁷ «Когда россиянам нечем гордится, они создают себе врага» // *Сноб*, 11.08.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://snob.ru/profile/10069/blog/79594> (дата обращения 15.10.2014).

²⁵⁸ Костина, А.В., Макаревич, Э.Ф., Карпихин, О.И. *Основы рекламы*. Москва, КноРус, 2008. С.55.

²⁵⁹ «Образ врага в меняющемся мире» // *Независимая газета*, 25.06.2013: электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ng.ru/stsenarii/2013-06-25/9_enemy.html (дата обращения 16.10.2018).

Создание образа врага происходит на фоне повторяющихся сюжетов о победе советских войск во Второй мировой войне, продвигаемой как официальными властями, так и СМИ. Используются лексемы *нацисты*, *фашисты*, *бандеровцы*, *каратели*. Таким образом, создается негативный образ украинской власти и украинцев по аналогии с фашистским (нацистским) режимом:

*Сегодня мы все являемся свидетелями того, что на постсоветском пространстве все большее распространение получают идеи **неонацизма**. Так, самопровозглашенные власти Украины намерены отменить 9 мая как государственный праздник. В этих условиях празднование Дня Победы в текущем году приобретает важнейшее политическое значение. Мы должны в очередной раз продемонстрировать миру категорическое **непримение фашизма** Россией, – подчеркнул Шойгу (РГ, 01.04.14).*

Один из способов реализации данной стратегии – использование *прецедентных имен*, которые вызывают в сознании читателей устойчивые отрицательные ассоциации. Чаще всего происходит отсылка к именам *Гитлер* и *Бандера*:

*Молчат и глобальные средства массовой информации, как будто все мы разом оказались по разные стороны непроницаемой стены, возникшей посреди некогда единого информационного пространства. Неужели общего исторического опыта недостаточно, чтобы понять: под флагом **пособников Гитлера** не построишь демократическое государство?" – задался риторическим вопросом спикер (РГ, 27.06.14).*

К украинской власти и к той части населения Украины, которая ее поддерживает, применялись оскорбительные названия *бандеровец*, *приверженец Бандеры*, *наследник Бандеры*. Лексема образована от имени Степана Бандеры – лидера украинских националистов, который в России ассоциируется с сотрудничеством с нацистским режимом во время Второй мировой войны:

*Даже несмотря на то, что на Украине прошли президентские выборы и начался процесс политического диалога, это не означает, что в стране снова не может возродиться **неонацизм**. "Поражение на выборах **прямых наследников Бандеры** – это в любом случае хорошо, но явно недостаточно", – заявил Нарышкин (РГ, 27.06.14).*

Если сравнить данные контексты с выступлениям В. Путина, можно обнаружить схожие тенденции в описании действий украинской армии:

*Вы знаете, мне это [война на юго-востоке], как ни печально, напоминает события даже **Второй мировой войны**, когда **немецко-фашистские войска** окружали наши города – в частности Ленинград, и прямой наводкой **расстреливали населённые пункты** и их жителей [...]. Понимаете, к чему пришли? Ужасно, катастрофа! И поэтому я вполне могу понять ополчение юго-востока – Донбасса, Луганска, что они*

предприняли попытки защитить себя (Всероссийский молодежный форум «Селигер», 29 августа 2014).

Синонимичным к словам *бандеровцы/бендеровцы* является форма *бандерлоги*. Слово происходит от «бандар-лог» – вымышленный обезьяний народ из «Книги Джунглей» американского писателя Р. Киплинга. Оно прозвучало в речи Путина во время «Прямой линии» 15 декабря 2011 года. Обвиняя российскую оппозицию в том, что она действует в интересах других государств, российский президент сравнил ее со стаей обезьян: *«Есть, конечно, люди, которые имеют паспорт гражданина РФ, но действуют в интересах иностранного государства и на иностранные деньги. С ними тоже будем стараться наладить контакт, хотя часто это бесполезно или невозможно. Что можно сказать в этом случае? Можно сказать в конце: идите ко мне, бандерлоги! С детства люблю Киплинга»*²⁶⁰. В данном случае можно говорить об авторском неологизме – слове, впервые появившемся в публичной речи политика.

Данное значение существовало до 2014 года, но на фоне конфликта в Украине, «бандерлогами» стали называть участников протестов в Киеве. Слово оказалось коммуникативно-пригодным, так как с его помощью протестанты сравнивались с обезличенной массой. Причиной употребления данного слова очевидно стало созвучие с ярлыком *бандеровцы*, уже активно использующимся по отношению к украинцам. Также, на наш взгляд, мотивирующим признаками номинации стала дегуманизация (сравнение с животными) и массовость – большое количество участников, вышедших на улицы города, изображалось как безликая стая животных, что придало слову еще большую негативную коннотацию. Эти признаки можно проследить в следующем фрагменте:

В социальных сетях противники сейчас называют боевиков Майдана варварами и бандерлогами. Точнее не придумаешь: Киплинг в своем "Маугли" назвал бандерлогами обезьян, которые "собираются избрать себе вожака, составить собственные законы, придумать собственные обычаи, но никогда не выполняют задуманного, потому что их памяти не хватает до следующего дня". Любимые лозунги бандерлогов до боли напоминают рефрены, звучавшие на Майдане: "Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим – значит, это правда!" (РГ, 03.03.14, из признания гражданина России, участвовавшего в протестных акциях в Киеве).

Несмотря на экспрессивность данной лексемы, традиционный вариант «*бандеровцы*» и его искаженная форма «*бендеровцы*» остались более употребительными в российских масс-медиа.

²⁶⁰ Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным» // *Российская газета*, 15.12.2011: электронный ресурс. Режим доступа: <https://rg.ru/2011/12/15/stenogramma.html> (дата обращения 14.05. 2018).

Вооруженный конфликт на востоке Украины в российских СМИ назывался *карательной операцией*, а украинцы, участвующие в нем – *карателями*, *карательными отрядами* или *карательными батальонами*:

Основные силы карателей пытались пробиться к захваченному зданию СБУ. Подогнали бульдозер чтобы снести баррикаду. Но женщины и дети встали на пути железной техники. Атака застопорилась. Идет зачистка по-киевски. Шаг вперед – два шага назад (РГ, 14.04.2014).

Сегодня есть Киев, который ведет боевые действия против жителей юго-восточных регионов Украины. И пока прекращать карательную операцию он не собирается (РГ, 15.05.2014).

В воскресенье на очередное вече на площади Независимости в Киеве прибыли бойцы печально знаменитых карательных батальонов «Азов» и «Донбасс» (РГ, 30.06.2014).

Отметим, что эти выражения имеют дополнительную негативную окраску, так как после окончания Второй мировой войны советские средства массовой информации, а позже СМИ Украины и РФ на протяжении многих десятилетий использовали слово «каратели» для описания насильственных действий воевавших на стороне Гитлера фашистов, осужденных впоследствии Нюрнбергским трибуналом.

Из этого следует, что называя украинцев «фашистами», «неонацистами» или «карателями», российские СМИ не только давали им негативную характеристику, но и призывали к борьбе с ними, аналогично тому, как призывалось бороться с нацизмом. Данная стратегия построена на механизме нагнетания страха и паники, и поэтому является примером манипуляционного воздействия. Оно заключается в том, что играя на возможных страхах реципиента, адресант выстраивает образ нежелательного события или вызывает неприятные ассоциации, дискредитируя, таким образом, политического оппонента.

3.3.1.3. Тактика создания экспрессивных этнонимов

Экспрессивные этнонимы (этнофолизмы) – разновидность ярлыков, речения, так или иначе унижающие, диффамирующие и дисквалифицирующие носителей близкородственного языка. Как отмечает Гусейнов: «Сама среда, дискурс, в котором живет общественность наиболее близких друг другу стран-наследниц СССР, подчинен саморазвивающейся логике конфликта»²⁶¹.

Уничижительные наименования представителей другого этноса являются одной из примет «языка вражды», они распространяются в жаргонах, арго, просторечии, разговорной речи. Этнофолизмы либо создают образ врага, либо используются как

²⁶¹ Гусейнов, Г. *Язык мой – Wrack мой. Хроника от Ромула до Ленинопада*. Киев, Laurus, 2017. С.247-248.

экспрессивные номинации отчуждающего характера, отражающие релевантность для говорящих оппозиции «свой – чужой».

Экспрессивные этнонимы отражают нетерпимость говорящих, тяготеющую над ними власть предрассудков, суеверий, этнокультурных стереотипов. Они составляют, однако, лишь часть экспрессивных наименований «чужих». Эти наименования образуют в языках обширные по составу группы, единицы которых различаются по способу образования, степени экспрессивности и образности, характеру выражаемой оценки и ее силе²⁶².

Как отмечает Кронгауз, с начала украинского кризиса, СМИ активно используют *оценочную лексику*, которая применяется для *пропаганды*, а не для объективного описания событий: «Цель пропагандистского текста в том, чтобы убедить читателя, что одни хорошие, а другие плохие, одни побеждают, а другие проигрывают, поэтому оценки навешивают почти на все слова, сообщения о маленьких удачах раздуваются, а большие поражения почти не упоминаются. Для пропаганды подбираются или придумываются специальные слова, с помощью которых некое нейтральное явление оценивается либо со знаком «плюс», либо со знаком «минус»»²⁶³.

Ученый приводит пример манипулятивного воздействия с помощью этого вида лексики – номинации участников боевых действий на Донбассе: нейтральные определения – «ополченцы», «силы украинской армии», оценочные – «повстанцы», «сепаратисты», крайне негативные – «террористы», «каратели», «фашисты», «бандеровцы». Кронгауз называет такие лексемы «словами ненависти», содержащие оценочный компонент в своей семантической структуре, поэтому они не требуют дополнительных аксиологических отметок в политическом тексте: «Эта линейка, когда от нейтрального самоназвания переходят к максимально негативной номинации, – типичный способ языкового манипулирования, с помощью которого мы не просто называем явление, а даем ему оценку. Фактически эта оценка не является, как говорят лингвисты, эксплицитной – явной, но она заложена внутри значения слова. Мы не говорим, что повстанцы или солдаты украинской армии – нехорошие люди, мы сразу закладываем эту оценку в номинацию, и, соответственно, с этим бессмысленно спорить. Это стандартный пропагандистский прием»²⁶⁴.

Наиболее популярный этнофолизм, созданный во время украинского кризиса – лексема «*укроп*». В основе данной номинации, кроме фонетического (**украинец-укроп**), лежит принцип дегуманизации – сравнение человека с растением. «Укроп» в сознании русских ассоциируется с гражданами Украины, поддерживающими Майдан, новую власть, безоговорочную ориентацию страны на Запад и антироссийскую риторику.

²⁶² Грищенко, А.И., Николина, Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности*: коллективная монография. Екатеринбург, УрГУ, 2006. С. 175-188. С. 175.

²⁶³ Кронгауз, М. *Вырабатываются специальные слова ненависти* // Новая газета, 14.09.2014. Вып. 103: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/12/61126-maksim-krongauz-171-vyabatvayutsya-spetsialnye-slova-nenavisti-187> (дата обращения 18.02.2019).

²⁶⁴ Там же.

После начала военных действий на юго-востоке Украины, «укропами» начали называть украинских военных:

*В освобождении Дебальцево от **укропов** участвовали и дончане, и луганчане: причем войсками командовали оба президента (МК²⁶⁵, 27.02.2015).*

Показательно, что в официальном источнике «Российская газета» лексема «укроп» как уничижительный термин встречалась в интервью, репортажах, цитатах, прямой речи, но никогда не употреблялась в прямой речи журналистов. В публикациях официального авторитетного издания, претендующего на «объективную» подачу материала, не допускается использование стилистически-маркированной лексики. Журналисты, таким образом, избегали прямой номинации, ссылаясь на речь третьих лиц:

*Что касается непосредственно боевых действий, которые планирует в ближайшие сутки начать киевская хунта, то, как сообщил в среду командир ополчения Славянска Игорь Стрелков, "**укропы** тянут войска" "не по-детски (РГ, 08.05.2014).*

Впоследствии произошло присвоение термина (украинцы начали называть себя укропами), в результате чего негативная коннотация этнофолизма снизилась:

*Его взгляды нравились не всем. В том же самом интервью Орхан Джемаль заявил: «**Я укроп**. Я проукраинский человек, я считаю, что у местных жителей есть право на восстание, на самоопределение. Но я был там много раз, подолгу, и видел, что это быстро перестало быть восстанием местных. Угрозы со стороны Киева не было. Угроза от бандеровцев была вымышленная, пропагандистская...» (МК, 01.08.2014).*

*Во время выступления в Мариуполе [...] украинский президент продемонстрировал шеврон с изображением **укрона** и надписью УКРОП: "Пусть они нас называют "укропами". Потому что УКРОП расшифровывается очень просто – "Український опір" – заявил Порошенко (МК, 11.09.2014).*

Образование в Украине политической партии «УКРОП» (название расшифровывается как «украинское сопротивление»), привело к последующей семантической трансформации лексемы (употребление в российских источниках как название партии вместо оскорбления):

*Партия «Украинское объединение патриотов – "**Укроп**"» намерена принять участие в местных выборах по всей стране. Об этом, по данным «Интерфакс-Украина», заявил глава политического совета объединения Геннадий Корбан в ходе брифинга в Чернигове (МК, 27.07.2015).*

«Укр» (сокращенная форма от «украинец») – еще один популярный этнофолизм российских масс-медиа. Данная форма использовалась и как независимая лексема, и

²⁶⁵ МК – «Московский комсомолец»

как производная основа для других слов. Например, *укуроармия, укровласти, укроСМИ, укроканалы, укровоенные, укропатриот, укродеградация, укрофашисты, укронаци, укробот*:

Недавно вернулся из подконтрольного укровластям поселка на Луганщине. Ощущение войны, в отличие от сытого и вальяжного, пока лишь слегка напуганного Киева, чувствуется уже в вагоне поезда, идущего на восток... Первое купе плацкарта занимают четыре укровоина, возвращающихся "з видпусткы в часть"... Кстати, об укроСМИ. Отношение к ним колеблется от равнодушно-презрительного до яростно-проклинающего. Дело в том, что, в отличие от остальной страны (да и ЛНР с ДНР, где отключены укроканалы), здесь вещают все украинские (РГ, 24.02.15).

Этнофолизм *правосек* образовался для обозначения членов и бойцов националистической праворадикальной партии «Правый Сектор», которая появилась во время Майдана и своими действиями способствовала радикализации противостояния между митингующими и силовыми структурами. Пейоративность номинации достигается через созвучие формы с обценной номинацией *гомосек*. Вначале термин обозначал членов этой партии, а позже расширил референцию и начал употребляться по отношению к радикально настроенным украинцам, в том числе воюющим на юго-востоке Украины.

Российские СМИ активно использовали образ «Правого Сектора» и его членов для описания лиц, представляющих опасность для русскоязычных жителей восточных регионов Украины и россиян: *Не стоит сбрасывать со счетов и «правосеков». В лесах еще полно банд. Недавнее ночное нападение – это дикая, животная месть бандеровцев, сирийский вариант (МК, 21.04.14); Так вот, это аморально – пускать его [В.Вакарчука, украинского певца] в Россию для того, чтобы он мог записывать новые альбомы и с новыми силами благословлять бандеровцев и правосеков на борьбу с мирным населением Донбасса (ГК, 22.08.2014).* Этнофолизм использовался в сочетании с другими пейоративами: *майданутые правосеки, бандеровцы и правосеки.*

Свидомит (от укр. *свідомий* – «сознательный» и *національна свідомість* – «национальное сознание»), созвучно с *троглодиты*) – украинец-патриот, активный сторонник Майдана, ориентации Украины на Запад и изоляции от России. Это слово и его производные *свидомость, свидомый* использовались в ироническом значении для высмеивания патриотично настроенных украинцев (ирония достигается путем использования украиноязычного вкрапления): *Ядром и локомотивом этого украинского этноса выступают т.к. «национально свидомые украинцы» (то есть национально сознательные), которых украинская интеллигенция выращивала десятилетие за десятилетием (МК, 11.03.2014); А вся свидомость и майданность украинцев – не более чем шелуха, грязь, которая налипла по дороге в Европу. Это что-то чужое, внешнее, хотя сами они, возможно, этого сейчас и не понимают (МК, 24.07.2014).*

Проанализированные экспрессивные этнонимы использовались для пейоративной номинации украинцев и выполняли в дискурсе функцию конструирования негативного образа противоположной стороны, исключая к ней отношение.

3.3.1.4. Тактика негативной презентации («анализ-минус»)

Дискредитация политического оппонента может осуществляться с помощью его негативного описания. Тактика «анализ-минус» реализуется посредством констатации негативных последствий Евромайдана для экономики Украины, украинского общества и украинской государственности. Основными аргументами против разрыва российско-украинских отношений являются: экономический кризис, политический кризис, отсутствие контроля над ситуацией, потеря суверенитета.

Экономический кризис. Одной из важнейших смысловых линий в изображении ситуации в Украине является экономический кризис. Негативные экономические последствия украинского политического кризиса репрезентируются плотным синонимическим рядом: персонификацией («бесприданница»); словосочетаниями: *финансовый коллапс, коллапс экономики, экономический хаос*; фразеологизмами: *затягивать пояса, сводить концы с концами, оказаться на грани банкротства, отбросить за грань нищеты, трещать по швам*; суперлативами: *в тяжелейшем экономическом положении, тотальная экономическая катастрофа*; дефинициями: *Украина – банкрот*:

О том, что Украину можно считать "бесприданницей" Гонтарева на удивление буднично заявила, отвечая на вопрос журналистов одного из украинских телеканалов (РГ, 18.11.14).

Киевляне затягивают пояса. Украинская столица оказалась на грани банкротства (РГ, 6.11.14).

То есть, похоже, украинская власть, оказавшись в тяжелейшем экономическом положении, вообще не хочет платить, просто забалтывая этот вопрос (МК, 11.04.14).

Украина трещит по швам. Ситуация гражданской войны – для любой страны катастрофична. И даже если они там всех повстанцев перестреляют, это проблем Украины не решит. У них экономика на грани коллапса» (МК, 05.05.14).

Один из признанных лидеров российской блогосферы Дмитрий Галковский считает, что российская политика вполне рациональна. Просто «плод», который в итоге должен упасть нам в руки, еще «не созрел»: «Украина – государство-банкрот, стремительно приближающееся даже не к дефолту, а к тотальной экономической катастрофе (МК, 03.02.14).

Политический кризис. Украина воспринимается как дезинтегрированное государство, с высоким риском распада, в силу неспособности действующей власти осуществлять реформы. Критическая политическая ситуация в Украине описывается лексемами «*коллапс*», «*распад*», «*безвластие*», «*кризис*», «*хаос*», «*беспорядок*», «*катастрофа*», «*трагедия*», «*беспредел*», «*раскол*», «*дестабилизация*»:

Украине грозит коллапс власти. В один день в парламенте распалась коалиция большинства, а премьер Арсений Яценюк заявил об уходе в отставку. В разгар силовой операции на востоке это может ввергнуть страну в состояние безвластия. Отставка Арсения Яценюка, считавшегося одной из ключевых фигур новой киевской власти и пользовавшегося почти безоговорочной поддержкой Запада, спровоцировала острейший политический кризис (ГК, 25.07.14).

Еще один способ создания образа Украины как несостоявшегося государства – это описание ее как пассивного участника в конфликте интересов, используемого другими, более сильными государствами. Это осуществляется посредством дефиниций «*инструмент*», «*заложник*», «*марионетка*», «*агент*», «*колония*»:

Украина используется как инструмент, как заложник желания некоторых участников международного общения, скажем, реанимировать НАТО [...]. И это не может не вызывать сожаления, "потому что фактически Украина оказалась заложником чужих интересов", – считает глава государства (РГ, 15.09.14).

Более того, марионетки олигархов, которые идут сейчас в качестве скромных кандидатов, почувствовав сплоченное агрессивное единодушие, вполне могут, в духе традиций фашистских режимов, уже начать раскулачивать своих бывших спонсоров (МК, 08.10.14).

Америка дает нам понять, что мы имеем дело фактически с американской колонией [...]. И Украина, принятая в Евросоюз, становится американским агентом в его составе (МК, 27.06.14).

Отсутствие контроля. Отсутствие контроля над ситуацией со стороны украинской власти реализуется посредством выражений «*утрачивать контроль*», «*отсутствие контроля*», «*власть теряет способность влиять на обстановку*», «*дестабилизация украинской власти*», «*недееспособная украинская власть*»:

Ведь все на Украине видят, что власть утрачивает даже видимость контроля над событиями. В течение последних двух недель официальный Киев утверждал, что у него достаточно сил за 2-3 дня навести порядок в Луганске и Донецке (РГ, 15.05.14).

Исходя из того, как события развиваются, можно прогнозировать в будущем утрату контроля со стороны Киева над другими территориями [...]. Нынешняя украинская власть может опираться только на какие-то полууголовные банды и на неонацистские формирования (РГ, 15.05.14).

При этом следует учитывать, что ни Турчинов, ни Яценюк эти банды не контролируют [...]. То есть происходит дестабилизация нынешней украинской власти, с одной стороны, во взаимоотношениях с восставшими регионами, с другой стороны, и внутри нее самой (РГ, 15.05.14).

Итак, тактика негативной презентации осуществлялась в российских СМИ через систематическое представление отрицательных сторон, констатации слабых мест и ошибок в поведении политического противника.

3.3.1.5. Тактика насмешки

Дискредитация политического оппонента может осуществляться не только путем негативного описания или обвинения, но и с помощью высмеивания с установкой на комический или иронический эффект. В дискурсивных политических тактиках нового века ценится не агрессия, а прежде всего чувство юмора²⁶⁶. Данный прием может быть способом как самовыражения автора и проявления его креативности, так и инструментом целенаправленного воздействия на адресата.

Ироничные кавычки. В процессе номинации украинских политических реалий российские масс-медиа активно использовали прием «иронических кавычек», которые ориентируют адресата к противоположному пониманию написанного. Кавычки подготавливают читателя к осмыслению коннотаций ассоциативного плана, к критическому прочтению выделенного фрагмента текста. Они используются при цитировании украинских источников для отрицания сказанного:

Белый вертолет Ми-24 с буквами UN на борту обнаружился во вторник под Краматорском: во время боя ополченцев Славянска с колонной бронетехники "борцов за единую Украину", именно эта военная машина доставила карателям подкрепление и эвакуировала раненых (РГ, 15.05.14).

Пока на востоке страны царит неразбериха, а Крым фактически взял курс на независимость, гражданские активисты из числа сторонников новых властей начали кампанию по борьбе с тем, что они называют "кремлевской пропагандой" (МК, 07.03.14).

Кавычки часто соотносятся с языковыми маркерами «как бы», «так называемый», «тем, что они называют» при цитировании украинских масс-медиа. Например, в украинском медиапространстве жителей юго-востока Украины,

²⁶⁶ Баранов, А.Н. Языковые игры времен перестройки (феномен политического лозунга) // *Русистика*. 1993. №2. С.64-72. С.65.

выступающих за федерализацию, называют «террористами», а действия властей против них «антитеррористической операцией». В российском контексте такие определения недопустимы:

Начальник Генштаба Вооруженных сил Украины (ГШ ВСУ) Виктор Муженко фактически отстранен от руководства так называемой антитеррористической операцией (АТО) (РГ, 15.09.14).

Следует отличать «ироничные кавычки» от тех, что используют для введения цитат с относительно нейтральным отношением адресанта к цитируемому или для маркировки нестандартности выделенного слова.

Использование украинских слов. Данный прием осуществляется с помощью вкрапления украинских слов в русскоязычный контекст. Использование слов принадлежащих близкородственному языку – обычная речевая практика, но в условиях социально-политического конфликта данный прием имеет другую цель, а именно стилистически снизить или насмеяться над представителями другой нации. Это происходит тогда, когда объектом насмешки становится украинское государство, его жители, украинский язык или украинские национальные символы: *Незалежна* (“независимая”) – название Украины, *мова* – “украинский язык”, *самостийность* – «независимость», *самостийнык* – “борец за независимость Украины”, *перемога* – “победа”, *жовто-блакитный* (желто-голубой) – украинский флаг, *нова влада* – «новая власть», *зрада* – предательство (слово, функционирующее в украинском контексте для выражения предательства национальных интересов):

*"Понимаю, почему люди на Украине хотели перемен. За годы **самостийности**, **независимости** власть, что называется, их достала, опостылела просто" (ГК, 2.04.14).*

*Если позволите, вопрос, возвращающий нас к трагическим событиям у наших соседей на Украине. Идея перевести украинскую **мову** на латиницу бродит в головах майдана (РГ, 23.05.14);*

*Благо и у нее [Юлии Тимошенко], и представителей **«новой влады»** всегда на подхвате есть нужные СМИ, которые распространяют информацию о каждом шаге и каждом слове. (МК, 11.04.14).*

*Известная на Украине светская журналистка, ищущая себя в политике или, вернее, в разговорах с политиками, Катя Осадчая в чем-то ослепительно **жовто-блакитном** рассказала, что еще вчера не собиралась голосовать за Петра Порошенко (ГК, 26.05.14).*

*Транзитная **зрада**. С 1 июля в экономическом блоке украинского правительства начали чесать затылки, соображая, что предпринять в ответ на российскую меру по*

ограничению транзита украинских грузов через территорию РФ в Казахстан и Киргизию (ВО, 13.07.16).

Субстантивированное прилагательное *Незалежна* используется как синоним Украина со стилистически-сниженным эффектом. Цель его использования – выражение иронии в понимании независимости украинского государства:

Тем временем, оставшуюся на полуострове украинскую военную технику вот-вот начнут отправлять в "незалежную". Тратиться на ее утилизацию и, тем более включать давно устаревший арсенал в боевой состав Вооруженных сил России, генералы и адмиралы не собираются (РГ, 01.14).

Стилистическим маркером иронии могут выступать графические особенности: слово может писаться с маленькой буквы или помещаться в кавычки.

Прозвища украинских политиков. Прозвища политиков – один из инструментов занижения их авторитета, способ высмеивания и иронии. Активное использование прозвищ, принижающих статус личности, служит одним из приемов создания негативного образа политического оппонента.

К бывшему президенту Украины – Петру Порошенко применяются прозвища, отсылающее к его бизнесу (производство, в том числе и в России, шоколада «Рошен») – «шоколадный король», *Рошенко, ПоРошен, шоколадник, Шоколадный Заяц, Порох* (трансформация имени, намек на агрессивную политику президента), *Полуфабрикант* (трансформация от *полуфабрикат* – «незаконченное изделие») – намек на бизнес Порошенко и на его, по мнению оппозиции, незаконный приход к власти; *Кумикадзе* (контаминация лексем *кум* и *камикадзе*) – прозвище, подразумевающее, с одной стороны, президентство Порошенко в чрезвычайно сложный для страны период военных действий, а с другой – факт наличия «кумовей», которых необходимо трудоустроить; *Порошенфюрер, Петя Кровавый* – обвинения в организации «карательной операции на юго-востоке Украины»²⁶⁷:

“Шоколадный король” Петр Порошенко – не тот человек, с которым Москве будет легко или приятно иметь дело (МК, 25.04.14).

За такое будущее предлагал украинцам проголосовать Запад, заранее объявивший жителям Незалежной вердикт: президентом должен стать "шоколадный король" Петр Порошенко. Слово от этого жизнь простых людей будет в шоколаде (РГ, 26.05.14).

Лидер партии «Батькивщина» Юлия Тимошенко получила следующие прозвища: «газовая принцесса» (аллюзия на прошлое политика – руководство

²⁶⁷ Источник примеров – словарь-тезаурус лексических инноваций «Майдан-Антимайдан» С.А. Жаботинской. Киев, 2017. С.23-24.

компанией ЕЭСУ и связанный с ней уголовный скандал в Украине, России и США), «оранжевая принцесса» (намек на «Оранжевую революцию», в которой Тимошенко принимала активное участие) и «женщина с косой» (игра слов, основанная на внешнем виде политика):

«Газовая принцесса» Тимошенко против «шоколадного короля» Порошенко (МК, 30.03.14).

В свою очередь и Арсен Аваков – человек из ближайшего окружения Юлии Владимировны. Иными словами, не исключено, что, призвав распоясавшихся нацистов к порядку, Аваков таким образом извинился перед Шуфричем за случившийся "эксцесс исполнителя". И попросить его об этом могла только женщина с косой (РГ, 02.10.14).

Александр Турчинов (один из лидеров партии «Батькивщина», исполняющий обязанности Президента Украины после бегства Януковича) получил прозвища *Пастор*, *узурпатор* (контаминация лексем «узурпатор» и «пастор»), *кровавый пастор*, *баптист* – прозвище связано с принадлежностью Турчинова к одной из баптистских церквей, а также его постами Председателя Верховной Рады и исполняющего обязанности Президента Украины, которые он, после бегства Януковича, занял, по мнению оппозиции, незаконно: *Александр Турчинов. Скелеты в шкафу «кровавого пастора» (МК, 11.12.2015).*

Арсений Яценюк (член партии «Батькивщина», премьер Министр Украины с февраля 2014 по апрель 2016) получил прозвища *Сеня* (трансформация имени *Арсений*), *Кролик*, *Кролик Сеня*, *кровавый кролик* (высмеивание по внешнему виду), *Трус* (высмеивание по личностным характеристикам), *Кулявлоб*, *Кулейвлоб* (от укр. *куля в лоб* «пуля в лоб») – прозвище Яценюка, отсылающее к сказанному им в разгар противостояния на Майдане: *«Я с позором жить не буду. Завтра пойдем вместе вперед. Если пуля в лоб, то пуля в лоб. Но честно, справедливо и смело»*. Противники используют прозвище иронично, считая смелость Яценюка притворной: *«Кровавый кролик» Яценюк в Чечне: версии за и против. Украинские националисты «не помнят такого», русские патриоты «такого не исключают» (МК, 09.09.2015); «Сеня больше не кролик»: бородатый Яценюк примерил брутальный имидж Стэтхема (МК, 05.07.2014).*

В следующем отрывке проиллюстрирована фонетическая игра с фамилиями четырех политических лидеров Украины: Порошенко, Тимошенко, Кличко и Яценюка:

Будет клич, будет порох, будет тьма, будет кролик, но все развеется и ветром унесено будет. Многие вздрогнули: все сходится! Крым вернулся к России. Край подземных нор и рукотворных гор – мятежный Донбасс с шахтерами и терриконами. Стрелец – легендарный командир ополченцев Стрелков. 23 года после развала СССР Украина сохраняла «незалежность», а теперь на грани

распада. Клич – Кличко, порох – Порошенко, тьма – Тимошенко, кролик – кличка Яценюка (НКРЯ, Комсомольская правда, 07.08.2014).

В целом, в прозвищах украинских политиков преобладают признаки «кровавый», «незаконный», «коррупционный», «лживый», «воровской», «криминальный», «глупый», «трусливый». Как видно, языковая игра с именами и фамилиями – эффективный прием высмеивания и снижения авторитета политиков, аллюзии на их негативные профессиональные и личностные характеристики. Прозвища и искаженные имена политиков используются в качестве самодостаточного стилистического средства. Пародирование имени собственного в условиях массовой коммуникации оказывает сильный воздействующий эффект на читателей. Он достигается в связи с использованием стилистически сниженной лексики по отношению к высокопоставленным лицам.

3.4. Коммуникативные стратегии и тактики в оппозиционном дискурсе

В структуре масс-медиа оппозиционные издания выбирают своей миссией *критическую оценку деятельности власти*. Они рассчитаны на активное восприятие информации и поэтому предпочтительными реципиентами оказываются субъекты с высоким уровнем политической активности. Именно критические сообщения, мнения и оценки ориентируют граждан, позволяют составлять собственное представление об эффективности управленческой деятельности. В конечном счете, критика мотивирует граждан к политическому участию или к отказу от него.

Исходя из того, что оппозиционные масс-медиа предлагают альтернативную, по отношению к официальной, версию событий, остановимся подробнее на коммуникативных стратегиях и тактиках, которые использовались в «Новой газете» и сравним их с уже проанализированными источниками.

3.4.1. Стратегия дискредитации

Оппонирование институтам власти в дискурсе оппозиции находит отражение в тактике *негативной презентации* (тактика «анализ-минус»). Данный речевой прием совершается посредством констатирования следующих отрицательных аспектов российской экономики и политики: экономический кризис, коррупция, неэффективность власти, необъективное освещение событий, негативные последствия действий российского правительства.

Значение «экономический кризис в России» реализуется с помощью экономических терминов: *рецессия, застой, девальвация, инфляция, снижение*; общеупотребительных существительных: *ухудшение, нестабильность, падение, катастрофа, провал, проблема, примитивизация*; прилагательных и причастий: *стагнирующая, слабая, уязвимая*; глаголов: *подтачивать*; словосочетаний: *экономические санкции, экономическая изоляция, уязвимая точка, слабые места российской экономики*; дефиниций: *слабое звено – экономика России*; компаративных

конструкций: экономика России не лучше, чем экономика латиноамериканских стран; Положение российской экономики хуже, чем в 2008 году; К чему привел этот курс? Сползать в **рецессию** российская экономика начала еще в прошлом году: начиная с февраля-марта Минэкономразвития начало регулярно **ухудшать** прогноз по макроэкономическим показателям, дойдя к исходу года до состояния, близкого к истерике. И было отчего нервничать. Действительность оказалась хуже самого мрачного прогноза (НГ, 28.04.14); Расходы на обустройство Крыма (включая грандиозные инфраструктурные проекты) окажутся значительно выше, чем предполагалось, что отяготит и так **стагнирующую экономику России**; к тому же компании и банки, которые будут работать в Крыму, подпадут под **санкции** (НГ, 28.05.14); **Девальвация** национальной валюты, **инфляция**, **снижение реальных доходов**, сложности с балансированием государственного бюджета и исполнением социальных обязательств – тоже долгосрочная реальность (НГ, 19.03.2014). Данная тактика противопоставляется тактике самопрезентации дискурса власти, которая находит выражение в идеях об экономическом росте страны.

Преобладание интерпретации над фактом в оппозиционном дискурсе находит выражение в комментировании перманентных характеристик российской власти. Констатация «состояния дел» проявляется в акцентировании внимания на неэффективности и коррумпированности членов правительства: *Народ пребывает в эйфории, сплачивается вокруг национального лидера, забывая о **коррупции**, о падении рубля, о безнадежном положении городов с промышленной монокультурой* (НГ, 27.04.2014); *Это абсурдное, опасное, идущее вразрез с общечеловеческим здравым смыслом и международным правом решение, было принято ровно потому, что в стране **нет нормальной демократии, нормальной оппозиции, нормального парламента*** (НГ, 02.03.2014).

Критическая позиция по отношению к власти выражается не только в критике действий правительства, но и в негативном описании личностных характеристик политиков, например, с помощью прилагательных с семантикой «безумный», «сумасшедший»: *И картина эта не про Майдан, и даже не про Крым, а **про безумную, свихнувшуюся власть**, которая сегодня роет могилу своей стране, вступая в конфликт с остальным миром. Мы стали агрессивным государством. Мы стали авторитарным государством* (НГ, 21.03.14).

Целевая установка оппозиционного дискурса на разоблачение мифов и восстановление истины обретает форму обличения российских масс-медиа в пропаганде, необъективном освещении событий в Украине. По отношению к лицам, контролирующим информационные потоки и способствующим, таким образом, распространению «ложной информации», используются уничижительные номинации *пропагандисты, агитаторы*; действия подконтрольных власти СМИ номинируются словосочетанием «**информационная война**»: *Но куда больше неудобств «Правый сектор» доставляет сегодня государству Украина. В первую очередь тем, что своими действиями подтверждает тезисы **кремлевских пропагандистов** о том, что страну захлестнула война насилия* (НГ, 30.03.2014); *Не может ведомство*

иностранных дел опускаться до уровня **министерства пропаганды** и печь как блины сомнительные заявления на злобу дня. Кризис когда-то кончится, и как наш МИД с репутацией **пропагандиста-агитатора** будет отстраивать послекризисные отношения с окружающим миром? Против Украины ведется **информационная война**. Информация искажается, эта **пропаганда**, которая льется с экранов российского телевидения, ничего общего не имеет с журналистикой (НГ, 28.05.14).

Смыслы «дезинформация», «пропаганда» транслируются также посредством ярлыков – обобщающих негативных номинаций России»: *В России-то при полном контроле над телевизором, кем надо, тем и обернется. Но вот в Украине, боюсь, такой фокус уже не пройдет. Вот так, понемногу необратимо сокращается шагреневая кожа Империи вранья* (НГ, 11.05.2014); *Империя лицемерия: двойные стандарты России на примере «украинской кампании» очевидны* (НГ, 29.04.2014). Аналогично используются языковые средства с негативной семантикой: *зомбирование, телезомбирование; коллокации: партия телевидения, патриотический угар; трансформированный афоризм: Есть такая профессия – мозги промывать* (НГ, 03.04.14).

Наконец, стратегия дискредитации реализуется посредством констатации негативных последствий действий власти, где главным аргументом выступает потеря международного статуса страны. Например, с помощью антитезиса демонстрируются изменения международного статуса России до и после Крыма: *Напомним, что раньше Путин пользовался у западных коллег репутацией политика неудобного, но говорящего то, что есть, и держащего слово. Хорошая репутация была и у министра иностранных дел Лаврова. Теперь все изменилось – доверие ушло. В международной политике это огромная потеря* (НГ, 28.05.14).

Эффективным приемом подрыва авторитета власти является указание на изоляцию страны, что выражается в термине *изоляция* и в словосочетаниях *международная изоляция, экономическая изоляция, внешняя изоляция*: *И наша страна окажется в изоляции – как в одиночной камере с пожизненным заключением* (НГ, 18.03.2014). Воздействие на эмоции адресата достигается с помощью ярлыка «страна-изгой»: *Мало кто из экспертов верит, что санкции заставят Путина отказаться от фактического присоединения Крыма к России. Но превращение в международного изгоя в долгосрочной перспективе подорвет, как полагают европейцы, его режим* (НГ, 14.03.2014); *Беда в том, что эта стезя подразумевает системную дебилизацию населения, изоляцию от актуальной информации, стирание коммуникативной памяти и быстрое сползание России к статусу страны-изгоя на обочине* (НГ, 10.05.14).

3.4.2. Стратегия опровержения

Дискурс оппозиции формирует идеологическую картину мира в ее антитезисном варианте. Прагматическая установка оппозиционного дискурса на избличение во лжи и восстановление истины стимулирует использование стратегии *опровержения*. Одним из распространенных способов ее реализации является *цитирование*.

Лингвокогнитивное моделирование ментального пространства оппозиционного дискурса происходит через своеобразный «демонтаж» официально-политической картины мира²⁶⁸. Данный прием основывается на том, что авторы используют распространённые в дискурсе власти формулировки, клише, штампы, графически обозначая их кавычками: *Наконец, «сторонники федерализации» начали вести себя, как обычные террористы – убивать украинских политиков, превращать женщин и детей в «живой щит» и брать заложников, требуя обмена их на своих арестованных активистов* (НГ, 28.04.14); *Пока по российским телеканалам показывали, как «ополченцы» помогают европейским экспертам и наблюдателям, от ОБСЕ и голландской миссии экспертов-патологоанатомов, высадившейся на Донбассе, поступали другие сведения: сепаратисты ограничивают доступ экспертов на всю территорию разброса останков*, (НГ, 23.07.14) (в данных примерах клише «сторонники федерализации», «ополченцы» заменяются собственными негативными формулировками – «сепаратисты», «террористы»); *На прошлой неделе российские морпехи, ВДВ и спецназ без труда заняли Крым, прикидываясь местными «силами самообороны», а теперь, похоже, готовятся идти дальше* (НГ, 04.03.2014); *Крымское обострение и «внезапная проверка» российских вооружённых сил вдоль западных границ совпали по времени с совещаниями министров обороны в брюссельской штаб-квартире НАТО* (НГ, 03.03.2014).

С целью опровержения используются языковые маркеры сомнения: словосочетание «так называемый», приставка «псевдо-», частица «мол»: *Кто появляется на этом самом юго-востоке, мы видим. К этим поначалу, в общем, маловлиятельным и неясно, кем поддерживаемым так называемым пророссийским группам, просачиваясь, присоединяются российские граждане* (НГ, 10.09.14); *После проведения так называемого референдума и провозглашения новой власти в Крыму, начался абсолютно беспорядочный, бандитский захват ствола Северокрымского канала* (НГ, 04.05.2014); *Итого Россия купит сладкую жизнь донецким браткам, хозяйствующим в Крыму. Причем, чтобы обеспечить населению псевдократии какое-то минимальное процветание, туда придется вливать миллиарды и миллиарды* (НГ, 02.03.2014); *Постепенно с конца февраля к марту усиливается еще один очень значимый тезис. Мол, восточные регионы Украины, и тем более Крым, вообще-то исторически русские земли, и потому Россия должна их защитить и взять под свой контроль* (НГ, 15.03.2014).

Кавычки способствуют и ироническому прочтению текста. В следующих примерах иронический эффект достигается через аллюзию на активно эксплуатируемую официальными СМИ риторику «братских народов»: *Одним броском «братскую республику» не завоевать* (НГ, 04.03.2014); *Посланцы «братского народа». Митингующие в юго-восточных городах Украины приехали из Ростовской области* (НГ, 18.03.2014). В первом примере ирония достигается через

²⁶⁸ Ворожбитова, А.А. Постсоветская ментальность в зеркале публицистического дискурса // *Языковая структура и социальная среда* : Межд. сб. науч. трудов. Воронеж, Изд-во ВГУ, 2000. С.14-17. С. 16.

соединение значений «родство» и глагола с военной семантикой «завоевать», во втором через словосочетание «посланец братского народа», которое используется для номинации российских граждан, участвующих в протестах на юго-востоке Украины.

Специфика формы оппозиционного дискурса обусловлена идеологической стратегией, заключающейся в моделировании в рамках дискурса аксиологической картины мира. Опровержение официальной риторики (прием аргументации через отрицание) позволяет внести собственные идеологические критерии, сформулировать в сознании реципиентов альтернативную картину мира: *У стран уже переживших на себе в XX века, что такое на практике имперские амбиции СССР (пусть и маскируемые под «восстановление исторической справедливости», «воссоединение братских народов», «обеспечение безопасности» или отклик на призывы вмешаться со стороны «здоровых сил») крымская акция России оживила страхи перед «большим соседом»* (НГ, 27.05.2014); *Потеря «русского мира»: консервативно-традиционалистская конструкция славянской, православной, «русской» общности, эта международная ипостась концепции «духовных скреп», также приказала долго жить. Отъем части территории у «православных братьев» разрушил идею, пусть и утопичную, но укорененную как общественный миф. Россия вряд ли теперь будет способна использовать его для своих целей «собрания» Православного мира в противостоянии секулярному и «греховному» Западному миру* (НГ, 27.05.2014). Цитирование идеологических установок официального дискурса обладает воздействующей силой. Прием кавычек позволяет выразить, в явной или скрытой форме, альтернативную точку зрения, опровергнуть тезисы, обозначенные в дискурсе власти. Прибегая к цитатам, авторы избегают прямого декларирования собственной позиции, выражая несогласие и критикуя оппонентов в имплицитной форме.

Данный прием используется и для цитирования ярлыков, которые активно употребляются в дискурсе власти: *Если Яценюка, Турчинова большинство кандидатов в президенты в кремлевском просторечии именуют «хунтой», то более подходящего периода для свержения «фашистов» не придумать* (НГ, 28.04.14); *Главная и стержневая мифологема официальной оценки нынешней ситуации в Украине, устремленная прямо к исторической памяти российского населения, – это приход к власти в соседней стране «нацистско-бандеровской банды»* (НГ, 29.03.2014); *Михаил Ходорковский сказал очень точно: «Бандеровцы» выдуманы потому, что русского очень трудно заставить ненавидеть украинца. Чурку, пиндоса, «грызуна» – увы, уже научили. Поэтому выдуманы «бандеровцы». Вот, мол, кого мы ненавидим, а не украинцев* (НГ, 14.04.14); *Мы видим, что захват Крыма, боевые действия сепаратистов на Донбассе против киевских «карателей» и довольно туманные идеи Новороссии и защиты Русского мира принесли лично Путину и в целом российской власти невиданный за последние годы рост политических рейтингов* (НГ, 10.09.14); *И вот что получилось: «кровожадная принцесса», «воровка, преступница, убийца, русофобка, националистка, шовинистка, украинская неонацистка*

проамериканской ориентации» снова рвется во власть [о Юлии Тимошенко] (НГ, 03.04.2014).

Итак, если в дискурсе власти ярлыки и прозвища использовались для дискредитации украинского правительства, то в оппозиционном дискурсе они употреблялись для констатации существования в российском медиапространстве подобных лексических единиц. Таким образом, с помощью данных номинаций имплицитно осуществлялось обличение российской власти и подконтрольных ей СМИ в злоупотреблении ярлыками, как проявление манипулирования и пропаганды.

В номинациях внешней политики в Крыму российского правительства превалировала критическая позиция, выраженная следующими лексическими средствами: *вторжение* [28], *аннексия* [27], *эскалация* [20], *оккупация* [10], *интервенция* [10], *агрессия* [9], *вмешательство* [9], *захват* [8], *авантюра* [6], *взятие* [1]: *ЕС дал российскому руководству срок до четверга, чтобы отказаться от военной эскалации в Украине и вернуть войска к местам постоянной дислокации* (НГ, 04.03.2014); *Наконец, включены органы пропаганды и их сотрудники, которые активно участвовали в пропагандистских усилиях в поддержку аннексии Крыма со стороны РФ и российской военной интервенции* (НГ, 10.04.2014); *Понимание, оправдание не меняют главного: незаконной, с точки зрения международного права, оккупации территории суверенного государства* (НГ, 13.05.2014); *Наша страна оказалась ввергнутой в опаснейшую авантюру. Под лозунгом «Защитим русских в Крыму» уже произошла фактическая аннексия Крыма* (НГ, 14.03.2014); *Те, кто совершают акты агрессии против соседнего государства, развязывают грязную войну у себя под боком, посылают на бойню российских солдат и пытаются скрыть это преступление, рушат всю систему связей с Западом* (НГ, 02.10.14).

Итак, в описании действий российского правительства в «Новой газете» превалировали смыслы «незаконность», «нарушение», «вмешательство», «сомнительный успех». Также присутствовали ироничные смыслы, выраженные лексемами «экскурсия», «эпопея»: *Чем дольше продлится путинская экскурсия в Украину, тем мощнее будет усиленная волонтерами ЗСУ и слабее сдавленная санкциями Россия и ее армия детей* (НГ, 04.03.2014); *Крымская эпопея Кремля неожиданно сплотила западный мир* (НГ, 27.03.2014).

Разные целевые установки проанализированных изданий обусловили различный выбор языковых средств в моделировании ситуации «украинский кризис». Цель правительственных газет – легитимировать действия находящихся у власти сил и дискредитировать оппозиционные группы. Усиление позиций власти осуществлялось через консолидацию общества в борьбе против «внешнего врага» и создание образа власти, которая «защищает своих». Для дискурса власти характерна апелляция к патриотическим ценностям и политически благонадежной риторике. Последовательное создание негативного образа политического противника достигалось через использование ярлыков, прозвищ, уничижительных номинаций, экспрессивно-оценочных лексем. Аргументация в дискурсе власти базируется на

закреплении в сознании реципиентов негативных ассоциаций, стереотипных представлений и предубеждений по отношению к «они-группе». Механизм скрытого воздействия заключается в создании сильного эмоционального состояния реципиента, что приводит к снижению критичности и повышению политического конформизма.

Дискурсивные характеристики оппозиционной прессы проявляются в ориентировании адресата на критическое осмысление действительности и формирование отрицательного восприятия действующей власти. Речевые стратегии оппозиционного дискурса определяются интенцией опровержения, сомнения, поиска правды, уличения во лжи, снятия смысловой неопределенности. Оппозиция в качестве оружия борьбы со своим политическим противником использует стратегию дискредитации, которая проявляется в тактиках обвинения и насмешки, направленных против действий власти и в негативном описании личностных характеристик ее представителей. Предпочтительными средствами убеждения оказались логические доводы, основанные на опровержении существующих в дискурсе власти позиций.

3.5. Метафора как инструмент воздействия

Метафорические употребления отбирались из четырех периодических изданий («Российская газета», «Московский комсомолец», «Коммерсантъ», «Новая газета») за период с 20 февраля 2014 по 28 февраля 2015 года. При отборе метафор фиксировались все метафоры без ограничения круга сфер-источников метафорической экспансии.

На основании теоретических положений об активизации метафорических моделей в условиях кризисной политической ситуации (Де Ландсхер 1991; Чудинов 2001; Будаев 2016; Караулов, Баранов, 1994) выдвигается *гипотеза* о том, что в политическом масс-медийном дискурсе России, касающемся украинского кризиса, преобладают метафоры определенного типа (доминантные метафорические модели). Эти метафоры являются востребованными на данном этапе, так как они наиболее наглядно отражают ситуацию в Украине и ее восприятие российским обществом, формируют образ страны, оказывают эмоциональное воздействие на читателей, формулируют общественное мнение на сложившуюся в Украине политическую ситуацию.

Для верификации предложенной гипотезы был выполнен анализ метафорических моделей. Задача – проанализировать, к каким концептуальным сферам чаще всего прибегали авторы статей для описания российско-украинского противостояния, идентифицировать доминантные метафоры, их частотность, способ их развертывания и функционирования в российском масс-медийном дискурсе; продемонстрировать реализацию двух основных функций метафоры в политическом дискурсе – референтной и воздействующей; проанализировать, почему именно эти

метафоры использовались для концептуализации ситуации «российско-украинский кризис», определить, появились ли новые метафоры.

Критический анализ метафор заключается в выявлении интенций и идеологий, лежащих в основе речевого употребления²⁶⁹. Определяется, какие метафоры использовались для интерпретации российско-украинского кризиса, с какой целью они использовались (определение авторской интенции), почему некоторые метафоры преобладают в дискурсе, имеют ли данные метафоры идеологическую направленность (мотивацию), насколько сильна их воздействующая функция.

Анализ проводился в такой последовательности:

1. *Идентификация метафор* (identification). Придерживаясь когнитивного подхода к метафоре, объектом исследования стали те языковые употребления, при которых одна концептуальная область интерпретируется посредством другой. Используя терминологию Лакоффа и его последователей, понятие, которое интерпретируется (украино-российский кризис), мы называем *сфера-цель*, понятие, к которому прибегают для интерпретации кризиса, именуется как *сфера-источник* (метафоры «кризис как война», «кризис как игра», «кризис как театр» и т.д.). Критерий идентификации метафоры – «семантическое напряжение»²⁷⁰, которое вызывает слово в связи с тем, что используется в неожиданном для него контексте.
2. *Классификация метафор*. Метафоры классифицировались согласно *сфере-источнику*. Иными словами, на основе идентификации лексико-семантических групп слов, относящихся к определенной тематической области, формировались метафорические модели, описывающие кризис. Например, идентификация словоупотреблений «мяч», «выпад», «поле», «раунд», «состязание», «трамплин» позволила выделить метафорическую модель «Российско-украинский кризис – это спортивное состязание».
3. *Подсчет метафор*. Определение наиболее употребительных метафорических моделей (определение доминантных метафорических моделей) (См. Приложение 2).
4. *Интерпретация метафор* (interpretation). При интерпретации метафор использовался подход когнитивной семантики. Он заключается в том, что метафорические переносы осуществляются говорящими посредством проекции знаний из одной концептуальной сферы (конкретной) на другую, более абстрактную. Эти переносы (*metaphorical mappings*) основываются на нашем личном опыте – физическом или сенсорном (знания о собственном теле, понятия пространства, движения, температуры) или социальном (человеческая деятельность, отношения, ценности, культурные нормы и пр.).

²⁶⁹ Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2004a. P.34; Charteris-Black, J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2004b. P.26.

²⁷⁰ Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. New York, Palgrave MacMillan, 2005. P. 14.

5. *Объяснение* (explanation) предполагает объяснение идеологической мотивации метафорического использования и прагматического потенциала метафоры, определение ее воздействующей функции.
6. *Сравнение* метафор в официальном и оппозиционном медиадискурсах.

В процессе исследования масс-медийных текстов был обнаружен 301 пример использования политической метафоры (219 примеров в дискурсе власти и 82 – в оппозиционном дискурсе). Классификация метафор производилась на основе обращения к понятийной сфере-источнику метафорической экспансии и позволила идентифицировать 21 метафорическую модель²⁷¹. Все метафоры рассматривались сквозь призму четырех разрядов концептуальных метафор: *антропоморфная* (субсфера «человек как центр мироздания»), *социоморфная* («человек и социум»), *натуроморфная* («человек и природа»), *артефактная* («человек и результаты его труда»)²⁷².

Антропоморфная метафора. Человек создает метафорическую картину политического мира руководствуясь принципом антропоцентричности – осмысления политической действительности в виде некоего подобия своего тела и его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических связей с собственными родственниками²⁷³. В реализации данного переноса лежит принцип *персонификации* – понимание объекта, понятия или явления через проекцию на концептуальную сферу «человек». В данном случае сферой-источником в интерпретации политической действительности выступает представление говорящего о самом себе.

В политическом дискурсе персонификация реализуется в метафорической модели ГОСУДАРСТВО – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, где исходной сферой выступают «наивные» представления человека о своем теле, его частях (органах), их функциях и физиологических действиях.

Основываясь на данных характеристиках, проанализируем метафорические модели, составляющие категорию антропоморфной метафоры – метафору *болезни*, *физиологическую* метафору и метафору *родства*, которые использовались российскими СМИ в описании украинского кризиса.

3.5.1. Метафора болезни

Данная метафора – достаточно распространена и структурирована в российском политическом дискурсе (31 пример, 10,2% общего метафорического корпуса). Например, в монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры» ее автор отмечает, что преобладающей моделью в национальном политическом масс-медийном дискурсе последнего

²⁷¹ Смотреть Приложение 2.

²⁷² Согласно классификации А.П. Чудинова: Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2001. С.51-52.

²⁷³ Так же. С.57.

десятилетия XX века была метафора СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ²⁷⁴. Согласно этой модели, активно использовалась лексика, обозначающая раны и болезни. Транслировалась идея, что российское государство нужно лечить сильнодействующими лекарствами, в ином случае не избежать трагических последствий. Соответственно, формировались концептуальные векторы тревожности и агрессивности, которые отражали безысходность, но в то же время боль за состояние родной страны.

В исследуемом нами корпусе было обнаружено, что понятийная сфера «болезнь» использовалась в правительственных российских СМИ для описания негативных аспектов событий в Украине. Таким образом, модель УКРАИНА – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ детализировалась в модели УКРАИНА – БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ. Она использовалась для описания тяжелого экономического состояния страны и неблагоприятных социально-политических условий ее жителей. Данная модель структурируется следующими фреймами: 1) «причины и возбудители болезней»; 2) «диагноз» (физическое и психическое болезни); 3) «лечение и выздоровление».

Фрейм 1. «Причины и возбудители болезней»

Данный фрейм актуализируется лексемами *зараза, эпидемия, вирус, чума*:

*Украинские реалии сейчас таковы, что кадрами об измывательствах над госчиновниками, журналистами, милиционерами, прокурорами уже никого не удивить. Но не зря говорят, что **вирус безнаказанности** сродни **вирусу бешенства** – распространяется стремительно и косит всех, кто попал в его ареал (МК, 19.03.14).*

*Дремавший долгое время европейский «**вирус войны**» проснулся и приподнял свою уродливую голову. Прошлое никогда не уходит полностью, оно в какой-то форме остается рядом с нами и участвует в формировании будущего. Казалось бы, какое отношение первые этапы Второй мировой войны имеют к сегодняшней вспышке междоусобного конфликта на Украине? Самое прямое (МК, 31.08.14).*

*"Отношение украинской элиты к ним [радикалам] – то снисходительное, то благодушное – показывает, что опасной идеологией **заражены** даже внешние респектабельные политики", – подчеркнул Нарышкин (РГ, 27.06.14).*

*И, наконец, напомнил о "самом тревожном и самом опасном – о страшных признаках поднимающего голову нацизма", предупредив европейских коллег, что "**зараза нацизма** еще никогда в истории не оставалась **очаговым, локальным заболеванием**, "**коричневая чума**" косила всех, кто, скрывая правду, надеялся, что **эпидемия обойдет их стороной**". Он подчеркнул, что для мира на Украине "**важно сделать решительные и миролюбивые шаги**" в отношении юго-востока страны (РГ, 30.06.14).*

*Особую опасность Матвиенко видит в **эпидемии** радикального национализма и неонацизма. [...] Мы видим как по улицам Киева маршируют отряды итурмовиков.*

²⁷⁴ Там же, с.67.

[...]. *Остановить эту чуму можно только совместными усилиями государства и общества* (РГ, 25.03.2014).

В последнем примере лексемы *вирус, чума, зараза* используются по отношению к идеологии, сформировавшейся в Украине. Таким образом, авторы транслируют идею опасности и массового распространения антирусских настроений.

Фрейм 2. «Диагноз (физические и психические болезни)»

Политический и экономический кризис в Украине описывался как физический порок с помощью лексем *диагноз, синдром, недуг*:

Украине поставлен греческий диагноз. МВФ и другие кредиторы готовы выделить стране \$27 млрд. в обмен на жесткие реформы (ГК, 28.03.14).

Донецкий синдром. Киев пытается вернуть контроль над восточной Украиной (ГК, 14.04.14).

События прошлой недели не только поставили Украину на грань гражданской войны, но и парализовали экономику (ГК, 24.02.14).

Паралича власти удалось избежать во многом благодаря позиции президента Петра Порошенко, призвавшего Раду к консолидации перед лицом "внешней агрессии" ... "Работа Верховной рады не должна быть парализована. Нам нужна консолидация, а не противостояние. Действовать иначе – значит открыть второй фронт против Украины" (ГК, 01.08.14).

Новая украинская национальная идентичность оказалась крайне заразным психоэтническим недугом, совершенно нежизнеспособным без перманентного образа врага (МК, 03.02.15).

Состояние украинских граждан, поддерживающих протесты в Киеве, приравнивалось к состоянию безумия и одержимости с помощью существительных *одержимость, бесовщина, беснование, бред*; выражений *отравление разума, психическое расстройство*:

Я глубоко убежден, что сейчас Киев находится в состоянии одержимости, бесовщина сопровождает любую революцию [...]. Кстати, разговоры об упразднении русского алфавита и о замене его интернациональным латинским вели еще в большевистской России. Слава богу, что этого не произошло. А то, что его поднимают на Украине? Это типичная болтовня времен революционного беснования (РГ, 23.05.14).

Кто мог подумать, что в демократическом обществе [...] может случиться подобное отравление разума. Перешедшая все границы информационная агрессия против России, создающая образ России как врага и ненависть к ней, – это похоже на психическое расстройство. И пропагандистскому бреду на Западе верят: волна патриотизма, поднявшаяся в России после воссоединения с Крымом, трактуется Западом не иначе как торжество захватчиков (МК, 27.06.14).

Фрейм 3. «Лечение и выздоровление»

Данный фрейм реализуется посредством глагола *лечиться*, выражения *шоковая терапия*, существительного *оздоровление*:

*Единственно, что осталась у Киева, – востребованная на Западе русофобия, но это как раз такая штука, которая **лечится** постоянными и равномерными побоями* (МК, 03.02.2015).

*Киеву назначают **шоковую терапию**. Одних денег для спасения страны не хватит* (ГК, 26.02.14).

*Но Владимир Путин вчера переадресовал вопрос к "западным партнерам". [...] Они просят нас о совместной работе в рамках МВФ, чтобы побудить правительство Украины, власти Украины к проведению необходимых реформ для **оздоровления экономики**"* (ГК, 05.03.14).

С помощью данного фрейма выражается надежда на то, что Украина может преодолеть трудности и выздороветь. Оздоровление касается как сферы экономики, так и смены идеологических установок общества:

*Но, вероятно, этот недуг все же **излечим**. И мы в обозримой исторической перспективе еще увидим тех украинцев, к которым привыкли и которых любим. Тех, кого мы по праву считаем соучредителями Державы Русской. Останутся, конечно, и **неизлечимые**. К ним через века обращены слова бессмертного гоголевского Тараса Бульбы: «Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?»* (МК, 03.02.15).

Итак, в структуре метафоры УКРАИНА – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ наиболее актуальным оказался фрейм «болезнь». Использование лексем из данной понятийной сферы позволило сформировать образ Украины как государства, оказавшегося в состоянии экономического и политического кризиса. С помощью метафоры болезни осуществляется стратегия дискредитации: украинские политики обвинялись в пропаганде антироссийских настроений, а украинцы, поверившие им, сравнивались с пациентами, страдающими помутнением рассудка и даже умственным расстройством. Прагматическая функция данной метафоры заключается не только в дискредитации, но и в формировании сочувствия: традиционное для русского национального сознания отношение к больному переносится на Украину, которая сравнивается с тяжело больным человеком, нуждающимся в лечении и поддержке. Как видно, метафора болезни обладает высоким воздействующим потенциалом: эмоциональное отношение к сфере-источнику («болезнь») переносится на сферу-цель («государство и его граждане»), что создает эмоциональные прагматические смыслы.

3.5.2. Физиологическая метафора

Рассмотрим вариант метафоры ГОСУДАРСТВО – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ на примере модели РОССИЯ – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, которая использовалась при концептуализации украинского кризиса.

Анализ метафорических моделей (10 примеров, 3,3%) показывает, что данная метафора реализуется посредством обращения к понятийной сфере «Физиология». Сферой-источником данной метафорической модели выступает человеческое тело в целом или его отдельные органы. Сравнение государства, его регионов, государственных и политических структур с единым биологическим механизмом – распространенная практика в политическом дискурсе. Данные метафоры служат аргументом в пользу единства и нерасторжимости соответствующего объекта. С помощью этой метафоры раскрывается тема присоединения Крыма – как неотъемлемой части России:

Мы должны это четко понимать, иначе получится так, как с некоторыми моими коллегами, которые на деньги Ходорковского поехали на майдан извиняться за то, что русский Крым вернулся в русское лоно (РГ, 23.05.2014).

Кроме контекстов, посвященных теме присоединения Крыма, физиологическая метафора осуществлялась с использованием лексем, отсылающим к телу человека. Органы человеческого тела – функциональные, каждый орган отвечает за какую-либо сферу существования организма, например, голова – за мыслительную деятельность, сердце – за эмоции. Материал исследования показывает, что упоминание кулака или пальца использовалось для демонстрации силы России и решительного воздействия на оппонентов:

Если в Кремле решили всерьез исправить «несправедливость 1954 года» и присоединить Крым к России, то лучшего момента, чем сейчас, для этого не придумаешь. Украинское государство находится в состоянии внутреннего раздора и ничего не может противопоставить «железному кулаку» Москвы (МК, 06.03.14).

Эксперт предполагает, что Россия не станет вводить войска на Украину, чтобы добиться реализации этих требований. "Свой "военный палец" Кремль уже положил на чашу весов – чтобы усилить переговорную позицию ополченцев и не дать Киеву питать иллюзии, что он может разгромить юго-восток военным путем (ГК, 02.09.14).

Физиологическая метафора использовалась и для концептуализации противников России – ЕС и НАТО. В данном случае они интерпретировались как объект воздействия со стороны России с помощью лексем голова, мозоль, нога:

В ЕС уже боятся, что санкции «ударят по голове» как бумеранг (МК, 31.08.14).

Россия под руководством Путина не просто наступила на любимую мозоль Запада. Мы переехали Западу «ногу» на многотонном «КамАЗе», а потом развернулись и переехали ее еще раз. Нынешний кризис не может завершиться по формуле

«пошумели, поругались, разошлись, забыли, стали жить дальше». Одна из сторон неизбежно должна проиграть и самым зрелищным образом **потерять лицо** (МК, 14.03.14).

В последнем примере ситуация обыгрывается с помощью расширения фразеологизма *наступить на любимую мозоль*. Посредством гиперболы *переехать Западу ногу* подчеркивается преимущество России в геополитическом состязании. Фразеологизм *потерять лицо* подчеркивает важность выигрыша в конфликте интересов.

С помощью физиологической метафоры реализуется концептуализация темы «санкции». Россия в данном случае выступает как объект воздействия на нее других государств. Это осуществляется с помощью существительных *удар*, глаголов *ударить, бить*, выражения *наносить удар*:

*Главный редактор журнала «Экспорт вооружений» Андрей Фролов выделил два направления, по которым **наносят удар** санкции ЕС* (ГК, 25.07.2014).

*На санкции США и Европы, которые пока **бьют** преимущественно по правящей верхушке, мы отвечаем своими внутренними решениями* (НГ, 15.04.14).

Итак, метафора **РОССИЯ – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ** эксплицирует стратегию самопрезентации. В структуре данной метафоры преобладают следующие смыслы: сила, мощь и непобедимость России, способность отстаивать собственные интересы и противостоять другим мировым государствам, Россия – лидер и равноправный участник международного состязания.

3.5.3. Метафора родства

Традиционно метафора родства представляет отношения внутри государства между лидером страны и гражданами, между социальными институтами и другими объектами политической деятельности. В международном контексте эта же метафора объективирует характер отношений между государствами, позиции отдельных стран в международных организациях. Эти контакты концептуализируются как отношения между родственниками, объединенными кровными узами и испытывающими привязанность друг к другу. Характер отношений между ними может быть равноправным или иерархическим, он регулируется не законами, а сложившимися в семье традиционными представлениями о том, как должны себя вести члены семьи. Вместе с тем, в семье могут возникать противоречия и конфликты.

При анализе семантической структуры данной метафоры выделяются два фрейма: 1) «кровное родство», детализированное слотами «семья», «родители и дети», «братья и сестры», «близкие родственники», «отдаленное родство», и 2) «родство по супружеству», репрезентируемое в слотах «муж и жена, жених и невеста».

Материал нашего исследования (23 примера, 7,7%) показывает, что в контекстах, посвященных российско-украинскому кризису, активизировалась метафора «русские и украинцы – братские народы». Данная метафора имеет культурные корни: в национальном сознании россиян существует сформированный образ украинского и российского народов как братьев. По отношению к Украине в сознании россиян метафоры семьи занимают значимое место, потому что метафоризация основывается не только на политических, но и на исторических, культурных и лингвистических факторах. Важное значение имеет и большое количество отнюдь не метафорических родственных связей²⁷⁵.

Слот «братские отношения» и «родственники» подчеркивает общность россиян и украинцев посредством номинаций *брат, младший брат, младшая сестра, братский народ, родственник*: *Но наши народы связывают узы во многие разы более крепкие, чем супружеские. Мы **братья**. А с **братом** невозможно развестись. С ним можно поссориться, много лет не разговаривать, даже подражаться. Но он все равно останется твоим **братом**, и ни один суд в мире не сможет расторгнуть эту связь (МК, 20.03.14); Запад с его отстраненно-потребительским отношением к Украине выглядит как ее лучший друг и защитник. Россия, для которой Украина является самым **близким родственником**, выглядит как ее враг (МК, 4.03.14).*

Слот «родители и дети» активизируется в контекстах описания Крыма: новый субъект Российской Федерации сравнивается с ребенком: *По мнению Владимира Жириновского, по Крыму основная задача уже выполнена – "**ребенок родился**, а когда его регистрируют, не важно"* (МК, 18.03.14).

В следующем примере используется комплексная метафора «Россия – мать», «Крым – ребенок», «Украина – приемная мать, мачеха»: *Крым, если хотите, – это **ребенок**, которого забрали у **родной матери** и отдали **приемной**. Но эта приемная мать не стала любящей, она стала **мачехой**, которая, получив волю, порядком унижала жителей полуострова последние два десятка лет* (МК, 28.02.14). Здесь осуществляются сразу две стратегии: первая – дискредитация украинской власти, несправедливо обращавшаяся с «Крымом-ребенком»; вторая – легитимирующая: Россия вернула Крым, восстановив таким образом «историческую справедливость». Материнский образ России является одним из наиболее древних и известных символов российской культуры. Отсылка к взаимоотношениям «мать-ребенок» имеет сильный эмоциональный эффект, поэтому данная метафора – эффективный способ воздействия на читателя. Привлечение материнского символа способствовало легитимации присоединения Крыма.

Кризисная ситуация притягивает также негативные сценарии семейных отношений. В масс-медийных текстах Россия и Украина описываются как несчастливые в браке супруги: ***Развод и девичья фамилия**. Никакие практические резоны не могут замаскировать эмоциональность решений Киева* (МК, 20.03.14) [о введении визового режима Украины с Россией]; *Со стороны все это* [о введении

²⁷⁵ Будаев, Э.В., Курейко, В.В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов // *Политическая лингвистика*. № 4 (56). 2016. С.93-98. С.96.

визового режима Украины с Россией] *выглядит как истерика при разводе доставших за долгие годы друг друга супругов: с разделом мебельного гарнитура, выдираньем фотографий из семейных альбомов и оплевыванием любимого костюма своей прежней половинки* (МК, 20.03.14); *Механизм развода с центральными властями в Киеве уже запущен. Крымский парламент решил вчера сформировать независимые от Киева органы исполнительной власти Крыма* (ГК, 07.03.14).

Как видно, метафора родства хорошо структурирована, что проявляется в отсылках к разным типам семейных отношений в описании российско-украинского противостояния. При описании ситуации конфликта используется повседневная лексика, относящаяся к понятийной сфере «семья». Эффективность данной метафоры объясняется ее простотой и доступностью. Каждому читателю знакомы ситуации семейных отношений, ссор, примирений и т.д.

В оппозиционной прессе также присутствуют метафоры антропоморфной категории, но они актуализируют другие смыслы.

Метафора болезни. Если в правительственных СМИ данная метафора использовалась для негативного описания Украины (УКРАИНА – БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ), то в оппозиционной прессе эта же метафора служит для репрезентации негативных экономических и социальных процессов в России после Крымского референдума (РОССИЯ – БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ). Присутствие в оппозиционном дискурсе смысла «болезнь» – закономерно, так как главная его прагматическая цель – дискредитация действующей власти. С помощью данного понятия описываются негативные явления российского общества и неблагоприятная международная обстановка, в которой оказалась страна: *Россию в мире теперь боятся, а это плохо для ее здоровья* (НГ, 19.03.2014); *Государство окончательно отделилось от страны. Власть, доведенная до безумия фантомными болями империи, совершила самоубийственный шаг* (НГ, 03.03.14); *Будут ли экономические санкции Запада или нет – это уже не важно. Болезнь приобретает все менее обратимый характер. Если говорить о перспективе, то важен подрыв доверия* (НГ, 10.04.2014); *Альтернативный вариант – ввод регулярных частей – по-прежнему кажется менее вероятным, хотя полностью его исключать не следует. Если у государства крыша поехала, трудно сказать, где ее удастся остановить* (НГ, 10.05.14).

Метафора болезни активно использовалась в контекстах, касающихся необъективности освещения событий в российских СМИ. Например, обвиняя российскую власть в пропаганде, автор статьи «Новой газеты» называет россиян – жертв пропаганды – «инвалидами войны»: *Мы просим всех писателей – патриотов России и Украины – забыть о недоверии, о распрях, ведь мы все «инвалиды информационной войны» и должны помнить о том, что эта виртуальная «инвалидность», в отличие от настоящей, излечима, исправима, восстановима* (НГ, 19.03).

Медицинская терминология (*вакцина, иммунитет*) используется в «Новой газете» и для выражения смысла «противостояние пропаганде». Данная метафора

строится на концептуальном переносе «дезинформация – это болезнь», «противодействие дезинформации – вакцинация, выработка иммунитета»: *Нужно вырабатывать информационный иммунитет, который не дает проникать в твое персональное пространство чьим-то манипуляциям* (НГ, 31.07.14); *Вакцина для нас – развитие у каждого человека критического мышления и компетентности, рефлексия. Рано или поздно настает час, и ты выходишь из поля заражения, как у Стругацких в «Обитаемом острове», с вопросами: «Что, разве это я? Что было со мной? Разве я покалечил или унизил людей?»* (НЦ, 31.07.2014).

И, наконец, с помощью метафоры болезни актуализируется смысл ухудшения российско-украинских отношений (с помощью существительных *язва, заноза, рецидив, невроз*): *Нельзя быть счастливым, забрав кусок у соседа. Это сулит язву на поколения вперед* (НГ, 25.05.14); *Даже если политика России в отношении Украины вдруг резко изменится и станет дружественной, – прежних отношений уже не будет. Обида останется, крымская заноза никуда не денется, а боязнь агрессивного рецидива со стороны России займет место в ряду национальных украинских неврозов* (НГ, 28.05.2014); *Удобно и полезно поддерживать на теле соседа незарастающую язву, где в нужный момент всегда можно пошуровать кочергой, чтобы оттянуть выборы* (НГ, 10.05.14).

Физиологическая метафора. В отличие от правительственных газет, в которых данный метафорический перенос использовался для подчеркивания силы России (номинации *кулак, палец*), в оппозиционной газете физиологическая метафора актуализирует смыслы «слабость российской экономики», «негативные последствия действий российских властей»: *У Москвы нет денег на дорожную военную авантюру. К тому же через Украину проходит транзитом половина экспорта российского газа в Европу. А это пуповина, питающая Россию деньгами и товарами* (НГ, 03.03.14); *Европа срочно решает сейчас с американскими партнерами две основные задачи: уменьшить зависимость от российского газа и заключить трансатлантический договор о свободной торговле и инвестициях. Это уже не сиюминутные санкции, удар в зубы, после которого драчуны выжидают удобный момент для примирения* (НГ, 11.04.14). Существительное «пуповина» подчеркивает зависимость российской экономики от экспорта газа, а словосочетание «удар в зубы» передает смысл негативных последствий для России экономических санкций.

Метафора родства. В отличие от правительственных газет, в «Новой газете» метафора родства (понятие «братские народы») использовалась в ироничном контексте, о чем свидетельствует употребление кавычек (об ироничном использовании см. Параграф 3.5.2): *Другой митинг в поддержку «братского» народа оказался многочисленнее* (НГ, 16.03.2014); *С его [Киселева] подачи с «братским украинским народом» следует вести диалог в стиле балабановского «Брата-2»: «Вы мне еще за Севастополь ответите»* (НГ, 8.04.14). Разница, на наш взгляд, заключается в разных прагматических целях, характерных для публикаций изданий: если в правительственных газетах подчеркивается общность «кровных уз» между двумя народами и необходимость перемирия, то в оппозиционной газете

имплицитно осуществляется критика власти, действия которой не позволяют больше называть русский и украинский народ братскими.

Социоморфная метафора

Далее будут рассмотрены метафорические модели, основанные на понятийных сферах социальной субсферы – *игровая, военная, театральная, спортивная, коммерческая и криминальная*.

3.5.4. Игровая метафора

Игровая метафора – наиболее употребительная в описании и интерпретации украинского кризиса (47 примеров, 15,6%). С ее помощью моделировались отношения, сложившиеся между участниками конфликта. Данная метафора структурируется следующими фреймами:

- 1) кризис как игра: концептуализация осуществляется как общим наименованием *игра*, так и отсылками к конкретным играм, чаще всего азартным: картам (*раскрывать карты, разыграть карту, сыграть партию, набрать вистов, блефовать, расклад, пасьянс*), рулетке (*делать ставки, ставить на кон*), шахматам (*цугцванг, гамбит*), морскому бою;
- 2) участники игры: Украина, Россия, ЕС, США (*игроки, крупные игроки, внешние игроки, системный игрок*);
- 3) правила игры: *играть по правилам, играть не по правилам*;
- 4) место игры: *поле*;
- 5) результат игры: *выиграть, проиграть, быть в выигрыше, быть в проигрыше*.

Почему именно эта метафора наиболее популярная? На наш взгляд, конфликт интерпретируется как азартная игра, так как включает такие семантические компоненты, как «авантюра», «риск», «азарт», «жажда победы», «амбиции» и «соперничество». Метафорическая модель «игра» продуктивна в контекстах международных отношений, она позволяет описать участников конфликта, их роль в его разрешении.

Концепт «игра» имеет много общего с концептом «война», что подтверждается возможностью использования в качестве репрезентантов обоих концептов глагола *проиграть* и существительных *поле, соперник* и др. Важно отметить, что у игровой деятельности много сходного с политикой, а это означает, что на глубинном уровне эти два понятия связаны друг с другом, что порождает игровые метафоры.

Понятийная сфера-источник «игра» представлена как общей лексикой *игра, правила игры, выиграть, проиграть* и ее атрибутивными характеристиками: *большая игра, рискованная игра*, так и отсылками к конкретным видам игры, часто азартным: (*карты, рулетка*), что предполагает риск со стороны всех участников конфликта. Об этом свидетельствует использование лексем *ставка, выражения на кону: Путин считает, что на кону фундаментальные интересы государства, интересы, которые*

перевешивают все прочие соображения (МК, 14.03.14); Эксперты в Вашингтоне уверены, что и на сей раз США сделают ставку на введение экономических и политических санкций (ГК, 03.03.14).

Значимое место отводится образам шахматной игры, позволяющей актуализировать разнообразные смыслы геополитического противостояния: «Никто не знает, где остановится Путин в попытке воссоздать Советский Союз: сначала Грузия, теперь вот Крым, Украина. У меня сложилось впечатление: он играет с нами в **шахматы**, а мы с ним в **шашки**. В таких условиях мы должны укреплять НАТО, принять в альянс новых членов (НГ, 28.05.14).

Участники политической игры сравниваются с игроками, победа в игре ассоциируется с победой в международном противостоянии. Данная метафора позволяет концептуализировать роль каждого участника кризиса. Характерно, что и в дискурсе власти, и в оппозиционном дискурсе метафорическое представление Украины на международной арене реализуется как образ объекта в игре интересов других государств, в то время как роль остальных «игроков» – активная: *Украину пытаются использовать как пешку в геополитической игре; Украина участвует в «большой игре» не слишком активно; Украину разыграют в дочери-матери; разыграть украинскую карту; более слабые в военном отношении страны выполняют роль фигур на мировой шахматной доске; Украина является не субъектом, а объектом игры, в Запад и Россия определяют новые правила игры; Россия не играет по правилам Запада; На самом деле решения принимаются кем угодно, но не украинцами, это расклад, в котором со всех сторон участвуют крупные игроки, которые эту ситуацию так или иначе используют, – Россия, Европа, Штаты. Все ждут каких-то неожиданных ходов (НГ, 16.04.14).*

Отличие в моделировании украинского кризиса с помощью данной метафоры в двух видах дискурса заключается в том, что в правительственных газетах «игроками-инициаторами» конфликта являются США: Эксперты в Вашингтоне уверены, что и на сей раз США сделают ставку на введение экономических и политических санкций (ГК, 03.03.2014), а в оппозиционной главная ответственность за кризис возлагается на президента России (Путин – главный игрок): *Игра, затеянная Путиным с целью вовлечь Украину в сферу влияния России и в Таможенный союз (НГ, 10.05.14); Понятно, что по правилам путинской игры мы должны про них [шахтеров] немедленно забыть и вычеркнуть из учебника истории (НГ, 10.05.14).*

3.5.5. Военная метафора

Военная метафора – вторая по популярности в российском политическом дискурсе по украинскому вопросу (35 употреблений, 11,6%). Она реализуется систематическим переносом компонентов концептуальной сферы «война» на компоненты концептуальной сферы «российско-украинское противостояние». Военная метафора структурируется следующими фреймами: 1) «виды войны»: санкционная, торговая, информационная, газовая; 2. «военные действия и

вооружения»; 3. «участники военных действий»; 4. «тактики и стратегии военных действий».

Чудинов отмечает, что «военная метафора – яркий признак отечественных политических текстов [...], причем активизация подобных образов чаще всего происходит в наиболее сложные для России периоды. [...] Милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем»²⁷⁶. Семантика войны в ракурсе отношений «Россия-Украина» пронизывает практически все обсуждаемые темы. Языковой прием «лексика вражды», используемый журналистами, зачастую направлен на дискредитацию противника для продвижения определенной идеологии.

Военная метафора использовалась для описания последствий для России присоединения Крыма. Широко использовалась военная терминология: лексемы «блокада», «фронт»; коллокации «чрезвычайное положение», «военные рельсы», «мобилизационный режим»: *В России введено ЧПП – чрезвычайное политическое положение. Почему наша система госуправления переводится на «военные рельсы»* (МК, 14.03.14); *Что вызвало переход российского государства на «мобилизационный режим» работы? Психологические предпосылки к чему-то подобному исподволь формировались уже давно. Но если говорить о непосредственной причине нынешних изменений, то для этого потребуются только два слова – «Крым» и «Украина»* (МК, 14.03.14); *Лидер партии ЛДПР Владимир Жириновский пояснил, что 9 мая Россия одержала победу над "страшным врагом", а сейчас прорвала блокаду, в которой россияне, проживающие в Крыму и Севастополе, находились несколько десятилетий* (МК, 18.03.14).

Сложившаяся конфликтная ситуация между Россией и Украиной и место ее разворачивания описываются с помощью лексемы фронт и оборота поле битвы: *Украинский Майдан открывает **новый фронт** – за овладение информационным пространством* (ЛР, 7.03.14); *Перед лицом киевской хунты Путин решает не просто судьбу Крыма и Востока Украины, он решает судьбу России, более того — мировой истории [...]. Если он не даст ответа, затянет с ним, признав хунту, **поле битвы** не просто придвинется к нашим границам, но будет перенесено в Москву* (Известия, 25.02.14).

Необходимость для российского общества объединиться и мобилизоваться против внешнего врага реализуется с помощью выражения *единый вооруженный лагерь, единый фронт*: *Но равным образом я убежден в следующем: с точки зрения Путина, чтобы иметь реалистичные шансы на победу, вся страна должна не просто консолидироваться. Вся страна должна быть превращена в «**единый вооруженный лагерь**», подчиненный достижению одной и только одной цели* (МК, 14.03.14); *Совет федерации выступил **единым фронтом**. Владимир Путин получил полное одобрение на случай военной операции на Украине* (ГК, 03.03.2014).

²⁷⁶ Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры* (1991-2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. С.104.

Воздействующий потенциал метафоры в этом случае очевиден: СМИ формируют мнение общества о том, что российское общество должно консолидироваться в борьбе против внешнего врага – ЕС и США.

Фрейм «военные действия и вооружения» представлен следующими лексемами и коллокациями: *бомба, битва, оружие, тяжелая артиллерия*.

Военная метафора активно использовалась при описании ситуации «санкции»: кроме прямых наименований (*санкционная война, торговая война*), употреблялись вторичные: *наступательные действия, битва, оружие, заложники санкций, ополчились против России: Обсуждение темы санкций европейскими лидерами запланировано на завтра. Возможные варианты наступательных действий условно разделены на три группы – “мягкие”, “средние” и “жесткие”* (РГ, 26.05.2014); *Говоря о возможных санкциях со стороны ЕС и США, Владимир Путин напомнил, что “в современном мире, когда все завязано друг от друга” санкции – оружие обоюдоострое и ущерб от них будет взаимным* (ГК, 05.03.2014).

Для оппозиционной газеты также характерно обращение к военной терминологии для описания санкций: *Говорят, что американцы сами ничего не теряют от введения санкций. Это не так. Санкции – обоюдоострое оружие* (НГ, 28.05.14); *Будет задействован обоюдоострый меч, экономических санкций или нет, зависит от дальнейших действий России в отношении Украины* (НГ, 07.04.14). Как можно заметить, сравнение политики санкций с военными действиями характерно и для правительственных, и для оппозиционного издания.

3.5.6. Театральная метафора

Метафора театра – один из наиболее распространенных способов интерпретации политики²⁷⁷. Театральная метафора присутствует в разных видах коммуникации, но в политической сфере актуализируются ее негативные значения. Ее прагматический смысл определяется ярким концептуальным вектором неискренности, карнавальности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности²⁷⁸. Субъекты политической жизни руководствуются не личными принципами, а правилами, навязанными извне. Данное значение коррелирует с представлениями носителей языка о политике как о неподлинной деятельности.

Медиатизированность политического дискурса способствует восприятию адресатом политики как театрализованного действия (спектакля). В политической коммуникации адресат выполняет преимущественно роль зрителя, который пассивно наблюдает за происходящими событиями и воспринимает их как некое разыгрываемое для него действо. Поэтому политики, помня о «зрительской аудитории», намеренно или произвольно лицедействуют, «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты».

²⁷⁷ Шейгал, Е.И. Театральность политического дискурса // *Единицы языка и их функционирование*: Межв. сб. науч. тр. Вып. 6. Саратов, Изд-во СГАП, 2000: электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm> (дата обращения 18.09.2019).

²⁷⁸ Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, УГПУ, 2001. С. 114.

Исследователи наблюдают, что граждане, участвуя в общественно-политической жизни страны созерцательно, не склонны относиться к политике серьезно, она для них – «не более чем разновидность социальной игры, подобная футболу или лотерее, находящаяся в одном ряду с другими развлечениями, доступными массовому потребителю»²⁷⁹. Для лиц, не знакомых с оригинальными текстами политических документов или выступлений политиков и воспринимающих политику преимущественно через СМИ, политика предстает как набор сюжетов. Отмечая эту особенность, Баранов и Караулов в Словаре политических метафор дают примеры следующих метафорических проекций: *комедия – съезд, аттракцион – выступление в дискуссии, канатоходец – Горбачев, клоун – Ельцин, зритель – Запад, статисты – депутаты, спектакль – выборы, съезд, театр абсурда – заседание Совмина*, и др.²⁸⁰.

Проанализированный нами материал (25 примеров, 8,3%) показывает, что театральная метафора имеет широкий спектр реализации – кроме сферы театр, задействуется также сфера цирк (зрелище). Внешние организаторы украинского кризиса определяются как кукловоды, а его исполнители (украинские политики) как клоуны, или марионетки:

И на Майдане, и в Харькове тех лиц, что захватили харьковскую облгосадминистрацию, руководят "опытные кукловоды", применяющие на Украине антироссийские технологии и получившие опыт в горячих точках (РГ, 03.03.14).

Все произошедшее – что, случайное совпадение? Не думаю. Скорее это напоминает разработанную провокационную комбинацию, должную породить начало военного конфликта, который сегодня сверхнеобходим кукловоду Украины – Америке (МК, 27.06.14).

Европа, добавил он, "теряет политическую субъектность и пляшет под дудку "вашингтонского обкома" (РГ, 12.09.14).

Порошенко, Тимошенко, другие политические клоуны – юго-востоку должно быть все равно, кто в Киеве главный (МК, 11.04.14).

Уже во время своей второй, февральской поездки на майдан я поразился тому, как быстро не просто встал на ноги "ПС", а тому, что именно его лидер Дмитрий Ярош, а не марионеточные Тягнибок, Кличко и Яценюк, дирижирует Майданом (РГ, 06.03.14).

Театральная метафора структурируется следующими фреймами:

- Вид зрелища (*театр, цирк, маскарад*):

"Площади известны как могущественные политические театры, – написал британский журналист в статье "Майдан, Украина... Тахрир, Египет... площадь"

²⁷⁹ Захаров, А. В. Народные образы власти // *Полис*, № 1, 1998. С. 23-35. С. 32.

²⁸⁰ Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. *Русская политическая метафора. Материалы к словарю*. Москва, 1991. С.81-87.

символизирует поражение, а не надежду". – Это подтвердила вторая революция на Украине и уже третья в Египте (РГ, 03.03.14).

В четверг 6 марта стало понятно, что **маскарад в Крыму заканчивается**. Хорошо сложенные и отлично вооруженные парни в форме элитных спецподразделений Российской армии, но без «опознавательных знаков», смогут наконец перестать изображать из себя самообороны Крыма (НГ, 12.03.2014).

- жанр театрального представления: *трагедия, фарс, водевиль:*

Эпоха двусмысленности, когда можно одновременно играть в войну и мир, быть врагом и партнером Запада, завершается. Запад устал от этого **водевиля** (Эхо Москвы, 6.12.18).

Ни у кого и мысли нет о «карибском кризисе» вокруг Крыма. **Трагедия** прошлого века повторяется **фарсом**. Холодную войну напоминают риторика и понты, да и то с российской стороны (телевидение, депутаты, в меньшей мере заявления МИДа) (НГ, 3.03.14).

Зато теперь таким беспощадным полигоном для экспериментов стала Украина. Майдан запустил череду событий, которые после Нюрнберга в Европе казались невозможными более никогда. Ан нет, некоторые **трагедии** действительно обречены на повторение в виде **фарса**. Увы, кровавого (МК, 03.02.2015).

- театральный реквизит: *кулисы, занавес, сцена:*

Россия ни публично, ни "**за кулисами**" не поддерживала идею выхода юго-востока из состава Украины. Этот вывод подкрепляет факт обращения президента Путина с призывом отложить референдум, предусматривавший возможность создания на юго-востоке Украины самостоятельного государства (РГ, 08.09.14).

Со времен Билла Клинтона Вашингтон и его европейские союзники открыто и **за кулисами** работали для того, чтобы приблизить НАТО к границам России и месту базирования Черноморского флота (РГ, 11.04.14).

Во вторник под **занавес** заседания Верховной рады депутаты утвердили новый состав правительства Украины (РГ, 3.12.14).

Воинствующий абсурд Майдана, когда на **политическую авансцену** на Украине выползло все низменное, гадкое, продолжается (РГ, 03.03.14).

Характерно, что метафора театра как дискредитирующая стратегия, использовалась для негативного описания Майдана в подконтрольных власти СМИ, в то время как в «Новой газете» – для дискредитации действий российской власти в Крыму и в восточной Украине:

Майдан был **срежиссирован** Госдепартаментом США через подконтрольные ему НПО и частные фонды (РГ, 11.04.14).

*Но последняя черта в этих отношениях – вторжение российских войск на территорию Украины. Процедуру легитимации этого шага российским сенатом он (Жан Ассельборн) назвал **мизансценой** (НГ, 05.03.2014).*

*Путинско-дугинская Новороссия не то чтобы приказала долго жить, а хуже того – даже на свет не появлялась [...]. **Гастроли** вооруженной художественной **самодетельности** идут по кругу: Славянск, Краматорск, изредка Мариуполь. Порой удается **подхалтурить** в Харькове или еще где-нибудь – но без **аплодисментов**. По замыслу главного **режиссера**, российские **зрители** должны верить, что любовь к путинскому режиму полыхает по всей русскоязычной Украине, включая Харьковскую, Днепропетровскую, Запорожскую, Одесскую, Николаевскую и Херсонскую области (НГ, 10.05.2014).*

В последнем примере реализуются сразу несколько фреймов театральной метафоры: выражение *гастроли художественной самодетельности* используется для описания деятельности пророссийских активистов, отсутствие поддержки пророссийских настроений в других регионах Украины концептуализируется как отсутствие *аплодисментов*, Путин определяется как *главный режиссер* спектакля, российское общество – как *зритель*, попытки реализовать протесты в других регионах Украины описываются жаргонным словом *халтура*.

Итак, ситуация «украинский кризис» моделируется как заранее продуманное, срежиссированное зрелище, руководимое опытными дирижерами и кукловодами, и осуществляемое участникам ситуации – клоунами, марионетками. Граждане, наблюдающие за политическим спектаклем, концептуализируются как зрители, осознающие неискренность организаторов и участников кризиса.

3.5.7. Спортивная метафора

Понимание политической действительности как спортивного состязания – типичная метафора в политической коммуникации. Концептуальная схожесть политической деятельности со спортивной объясняется, прежде всего, антагонизмом, конфронтацией и желанием победы. Анализ материала показал (18 примеров, 5,9 %), что концептуальная проекция совершалась на командные виды спорта – футбол, хоккей, а также на бокс. Использовались языковые средства, касающиеся действий, совершаемых спортсменами: *играть на поле, сделать выпад, играть мускулами, меряться мышцами* и организации спортивных соревнований: *раунд, реванш, гонка*. И в правительственных, и в оппозиционной прессе понятийная сфера «спорт» использовалась в контекстах, описывающих санкции, где Россия и ее соперники (США и ЕС) сравнивались с соперниками в спортивном состязании:

***Первый раунд** американских санкций против РФ – с «чудовищными репрессивными мерами» против депутата Мизулиной и сенатора Клишаса – можно было воспринимать исключительно как повод для гомерического хохота (МК, 21.03.14).*

***Санкционный трамплин**: производитель должен суметь воспользоваться шансом (МК, 01.10.14).*

Потому что Россия сейчас балансирует на грани, когда ее войска могут оказаться на востоке Украины, что будет означать новый – максимальный – раунд санкций (НГ, 16.04.14).

Во-первых, потому, что Кремль понял, что Запад с санкциями не шутит и в случае прямого вторжения будет вынужден запустить третий и четвертый раунды (НГ, 10.05.14).

А очевидно другое: если Россия втянется в гонку санкций, как когда-то СССР был втянут в гонку вооружений, это только резко ухудшит ситуацию (НГ, 21.03.14).

Также тема спорта использовалась в контекстах, предполагающих соперничество и «выпады» политиков друг против друга:

«Хорошо смеется тот, кто смеется последним» – на фоне мощного «состояния воли» между Россией и Западом из-за Крыма и Украины это высказывание шекспировского Отелло стоит несколько переиначить (МК, 21.03.14).

Напомним, что накануне господин Коломойский, выступая перед руководством Днепропетровской области, сделал личный выпад в адрес господина Путина (ГК, 05.03.14).

Итак, понятийная сфера «спорт» была активной в тех контекстах, где описывался конфликт, борьба и соперничество. Можно заметить, что политические метафоры связанные со спортом имеют негативный прагматический потенциал, что объясняется спецификой исходной понятийной сферы. Именно момент агональности (состязательности) сближает понятия «спорт» и «конфликтная ситуация». В масс-медийном дискурсе по украинскому вопросу находят отражение основные элементы спортивного состязания: наличие противника, борьба соперников, этика поединка, правовые нормы (регламент и правила), стратегия и тактика борьбы, победа, поражение, триумф победителя.

3.5.8. Коммерческая метафора

Взгляд на политическую деятельность как на коммерческую (политика – это бизнес) – характерное восприятие политики в российском обществе. При таком понимании коммерческая метафора реализует прагматические смыслы продажности, скрытых договоренностей, общих интересов. Семантический компонент «неискренность» сближает эту метафору с метафорой театра. Коммерческая метафора позволяет представить участников российско-украинского противостояния как бизнесменов, продавцов, покупающих или продающих, ведущих торги за Украину. Украина при этом предстает как объект торговли.

Коммерческая метафора (22 примера, 7,3%) использовалась в контекстах, посвященных присоединению Крыма. В частности указывалась цена, которую России

придется заплатить за свои действия. Это прослеживается как в правительственной, так и в оппозиционной прессе:

В инструкции говорится, что Великобритания "не должна, по крайней мере сейчас, поддерживать введение торговых санкций и – хотя за день до того глава британского МИДа Уильям Хейг пообещал в Киеве, что Россия "дорого заплатит" за вторжение в Крым (ГК, 05.03.14).

Выступая в понедельник на съезде израильских общественных организаций в Вашингтоне, сенатор-республиканец Джон Маккейн напомнил президенту его слова о том, что Россия «заплатит большую цену за свои действия» (НГ, 05.03.14).

Договоренности между государствами концептуализируются как торги с помощью существительного *торг* и глагола *торговаться*:

Киев торгуется с НАТО. Украина может изменить свой внеблоковый статус сразу после президентских выборов (РГ, 01.04.14)

*А впереди майские выборы в Украине – они тоже могут стать предметом **торга** между Россией и Западом (НГ, 21.03.14).*

*Даже не присоединяя Крым, но установив над ним полный контроль, РФ получает еще и сильный аргумент в **торге с Западом** по вопросам будущего Украины и ее геополитического выбора. Однако эксперты предупреждают и о возможных серьезных издержках (ГК, 07.03.14).*

Дискредитация украинской власти проводилась посредством коммерческой метафоры при изображении украинских политиков как лиц, преследующих свои собственные интересы в ущерб интересам граждан и получающих доход от своих действий. С этой целью используются слова *проект, бизнес, дивиденды*:

*"Батькивщина" – это **политический бизнес-проект** Юлии Тимошенко. Она всегда за счет политических возможностей создавала для себя благоприятные условия для **зарабатывания**, и, если говорить правду, то для присвоения денег. Основные **бизнес-успехи** Тимошенко были связаны как раз с тем периодом, когда можно было, по сути дела, безнаказанно воровать поступавший на Украину российский газ. Но такой "**бизнес**" был невозможен без серьезной политической поддержки (РГ, 15.05.14).*

*Порошенко видит, что его основанный на ничем не прикрытых провокациях политический курс работает и приносит весомые внешнеполитические **дивиденды** (МК, 30.12.14).*

Этот же смысл реализуется в примерах, где Украины выступает в роли товара:

*В центре Киева происходит "тотальная дискредитация и **продажа Украины в розницу**". Естественно, Аваков не стал уточнять, кто из его бывлых "побратимов" персонально занимается **продажей родины** и каковы на это **расценки**, но в чем он*

свято убежден на основании оперативных сведений, так это в том, что за "евромайданом" стоит Федеральная служба безопасности России (РГ, 15.07.14).

Итак, коммерческая метафора выполняет сразу несколько функций: создает негативный образ украинских политиков (продажность), дискредитирует их действия, служит инструментом занижения статуса Украины как предмета торга.

До сих пор мы сосредотачивались на анализе наиболее распространенных понятий, к которым обращались авторы масс-медийных текстов при концептуализации и моделировании ситуации «украинский кризис». Их наличие указывает на то, что в русском национальном сознании существуют предпочтительные способы описания политических реалий. Они являются и наиболее эффективными, так как основываются на эмоциональном отношении читательской аудитории к понятиям, которые стали источником метафорической проекции.

Тем не менее, метафоры с более низкой частотностью также заслуживают внимания исследователя. Они могут пролить свет на понимание интерпретации политической действительности с точки зрения креативности или индивидуального авторского выбора.

3.5.9. Природоморфная метафора

Данная категория объединяет метафоры, относящиеся к сфере «природа». Использование органистической метафоры объясняется тем, что человек ощущает себя частью природы и ищет в ней образцы для осмысления общественной жизни. Природоморфная метафора детализируется в метафорах живой природы – *зооморфная* и *фитоморфная* и *неживой природы* – стихии, ландшафт, природные явления.

Метафоры живой природы: зооморфная и фитоморфная метафоры

Традиционно зооморфные образы являются основой формирования политических инвектив. Это осуществляется посредством обращения к терминологии «животный мир» (животные и их действия). Анализ метафорического корпуса показал, что названия животных входят в состав фразеологизмов, традиционно используемых в политическом дискурсе. Например, в «Российской газете» употребляется коллокация «хромые утки» (заимствование с англ. *Lame duck* – в американской политической системе президент, который покидает свой пост; фигура, от которой мало что зависит; политик, которому не суждено переизбраться) с целью снижения статуса политических противников России – представителей Евросоюза: *"Хромые утки" Евросоюза, которые совсем скоро покинут свои посты, а именно руководители ЕС и Еврокомиссии Херман ван Ромпей и Жозе Мануэл Баррозу, торжественно объявили, что успешно выполнили возложенную на них миссию – в отношении России подготовлен новый пакет санкций* (РГ, 08.09.14).

Аналогично, в «Новой газете» уничижительные коллокации с семантическим компонентом «животные» использовались по отношению к участникам военных действий на юго-востоке Украины, отстаивающих автономию региона: *Как это не обидно для украинских силовиков, их покروшили наемники, бандиты, «дикие гуси», «псы войны».* Оружие у них российское, деньги скорее всего, Януковича (НГ, 04.05.2014). Словосочетания «дикие гуси» и «псы войны» употребляются в общественно-политическом дискурсе для обозначения наемников, используемых для вооружённой борьбы с политическими противниками.

В оппозиционном дискурсе для обозначения способов ведения политической борьбы используется и другая стандартная политическая метафора – *ястребы* и *голуби*. Первая номинирует сторонников эскалации политического конфликта, вторая – сторонников мирного решения проблемы. Сопровождается прилагательным *кремлевский*: *Много говорят, что кроме семьи Януковича в войне заинтересованы «кремлевские ястребы» и, конечно, Юлия Тимошенко, проигрывающая вам с большим отставанием. Что вместе они образовали союз...* (НГ, 25.05.14); *Ведь вполне очевидно, что, как в любом «ближнем круге» любой власти, в российском политическом истеблишменте есть и ястребы, и голуби* (НГ, 18.03.14).

Российские масс-медиа используют не только названия животных, но и их действия. В рассмотренных нами контекстах употреблялись выражения, объективирующие агрессивное поведение участников кризиса: *точить зубы, показывать зубы, направить жало, привстать на задние лапы, рычать: Медведев пообещал «показать зубы» в ВТО в ответ на санкции* (РГ, 22.04.14); *Партстроительство в Тавриде: Крыму придется все переделать. Отечественные политики точат зубы на крымский электорат* (МК, 19.03.14); *Первый секретарь обкома КПРФ Николай Рябов обвинил в сложившейся ситуации англо-американский империализм, который «направил свое жало на Украину»* (ГК, 07.03.14); *Запад привстал на задние лапы, хотя пока только рычит, а с другой стороны, перед нами – никого. Первая приходящая политику в голову мысль: тут в Европе на нас рычат по поводу Крыма, но если будет проблема на юго-востоке (как это поначалу называлось), то о Крыме забудут* (НГ, 10.09.14).

Как показал анализ, зоометафора объективирует негативные смыслы, позволяет дискредитировать противника, обладает яркой экспрессивной окраской.

Что касается понятийной сферы «мир растений», был зафиксирован единственный случай использования фитометафоры – для обозначения идеи распространения антирусских настроений в Украине: *Нынешнему нацизму противостоять трудно, поскольку он не сосредоточен в какой-то одной, сошедшей с ума стране. Он рассеян повсюду подобно спорам поганых грибов. И тем более эта опасность требует совместных усилий в борьбе с ней. Если ничего не делать, она разрастется, как это уже произошло при прямом попустительстве США с исламистским фундаментализмом* (РГ, 26.05.14). Воздействующий эффект данной метафоры достигается посредством сравнения распространения национализма в Украине с распространением споров грибов, а также его сравнения с исламистским

фундаментализмом. Таким образом создается образ врага и совершается побуждение читателя к борьбе с ним.

Метафоры неживой природы

Социальные потрясения описываются с помощью лексики, относящейся к семантической группе природных явлений (катаклизмов). Наиболее часто делалась отсылка к водной стихии – *море, волна, риф, водопад, водный поток*, реже к воздуху – *турбулентность*, земной стихии – *сейсмичность, тектонический сдвиг* или огню – *очаг*. Данная метафора передает смысл кардинальных изменений в обществе или невозвратимости происходящих явлений: *Море волнуется: способы разрешения противостояния в Черноморском регионе* (ГК, 10.03.2014); *Революцию в Украине делал народ. Но большая волна поднимает все лодки, и на этой волне – и так бывает всегда и везде – в политику пытаются ворваться маргиналы и ультранационалисты* (НГ, 03.03.14); *Дав жителям Крыма шанс – хотят ли они присоединения полуострова к нашей стране или нет – Россия обрекла себя на «путешествие через водопад»*. Мы стремительно несемся вперед в неизвестность (МК, 14.03.2014).

Метафора «температуры» активно использовалась для описания украинских событий. Повышение температуры ассоциировалось с наиболее напряженными моментами кризиса (событиями Майдана и протестами на юго-востоке), что выражалось в употреблении лексем *жара, накал, пожар, очаг*: *Несколько последних дней в областных центрах на востоке Украины стояла жара в прямом смысле слова – от огненных «коктейлей Молотова»* (НГ, 09.04.14); *В Раде заговорили о возможности введения чрезвычайного положения – чтобы погасить пожар страстей. Но такая идея ложилась в известную канву срыва досрочных президентских выборов, назначенных на май* (НГ, 09.04.14); *События в Харькове и Донбассе добавили международного накала вокруг Украины. Запад обвиняет Москву в дестабилизации востока Украины, грозит новыми санкциями, российские политики бравурно пренебрежением к санкциям* (НГ, 11.04.14).

Метафора «холода» использовалась для описания ухудшения отношений между Россией и Западом. Очевидно, что данный концептуальный перенос основывается на понятии «холодная война», которое вошло в активное употребление в российские масс-медиа после начала украинского кризиса: *Когда время Путина сравнивали с эпохой застоя, это казалось некоторой натяжкой. И в самом деле – эпоха застоя еще впереди, сейчас наступает эра заморозков, такая же, как в 1968-м, когда было принято решение о вводе войск в Чехословакию* (НГ, 03.03.14).

Следует отметить, что метафорическое представление кризиса как природного явления свойственно как для текстов, создаваемых сторонниками властных структур, так и для тех, в которых отражается мнение оппозиционных сил.

3.5.10. Артефактная метафора

Последний разряд метафор относится к сфере «Результаты человеческого труда» и представлен *технической (механистической), гастрономической, компьютерной и транспортной* метафорами.

Обращении к техническим терминам – распространенная практика в политическом дискурсе. Представляя общественные процессы в виде механизма, авторы текстов достигают разных прагматических целей.

В контекстах, описывающих украинский кризис, использовалось стандартное для российского политического дискурса выражение *завинчивание гаек*: *Вот в чем, на мой взгляд, заключается логика того «завинчивания гаек», которое мы наблюдаем в данный момент* (МК, 14.03.14); *При этом автор не имеет в виду такие очевидные и неизбежные последствия присоединения Крыма к России, как очередной сеанс «закручивания гаек» и охоты на ведьм в России как неизбежное следствие урапатриотической вакханалии* (НГ, 07.03.2014). Данный фразеологизм основывается на уподоблении человеческого общества механизму, а правительства – механику, контролирующему его действия (аналогично в советские времена человек уподоблялся винтику). Плотно завинченная гайка выступает в роли символа максимально ограниченной свободы. В целом фразеологизм выступает в роли стереотипа действий, направленных на установление сурового режима в какой-либо социальной сфере.

Авторы публикаций использовали также стандартные выражения *рычаг давления, рычаг влияния, рычаг воздействия* чтобы продемонстрировать активное участие России в урегулировании кризиса (рычаг – возможность влиять на процесс): *Со своей стороны Россия не собирается использовать имеющиеся у нее **рычаги давления** против Европы. Газа будет столько, сколько надо, и подписание контракта с Китаем на западных поставках никак не скажется* (МК, 25.04.14); *Руководство Крыма приняло решение о присоединении к России. Выбор Крыма не означает его немедленного вхождения в состав России, однако дает Москве мощный **рычаг воздействия** на украинские власти* (ГК, 07.03.14); *Мы, заявил господин Ушацкас, – убеждали Москву задействовать имеющиеся у нее **рычаги**, чтобы добиться от сепаратистов выполнения Женевского и Берлинского соглашений"* (ГК, 25.07.14). В оппозиционной газете та же метафора использовалась для передачи смысла «воздействие на Россию с помощью санкций»: *Финансовые инструменты – сильный **рычаг**, но куда лучше административная и даже уголовная ответственность особенно для тех россиян, которые подозрительно пристально смотрят на Запад* (НГ, 16.04.2014).

Техническая метафора была активной в контекстах, описывающих процессы распространения ложной информации как в дискурсе власти, так и в оппозиционном: пропаганда сравнивалась с мощным и безжалостным механизмом (*механизм пропаганды, машина военной пропаганды, маховик пропаганды*): *Чем дальше затягивается конфликт между Украиной и Россией, тем активнее работает **пропагандистский механизм**: СМИ, украинские и российские, все меньше заботятся*

о том, чтобы публикуемая ими информация соответствовала действительности (НГ, 26.03.2014); *Маховик пропаганды с самого начала недоналадил: вместо того чтобы говорить о противостоянии украинским националистам, от полноты чувств и простоты мыслей вели речь об украинцах и Украине* (ГК, 22.12.2014).

Таким образом, формировался смысл пропаганды как хорошо налаженного механизма, действию которого трудно противостоять. Использование технической метафоры позволяло активировать в сознании читателей прагматические эмотивные смыслы, связанные с восприятием политиков как мощной и в то же время бездушной силы, пренебрегающей интересами личности.

Сфера-цель «пропаганда» реализовывалась в оппозиционном дискурсе и с помощью *гастрономической метафоры* (ПОЛИТИКА – ЭТО КУХНЯ), где она описывалась как «продукт», который потребляет общество: *Но куда большие неудобства «Правый сектор» доставляет сегодня государству Украина. При этом зрителям и слушателям, которым **скармливают** этот **продукт**, недосуг разбираться, кто именно скрывается за той или иной маской* (НГ, 30.03.14); *Люди в Украине просто искренне удивляются, отчего граждане РФ так безропотно глотают самую тошнотворную **ТВ-стряпню*** (НГ, 10.05.14); *Важно, что в пропагандистских формулах соединяются в одно целое разговоры о дивизии СС «Галичина», о Бандере, фашистах, антисемитах и сведения о правых радикалах на киевских баррикадах. Все это создает такой угрожающего свойства **идеологический коктейль**, который отодвигает в сторону реальные мотивы противостояния на Майдане* (НГ, 15.03.14).

В масс-медийном дискурсе власти гастрономическая метафора использовалась в других целях – для критики действий политических оппонентов: *США и ЕС заварили кашу* (МК, 30.04.14); *Совершенно ясно, что ни НАТО, ни его отдельные члены не собираются воевать с Россией из-за Крыма. Выход ситуации из-под контроля расценивается как маловероятный, хотя, изучив за много лет **натовскую кухню**, могу догадываться, что там есть планы на самые немыслимые случаи* (НГ, 03.03.14), или для негативного описания событий Майдана: *с той **политической корчмой** на майдане, в которую выродился украинский режим, русский государев двор не имеет никакого родства* (МК, 11.06.2014).

Использование *компьютерной метафоры* наблюдалось в контекстах, касающихся внутренних политических реформ, проводимых в Украине (*перезагрузка власти* – довольно распространенный штамп в политическом дискурсе): *Вопрос о внешнеполитическом выборе Киева остался для противников Виктора Януковича важным, но не приоритетным, уступив место призывам к полной **перезагрузке власти*** (ГК, 2.04.14); *Накануне голосование по проектам провалилось, и вчера господин Яценюк прибег к жесткой риторике, предупредив депутатов о возможном "**перереформировании** Верховной рады, правительства и правящей коалиции", если законы не будут приняты* (ГК, 05.07.14). Учитывая единичные употребления данной метафоры, невозможно делать выводы о системности ее использования в дискурсе.

Наконец, *транспортная* метафора репрезентирует политические процессы и действия субъектов политической деятельности как дорожное движение. Данная метафора является проявлением более общих концептуализаций: ПОЛИТИКА – ЭТО ПУТЬ и ПОЛИТИКА – ЭТО ДВИЖЕНИЕ. В рамках данной модели осуществляются систематические метафорические переносы: политика – дорога, участники политического процесса – участники дорожного движения, действия политиков – поведение на дороге, препятствия к поиску решений – препятствия на дороге, потеря контроля над ситуацией – потеря контроля над транспортным средством. Чаще всего использовались отсылки к автомобильному транспорту (*пойти на лобовое столкновение с Западом, дать зеленый свет, встречное движение, буксовать, двустороннее движение*), реже – железнодорожному (*пустить поезд под откос, поезд набрал ход*) и морскому транспорту (*дрейф*). Транспортная метафора позволяла интерпретировать взаимоотношения между участниками противостояния. В конфликтных контекстах использовались выражения с семантикой агрессии: *пойти на лобовое столкновение*, выход из ситуации интерпретировался как *встречное движение*. Направление движения использовалось для концептуализации смены политического курса Украины: *Украинский поезд, набравший ход в 2014 году, после Крыма и Донбасса, неудержимо мчится в западном направлении – подальше от России* (ГК, 29.12.14); *Российская власть не без оснований решила, что Украина после начала военно-политического давления на нее России начнет неудержимый дрейф в направлении западных структур – НАТО и Евросоюза* (НГ, 12.03.14).

Итак, артефактная метафора задействует активно используемые в политическом дискурсе понятийные сферы (механизм, кухня, компьютерные технологии, транспорт). Часто она строится на стандартных выражениях (*завинчивание гаек, перезагрузка власти, дать зеленый свет*), что снижает ее воздействующую силу. В этом случае, превалирует ее когнитивная функция – интерпретация действительности, внесение ясности в сознание носителей языка касательно разных общественно-политических явлений.

В процессе исследования метафорической репрезентации украинского кризиса в российском масс-медийном дискурсе были выявлены доминантные метафорические модели, которые характеризуются частотностью употребления, структурированностью исходной понятийной сферы, продуктивностью в концептуализации того или иного аспекта кризисной ситуации. Хотя рассмотренные нами примеры не охватывают всего реального спектра источников метафорической экспансии, они дают относительно полное представление о специфике метафорического моделирования ситуации «украинский кризис».

Предпочтительными сферами-источниками описания событий в Украине оказались понятия игры, войны, болезни, физиологии, семьи, театра, торговли и спорта. Высокая частотность этих метафор вызвана тем, что понятия, которые являются источником метафорической проекции, оказываются более пригодными и эффективными для описания различных реалий украинской политической жизни.

Особенной воздействующей силой обладают метафоры, относящиеся к *антропоморфной* (метафора болезни, физиологическая, метафора родства) и *социоморфной* категориям (игровая, военная, театральная, коммерческая, спортивная). Сильный прагматический эффект антропоморфной метафоры объясняется ее «общеизвестностью», т.е. тем, что она строится на базе лексики, имеющей отношение к непосредственному человеческому опыту – его телу или отдельным органам, болезням или эмоциональным состояниям, родственным связям. Проводя концептуальные параллели между этими понятиями, авторы эмоционально воздействуют на реципиентов, так как провоцируют в них ассоциации, касающиеся круга их потребностей и ближайших интересов.

Социоморфная метафора, в свою очередь, интерпретирует социальную реальность с помощью понятий, относящихся к социальным сферам – игре, войне, театру, спорту. Она позволяет не только структурировать и категоризировать знания реципиента, но и влиять на его сознание, изменяя его отношение к политической действительности. Данная категория была особенно эффективной в описании статуса и ролей участников ситуации (в зависимости от идеологической ориентации издания подчеркивался статус одних государств и умалялась роль других).

В процессе анализа было обнаружено, что некоторые особенно актуальные для языкового сознания носителей языка явления метафорически концептуализировались с помощью сразу нескольких метафор. Например, активным источником метафорического представления санкций оказались метафоры войны (*меч санкций*), спорта (*раунд санкций*), физиологии (*санкции ударили в зубы*). Для концептуализации пропаганды задействовалась медицинская (*инвалиды информационной войны*), гастрономическая (*ТВ-стряпня*) или механистическая метафора (*машина военной пропаганды*). Возникновение новых политических реалий или важность в определенный период некоторых явлений для общества вызывает необходимость структурирования и детализации соответствующих понятий, в результате чего активизируются сразу несколько метафор, каждая из которых интерпретирует отдельные аспекты актуальных явлений общественной жизни.

Выявленные нами доминантные метафорические модели – игровая метафора, метафора войны, метафора болезни, театральная, спортивная метафоры являются типичными для политического дискурса в целом²⁸¹ и для российского политического дискурса в частности²⁸². Но в каждую эпоху развития политического дискурса наблюдаются изменения в закономерности развертывания метафорических моделей, что проявляется, прежде всего, в активации определенных слотов метафоры. В каждый новый период развития страны старые модели «наполняются содержанием,

²⁸¹ Lakoff, G., Johnson, M. *Metafora e vita quotidiana* (trad. di P.Violi). Milano, Bompiani, 1998; Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2004.

²⁸² Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. *Словарь русских политических метафор*. Москва, Русский язык, 1994; Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. *Метафора в политическом интердискурсе*. Екатеринбург, УГПУ, 2006. 121-122; Феденева, Ю.Б. *Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х годов XX века*: дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Екатеринбург, 1998.

соответствующим духу эпохи»²⁸³. Итак, особенность политической метафоры в политическом дискурсе России по украинскому вопросу заключается не в появлении новых метафор, в активизации некоторых существующих типов метафорического переноса (активизация агрессивных метафор – войны, спорта, криминала – закономерный процесс в период социальных сломов).

Например, в российском политическом масс-медийном дискурсе последнего десятилетия XX века в метафорической модели «родственные связи» активными были слоты, актуализирующие смыслы некровного и непрямого родства (концепт «семья» как номинация преступных объединений, противопоставление «своей» и «чужой» семьи)²⁸⁴. В рассматриваемом нами периоде, в структуре данной метафоры преобладает слот «кровные связи». Активизация данной метафоры объясняется ее востребованностью в дискурсе российско-украинского противостояния. Апеллируя к родственным связям между Россией и Украиной, авторы масс-медийных текстов создавали позитивный образ России как миролюбивого государства, заинтересованного в мирном решении конфликта.

²⁸³ Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, УГПУ, 2001. С.168.

²⁸⁴ Там же, с. 84-85.

Лексические и фразеологические инновации российско-украинского кризиса

4.1. Понятие «неологизм» в современной лингвистике

Внимание к лексико-фразеологическим новообразованиям обусловлено тем, что период социально-политических потрясений обычно сопровождается повышенной словообразовательной активностью. «Язык очень хороший диагност, – отмечает Розина, – он ставит диагноз состоянию общества мгновенно. Если начинается взрыв языкового творчества – значит, общество взволновано»²⁸⁵. Создание новых слов и выражений объясняется, с одной стороны, объективными факторами – появлением новых реалий в общественно-политической жизни страны, а с другой – возникновением причин для изменения имени уже существующего явления²⁸⁶. Социальные процессы отражаются прежде всего на лексике – появляются новые формы выражения и интерпретации актуальных событий.

Действительно, многие исследователи (Гусейнов, Кронгауз, Иссерс, Жаботинская, Эпштейн, Михеев, Вишневецкая, Радченко, Архипова) отмечают, что 2014 год был отмечен всплеском неологической активности²⁸⁷. Характерно, что некоторые слова, появившиеся в период украинского кризиса, имели ограниченный срок существования и впоследствии потеряли актуальность так же как и явления, которые они обозначали. Другие, наоборот, вошли в состав языка и активно используются до сих пор. Поэтому говоря о неологизмах, нужно говорить о процессе, а не о результате, так как неизвестно, закрепится ли новое явление в языке. Тем не менее, зафиксировать эти явления на определенном этапе развития языка представляется полезным, поскольку каждый этап заслуживает внимания и изучения.

Под «неологизмом» (от греч. *néos* – новый и *lógos* – слово) подразумевается слово, значение слова или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке²⁸⁸. Новые слова, утверждает Де Мауро, возникают, когда носители языка сталкиваются с новым явлением и не обладают лексическим ресурсом, который

²⁸⁵ «Словарь перемен», цит. Р. Розиной: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda2011/> (дата обращения 18.02.2018).

²⁸⁶ Земская, Е.А. *Словообразование как деятельность*. Москва, Наука, 1992. С.8.

²⁸⁷ Гусейнов, Г. *Язык мой – Враг мой. Хроника от Ромула до Ленинопада*. Киев, Laurus, 2017; Жаботинская, С.А. *Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан-антимайдан: Словарь-тезаурус лексических инноваций*. Киев, УАКЛиП, 2014; Кронгауз, М.А. «Вырабатываются специальные слова ненависти» // *Новая газета*, 12.09.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/12/61126-maksim-krongauz-171-vyrabatuyayutsya-spetsialnye-slova-nenavisti-187> (дата обращения 18.03.2018); Иссерс, О.С. От серьезного до смешного. Игровой потенциал российского слова года // *Политическая лингвистика*. 2015. № 4 (54). С.25-31; Радченко, Д.А., Архипова, А.С. Укроп и ватник: “язык вражды” российско-украинского конфликта как нападение и защита // *Ab Imperio*. №1. 2018. С.191-220. С.193; Вишневецкая, М.А. *Словарь перемен-2014*. Москва, Три квадрата, 2014; Вежливые, колорады и ватники: Как события 2014 года изменили русский язык [интервью с А.Михеевым] // *Lenta.ru*, 30.12.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2014/12/30/word/> (дата обращения 25.09.2018).

²⁸⁸ Ярцева, В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/331b.html> (дата обращения 16.08.2019).

мог бы его объяснить. Следовательно, неологизмы рождаются, когда появляется необходимость объяснить, с помощью одного простого слова, какой-либо сложный феномен²⁸⁹. В этом случае речь идет о *собственно неологизмах* (формальных неологизмах²⁹⁰) – ранее не использующихся лексических образованиях, возникших в конкретном социально-историческом контексте. Они создаются для заполнения номинативных лакун, т.е. для наименования новых реалий или для определенных коммуникативных целей. Их особенность – хронологическая привязка к событию, в следствии чего, они могут иметь короткий срок существования (слова-однодневки).

Язык эволюционирует не только посредством появления новых лексем, но и через приобретение словами новых значений²⁹¹. Данное явление определяется как неосемия²⁹². *Семантические неологизмы (неосемемы)* – ранее известные языку лексические единицы, образованные в ходе внутрисловной семантической деривации и получившие в рассматриваемый период новое или новые значения. Приобретение словом новых смыслов определяется историческими, социально-политическими или культурными факторами.

Своеобразие *семантических неологизмов* состоит в том, что как лексемы они давно известны в языке, но, обновив свое значение, из прежних тематических групп перемещаются в совершенно новые, изменяя при этом лексическую сочетаемость, стилистическую закрепленность, экспрессивную окраску²⁹³. Семантическая деривация происходит путем метафорического, метонимического переноса, расширения или сужения значения²⁹⁴. Как и собственно неологизмы, семантические неологизмы обнаруживают особенно тесную связь с эпохой, конкретным историческим моментом, событием или политической ситуацией. Такая историческая «привязка» часто приводит к тому, что подобные значения так же быстро уходят в пассив.

В лингвистическом аспекте новые лексемы и фразеологические обороты представляют интерес с точки зрения их происхождения (заимствования или исконно русские), характера метафоры, лежащей в основе семантики новой единицы, стилистических свойств лексемы или фразеологизма и коммуникативной функции, которую он выполняет. Традиционными источниками пополнения лексико-фразеологического состава языка являются: а) заимствования из других языков (межъязыковые заимствования); б) образование новых лексем с использованием

²⁸⁹ La rubrica di Tullio de Mauro all'Internazionale: Tra evoluzione linguistica e de-alfabetizzazione, in *Internazionale*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://archivio.occhiaperti.net/index.phtml?id=6548> (дата обращения 23.08.2019).

²⁹⁰ Adamo, G. Confessioni di un neologista: se metti in magazzino l'effimero, mostra le parole nuove, in *Treccani*: электронный ресурс. Режим доступа: http://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/speciali/dizionario/Adamo.htm 1 (дата обращения 23.08.2019).

²⁹¹ La rubrica di Tullio de Mauro all'Internazionale: Tra evoluzione linguistica e de-alfabetizzazione, in *Internazionale*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://archivio.occhiaperti.net/index.phtml?id=6548> (дата обращения 23.08.2019).

²⁹² De Mauro, T. *Dizionario delle parole del futuro*. Roma-Bari, Laterza, 2006. P.99.

²⁹³ Кипарисов, Г.О. *Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода* : автор. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филол. наук. Тамбов, 2011. С.3.

²⁹⁴ Кудрявцева, Л.А. *Моделирование динамики словарного состава языка* : 2-е изд. испр. Киев, ИПЦ «Киевский университет», 2004. С. 49-105; Adamo, G., Della Valle, V. *Che cos'è un neologismo?* Roma, Carocci editore, 2017. P.111-113.

ресурсов собственного языка (производные слова, образованные по продуктивным и непродуктивным словообразовательным моделям); в) внутренние заимствования (переход специальной терминологии в общеупотребительную лексику (детерминологизация); г) образование моделей по аналогии.

С понятием «неологизм» связаны понятия «окказионализм» и «потенциальное слово». Если неологизм – это новое слово, вошедшее в лексический состав языка, что проявляется в его регулярном воспроизводстве в речи, то окказионализм – это единичное употребление, «индивидуальное новообразование, присущее только данному контексту»²⁹⁵. Отличие таких слов от новых слов, вошедших в язык и ставших общеупотребительными (неологизмов), состоит в том, что они создаются в речи, а не воспроизводятся как готовые единицы языка»²⁹⁶. Важным отличительным признаком окказионализмов, помимо их контекстуальности, является то, что они часто создаются по особым окказиональным (речевым) или реже по непродуктивным языковым словообразовательным моделям. Окказионализмы всегда противостоят обычным (узуальным) словам. Земская называет их «нарушителями законов (правил) общезыкового словообразования»²⁹⁷. Тем не менее, исследование окказионализмов, использующихся в конкретный период развития языка, представляет интерес для лингвистов, так как они являются проявлением творческих возможностей языка.

Потенциальные слова отличаются от окказионализмов тем, что создаются на основе высокопродуктивных словообразовательных моделей. Их создание относится к сфере языковой категории потенциальности, которая понимается как «возможность возникновения речевого факта, заданная системой языка»²⁹⁸. Потенциальным словом называют не только единицу, уже получившую жизнь в реальном контексте, но и «слово, которое может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности»²⁹⁹, т.е. еще никем не использованное. Говоря иначе, потенциальные слова реально или только в возможности «заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм, т.е. реализуют действие законов словообразования»³⁰⁰. Такие слова являются наилучшим свидетельством продуктивности той или иной словообразовательной модели.

Например, профессор Уральского университета Мосин предложил следующий список потенциальных слов и выражений, которые, по его мнению, имели все шансы появиться и наполниться актуальным содержанием в ближайшем будущем как реакция на крымские события: *крымануться, крыматорий, крымация, не открывилось, окрымление, крыминал, экскрымент, крымлевский мечтатель, Великий Крымчий* (о Путине, по созвучию с «Великий кормчий») и т.д.³⁰¹. Анализ результатов

²⁹⁵ Шведова, Н.Ю. (под ред.). *Русская грамматика*. Москва, Наука. Т. I., 1980. С. 137.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Земская, Е.А. *Словообразование как деятельность*. Москва, Наука, 1992. С.180.

²⁹⁸ Ханпира, Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // *Развитие словообразования современного русского языка*. Москва, Наука, 1966. С. 153–166. С.154.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Земская, Е.А. *Словообразование как деятельность*. Москва, Наука, 1992. С. 180.

³⁰¹ Мосин, А.Г. «Об обогащении русского языка» // *Блог А.Н.Алексева* : электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/ot-nashkrym2019a-do-namkrysh2019a>, дата создания: 27.08.2014 (дата обращения 16.05.2018).

поиска Yandex показывает, что эти лексемы сохраняют статус потенциальных слов, о чем свидетельствует незначительное количество их употреблений.

4.2. Ключевые слова текущего момента как основа словообразования

При изучении неологизмов целесообразно обратиться к понятию «*ключевых слов текущего момента*» – лексем, попавших в фокус всеобщего внимания на конкретном временном срезе. Два понятия коррелируют между собой, ибо наименования новых явлений довольно часто становятся ключевыми словами – базовыми основами словопроизводства. Термин «*ключевое слово текущего момента*» был введен в научный обиход лингвистом Шмелевой в начале 90-х годов и рассматривался как ключ для понимания актуальных в конкретный исторический период понятий, отраженных в номинативных средствах языка. Например, к ключевым словам 1992 года автор отнесла лексемы *рынок, приватизация, ваучер, съезд*, личные имена *Грузия, Абхазия, Ельцин, Гайдар*³⁰², аргументировав, что именно они обозначали наиболее значимые и обсуждаемые понятия той эпохи. Статья автора, вышедшая в 2009 году³⁰³, была посвящена ключевому слову *кризис*.

Перечисляя признаки ключевых слов, Шмелева выделила три аспекта их существования – текстовый, лексический и грамматический. Текстовый аспект проявляется в *текстогенности*, т.е. в порождении новых текстов и в высокой частотности использования слова, в том числе в заголовочных комплексах и рубриках – как максимально сильной позиции текстов массовой коммуникации. Кроме того, такие слова становятся объектом активной и массовой языковой рефлексии, появляется масса дефиниций – высказываний типа *X – это...* или *X – это не...*

Лексические параметры слова – его синтагматика и парадигматика – претерпевают изменения, в частности, расширяются возможности его *метафорического употребления*, модифицируются синонимические и антонимические отношения. Часто такие слова начинают использоваться в качестве *онимов*.

Наконец, статус ключевого слова вызывает активизацию его грамматических возможностей (самых консервативных), в частности, его *деривационного потенциала*, т.е. появление новых производных, расширение их сферы употребления и семантики³⁰⁴.

Вслед за Шмелевой мы принимаем указанные выше признаки ключевого слова в качестве определяющих.

Так, текстовые признаки ключевых слов проявляются в высокой частотности употребления, в том числе в использовании в заголовках, заголовочных комплексах и рубриках. Возрастание частотности употребления ключевого слова, которое

³⁰² Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента // *Collegium*. 1993. № 1. С. 33–41. С.33.

³⁰³ Шмелева, Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // *Политическая лингвистика*. Вып. 2 (28). Екатеринбург, 2009. С.63-67.

³⁰⁴ Так же. С.63.

находится «на слуху» у носителей языка, воспринимается ими объективно, это «одна из первых, видимых «невооруженным глазом [...] характеристик»³⁰⁵. Отметим, что текстогенность понимается нами, вслед за Шмелевой, как способность слова «порождать вокруг себя массу текстов», в том числе прецедентных и мультимодальных³⁰⁶.

В результате активного использования ключевого слова, расширяется его семантическая и парадигматическая сочетаемость. Это проявляется в расширении или изменении сочетательных возможностей слова, изменении синонимических и антонимических отношений, появлении новых значений и коннотаций, погружении слов в новые контексты и новые понятийные сферы.

Ключевое слово является основой для образований новых слов и расширения сферы их употребления, что означает актуализацию его деривационного потенциала.

Еще одним признаком ключевого слова является «склонность употребляться в высказываниях определенного смыслового типа – предложениях-дефинициях, близких к словарным толкованиям»³⁰⁷, что связано с необходимостью облачить в новую графическую оболочку вновь возникающие смыслы.

Популярность слова подтверждает его употребление в метаязыковых высказываниях. Оно часто связано с понятием языковой игры и языковой рефлексии, так как включение ключевого слова в метаязыковые высказывания и в тексты-рефлексивы обусловлена необходимостью эксплицировать новое отношение говорящих к слову или именуемой им реалии, зафиксировать новое значение слова или новые коннотации.

На современном этапе, несмотря на терминологическое разнообразие данного понятия (в работах лингвистов используются термины «ключевые слова эпохи» (Земская³⁰⁸, Кронгауз³⁰⁹), «ключевые символы эпохи» (Костомаров³¹⁰), «лексика сегодняшнего дня» (Шейгал³¹¹), «слова-актуалемы» (Черникова)³¹², «слова-хронофакты» (Фомина³¹³), «модные слова» (Журавлева³¹⁴), ученые выделяют его общие характеристики. Среди них высокая частотность употребления и словообразовательная активность, относительная новизна и «свежесть», наличие в семантической структуре компонентов, характеризующих временный статус лексической единицы, превращение в объект языковой игры. Источником исследования данной лексики

³⁰⁵ Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента // *Collegium*. 1993. № 1. С. 33–41. С.34.

³⁰⁶ Шмелева, Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2009. Вып. 2 (28). С. 63–67. С.65.

³⁰⁷ Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента // *Collegium*. 1993. № 1. С. 33–41. С. 37.

³⁰⁸ Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX века (1985-1995)* / Л.В. Воронцова и др.; под ред. Е.А. Земской. Москва, Языки русской культуры, 1996. С.90-144.

³⁰⁹ Кронгауз, М.А. *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва, Языки славянских культур, 2007.

³¹⁰ Костомаров, В.Г. *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. СПб, Златоус, 1999.

³¹¹ Шейгал, Е.С. *Семантика политического дискурса*: дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000.

³¹² Черникова, Н.В. *Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере*: дисс. на соиск. науч. степени д-ра филолог. наук. Москва, 2008.

³¹³ Фомина, З.Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // *Язык и эмоции*. Москва, 1991. С.207-215.

³¹⁴ Журавлева, Н.Г. «Модное» слово: к вопросу о содержании понятия // *Научная мысль Кавказа*. 2009. № 2. С. 132-137.

выступают преимущественно тексты СМИ, которые являются речевой средой, способствующей их распространению.

Внимание к ключевым словам определенного периода важно при изучении словообразования, так как эти слова активно участвуют в словопроизводстве, рождают новые группы однокоренных слов (словообразовательные парадигмы и гнезда). Активность ключевых слов влияет не только на их словообразовательный потенциал, но и на их связь с другими (синонимичными) словами, актуализируя те или иные отношения в лексической системе³¹⁵. К ключевым словам относятся как высокочастотные имена собственные, так и имена нарицательные, попавшие в фокус общественного внимания. Земская предлагает использовать временной параметр при выделении и описании ключевых имен нарицательных: 1) слова, которые получили высокую частотность и словообразовательную активность на короткий период времени (месяц, несколько недель); эти слова появляются и функционируют в период общественных катаклизмов или социально значимых событий (например *путч*, *референдум*) и действуют подобно вспышке; 2) слова, которые были частотными и активно использовались длительный период времени (год и больше) и превратились в ключевые слова эпохи, более глубоко ее характеризующие (например, к периоду 90-х автор относит слова *рынок*, *лобби*, *тусовка*, *крутой*)³¹⁶.

Касательно украинского кризиса, в период протестов конца 2013 – начала 2014 года возникли и приобрели популярность следующие языковые единицы: *ленинопад* (массовый снос памятников Ленину в украинских городах), *титушки* (оплачиваемые властью В.Януковича группировки, использующиеся для разгона демонстраций; слово образовано от имени спортсмена Вадима Титушко), *беркутовцы* (правоохранительные органы, участвующие в разгоне митингов), *тигипка* («трус», от имени Сергея Тигипко, который позорно дезертировал из «Партии регионов» после бегства В.Януковича), *коктейли Грушевского* (трансформация словосочетания *коктейли Молотова*, образовалось в связи с тем, что массовые столкновения в Киеве происходили на улице Грушевского), *псакнуть*, *псаки* («сказать глупость», от имени Дженнифер Псаки, отличившейся нелепыми высказываниями в сторону России)³¹⁷. Эти слова имеют конкретную хронологическую привязку – события киевского Майдана, со временем они перестали использоваться или даже забылись. После достижения максимальной точки общественного резонанса подобные лексемы уходят в пассивный запас и становятся непонятными без специального общественно-политического комментария.

В период присоединения Крыма актуализировались слова *референдум* (520 употреблений в газетном корпусе) и *спецоперация* (37 употреблений), во время

³¹⁵ Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX века (1985-1995)* / Л.В. Воронцова и др.; под ред. Е.А. Земской. Москва, Языки русской культуры, 1996. С. 92. С.90-144.

³¹⁶ Там же, с. 95-97.

³¹⁷ Данные указываются со ссылкой на словарь С.А.Жаботинской «*Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан-антимайдан: Словарь-тезаурус лексических инноваций*». Киев, УАКЛиП, 2014.

протестов на юго-востоке Украины – *федерализация* (169 употреблений), *АТО* (антитеррористическая операция, 51 употребление).

Если «слова-однодневки» прикреплены к тем или иным контекстам и представляют интерес как определенное свидетельство времени, то слова, использующиеся длительный период, превращаются в своеобразные символы эпохи. Например, лексемы *укроп* и *ватник* из пейоративов превратились в символы российско-украинского кризиса, заменив уже привычные *хохол* и *москаль*.

Исходя из вышесказанного, ставится задача проанализировать на материале публикаций современных российских СМИ, какие изменения произошли в лексике русского языка в следствии событий в Украине. В частности решаются следующие задачи: исследовать основные источники образования неологизмов (производные основы), рассмотреть продуктивные узуальные и неuzuальные словообразовательные модели. При анализе неологизмов будут использоваться следующие параметры: 1) частотность употребления в текстах СМИ; 2) лексическое значение и его семантические трансформации; 3) развитие парадигматики: синонимии и антонимии; 4) развитие словообразовательного гнезда; 5) контекстуальное использование.

4.3. Проекты «Слово года» как источник неологизмов

Для отбора неологизмов мы обращались к интернет-сообществам, отмечающим появление новых слов и составляющим их рейтинг. Наиболее важные среди них – «Слово года», «Словарь года» и «Словарь перемен».

Проект «Слово года»³¹⁸ – аналог ежегодной акции, проводимой в разных странах (США, Великобритании, Австралии, Германии, Дании и др.) с целью отбора и обсуждения самых актуальных, значимых и популярных слов и выражений. В России проект был создан в 2007 году по инициативе лингвиста, профессора университета Эмори (США) Михаила Эпштейна. Деятельность проекта осуществляется в сети Facebook. Ежегодно при участии экспертного жюри, состоящего из лингвистов, педагогов, писателей и журналистов, проводится конкурс на самое популярное слово. Как показывает анализ итогов голосования, словом-победителем 2014 года стала лексема-лозунг «*крымнаш*», 2015-го – «*беженцы*», 2016-го – «*брекзит*», 2017-го – «*реновация*», 2018-го – «*Новичок*».

«Словарь года» действует под руководством лингвиста Алексея Михеева³¹⁹, главного редактора портала «Словари XXI века». В этой группе ежемесячно составляются списки характерных, запомнившихся в данном месяце слов (или словосочетаний). В течение каждого месяца участники группы предлагают заметное и важное слово, которое тут же выставляется на общее голосование группы. Постепенно из отдельных списков складывается итоговый «Словарь года». Участники

³¹⁸ «Слово года» : электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda/> (дата обращения 18.03.2018).

³¹⁹ «Словарь года»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/slovargoda/about/> (дата обращения 18.03.2018).

проводят голосование, в следствии которого выбираются самые актуальные, значимые и популярные слова и выражения года.

«Словарь перемен» – группа в социальной сети Facebook, созданная по инициативе писателя и филолога Марины Вишневецкой. Здесь она вместе с единомышленниками «коллекционирует» неологизмы, укрепившиеся в русскоязычной общественно-политической лексике. Цель проекта – показать «как язык отражает, а отчасти и провоцирует перемены, происходящие в обществе»³²⁰. В коллекцию слов проекта 2014 года вошло, например, слово “*скрымздить*”, обозначающее незаконное присвоение иностранной территории.

Обращаясь к рейтингу «Слово года» за 2014 год (Таблица 1), можно заметить, что большинство наиболее значимых слов и словосочетаний относятся к событиям в Украине, что подтверждает интерес общества к этой тематике в данный период. Как неоднократно отмечали лингвисты, 2014 год был самым богатым на лексические новообразования, отражающие тематику украинского кризиса и противостояние с Западом:

Слово года		Выражение и фраза года		Антязык	
<i>слово</i>	<i>балл</i>	<i>выражение</i>	<i>балл</i>	<i>слово, выражение</i>	<i>балл</i>
крымнаш	110	вежливые люди	51	пятая колонна	44
санкции	31	русский мир	28	вата, ватник	37
бандеровцы, бендеровцы	30	гуманитарный конвой	28	укропы, укры	37
Новороссия	26	зеленые человечки	26	национал-предатели	34
ополчение, ополченцы	24	гибридная война	25	хунта киевская	25
война	15	лихорадка Эбола	23	затокрымнаш	24
селфи	15	ответные санкции	20	скрепа	23
		сбитый Боинг	19	колорады	22
		Болотное дело	17	Гейропа	20
				жидобандеровцы	20

Таблица 1. Рейтинг «Слово года», 2014 г.

Согласно результатам голосования жюри проекта «Словарь года», победителем 2014 года стало слово «*фейк*», второе место занял «*крымнаш*». Как видно, и в этом рейтинге большинство слов касаются украинского кризиса:

1. фейк
2. крымнаш, национал-предатели, дары волхвов
3. имперка

³²⁰ «Словарь перемен»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda2011/> (дата обращения 18.03.2018).

4. диванные войска, «Дождь», катапульта, киселевщина, референдум, уконтропулить
5. пятая колонна, сепаратисты
6. ватники, гуманитарно-боевая операция, зеленые человечки, «Правый сектор», спайс, сперлинг

Таблица 2. «Топ-20 по версии «Словаря года», 2014»

Важно отметить, что лексемы и словосочетания вышеуказанных проектов политически маркированы, большинство слов имеют яркую общественно-политическую окраску, что делает их важным иллюстративным материалом для целей данного исследования. В 2014 году украинский кризис был в центре внимания российских СМИ, в следствии чего во всех указанных рейтингах лидируют слова, касающиеся украинской тематики. В 2015 году фокус внимания журналистов переключился на другие темы, украинский вопрос представлен лексемами, относящимся к последствиям присоединения Крыма: «санкции», «эмбарго», «запрещенка», «импортзамещение».

Проекты «Слово года», как отмечает Иссерс, отражают не только специфику общественного диалога в России, но и креативный потенциал его субъектов³²¹. «На материале указанных проектов, – продолжает автор, – можно обнаружить механизмы конкуренции за «смыслообразование». «Слово года» – это своеобразный социально-политический портрет года, реконструированный через номинативные лингвистические маркеры [...]. Лексические единицы, вошедшие в список «слов года» отражают фокусы общественного внимания за «отчетный период». Их можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, маркерами меняющейся системы ценностей»³²². Слова года отражают языковую рефлексию, оценку обществом актуальных событий или личностей.

Кроме вышеуказанных ресурсов, в качестве источников неологизмов использовался словарь-тезаурус лексических инноваций «Майдан-антимайдан», изданный под редакцией Жаботинской. Справочник включает неологизмы, появившиеся в период с декабря 2013 по декабрь 2014 гг.³²³. Источником данного словаря были публикации в периодических изданиях, социальные, сети, блоги, личные наблюдения автора, материал, предоставленный автору непосредственно участниками событий. Дальнейший контекстуальный анализ неологизмов осуществлялся на материале изданий «Российская газета», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Новая газета». В качестве дополнительных источников привлекались данные блогов, опубликованных на сайте «Эхо Москвы», материалы российского новостного агрегата Yandex.ru и газетного под-корпуса Национального корпуса русского языка.

³²¹ Иссерс, О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // *Политическая лингвистика*. № 4 (50), 2014. С. 48-53. С.49.

³²² Там же.

³²³ Жаботинская, С.А. *Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан-антимайдан: Словарь-тезаурус лексических инноваций*. Киев, УАКЛиП, 2014.

4.4. Формальные неологизмы

Придерживаясь классификации неологизмов, предложенной в Параграфе 4.1, начнем анализ с формальных неологизмов – языковых единиц, появившихся в период украинского кризиса, ранее не использовавшихся.

Остановимся на изучении языковых инноваций, основой которых послужили два наиболее популярных топонима украинского кризиса – *Крым* и *Майдан*. Выбор данных лексем обусловлен тем, что они соотносятся с главными местами разворачивания украинских событий и поэтому находились в фокусе общественного внимания исследуемого периода.

Крым (3556 употреблений в газетном корпусе). Присоединения Крыма к России – одна из самых острых и обсуждаемых СМИ тем 2014 года. Поэтому, вполне закономерно, что интерпретация этого события привела к появлению большого количества новообразований.

Согласно «Словарю перемен», популярным словом 2014 года стало слово *крыминг* – мероприятие (митинг или концерт) в поддержку присоединения Крыма к РФ³²⁴. Слово образовано посредством междусловной контаминации лексем *Крым* и *митинг*: *Ее [Ямпольской] напор сейчас усилился, и пафос тоже не остыл: недаром **крыминг** на Васильевском она вела с Петром Толстым* (НГ, 19.03.2016). Ниже даются примеры с Yandex: *Итак, сегодня в Москве на Васильевском спуске состоится **Крыминг**. Начало в 16.00. Будет концерт на полтора часа. Центральной звездой концерта обещает стать Путин*³²⁵; *Прошедшая неделя отмечена по всей стране телевизионно-эпическим и улично-эмоциональным «**крымингом**» в связи с годовщиной возвращения на Родину знакового полуострова* (Новый день, 20.03.2015); *Подведомственные учреждения минспорта обязали обеспечить явку на «**крыминг**»* (Свободные новости, 17.03.2017).

Еще одно производное от топонима *Крым* – глаголы *скрымить* и *скрымздить*, образованные посредством языковой игры (согласно данным «Словаря перемен», по аналогии со *слямздить*, *скомуниздить*). Однако, ни в изучаемых нами газетных источниках, ни в НКРЯ данное употребление не было зафиксировано. Значение «украсть нагло, с особым цинизмом, пренебрегая всеми юридическими и моральными нормами, и делать при этом вид, что ты прав»³²⁶ превалирует в украинском контексте. Аналогично образовался окказионализм *слэнээрить* (от ЛНР – Луганская народная республика): *Да, вот мы и увидели, что такое **скрымздить**, **слэнээрить**. Даже когда*

³²⁴ *Словарь перемен*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda2011/> (дата обращения: 29.03.2019).

³²⁵ *Крыминга пост* // *Сообщество politota.d3.ru*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://politota.d3.ru/kryminga-post-segodnia-eto-edinstvennyi-post-pro-kontserty-vo-vsekh-gorodakh-rf-po-povodu-kruma-pishem-vsio-pro-eti-meropriiatiia-siuda-690827/?sorting=rating&filter=unread> (дата обращения 29.03.2019).

³²⁶ Вишневская, М.А. *Словарь перемен-2014*. Москва, Три квадрата, 2015. С. 48.

можно было коммуниздить, такого не было, "русский мир" такой русский, – смеется он с ноткой зла в голосе, – рыбу и ту *слэнээрили* (Обозреватель, 16.04.2016).

Согласно поиску Yandex, было отмечено употребление данных лексем в социальных сетях, что позволяет сделать вывод о том, что слово употреблялось лишь в пределах сферы интернет-коммуникации. Причиной этого скорее всего является созвучие с обценным словом: *Жил-был Крым_#fakeoff #Крым #Оккупация #Скрымздить*³²⁷; Глагол "*скрымить*" имеет, конечно, более глубокий смысл. Это не просто "украсть". Это "взять как бы свое", с полным чувством исторической правоты; забрать с нарушением всех правил, но с абсолютно благородными мотивировками типа, если бы я, дорогая, не скрымил у тебя эти деньги, ты могла бы на них купить алкоголь или, не дай бог, наркотики, и поминай как звали³²⁸.

В русской блогосфере отмечается также влияние российско-украинского кризиса на лексику других языков. Например, по итогам конкурса «Молодежное слово года», проведенного немецким изданием Langenscheidt в 2015 году, самым популярным в сленге немецкого языка стал глагол *krimmen*. Он означает «прибрать к рукам», «отобрать», «сначала подарить, а потом отнять»³²⁹. Слово появилось в лексиконе немецкой молодежи после событий весны 2014 года, когда Крым вошел в состав России.

Осмысление события часто происходит посредством языковой игры. Например, в следующем отрывке статьи, опубликованной в «Новой газете», обыгрывается созвучие слов *Крым* и *крем*:

Народу российскому сейчас вместо роста благосостояния предлагают «пирожное» – эдакое воздушное крым-брюле. Во рту сладко, и чувство сытости долго не отпускает, тогда как на самом деле в желудке совершенно пусто... Российское государство превращается в фабрику по производству подобного крым-брюле. И чем хуже будут обстоять дела в экономике, тем больше придется производить идеологических пирожных в ближайшие годы... Эта сладость может подаваться «на стол» в различных видах. Можно время от времени отхватывать по кусочку у соседей, имитируя воссоздание Советского Союза. Можно использовать разного рода заменители реальных политических побед, такие как Олимпиада, чемпионат мира по футболу и так далее (НГ, 28.04.14).

В данном примере реализуется гастрономическая метафора с использованием группы лексем, относящихся к семантическому полю «употребление пищи»: *крем-брюле, пирожное, стол, кусочек, заменитель*. С помощью данного употребления адресант создает негативную картину экономики страны, внешнеполитической ситуации и состояния российского общества.

³²⁷ <https://twitter.com/hashtag/скрымздить> (дата обращения 30.03.2019)

³²⁸ Дмитрий Быков: подлинное значение слова скрымить // *Собеседник.ru*, 25.11.2015: электронный ресурс. Режим доступа: <https://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20151125-dmitriy-bykov-podlinnoe-znachenie-glagola-skrymit> (дата обращения 29.03.2019).

³²⁹ Молодежное слово-2015 // *DW*, 19.11.2015: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/молодежное-слово-2015/g-18854841> (дата обращения 30.03.2019).

Актуальность крымских событий отражается в активном использовании лексики *Крым* в газетных заголовках. Например, в газете «Коммерсантъ» преобладают признаки экономических последствий присоединения Крыма: *Крым наш наличный: как полуостров живет без банков* (ГК, 02.06.14); *На Крымской волне: как предприниматели зарабатывают на любви к родине* (ГК, 01.07.2015). Наблюдается языковая игра посредством трансформаций: *Россия – третий Крым* (ГК, 22.03.14) (по аналогии с *Москва – третий Рим*); *Кому в Крыму жить хорошо: Наталья Радулова выяснила, что чувствуют новые россияне* (ГК, 24.11.14) (трансформация названия художественного произведения Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»); *Запретный Крым сладок* (РГ, 07.08.2014) (трансформация фразеологизма *запретный плод сладок*).

Топоним *Крым* в период присоединения полуострова к РФ послужил основой для образования ряда узуальных и окказиональных коллокаций: *Крымский референдум, крымская весна, крымская кампания, крымская революция, крымский казус, крымский вопрос, крымский кризис, крымский сценарий, крымская драма, крымское воскресенье* (РГ, 20.03.2014) (окказионализм, о референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 в воскресенье), *крымская мечта* (по аналогии с *американская мечта*): *Кто-то был изначально с нами, кто-то специально брал отпуск. Тогда еще не было людей, которые бросили работу ради Крыма. К тому же во время **Крымской кампании** мы не предъявляли серьезных требований к желающим присоединиться к нам* (МК, 26.06.14); *Однако некоторые негативные последствия «**крымской революции**» мне, как говорится, пришлось испытать на своей шкуре. Оказалось, что моя пластиковая карточка, выданная российским банком, не принимается ни в отделениях, ни в банкоматах его украинской «дочки»* (МК, 18.03.14); *Динамика отношения россиян к **крымскому казусу**, которую отслеживал "Левада-центр", за прошедшее время была почти незаметна* (ГК, 01.12.14); *Аксенов заявил, что единение с Россией многие годы было **крымской мечтой**. Она осуществилась благодаря единству жителей полуострова, благодаря смелому и мудрому решению нашего президента, благодаря поддержке российского народа* (РГ, 4.11.2017).

Коллокация *Крымский мост* появилась в связи со строительством и открытием в мае 2018 года моста, соединяющего полуостров с Россией: *Открылось движение транспорта по **Крымскому мосту*** (ГК, 16.05.2018); ***Крымский мост** под прицелом внимания. Может ли что-то угрожать объекту?* (ГК, 18.05.2018). В данном случае имеет место появление фразеологической инновации в связи с необходимостью номинации новой реалии.

Наиболее экспрессивным обозначением крымских событий стала коллокация *крымская весна* – одно из официально используемых крымскими властями названий присоединения Крыма к Российской Федерации. Коллокация образована по аналогии с выражениями *арабская весна* – волной протестов, восстаний и революций, происходивших в арабских странах с начала 2011 года, и *пражская весна* – периодом демократических преобразований в Чехословакии в 1968 году: *Впереди была «**крымская весна**»: тревоги и надежды, митинги и флаги, блокпосты и «вежливые*

люди», референдум, речь Путина в Георгиевском зале, возвращение Крыма и прилив гордости за то, что Россия не убоилась разделить свое будущее с людьми, так долго к ней прорывавшимися (МК, 02.09.2014); Тем самым мы, видимо, признаем, что и наша страна – зона чужих миров: азербайджанского, украинского, армянского, таджикского, молдавского, польского и даже немецкого... А если у них начнется приступ революционного самосознания, который в нашем случае, видимо, по аналогии с "арабской", назвали **"русской весной"**? Мы, например, готовы с таким же сочувствием и пониманием отнестись к "украинской весне"? (ГК, 22.12.2014).

В процессе номинации имеет место метафорический перенос – значение «весна как пора обновления» переносится на общественно-политическую сферу – «период общественного подъема и обновления». К тому же период присоединения происходил в марте, что вероятно тоже легло в основу номинации: *Депутат Госсовета от ЛДПР Сергей Шувайников сказал "Ъ", что, несмотря на то что во время "крымской весны" было "много памятных дней", споров депутатов о том, какой из них выделить для праздника, не было. "Именно 16 марта крымчане вышли на референдум и показали, что быть с Россией – это их общее желание* (ГК, 25.12.2014).

Популярность коллокации подтверждается ее активностью в заголовках: **Крымская весна** стала новым туристическим брендом (РГ, 24.03.2015); **Крымская весна**. Как республика Крым живет сегодня и что думает о будущем (РГ, 06.03.14); Митинг **"Год Крымской весны"** собрал 10 тысяч жителей Саранска (РГ, 18.03.2015); **Крымская весна** теперь и в Минске (ГК, 09.03.2019); Сенатор Софреда представила книгу о **Крымской весне** (РГ, 22.10.2014); В Симферополе прошли шествия и митинг в честь пятилетия **Крымской весны** (РГ, 15.03.2019).

В контекстах правительственных газет «крымская весна» использовалась для создания патриотических настроений. Присоединение Крыма рассматривалось как уникальное историческое событие, как точка отсчета для развития полуострова, подчеркивался мирный характер перехода Крыма в состав РФ: *Александр Витко считает, что события "Крымской весны" кардинально изменили ситуацию и стали точкой отсчета для полноценного развития Черноморского флота* (РГ, 31.12.2014); *Главным событием 2014 года стало историческое воссоединение Крыма с Россией без единого выстрела. Этот путь уникален, и ему нет аналогов в истории. Каждый житель полуострова стал участником судьбоносной Крымской весны* (РГ, 31.12.2014); *Народное ополчение, которое стихийно образовалось во время событий "крымской весны" и предотвратило кровопролитие на полуострове, приобрело официальный статус* (РГ, 19.12.2.14).

В оппозиционной прессе наблюдается иная интерпретация событий «крымской весны». Например, в следующем отрывке используется языковая игра со словами *весна* и *лето* для подчеркивания негативных последствий присоединения для полуострова. Данный эффект создается также с помощью слов *шок*, *испытание*; выражений *неприятные неожиданности*, *крайне тяжелые времена*:

Крымская весна, начавшаяся на полуострове в 2014-м, так и не сменилась **летом**. События прошедшего года держали население республики в состоянии

постоянного шока. И, кажется, 2015-й сулит крымчанам новые испытания. Канун затяжных зимних праздников принес жителям полуострова множество неприятных неожиданностей, свидетельствующих о наступлении крайне тяжелых времен (НГ, 16.01.2015).

Во втором отрывке используется семантическая антиномия для констатации факта, что не все жители Крыма поддерживают «крымскую весну». Это происходит на основе противопоставления слова и сочетания с позитивной коннотацией (*воссоединение, родная гавань*) и негативно окрашенных лексем *трагедия, депортация*:

«Крымская весна». У большинства россиян это словосочетание вызывает приятные ассоциации: «воссоединение», «родная гавань», митинг в Севастополе с российскими флагами. Но для крымских татар события марта 2014 года стали настоящей трагедией. Россию они не приняли заранее: страна, в которой Сталина одобряют 52% населения, для пережившего депортацию народа не могла быть привлекательной (НГ, 25.11.2017).

По той же модели образовалась коллокация *русская весна*, которая использовалась для номинации протестов на юго-востоке Украины против новой украинской власти: *В Харькове началась "русская весна". Жители юга и востока Украины отказали киевскому майдану в доверии [...]. Минувшую субботу на Украине некоторые уже называют "русской весной". В этот день почти во всех областных центрах и крупных городах юга и востока Украины прошли многотысячные митинги противников новой киевской власти и "евромайдана", которые требовали от местных чиновников не признавать этот режим* (РГ, 03.03.14); *Причины "Русской весны" – цинизм и непонимании ситуации со стороны действующей власти. Когда на улицы юго-восточных городов выходят десятки тысяч человек, а Арсений Яценюк и Александр Турчинов продолжают называть собственных граждан сепаратистами, предателями, проплаченными провокаторами, люди приходят к выводу, что с этой властью просто не о чем разговаривать* (ГК, 08.04.2014).

Реакция российского общества на присоединение Крыма обусловила активизацию в речи фразы *Крым наш*. Выражение появилось в интернете предположительно 8-9 марта 2014 года еще до референдума. Оно стало попыткой описания реальности, составления некоего плана на будущее и начало функционировать как призыв-лозунг: *Кого ни встречу, ликуют: Ура, Крым наш!* (НГ, 26.03.2014); *Российская премьера «Солнечного удара» тоже прошла не в столице, а в Симферополе, где режиссер [Никита Михалков] сообщил со сцены: «Крым наш!»* (ГК, 13.10.2014). Данный лозунг, как отмечает Вепрева, трудно соотнести с семантикой призыва, скорее, он заряжен иллокуцией заклинания. Цель призыва-лозунга – учитывать в повседневном поведении некоторые идеалы, осмысляемые как центральная и важнейшая часть общественно-значимой деятельности. Лозунговость

высказывания поддерживается императивной интонацией³³⁰. Со временем высказывание *Крым наш* приобрело характер фразеологизированной синтаксической единицы и начало функционировать как отдельное слово.

Графическое написание слова выражает аксиологические предпочтения носителей русского языка. Согласно М. Сулову, сотруднику Уральского центра российских и евразийских исследований, *Крым наш* пишут серьезно настроенные пользователи, а *крымнаш* – иронично настроенные: «Люди, которые за присоединение Крыма, пишут, что либералы извратили хорошее понятие, поэтому надо писать «*Крым наш*» раздельно и с большой буквы»³³¹. Также по мнению ведущего сотрудника Института русского языка РАН Р.Розиной, «*Крымнаш*» передает ироническое отношение людей к происшедшему: «Люди видят разные противоречивые моменты в том, что случилось. Слово “Крымнаш” доказывает, что они способны все-таки с юмором относиться к каким-то событиям», – считает филолог. – «Это особое слово, которое употребляется совершенно в другом контексте, отрицательном. Когда, например, говорят: “Ну да, в этом году прибавок к пенсиям не будет, потому что все деньги пойдут на Крымнаш”»³³².

С точки зрения словообразования, этот неологизм является результатом языковой компрессии – превращения словосочетания в слово. Данное явление объясняется тем, что после присоединения Крыма к России в сети распространилось употребление хештэга #КрымНаш. В силу слитного написания – это не столько прямой лозунг или возглас, сколько воспроизведение клише, каким оно сложилось в стиле твиттера или текстового месседжа. Таким образом, хештег #крымнаш (варианты #КрымНаши, #Крымнаш), сопровождающий сообщения пользователей вышеуказанных сайтов, стал прочно ассоциироваться с темой присоединения Крыма и актуальными в ее отношении высказываниями. По мнению Эпштейна, *крымнаш* – слово с подковыркой, слово-жест, воспроизведение некоего клише, сложившегося в языке³³³. По результатам разных источников «*крымнаш*» стало главным словом 2014 года³³⁴, т.е. эта лексема чаще всего употреблялась журналистами и интернет-пользователями в указанный период.

В разных контекстных условиях лексема *Крымнаш* употреблялось как существительное мужского рода, сохраняя свои падежные функции: “...Если вы 5 раз в год отдыхаете за границей и ваш любимый супермаркет – это Глобус Гурмэ, это

³³⁰ Вепрева, И.Т. Об актуальной лексеме Крымнаш // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII конгр. МАПРЯЛ* (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября, 2015) / ред. кол.: Л.А.Вербицкая, К.А.Рогова, Т.И.Попова и др. СПб, МАПРЯЛ, 2015. С.31-35.

³³¹ Откуда взялись «Крымнаш» и другие мемы // *Газета.ru*, 07.06.2015: электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2015/06/07_a_6746362.shtml (дата обращения 31.03.2019).

³³² Садкова, Е. «Никаких няш-мяш, потому что Крымнаш» // *Общественный контроль*, 08.01.2015: электронный ресурс. Режим доступа: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/29390-nikakikh-nyash-myash-potomu-cto-krymnash.html> (дата обращения 31.03.2019).

³³³ «Крымнаш стал главным словом уходящего года» // *Московский комсомолец*, 10 декабря.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2014/12/10/krymnash-stal-glavnym-slovom-ukhodyashhego-goda.html> (дата обращения 25.03.2019).

³³⁴ Источники: «Слово года»: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda/>; «Русская служба новостей», «Дождь», и «Имхонет»: «Общественный контроль», 08.01.2015: электронный ресурс. Режим доступа: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/29390-nikakikh-nyash-myash-potomu-cto-krymnash.html> (дата обращения 25.03.2019).

не значит, что не существует тех, кто отдыхает на даче и ходит в Пятерочку...и покупает китайские авто, и тратит на мобильную связь 200 рублей в месяц...и многое другое. И даже голосует за Путина и радуется **«крымнашу»**. И да, забыла сказать: их большинство», – написала Артамонова (МК, 18.06.14); В 2012 году, за два года до **Крымнаш** и до того, как Россию начали "давить", патриотов было существенно меньше – всего 64% не хотели уезжать из страны. А 36% были вовсе не прочь (Новые известия, 29.11.2018); Вот на этот вопрос ответ как раз очевиден: после **«крымнаша»** не было ни одного серьезного IPO российских компаний. Единственное, которое приходит на ум, это En+ Дерипаски в Лондоне, но чем оно закончилось для многих инвесторов – мы знаем (MetaGazeta, 24.11.2018).

Субстантивированное клише **«крымнаш»**, активно употребляясь в речи, послужило производящей основой для слов-пейоративов и окказионализмов: существительных со значением лица – **крымнашевец**, **крымнашист** (по аналогии с **нашист**³³⁵), относительных прилагательных – **крымнашевский** (например, **крымнашевские** заявления, **крымнашевский** патриотизм, **крымнашевские** настроения), **крымнашистский**: Анализ следует начать с мнения **«крымнашевцев»** и **«крымнашеншецев»** (Коммерсантъ-Власть, 01.12.2014); Любит обсуждать последние события. И вот я представляю, как включив свою чудесную бормашину и нацелив ее на мой зуб, он радостно скажет: "Ну, что, голубчик, Крым наш!" Или, наоборот, насулит брови: "Надеюсь, вы не **крымнашист**?" (РГ, 18.08.14).

Образование лексемы **«крымнаш»** привело к тенденции превращения «наш» в суффиксоид, что проявляется в окказионализмах: **Парижнаш**, **космоснаш**, **Донбаснаш**, **сириянаш**, **путиннаш**.

Неологизм **«крымнаш»** становится объектом языковой игры: образование окказионализма **крымняш** (аллюзия на высказывание прокурора Крыма Натальи Поклонской по поводу того, что поклонники называют ее «няшей»): «Здесь я – прокурор, и поэтому никаких няш-мяш и тому подобное я не допущу»; окказионализма **крымраш** (Крым, аннексированный Россией); образование фонетического смыслового перевертыша **Намкрыш**, иронического **Раишкриш** – экономика России после введения санкций в ответ на присоединение Крыма, **крымнаш** – гражданская позиция россиян, отрицающих присоединение Крыма: **А украинский вопрос после 2014 года – индикатор оппозиционности к Путину. По «Крымнаш» или «Крымненаш» легко определить, кто как относится к оккупации** (Realist.online, 17.12.2018).

Полярная семантика неологизма проявляется в градации от положительной коннотации, как выражение патриотизма, до крайне отрицательной, встречающийся в российских оппозиционных СМИ: **Крымнаш он же Крымниш. Итоги – 2014 и прогнозы – 2015** (НГ, 16.01.2015); **Совсем не победобесно складывалась ситуация и в самой России. Массовая эйфория "Крымнаш" постепенно выветривалась и уж никак не переросла в поддержку масштабной войны в Украине** (Kasparov.ru,

³³⁵ Нашисты – разговорное наименование членов некоторых политических движений, имеющих в названии слово «наш». Употребляется в негативном значении.

3.12.2018). В первом примере происходит замена суффиксоида *-наш* на усеченную форму прилагательного *ниш*. Во втором примере «крымнаш» описывается как состояние эйфории.

Референциальная неопределенность неологизма «*крымнаш*» проявляется в том, что он функционирует в качестве архисемы, порождающей различные смыслы. Ниже указаны примеры многозначности данного слова:

а) «*крымнаш*» – умонастроение, патриотический подъем общества в результате присоединения Крыма: *Пережив эйфорию «Крымнаша» и 70-летия Великой Победы, люди, слегка остыв от патриотического экстаза, получили вдогонку практически полную капитуляцию государства в сфере социальных гарантий* (НГ, 16.09.2015);

б) «*крымнаш*» – сторонник присоединения Крыма и официальной политики России: *А уж если вспомнить, что поэт в России больше, чем поэт, то и вовсе ясно, что наши деятели культуры нынче ходят по лезвию ножа: слово «влево» – и ты «ватник», «крымнаш», «путинист», «сталинист»; слово «вправо» – «укроп», «госдеповец», «либераст»; а захочешь промолчать – сами флаг поднесут и попробуй никак не среагировать* (МК, 28.03.2016);

в) «*крымнаш*» – присоединение Крыма: *Кроме того, «Крымнаш» привел не только к консолидации общества, но и к переадресации враждебных чувств. Но об этом стоит поговорить отдельно* (МК, 06.08.2015);

г) «*крымнаш*» – Крымский полуостров в составе РФ: *Что сегодня представляет собой полуостров «Крымнаш»? Перспективное, но сильно запущенное по сравнению с мировыми курортное местечко или место политического противостояния? А может центр России, где зарождается сегодня культ личности Путина?* (МК, 21.08.14); *Полуостров «Крымнаш». Часть 2* (МК, 22.08.14);

д) «*крымнаш*» – состояние экономики, экономический кризис в Крыму: *«Крымнаш» – это не благостная медийная картинка, а будничная и суровая реальность, в которой российские власти нередко в ущерб жителям других регионов пытаются вернуть полуостров к нормальной жизни* (МК, 20.11.2015).

Таким образом новообразование «*крымнаш*» является примером нетипичной для русского языка словообразовательной модели «склеивания» – превращения синтаксической конструкции в лексему. Такая новая тенденция в русском словообразовании во многом объясняется спецификой интернет-коммуникации, где спонтанное общение способствует появлению неодериватов, которые потом проникают в повседневную жизнь и в язык СМИ.

Майдан. Не вызывает сомнения тот факт, что *Майдан* – ключевое слово периода украинского кризиса. Это подтверждается его частотностью в газетном корпусе (1071 употребление). Площадь Независимости (по укр. Майдан Незалежності) – центральная площадь Киева, место разворачивания главных событий в Украине конца

2013-начала 2014 года. По аналогии с «Оранжевой революцией» 2004 года, название площади *Майдан* превратилось, путем метонимического переноса, в имя нарицательное для номинации протестных антиправительственных акций, начавшихся в Украине в ноябре 2013 года. Топоним начал активно использоваться в масс-медиа и послужил основой для образования ряда неологизмов.

В словарных дефинициях можно обнаружить следующие определения «*майдана*»: 1. Базарная площадь (*в южных областях России, на Украине*); 2. Место собраний, сходов у казаков; станичный круг; 3. Место, площадка для выгонки дёгтя, производства поташа и т.п.; лесная смолокурня; 4. Азартная игра в карты; 5. Помещение, место, где играют в азартные игры³³⁶. В «Толковом словаре русского языка Ушакова» «*майдан*» определяется как: 1. Рынок, рыночная площадь; 2. Игорный притон на базаре; 3. Место тайной игры в карты или тайной продажи водки в тюрьме (воровское арг); 4. Яма для выгона дегтя³³⁷.

Как видно, имя собственное *Майдан* произошло от «площадь», «рынок», а присутствующие в его структуре негативные семы (место азартных игр, игорный притон) могли стать причиной отрицательных коннотаций Майдана, усилившихся после событий «Первого Майдана» – Оранжевой революции в 2004 году. Негативная коннотация слова заложена очевидно в его этимологии: *майданить, майданничать* – быть майданщиком, содержать тайный кабак или притон; *мошенничать, мотать, прогуливать* или *проигрывать* имущество; *майданник, майданик* – тот, кто содержит тайный кабак или игорный дом; *мошенник, промышляющий обыгрыванием* людей на базаре в майдан и в другие азартные игры (кости, орлянку и т.п.), *на всякого майданика по десяти олухов. Не будь олухов, не стало б и майдаников*³³⁸.

В словаре-тезаурусе лексических инноваций Майдана Жаботинская зарегистрировала следующие лексико-семантические варианты слова *майдан*: *майдануться* – сойти с ума, свихнуться, *майданиться* – стоять на Майдане, *намайданиться* – наестся и напиться задаром, *домайданиться* – доиграться, доплясаться, *отмайданить* – избить, *помайданить* – потусоваться, развлечься, *намайданить* – заработать денег на улице, *промайданить* – потерять, проморгать, *майданист* – человек, играющий на каком-либо инструменте там, где много людей, *майданут* (от *капут* – разг. «конец») – человек, который не хочет, чтобы Украина вступила в Евросоюз, *майдаскаль* (от *москаль* – пренебр. «русский») – человек, который не поддерживает очередное осеннее обострение³³⁹.

Анализируя примеры из данного лексикографического источника, нужно учитывать, что он создавался на пике словотворческой активности носителей языка (2014-2015). Сфера функционирования данных производных слов – социальные сети

³³⁶ Современный толковый словарь русского языка Ефремовой: электронный ресурс. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/183296/Майдан> (дата обращения 28.03.2019).

³³⁷ Толковый словарь русского языка Ушакова: электронный ресурс. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov/410397.html> (дата обращения 28.03.2019).

³³⁸ Современный толковый словарь русского языка Ефремовой: электронный ресурс. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/183297> (дата обращения 28.03.2019).

³³⁹ Жаботинская, С.А. *Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан-антимайдан: словарь-тезаурус лексических инноваций*. Киев, УАКЛиП, 2015. С.64-65.

и повседневное общение, лишь некоторые из них попали на страницы газет. После угасания конфликта активность данных лексем снизилась. Хотя далеко не все лексемы вошли в употребление, данные словаря являются свидетельством потенциальных возможностей слова входить в словообразовательную парадигму и доказательством повышения креативности носителей языка во время социальных и мировоззренческих переломов.

Согласно данным созданного нами корпуса, наиболее устойчивыми производными от слова «майдан» оказались: *Евромайдан* [107], *антимайдан* [44], *автомайдан* [3], *майданный* [14], *майдановский* [10], *евромайданный* [1], *евромайдановский* [1], *антимайдановский* [4], *майдановец* [29], *антимайдановец* [6], *майдаун* [6], *майданутый* [9], *майданистик* [2], *евромайданистик* [1], *антимайданистик* [2], *майданократия* [1], *примайдановский* [1], *промайданный* [1], *майданность* [1], *промайдановский* [2], *постмайданный* [2].

Как видно, форма *Евромайдан* – наиболее употребительное производное слово от топонима «Майдан». Приставка «*евро*» указывает на первоначальные причины протестных акций – отказ президента Януковича подписывать договор об ассоциации с ЕС. Когда революция перешла в стадию целенаправленной борьбы с властью, многие оспаривали уместность использования термина в отношении событий в центре Киева. Невзирая на это, термины «*Майдан*» и «*Евромайдан*» используются как синонимы. Форма «*Евромайдан*» позволяет также хронологически дифференцировать протестное движение 2014 года от аналогичных событий 2004 года, также получивших название «Майдан» (или «Оранжевая революция» – серия антиправительственных протестов в Киеве и других городах Украины, вызванных недовольством граждан из-за фальсификации президентских выборов).

Номинации протестов в центре Киева и их участников часто носят ярко-выраженную негативную коннотацию в российских официальных СМИ. Наряду с нейтральными *майдановец*, *евромайдановец*, используются негативные номинации протестующих: *майдановка*, *майдаун* (слово-гибрид: *майдан+даун*), *майданутый*, *майданист*, *майданушка*, *майданобайтер* (по аналогии с «гастарбайтер»), *гастмайданер* (от *гастарбайтер* и *майдановец*) – проплаченный участник акций протеста. Майдан стал производной основой для образования ряда глаголов: *майданить* (участвовать в акциях протестов), *обмайданить*, *отмайданить* – обмануть, отсюда выражение *не дать себя обмайданить* – «не дать себя обмануть», *майдануться* – свихнуться, сойти с ума; причастий *обмайданенный*, *отмайданенный* – обманутый, существительного *обмайданивание* (избирателей) – обман, *Майданек* – паронимической связи между словом *майдан* и нацистским концлагерем *Майданек*:

На мой взгляд, превентивный ввод российских миротворцев не состоится лишь в одном случае – если обмайданенные националисты-западники и примкнувший к ним молодняк отыграют назад. Тогда отмайданенная ими, но подавляющая часть населения братского государства очнётся и станет способна вернуть внутривосточные процессы в разумное русло. И судя по всему, очнувшихся на Украине становится всё больше (Региональное информационное агентство РИА56,

06.03.2014); *В Литву, Латвию и Эстонию российские войска не входили и ничем им не угрожали, однако все три прибалтийских карлика благополучно вступили в Северо-Атлантический блок ещё в 2004 году. Что помешало бы сделать это **обмайданенной** Украине даже без потери Крыма? Ничего, кроме очевидного нежелания Вашингтона и Брюсселя это сделать, по причине, прежде всего, зашкаливающих расходов, помноженных на беспредельную коррупцию (АПН Северо-Запад, 23.04.2014); Когда «онижедети» **майданулись** до зигования и свастик – мне окончательно стало ясно: Украина не состоялась, это страна самоубийц, надо защищать свою, настоящую страну, русский Донбасс (Свободная пресса, 06.12.2015); **От Майдана к Майданеку**. Почему «евроинтеграторы» в Одессе сожгли живьем несколько десятков горожан (МК, 05.05.2014).*

Отрицательное восприятие киевского Майдана отразилось в создании выражения *Майдан головного Мозга*. Первое его употребление зафиксировано на Yandex 23.11.2014 в украинском русскоязычном издании «КП в Украине»: *Пора на Луркморе (аналог Википедии, энциклопедия "падонковского" языка) вводить термин "Майдан головного мозга". Ребятушки, вас 2004-й не научил? Меня вот очень* (КП в Украине, 23.11.2014); первое употребление в российском издании «Свободная пресса» 10.02.2014: *Майдан головного мозга подобен компьютерному вирусу, поражающему мыслительные и дискурсивные способности своей жертвы, – вместо нормальной человеческой логики он инсталлирует свою, болотную логику, вместо обыкновенного чувства юмора вживляет свое, белоленточное, а на все информационные потоки в устройство ввода-вывода ставится особый майданный фильтр* (Свободная пресса, 10.02.2014).

Цикличность майдана проявляется в коллокации «Третий Майдан», автор которого Ю.Тимошенко. Политик предположила, что в Украине возможен очередной протест, в случае если власть не выполнит своих обещаний: *Юлия Тимошенко, как бы ее ни оценивали, никогда ничего зря не говорит. Если она сказала, что будет **третий Майдан**, значит он будет. Уже не националистический и не проевропейский, а социальный. Цены растут, безработица растет, олигархи совсем оборзели – надо снова революцию делать* (МК, 27.06.14).

Широкое употребление лексемы *Майдан* привело впоследствии к расширению его значения, что проявилось в процессе апеллятивации – превращению топонима в имя нарицательное: *Майдан* (площадь в центре Киева) – *майдан, майданы* (любое протестное движение, в том числе за пределами Украины). Эта лексема используется для номинаций региональных майданов в Украине и протестных акций за пределами Украины. Так появились коллокации *киевский, харьковский, одесский (Евро)майдан, Кредитный, Финансовый майдан* – общественное движение, направленное на решение вопроса валютных заемщиков в Украине, неологизм «*Электромайдан*» для обозначения протестных акций в Ереване против повышения цен на электроэнергию, «*Амфетаминовый майдан*», «*Наркомайдан*» – протесты в Тбилиси в мае 2018 за легализацию наркотиков, *болотный майданчик* – серия антиправительственных протестов в России на «Болотной площади» в 2012 году:

По похожему сценарию закончились и немногочисленные "евромайданы", проходившие последнюю неделю в Херсоне, Николаеве и Одессе (РГ, 03.03.14); Если требования митингующих не будут услышаны, протестующие поселятся возле Нацбанка и устроят новый «Майдан», заверила лидер движения «**Кредитный майдан**» Татьяна Руденко. Она напомнила, что президент Украины Петр Порошенко в предвыборной речи обещал пересмотреть условия валютного кредитования (Snob.ru, 09/10/14); Тбилиси охвачен волнениями – эксперты заговорили о возможности новой грузинской революции. Но если она и произойдет, то станет настоящей пародией на события 2003 года, которые привели к власти Михаила Саакашвили [...]. Случайно ли Саакашвили вдруг снова «выскочил из кустов» на фоне «**амфетаминового майдана**»? Видимо, не случайно, особенно если учесть, что в партии сторонников легализации наркотиков «Гирчи» состоит много бывших членов Национального движения – партии Саакашвили (МК, 14.05.18); В итоге «**Наркомайдан**» продолжил свои выступления возле здания парламента на проспекте Руставели, в то время как ультраправые ушли митинговать в соседнем Лондонском парке (Федеральное агентство новостей, 14.05.18); Но и кроме Анкары там достаточно большое количество желающих: и США активизировались, также можно говорить о выигрыше Саргсяна в отношении армянско-американской диаспоры. Потому что армянская диаспора в Штатах достаточно мощна, она проамериканская и по большому счету «**электромайдан**» в Ереване устраивала именно она, – рассказал Коктыш (Газета.ру, 18.11.2016); В Прибалтике готовятся к "**майданам**": власти без раздумий пустят в ход БТР с пулеметами? (Накануне, 16.12.2015); Слезоточивый газ и президент. В США появился свой **майдан** в пригороде Сент-Луиса...Хозяина Белого дома никто не послушался, а беспорядки вспыхнули с новой силой. Видимо, "подвиг" майдановцев, о чем подробно рассказывали американские СМИ, не дает покоя жителям Фергюсона (РГ, 18.08.14); В декабре 2012-го Россия уже была на грани «**майдана**»: но тогда «этаким **болотный майданчик** удалось приостановить, реализовав свое гражданское право» (НГ, 16.03.2014); В апреле жители поселка Кармановский пригрозили властям устроить **майдан**. С дымом на всю Ярославскую область (НГ, 11.05.14).

Композит *МихоМайдан* возник в связи с проведением антиправительственных протестов возле Верховой Рады, возглавляемой экс-губернатором Одесской области Михаилом Саакашвили в октябре 2017 года, от сокращенного имени Михаил (первое употребление зафиксировано в Yandex 6.12.2017): *Рано утром 6 декабря полиция устроила столкновения с протестующими сторонниками Михаила Саакашвили в палатках и захватила часть лагеря [...]. Так, около 6 утра правоохранители атаковали крайние палатки на **Михомайдане*** (Strana.ua, 6.12.2017).

Как можно заметить, лексема *Майдан* обладает высоким словообразовательным потенциалом. Освоение данного понятия проявилось в активном наполнении словарного гнезда «Майдан», в языковой игре, в ассоциативных связях. Новые слова

образовались по продуктивным словообразовательным моделям – аффиксальным способом и словосложением.

К новообразованиям исследуемого периода относятся также производные от топонимов коллокации, появившиеся в результате международного посредничества в урегулировании российско-украинского противостояния: *Женевские соглашения* (*Женевское заявление*), *Минские соглашения* (*Минские договоренности*), *Нормандский формат*, *Нормандская четверка*, *нормандская контактная группа* (участники Нормандского формата). Данные словосочетания образованы от названий мест подписания международных соглашений. Наиболее активным топонимом оказался *Минск*, что проявляется в наибольшем количестве образованных от него коллокаций: *Минские соглашения* [33], *Минские договоренности* [48], *Минский протокол* [25], *Минский меморандум* [9], *Минский план* [18], *Первое Минское соглашение* [8], *Второе Минское соглашение* [7], *Минский мирный процесс* [5].

Отличительной характеристикой вышеуказанных коллокаций является хронологическая устойчивость их значения: *Генсек НАТО ждет от Киева выполнения Минских договоренностей* (РГ, 03.12.2014); *Переговорный марафон “нормандской четверки” в Минске оставил открытым вопрос о статусе Донбасса и его будущем* (ГК, 16.02.2015); *ЛНР и ДНР обвинили Киев в пиаре и саботаже Минских соглашений* (ГК, 15.09.2019); *Савченко рассказала про обман Порошенко о выполнении Минских соглашений* (РГ, 19.10.2019).

Сравнив употребления в корпусе с образцом 2019 года (по данным поисковой системы Yandex), в структуре коллокаций были обнаружены те же семы: «соблюдение»/«несоблюдение», «договоренности», «мирное урегулирование», «статус автономных регионов».

4.5. Семантические неологизмы

Как уже было ранее отмечено, в новом социально-политическом контексте лексические единицы могут приобретать новые значения. В данном разделе будет произведен анализ наиболее популярных слов и выражений 2014 года³⁴⁰, образованных в результате семантической деривации: *вежливые люди*, *зеленые человечки*, *укроп* и *ватник*.

Преобразование свободного словосочетания *вежливые люди* в коллокацию (67 употреблений в анализируемом корпусе) объясняется реинтерпретацией прилагательного *вежливый*. «Вежливыми людьми» называли военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в военной форме без опознавательных знаков, которые в конце февраля – в начале марта 2014 участвовали в операции по присоединению Крыма. Компонент *вежливый* закрепился в связи с поведением военных: очевидцы отмечали, что люди в военной форме вели себя «очень вежливо»

³⁴⁰ Согласно рейтингам «Слово года» и «Словарь года».

с местным населением: *“Вежливые вооруженные люди”*, как называют их местные жители, проводят разъяснительную беседу, успокаивают население и передают продукты украинским бойцам (Силы самообороны Крыма контролируют воинские части, 03.03.14 // Телеканал 360⁰); В Крыму их тут же прозвали «вооруженные вежливые люди». Они действительно были вооружены пулеметами и даже гранатометами. Вели себя *вежливее* английского лорда – то есть не реагировали на оскорбления (РГ,06.03.14).

Ироничный эффект достигается благодаря взаимодействию между словарным и контекстуальным значением: ввиду того, что для номинации военных использовалось прилагательное с позитивной коннотацией *вежливый*, данную коллокацию можно рассматривать как эвфемизм. В семантической структуре словосочетания преобладают признаки: «вооруженные», «неизвестные», «молчаливые»: *Вежливые люди с оружием, вежливые люди с автоматами, «вежливые вооруженные люди», вооруженные люди в масках, вежливые люди в форме, вежливые военные люди без опознавательных знаков, вежливые молчаливые люди; Украинских солдат и офицеров необычно вежливо попросили освободить аэродром, после чего в рунете появился мем «вежливые люди»* (Рустория. 08.03.2014).

По данным поискового ресурса Yandex, первое употребление «вежливые люди» было зафиксировано 28 февраля 2014 года сразу в нескольких интернет-изданиях в связи с захватом аэропорта в Симферополе военными неизвестного происхождения: *Ближе к ночи неизвестные вежливые люди, смутно похожие на сотрудников спецподразделений, заняли крымские аэродромы. Был захвачен Симферопольский аэропорт и заблокирован выезд с севастопольского военного аэродрома "Бельбек". Крымские блогеры приводят подробности и фотографии вежливых людей; Между тем в окрестностях Севастополя заблокирован аэровокзал «Бельбек», принадлежащий украинской армии. Вооружённые вежливые люди в касках и бронежилетах занимают территорию военной части*³⁴¹.

Существует также предположение, что автор выражения – блогер «Живого Журнала» Борис Рожин, который опубликовал в конце февраля пост под названием «Вежливые люди захватили 2 аэродрома в Крыму»³⁴². В данной публикации журналист иронично употребил наречие *вежливо*: *Касательно того, кто эти люди, которые вежливо занимают крымские аэродромы, Советы Министров и Верховные Советы, то как не трудно догадаться, речь идет об армейских специальных подразделениях; «Примерно в час ночи захвачен аэропорт Симферополя – теми же людьми. С оружием, крепкие, в такой же одежде. Начальник охраны сообщил, что его людей вежливо попросили выйти», – сказал собеседник агентства*³⁴³. Позже

³⁴¹ «События в/на Украине», 28.02.14 // АПН (Агентство политических новостей): электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.apn.ru/news/article31149.htm> (дата обращения 06.08.2019); Украина: «Киев пытается заменить командование армии чтобы усмирить Крым», 28.02.14 // Однако: электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/ukraine-vezhlivie-lyudi-v-kremle-i-v-krimu-i-nervnie-v-kieve/> (дата обращения 06.08.2019).

³⁴² Colonel Cassad: Рупор тоталитарной пропаганды: Живой Журнал: электронный ресурс. Режим доступа: <https://colonelcassad.livejournal.com/1440088.html> (дата обращения: 19.09.2019).

³⁴³ Там же.

автор прокомментировал, что слова, случайно попавшие в заголовок поста, превращаются в мемы³⁴⁴.

Анализ фактического материала показывает, что со временем, в силу иронического употребления, слово *вежливый* приобрело прямо противоположное значение – «грозный», «опасный», «вооруженный». Например, в публичном выступлении президента России прозвучали следующие слова: *Наша армия – современная, боеспособная. Как сейчас говорят, вежливая но грозная. Для защиты нашей своды у нас хватит и сил, и воли и мужества* (Послание президента Федеральному собранию, 4 декабря 2014). В другом контексте *вежливый* сочетается с прилагательным *суровый*: *Если сосед навязывает нам свое ограниченное господство, его улыбку встретит наша вежливая, но суровая враждебность* (ГК, 07.07.2014). Таким образом, наблюдается процесс энантиосемии (внутрисловной антонимии) – способность слова или словосочетания выражать антонимические значения.

Общественный резонанс, вызванный крымскими событиями, придал выражению *вежливые люди* символический характер: появились наклейки, футболки и т.д. с изображением российских военных, была зарегистрирована торговая марка, а само понятие превратилось в своеобразный бренд. Об этом свидетельствует сочетаемость со словами *бренд, фирма, символика, товарный знак*: *Вскоре компания "Военторг" зарегистрировала товарный знак "Вежливые люди" и к 9 мая выпустила линию одежды с изображением военного в камуфляже. А управление культуры Минобороны инициировало запись гимна этим бойцам* (ГК, 27.02.2015); *А наряду с российской полицией и московскими секьюрити, специализирующимися на охране звезд, на фестивальных мероприятиях можно было увидеть господ с символикой "Вежливые люди", больше похожих на обычный ЧОП и явно чувствующих себя хозяевами положения* (ГК, 18.06.2014); *И появляются бренды, брендики, вот вы идете под руку с молодым человеком, который купил костюм от фирмы "Вежливые люди", а в руке он держит воду "Слезы сепаратиста", представляете себе? А у вас футболка, на которой написано "Зеленые человечки" и портрет Путина, что это такое?* (ГК, 01.08.2014).

В связи с эвфемистическим переосмыслением прилагательного *вежливый* появились новые коллокации. Например, на волне патриотического подъема, связанного с присоединением Крыма, была создана так называемая «*Вежливая азбука*», которая включала слова, касающиеся крымских событий: *У окна – знаменитая "Вежливая азбука", недавно растиражированная среди интернет-пользователей (буква "В" – вежливый человек, как называли российских военных в Крыму, и т.д.)* (ГК, 07.07.2014). Словосочетание *Вежливый Крым* актуализирует качественные перемены в жизни полуострова после вхождения в РФ: *Еще одним словом года я бы назвал бренд "Вежливый Крым". Это не только символ крымского гостеприимства, но и знак качества, которым мы отмечаем работу предприятий, организаций туристической сферы и других отраслей* (ГК, 26.12.2014). Также было зафиксировано использование суперлатива *самый вежливый из людей* (про Путина):

³⁴⁴ Вишневская, М.А. *Словарь перемен*. Москва, Три квадрата, 2015. С. 48.

В ноябре 2014 года директор «Военторга» Владимир Павлов заявлял, что компания запатентовала бренд «Вежливые люди». Это случилось через месяц после того, как в московском ГУМе стартовала продажа футболок и толстовок с изображением главы государства и различными слоганами, такими, как «**Самый вежливый из людей**» (ГК, 05.03.2015). После установки памятника российским военным, участвующим в присоединении Крыма, появилось трансформированное сочетание *памятник вежливому солдату* (по аналогии с *памятник неизвестному солдату*): В среду, 6 мая, в Белогорске состоялось открытие **памятника Вежливому солдату** (ГК, 07.05.2015).

Семантическая трансформация прилагательного *вежливый* прослеживается на примерах его лексической сочетаемости со словами семантического поля «армия» и «военные действия» (*вежливый захват, вежливые вооруженные люди, вежливые военные люди, вежливая армия, вежливые броневики*): Один из корреспондентов “Ъ” стал свидетелем «**вежливого**» захвата воинской части А2409 бахчисарайского автобатальона, где в течение нескольких часов украинские военные переприсягнули на «верность народу Крыма» (ГК, 18.03.2014); Наши военные обеспечили безопасные условия волеизъявления людей, проживающих на полуострове. Они безукоризненно справились со своей задачей. Как сказал наш президент, наша **армия** не только современная, но и **вежливая**. Я считаю, именно такой образ запечатлен в этом памятнике”, – заключил господин Козлов (ГК, 07.05.2015); Смотрите, на наших глазах родилось словосочетание “вежливые люди”, до этого, оказывается, это были “**вежливые броневики**” (ГК, 30.04.2015).

Данные коллокации указывают на то, что вежливость интерпретируется как поведение военных, в следствии чего утрачивается первоначальный смысл слова. В контексте крымских событий в семантической структуре прилагательного *вежливый* появляется новое значение: добиться своего мирным путем, без единого выстрела и без единой капли крови: *Ночью группы «вежливых людей» вежливо заняли аэродромы в Севастополе и Симферополе, а через несколько часов так же вежливо извинились и уехали. Что это было, кто это был – пока неизвестно*³⁴⁵; *Вежливые люди без единого выстрела захватили полуостров Крым.*

Использование коллокации *вежливые люди* привело к расширению сферы ее употребления, появлению дополнительных коннотаций, употреблению в переносном значении и языковой игре. В следующих примерах можно наблюдать использование слова *вежливый* в контексте дипломатических отношений, коммуникации, автомобильного дела: *Министр уточнил, что представители РФ, «как вежливые люди», выслушают предложения Киева, хотя реальное обсуждение этого вопроса и невозможно без представителей самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР)* (ГК, 13.04.2015); *Заместитель министра связи и массовых коммуникаций Алексей Волин [...] выразил надежду, что у медиакомпаний*

³⁴⁵ План Путина прост: войны в Крыму не будет // *Newsland*, 01.03.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <http://newsland.com/community/politic/content/plan-putina-prost-voiny-v-krymu-ne-budet/2557888> (дата обращения 18.09.2019).

появятся свои **“вежливые люди”**, которые будут наносить визиты особо злостным пиратским ресурсам (ГК, 13.10.2014); **Вежливые люди**: как изменилось требование к экзаменаторам ГИБДД (ГК, 01.05.2017); **Вежливые люди** – наряду с “Армия России” популярная наклейка на автомобиль. Вероятно, она сообщает о том, что в салоне находятся люди, способные **вежливо** взять под контроль если не объект, то хотя бы ситуацию (ГК, 16.02.2015).

Примеры языковой игры с прилагательным *вежливый* наблюдаются в трансформациях в заголовочных комплексах: **Невежливые люди** (о создании российских коммерческих войск) (ГК, 10.11, 2014); **Чужой среди вежливых: Татьяна Алешичева о сериале «Оккупированные»** (20.11.2015) (трансформация названия фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих»).

Употребление коллокации послужило стимулом к трансформации пословицы «смелость города берет» в «вежливость города берет»: **“Вежливость города берет”**. Интернет-мем “вежливые люди” станет брендом. Товарный знак с таким названием пытается зарегистрировать “Военторг” (МК, 17.04.2014).

В результате активного обсуждения крымских событий, коллокация *вежливые люди* подверглась морфологическим трансформациям. Например, произошло расширение ее структуры путем введения дополнительных компонентов: «вооруженный», «молчаливый», или же наоборот – сужение путем аббревиации, как в следующих примерах: *Ни слова не говоря, выставили оцепление. Ни знаков различия на петлицах, ни номеров на машинах не было. В Крыму их тут же прозвали “вооруженные вежливые люди”*. Они действительно были вооружены даже пулеметами и гранатомерами (РГ, 06.03.14); *Однако для подавляющего большинства крымчан эти военные – “зеленые человечки”*. Именно такой термин придумали жители полуострова для невесть откуда взявшихся солдат и офицеров, которых российские пиарщики настойчиво предлагают именовать **“вежливыми вооруженными людьми”**. **ВВЛ** (это сокращение также можно встретить в СМИ) действительно подчеркнуто вежливы с мирным населением (ГК, 10.04.14). Наблюдается также процесс парцелляции: *Это была полноценная и крупная по нынешним российским меркам военная операция, пусть и не “боевая” в полном смысле этого слова. И главным было не то, насколько “вежливыми” были те “люди”, а то, как они делали свое дело* (ГК, 26.12.2014).

Для обозначения российских военных использовалось синонимичное выражение *зеленые человечки* [27]. Впервые выражение *зеленые человечки* в значении «российские военные» появилось на портале Yandex 27 февраля 2014 года: *Откуда здесь возьмутся олигархи, что вкладываются в политическую альтернативу, как под носом у Лукашенко сформируется некий аналог «Правого сектора» (варианты: высадится десант зеленых человечков, прилетят истребители НАТО)*³⁴⁶. Оно образовано по модели метонимического переноса: в основу номинации лег цвет камуфляжной формы военных без различительных знаков: *Всю неделю в Донецке*

³⁴⁶ «Расстрелять аналитиков именем революции!» // *Наша нива*, 27.02.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://nn.by/?c=ar&i=123579&lang=ru> (дата обращения 23.03.2019).

говорили о «крымском сценарии» – когда вслед за неубедительными попытками местного населения захватить органы власти приходят «зеленые человечки» и обеспечивают успех переворота (НГ, 11.04.14); Если на востоке Украины начнет выполняться крымский сценарий «народного волеизъявления» под наблюдением «зеленых человечков», то США готовы немедленно ввести экономические санкции (НГ, 11.04.14).

Коллокация *зеленые человечки* породила ряд окказионализмов. Например, на основе того же метонимического переноса был создан окказионализм *черные человечки*: Семенченко утверждает, что создание батальона «Донбасс» – это его личная инициатива. И ни «Правый сектор», ни Коломойский ему не помогли. Однако все отчетливо помнят, что еще до появления «**черных человечков**» Семенченко в начале апреля о создании батальона «Донбасс» заявил Дмитрий Ярош (МК, 02.06.2014). «Черными человечками» по аналогии называли бойцов украинской армии одетых в черную форму, воюющих на Донбассе. Бойцы не имели отличительных знаков, название было дано по цвету их формы. Данное словосочетание, несмотря на свою образность и экспрессивность, не получило широкого распространения и осталось в разряде окказионализмов.

Функционирование двух синонимичных коллокаций привело к их контаминации: **Вежливые** и молчаливые «**зеленые человечки**» вызывают у крымчан страх перемен, которых они так боятся и от которых готовы бежать сломя голову (ГК, 10.03.14); Впрочем, заместитель главы правительства Крыма г-н Темиргалиев тут же напомнил о присутствии в Крыму «**вежливых зеленых человечков**, как их многие называют, любя», которых, если что, «остановить будет невозможно» (НГ, 21.03.2014). В данном случае усиливается ироничный эффект.

Одновременное функционирование выражений «*вежливые люди*» и «*зеленые человечки*» объясняется тем, что новое событие получает широкое освещение и множество интерпретаций в масс-медиа. Появление двух «конкурирующих форм», по утверждению Адамо и Делла Валле приводит к тому, что с течением времени одна форма вытесняется другой³⁴⁷. Однако, проведенный нами анализ эмпирического материала позволяет не согласиться с авторами: одна форма не вытесняется, а наоборот дополняется другой. Это проявляется не только в контаминации форм, но и в отличии их прагматических функций, коннотаций и стилистической маркированности.

В семантической структуре коллокации *вежливые люди* преобладает сема «манера поведения» и «личностные качества» («вежливость», «спокойствие», но в то же время «строгость», «суровость»). Выражение *вежливые люди* имеет патриотический смысл (открытие памятников вежливым людям в разных городах России, основание праздника – Дня вежливых людей, сочинение гимна, появление

³⁴⁷ Adamo, G., Della Valle, V. *Che cos'è un neologismo?* Roma, Carocci editore, 2017. P. 23.

торговой марки, распространение слоганов), что превратило его в «мем федерального значения»³⁴⁸.

В семантической структуре *зеленые человечки* преобладает ироничное значение, а дифференциальным признаком является неизвестное происхождение военных. Употребление данного выражения объясняется авторской интенцией: оно использовалось в тех контекстах, когда нужно было создать некий ироничный или комический эффект: *Чудеса в Крыму. «Зеленые человечки» скоро превратятся в российских военнослужащих* (НГ, 12.03.2014); *Зеленые человечки в одночасье вернут свое истинное обличье и обернутся российскими спецназовцами* (НГ, 12.03.2014). Предположительно иронический эффект объясняется также другим значением этой коллокации: «Зеленые человечки» (“Little Green Men”) – название эпизода сериала «Секретные материалы», посвященного темам инопланетян и сверхъестественных явлений. Очевидно, сравнивая военных без опознавательных знаков с представителями иных цивилизаций, авторы достигают комического эффекта.

Вполне закономерно, что словосочетание «*вежливые люди*» превалирует в правительственных СМИ, а *зеленые человечки* – в оппозиционном («зеленые человечки»: 14 употреблений суммарно в трех правительственных газетах и 13 употреблений в «Новой газете»; «вежливые люди»: 65 употреблений суммарно в правительственных изданиях и 2 употребления в «Новой газете»).

В результате семантического сдвига образовалось уже рассмотренное в предыдущих главах слово *укроп* и популярная лексема *ватник* (уничижительный термин для обозначения русских). В первом случае имеет место семантическая деривация посредством метафоры: проекция со сферы «растение» на сферу «национальная принадлежность». В основу номинации положен признак «маловажный», «незначительный» (укроп – растение, не имеющее большой ценности). Называя противника укропом, осуществляется занижение его авторитета, так как сравнение с растением лишает объект номинации человеческой сущности.

Своеобразным ответом украинцев на уничижительный термин *укроп* стало употребление слова *ватник*. В основу номинации положен механизм метонимического переноса: одежда для наименования человека, который ее носит (ватник – стеганная куртка с утеплителем на основе ваты, популярная в качестве рабочей спецодежды в СССР). Слово использовалось для названия пророссийски настроенных украинцев, ностальгирующих за СССР, поддерживающих отсоединение от Украины восточных областей и Крыма, но не воюющих за это. Ватниками называли также россиян, безоговорочно верящих антиукраинским СМИ. В этом смысле оно может считаться аналогом термина «совок» для оскорбления патриотов России³⁴⁹:

³⁴⁸ Первый в новейшей истории «мем федерального значения» // *Газета.ru*, 07.05.2014: электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2014/05/07_a_6020477.shtml (дата обращения 19.03.2019).

³⁴⁹ Жаботинская, С.А. *Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан-антимайдан: Словарь-тезаурус лексических инноваций*. Киев, УАКЛиП, 2014. С. 62-63.

*В дебрях социальных сетей, блогов и прочих интернет-площадок не первый год живет образ («мем» на электронном жаргоне) **Ватника** – квинтэссенции русофобских стереотипов. Заштопаный, помятый, в валенках, с подбитым глазом, он клеймит «пиндосов», гордится «победой дедов» в Великой Отечественной, восхваляет Путина и параллельно, конечно, не прочь «накатить». **Ватник** пользуется большой популярностью у прозападно настроенных участников нескончаемых политических интернет-баталлий – нет лучшего способа оскорбить оппонентов-патриотов России (МК, 30.03.14).*

Сами россияне относятся к этому термину с самоиронией и воспринимают его как синоним слова «патриот». Доказательством этого был популярный в российском медиапространстве мем с изображением советского солдата в ватнике с надписью: «Назови меня ватником. Заставь меня гордиться!»³⁵⁰.

В отличие от социальных сетей, где слово *ватник* использовалось как инструмент самоиронии, в исследуемых нами периодических изданиях оно употреблялось в контекстах, где анализировалось состояние современного русского языка. Авторы – лингвисты или журналисты – анализируя появление в лексиконе носителей языка данных слов, отмечали, что они способствуют разжиганию вражды между русскими и украинцами: *Претенденты же на победу в номинации “Антиязык” оказались столь же многочисленны, сколь и отвратительны: “укропы”, “ватники”, “колорады”, “пиндосы”... Доверие и толерантность говорят на своем языке, вражда и ненависть – на своем (РГ, 18.12.2014, интервью с Гасаном Гусейновым); Вооруженное противостояние на Украине сопровождается еще и словесной перестрелкой. С западной стороны раздается: “колорады”, “ватники”, “даунбасс”... С юго-восточной – “укропы”, “свидомиты”... Эта баррикадная лексика – порождение сегодняшней украинской реальности (РГ, 18.12.2014); Как все-таки геополитические события влияют на наш словарный запас. Кто еще год назад мог представить, что слово «ватник» будет употребляться вовсе не по отношению к предмету одежды, а укроп из обычной зелени «дорастет» до обозначения украинца, поддерживающего новую власть и ориентацию на Запад? (МК, 26.07.15).*

Лексемы *укроп* и *ватник* являются примером народного словотворчества, они возникли в социальных сетях при обсуждении пользователями ситуации сложившейся в Украине, и лишь потом попали на страницы газет. Образность, лежащая в основе этих лексем, стала причиной их популярности.

4.6. Актуализированная лексика

Источником обновления лексики может быть не только появление новых номинативных единиц, но и перемещение слов от периферийных участков языковой

³⁵⁰ Там же.

системы до ее центра. Проблема функциональной мобильности языковых единиц разрабатывается Какориной³⁵¹, Земской³⁵², Крысиным³⁵³, Складневской³⁵⁴, Загоровской³⁵⁵, Стернином³⁵⁶ и др. и терминологически обозначается как «актуализация лексики» или «актуализированная лексика».

Под термином «актуализированная лексика» подразумеваются лексические единицы, повысившие в исследуемый период свою функциональную значимость и частотность употребления вследствие актуализации обозначаемых ими понятий и явлений (об этом работы Стернин³⁵⁷; Загоровская 2001³⁵⁸).

Например, в исследовании масс-медийного дискурса перестроечного периода была обнаружена тенденция к перемещению слов из периферийной зоны системы языка в центральную, что повлекло к трансформациям их лексической семантики и сочетаемости, а также к изменениям их стилистического статуса в языке. В частности, была отмечена актуализация дореволюционной лексики (*дума, губернатор, губерния, земство, гимназия, лицей* и т.д.), не использовавшейся в советские времена³⁵⁹. На рубеже XX-XXI века отмечаются процессы актуализации лексики, длительное время находившейся в разряде низкочастотной, но понадобившейся в новых социально-политических условиях: *грех, милосердие, благотворительность, богочеловек и др.*³⁶⁰.

Как видно, лексические историзмы функционируют как единицы, заполняющие референциальные лакуны в процессе номинации новых реалий современной действительности или в процессе интерпретации политической, социальной или духовной жизни общества. Актуализация периферийного слоя лексики объясняется тем, что некоторые слова в определенную эпоху оказываются более коммуникативно пригодными и адекватными для отражения историко-значимых общественных перемен данной эпохи. В условиях частой повторяемости и регулярного

³⁵¹ Какорина, Е.В. *Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (трансформация семантико-стилистической сочетаемости)*: автореф. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Москва, 1992; Какорина, Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // *Русский язык конца XX века (1985-1995)* / В.Л. Воронцова и др.; под ред. Е.А.Земской. Москва, Языки русской культуры, 1996. С.86-89.

³⁵² Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX века (1985-1995)* / Л.В. Воронцова и др.; под ред. Е.А. Земской. Москва, Языки русской культуры, 1996. С.90-141.

³⁵³ Крысин, Л.П. *Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии*. Москва, Знак, 2008; Крысин, Л.П. (отв. ред.). *Современный русский язык. Система – норма – узус*. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. Москва, Языки славянских культур, 2010.

³⁵⁴ Складневская, Г.Н. Предисловие // *Толковый словарь современного русского языка XX века*. Языковые изменения. СПб., 1998. С. 4-12.

³⁵⁵ Загоровская О.В. Основные процессы в развитии русской лексики на рубеже XX-XXI вв. // *Проблемы русистики на рубеже XX-XXI вв.* Воронеж, 2001. С.5-24.

³⁵⁶ Стернин, И.А. *Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX-начала XXI века*. Воронеж, 2004.

³⁵⁷ Там же, с.50-53; Стернин, С.А. *Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века*. Туапсе, 2000.

³⁵⁸ Загоровская О.В. Основные процессы в развитии русской лексики на рубеже XX-XXI в. // *Проблемы русистики на рубеже XX-XXI вв.* Воронеж, 2001. С.5-24.

³⁵⁹ Какорина, Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // *Русский язык конца XX века (1985-1995)* / В.Л. Воронцова и др.; под ред. Е.А.Земской. Москва, Языки русской культуры, 1996. С.86-89. С.67- 68.

³⁶⁰ Стернин, И.А. *Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX-начала XXI века*. Воронеж, 2004. С.51.

использования слова в масс-медиа, изменяются его семантические, стилистические, сочетаемостные и оценочные характеристики.

Итак, мы будем рассматривать данное явление как существующую в языке лексику, которая ранее функционировала в языке, но в силу актуальности обозначаемых ею понятий, претерпела изменения количественного, стилистического и семантического характера. В связи с этим, ставится задача определить, к каким историческим прецедентам обращались авторы масс-медийных текстов при интерпретации украинских событий с последующей идентификацией коммуникативно-прагматических функций, которые данные лексические единицы выполняли в дискурсе.

К словам, которые начали активно использоваться как реакция на социально-политическую обстановку в Украине, можно отнести имя собственное *Новороссия*. Исторически так называли территории Северного Причерноморья, присоединённые к Российской империи в результате русско-турецких войн во второй половине XVIII века. Термин употреблялся до начала XX века, однако после вхождения этих земель в состав СССР регион в целом стали именовать «Южной Украиной» или «Северным Причерноморьем»³⁶¹. Спустя век это слово снова прочно вошло в активное употребление, правда, приобретя новое значение.

В современном значении *Новороссия* (*Конфедеративная Республика Новороссия, ДЛНР*) – объединение самопровозглашенных республик ДНР и ЛНР, объявивших о своей независимости от Украины. В газетном корпусе зафиксировано 131 употребление слова: *Кроме того, на юго-востоке идет борьба за полное отделение – уже было провозглашено, что ДНР и ЛНР создадут конфедерацию под названием **Новороссия*** (МК, 26.06.2014); *Мы должны активнее собирать гуманитарную помощь для **Новороссии**, – заявил Рашкин на пресс-конференции. – Мы уже отправили 1200 тонн продуктов, медикаментов и одежды* (МК, 18.08.2014). По аналогии с историческим событием, в основу семантической структуры слова легла сема «присоединение». Активное употребление лексемы Новороссия повлекло к образованию деривата *новорос* (житель Новороссии), которым обозначались жители данной территории: *Путин на днях и сам поминал **новороссов**. В ходе «Прямой линии» он невзначай заметил, что данный регион по сути украинским никогда не был, лишь в 1920-е годы с подачи большевиков эти области перешли к СССР* (МК, 21.04.2014).

В процессе актуализации лексических ресурсов для описания украинского кризиса имеет место «реанимация» лексики Великой Отечественной Войны. Отсылки к событиям ВОВ наблюдаются в следующих словах и коллокациях: *ополченцы, ополчение, каратели, крымфронтовцы*³⁶², *бандеровцы, фашисты, нацисты, карательные батальоны, карательные отряды, народное ополчение*. От военного термина *котел* (полное окружение больших групп войск войсками противника) были образованы коллокации *Илловый котел* и *Дебальцевский котел*. В основу

³⁶¹ *Public.ru*: электронный ресурс. Режим доступа: https://www.public.ru/press_slovo_2014/ (дата посещения 13.03.2018).

³⁶² Слово *крымфронтовцы* образованно от «Крымский фронт» – военное формирование на территории Крымского полуострова, воевавшее против немецкой армии во время Великой Отечественной Войны.

номинации легли названия населенных пунктов, где происходили самые ожесточенные военные действия (по аналогии со *Сталинградский котел*, *Вяземский котел*, *Киевский котел*, *Уманский котел* и пр.).

Отсылка к событиям Великой Отечественной Войны прослеживается и в коллокации *Одесская Хатынь*, созданной для номинации трагедии, произошедшей 2 мая 2014 года в Одессе. Коллокация построена на исторических параллелях с событиями 1943 года, когда от рук немецких карателей погибло 149 жителей белорусской деревни. Проведение исторических параллелей между украинским кризисом и трагическим моментом ВОВ имеет сильный воздействующий потенциал, а также имплицитно сравнивает действия проукраински настроенных участников инцидента с преступлением немецких карателей: *Так называемая "Одесская Хатынь" случилась более четырех месяцев назад. В деле по-прежнему нет ни обвиняемых, ни осужденных* (РГ, 08.09.2014); *Именно от таких "господ" исходил заказ на "бучу" в городе-герое Одессе. Планировали разогнать лагерь антимайдановцев, а умертвили 46 человек. Стреляли по тем, кто задыхался и высовывался из окон. Обливали еще живых бензином и поджигали. Цинизм тех, кто совершил эту Хатынь 21-го века, потрясает* (РГ, 22.05.2014).

Характерным для масс-медийного описания украинского кризиса является возвращение в актив медиатекстов советской лексики, например, *«враг народа»*, *«красная угроза»*, *«холодная война»*, *агенты запада*, *запрещенка*: *Предложение вернуть понятие "враг народа", даже с аргументами в пользу римского права, но, учитывая историю нашей страны, это тоже, знаете* (РГ, 10.12.2014); *Самый яркий пример – отношения к событиям на Украине и моментальное превращение любимого народом музыканта во «врага народа». Но не он один попал под этот шквал резких оценочных суждений. «Врагами народа» становятся друзья, знакомые, родственники, даже супруги* (МК, 19.09.14). Возвращение в употребление выражения *«враг народа»* демонстрирует ситуацию поляризации российского общества, разделившего его членов по идеологическим предпочтениям.

Метафорическое выражение *«красная угроза»*, появившееся и использовавшееся западными, особенно американскими СМИ после Октябрьской революции 1917 и в 40-50-х годах XX века, в современных российских масс-медиа актуализирует стереотипное представление России в глазах западного мира: *«Шокирующие» снимки (да, у России есть армия), видимо, были использованы Бريدлавом, чтобы подхлестнуть внимание СМИ к собственной персоне и еще раз поиграть на встроеном в генетическую память западного обывателя страхе «красной угрозы»* (МК, 11.04.2014).

Выражения *холодная война* активировалось с началом реакции стран Запада на присоединение Крыма и усилилось после введения санкций (40 употреблений в корпусе): *25 лет падения стены. Много было достигнуто. Россия даже была недалеко от отмены визового режима. И теперь новая стена отчуждения. Куда заведет это похолодание, эта новая холодная война?* (ГК, 18.12.2014); *Киссинджер выразил неприятие санкций против России. Он жестко осудил введение санкций*

против отдельных лиц и не исключил опасности новой *холодной войны* (РГ, 12.11.2014). Характерно, что выражение *холодная война* сопровождается прилагательным *новая*, существительными *возвращение*, *возрождение*, *повторение*, *перспективы*, глаголом *вернуться*, наречием *вновь*, которые эксплицируют возобновление напряжения между Россией и НАТО.

Наследием советских времен является и лексема *запрещенка*. Раньше она использовалась для названия запрещенных к публикации произведений литературы, искусства и публицистики. После введения, в августе 2014 года, продовольственного эмбарго на продукты питания из ЕС, слово начало употребляться для названия продукции, запрещенной к ввозу в Россию из ряда зарубежных стран. Мотивирующим признаком в процессе семантической деривации стала сема «запрет»: *Казаки – это бизнесмены, одетые в казачью форму. Казачьи патрули станут на защиту России от «запрещенки»* (ГК, 20.08.2015); *История с показательным сжиганием "запрещенки" произошла в Северной столице вскоре после выхода президентского указа об уничтожении санкционной продукции* (РГ, 24.11.2015).

Слово образовано по словообразовательной модели суффиксальной универбации³⁶³ («конденсация», семантическое стяжение), по аналогии с *наличка* – «наличные деньги», *молочка* – «молочные продукты») и имеет собирательное значение. Кроме языковой экономии имеет место, на наш взгляд, процесс «одомашнивания» – явление называется простым словом, удобным для постоянного повседневного общения, так как носители языка нуждаются в нем.

Одновременно с *запрещенка* появилось и слово-синоним *санкционка*, образованное от актуального слова *санкции* по той же словообразовательной модели. Следует отметить, что лексема *запрещенка* имеет более широкое значение, позволяет указать в целом на весь класс запрещенных объектов. Лексема *санкционка*, в отличие от своего синонима, представляет абсолютное лексическое новшество и имеет более конкретное значение – «санкционные продукты, продовольственные товары иностранного производства, запрещенная к ввозу в страну, наложившую санкции на страну-производителя»: *Магазин в Озерском районе продавал польскую "санкционку"* (МК, 05.02.2016); *Белоруссия стала главным реэкспортером санкционки в Россию* (МК, 27.01.2016).

Интересно отметить лингвистический прогноз филолога А. Ольховской, которая предполагает, что слово *запрещенка*, в силу своего смыслового объема, имеет больше шансов на укоренение в языке, нежели слово *санкционка*³⁶⁴. Указывая лишь на нечто запрещенное, дальнейшее функционирование данного слова *запрещенка* в языке всецело зависит от развития ситуации либо возникновения аналогичной ситуации в будущем.

³⁶³ Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [3-е изд.]. Москва, ЛКИ, 2007. С.9.

³⁶⁴ Филолог сравнил потенциальную популярность слов «запрещенка» и «санкционка» // *РИА Новости*, 06.08.2018: электронный ресурс. Режим доступа: <https://ria.ru/20180806/1525982141.html> (дата обращения 09.09.2019).

Интересным представляется факт «реанимации» словосочетания «поезд дружбы», получившего популярность в конце февраля – в начале марта 2014 года. Причиной его распространения стало заявление активиста украинской радикальной партии «Правый Сектор» Игоря Мосийчука о том, что в Крым будут направлены «поезда дружбы» с вооруженными сторонниками киевского майдана для силового подавления пророссийских протестов³⁶⁵.

Историческим прецедентом появления данной коллокации послужили события 1992 года, когда, организация УНА-УНСО (Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона) совместно со священниками украинской автокефальной православной церкви выехала на так называемом «поезде дружбы» на юг Украины (в том числе в Крым) для подавления там сепаратистских настроений.

В основу образования данного словосочетания легло ироничное употребление (*поезд дружбы* – поезд, на котором группа туристов приезжает в какую-либо страну в целях дружеского общения и взаимного обмена профессиональным опытом).

Существительное *дружба* используется в антонимическом значении, а существительного *поезд* имплицитно указывает на присутствие в нем большого количества угрожающих населению Крыма активистов: *Как-то поступила информация, что к нам едет из Львова «поезд дружбы», не с пустыми руками, конечно. Нам сообщили, что у них оружие. Мы готовили этому поезду торжественную встречу, но он пришел пустым* (МК, 05.03.14); *А боевики «Правого сектора» пообещали силой подавить пророссийские настроения Крыма. «Попытки разорвать территориальную целостность Украины будут жестко наказаны. Если власть на это не способна, то «Правый сектор» сформирует «поезд дружбы». Мы поедem в Крым», – рассказал в телеэфире экстремист Игорь Мосийчук* (МК, 25.02.2014); *Отмечалось, что в аэропорту Симферополя ситуацию контролируют силы местной самообороны. Они были сформированы, чтобы предотвратить прибытие в Крым радикальных элементов. "До них дошли слухи об угрозах направить сюда "Поезд дружбы" с вооруженными сторонниками киевского майдана, и понятно, что люди встревожены", – отметил Чижов* (РГ, 01.03.2014).

Таким образом, имеет место активация забытого, относящегося к пассивному пласту лексики словосочетания, оказавшегося коммуникативно востребованным на конкретном временном срезе. Воздействующий эффект коллокации достигается через создание в сознании адресата образа массовой угрозы, исходящей из Украины.

Отсылка к историческим событиям осуществлялась также посредством употребления прецедентных имен. В проанализированном нами корпусе, кроме наиболее популярного *Бандера*, были обнаружены личные имена *Махно*, *Петлюра*, *Мазепа* и производные от них:

³⁶⁵ «Правый сектор» отправит в Крым «поезд дружбы», 25.02.2014 // *Лента.ру*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2014/02/25/crimea/> (дата обращения 08.08.2019).

Вообще-то махновщиной те киевляне, которые устали от Майдана, называют "героев революции", по-прежнему удерживающих Крецатик и превративших его в палаточный лагерь (ГК, 26.05.14).

В поселке Коломак Харьковской области, где 330 лет назад украинские казаки выбрали своим гетманом Ивана Мазепу, сегодня появился еще один памятник этому историческому деятелю ... Выступавшие на торжестве проводили параллель между "мазепинцами", "петлюровцами", "бандеровцами" и теперешними "атошниками" (то есть участниками так называемой Антитеррористической операции на Донбассе) (МК, 22.07.2017).

Существительные *махновщина*³⁶⁶ и *петлюровщина* ассоциируются с периодом гражданской войны в Украине, начавшейся в 1918 году. Таким образом, они стали синонимами беспорядка и анархии и использовались как синонимы «Майдана».

Исторические параллели устанавливались также с помощью слова *Руина*, обозначающего тот же период гражданской войны:

В истории украинского народа случились уже три Руины. Третья происходит у нас на глазах. В ее контекст вписаны и президентские выборы в мае, после чуть притихших зимних майданов, и парламентские выборы в октябре, на фоне чуть примолкнувшей гражданской войны (РГ, 13.01.2015).

Итак, при описании событий в Украине, авторы масс-медийных текстов обращались к неблагоприятным моментам истории Украины – периодам войн, революций, анархических движений. Посредством переноса этих исторических фактов в современный контекст создавался образ недееспособных украинских политиков и слабого украинского государства.

Исходя из проведенного анализа можно констатировать следующие языковые явления при масс-медийной интерпретации украинского кризиса: появление новых лексем и фразеологических единиц, семантическая реинтерпретация уже существующих лексем, появление новой сочетаемости языковых единиц, возникновение дополнительных коннотаций в семантической структуре слова, активизация пассивных пластов лексики. Обращение авторов масс-медийных текстов к пассивному фонду языка позволяет активировать в сознании реципиента необходимые реакции, основанные на ментальных и образных ассоциациях с соответствующими историческими событиями.

Лексические новообразования российско-украинского противостояния отражают тенденции развития современного общественно-политического языка и языка СМИ: динамизм и открытость, раскрепощенность, ослабление «внутреннего цензора»,

³⁶⁶ Махновщина – массовое повстанческое движение крестьянства Украины возникшее в 1918 году во время гражданской войны и возглавляемое Нестором Махно. Петлюровщина – националистическое движение во время Гражданской войны в Украине, возглавляемое атаманом Симоном Петлюрой.

стремление к языковой игре и словотворчеству. Высокая словообразовательная активность, наблюдаемая в масс-медийных текстах, отражает реакцию языка на общественные изменения. Появление неологизмов в период социально-политического кризиса вызвано необходимостью поиска новых языковых знаков для номинации новых явлений (номинативная функция неологизмов), а также для выражения отношения к этому явлению (экспрессивная функция).

Источниками образования неологизмов выступают ключевые слова текущего момента. Их высокий словообразовательный потенциал проявляется в образовании словообразовательных гнезд. Словообразовательными основами для новообразований служат топонимы, которые ассоциируются с местом возникновения кризисной ситуации.

Большая часть неологизмов, появившихся в период украинского кризиса, образована на исконно-русской основе – из морфем русского языка по его словообразовательным моделям. Однако, имеют место и нетипичные для современного языка способы словообразования: превращение суффиксоида в аффикс, контаминация, превращение хештегов в слова и их слитное написание (как в случае «*крымнаш*»). Присутствие нетрадиционных словообразовательных моделей объясняется влиянием интернет-коммуникации. Язык социальных сетей и блогов, близкий к разговорной речи по своей спонтанности и свободе выражения, является благоприятной средой для появления новых слов, которые потом проникают в СМИ и тиражируются ими.

Выводы

В качестве рабочего в данном исследовании использовалось определение дискурса как речевой деятельности, рассматриваемой с точки зрения ее функций как социального действия, погруженного в социальный и исторический контекст.

Основополагающей категорией является понятие «политический дискурс», которое трактуется как совокупность высказываний субъектов политической деятельности в институциональном или опосредованном масс-медиа контексте, формирующих дискурсивное поле политики. Прагматическая установка политического дискурса на борьбу за власть соотносится с его регулятивной функцией, т.е. направленностью на адресата, ориентированием на изменение его сознания, мнений, установок и ценностей.

Применяемый в данном исследовании критический дискурс-анализ был направлен на выявление явных и скрытых способов осуществления власти в дискурсе. Стремление к власти конкурирующих политических сил проявляется в употреблении различных дискурсивных стратегий, направленных на принятие адресатом предложенной адресантом позиции. Борьба за власть разнородных политических сил делает политический дискурс наиболее благоприятной средой для осуществления манипулятивного воздействия.

Под манипуляцией понимается дискурсивное программирование общественного мнения, нацеленное на обеспечение выгодного манипулятору поведения. Проявлением манипулятивного воздействия в условиях социального конфликта является «язык вражды» – грубые, некорректные высказывания, способствующие групповой или национальной неприязни. Маркерами «языка вражды» выступают языковые средства, дискредитирующие политических оппонентов, акцентирующие негативные аспекты их поведения и личностные характеристики.

Воздействие в институциональном политическом дискурсе и в средствах массовой информации совершается посредством дискурсивных приемов – коммуникативных стратегий и тактик. Коммуникативная стратегия понимается как глобальный план совершения речевых действий, направленных на обеспечение оптимального воплощения коммуникативного намерения. Коммуникативная тактика интерпретируется как конкретное воплощение этого плана, совокупность коммуникативных приемов для реализации общей стратегии.

Исходным пунктом анализа стала идея о том, что дискурс не только отражает, но и воспроизводит реальность, конструируя ее согласно с интенциями его субъектов. Идеологическая неоднородность конкурирующих политических сил определяет множественность интерпретаций действительности и, следовательно, формирование разных видов дискурса, каждый из которых претендует на главенствующую роль в порождении смыслов.

Российский политический дискурс, соотнесенный с тематикой украинского вопроса, анализировался в двух формах его реализации – дискурсе власти и дискурсе оппозиции. Дискурс власти исследовался в его институциональном варианте – на

материале публичных выступлений президента, и в опосредованной масс-медиа форме, с использованием текстов российских правительственных и лояльных к правительству электронных версий газет.

Официальный политический дискурс России опирается на систему идеологических установок – патриотизм, защиту традиционных ценностей, историческую общность русских и украинцев, мобилизацию россиян против внешнего врага. В дискурсе власти создается такая версия действительности, в которой Украина предстает как несостоявшееся государство, ввергнутое в тяжелый политический кризис по вине враждебных к России стран. Роль России в этой ситуации – помочь Украине и отстаивать собственные интересы в «большой геополитической игре».

В пределах дискурса власти наблюдаются различия в моделировании ситуации «украинский кризис» в зависимости от институциональной или масс-медийной формы его реализации. Это различие определяется разным статусом участников политической коммуникации, контекстом, в котором происходит речевое взаимодействие и, прежде всего, целями коммуникантов.

В институциональном дискурсе субъект (президент) действует с целью легитимировать себя как авторитетного политика, действующего в интересах страны, способного выполнять делегированные ему полномочия. Поэтому он использует речевые стратегии, призванные сформировать его позитивный имидж (стратегия самопрезентации) и, в то же время, разрушить имидж оппонентов (стратегия дискредитации). Статус президента, как представителя интересов всего общества, обуславливает использование стратегий, направленных на консолидацию граждан через поднятие патриотических настроений и апелляцию к национальным и общечеловеческим ценностям.

Подконтрольные власти СМИ частично повторяют риторику президента, что проявляется в тенденции негативного изображения общественных процессов, происходящих в Украине. Стратегия дискредитации по отношению к политическим противникам (украинской власти и поддерживающим ее гражданам) осуществлялась посредством обращения к идеологемам, отсылающим к событиям Великой отечественной войны. В дискурсе СМИ в максимальной степени проявляется манипуляционное воздействие, ибо конечная цель масс-медиа – завоевание и удержание внимания аудитории. Дискурс СМИ отличается от институционального злоупотреблением дисфемизмов – ярлыков, инвектив, прозвищ. Создание негативного образа Украины и украинцев в российских правительственных СМИ совершалось через апелляцию к эмоциям и внушение – нагнетанием страха, закреплением в сознании реципиентов негативных стереотипных представлений об украинцах.

Анализ оппозиционных средств массовой информации России по украинскому вопросу показал, что они имеют принципиальные отличия от правительственных изданий. Дискурсивные особенности масс-медийных текстов оппозиционного направления проявляются в оппонировании институтам власти. Общее содержание

текстов имеет конфликтный характер, цель которых – опровержение аргументов политических противников. Интенциональная специфика оппозиционного дискурса находит выражение в дискурсообразующей стратегии опровержения, которая обуславливает использование приемов отрицания, комментирования, цитирования. В процессе дискурсивного построения альтернативной версии событий в Украине предпочтение отдавалось речевым приемам, направленным на подрыв авторитета российской власти, констатацию негативных последствий для России международной политики в отношении Украины, обвинение провластных сил в необъективном освещении украинского кризиса.

Сопоставительное изучение дискурса власти и оппозиционного дискурса позволило получить представление об идеологической неоднородности современного российского общества, установить взаимосвязь идеологической позиции конкретных изданий и языковых средств их выражения. Проведенный анализ дал возможность предоставить в зеркале современной публицистики концептологическое моделирование разных типов дискурса. Несмотря на смысловые и коммуникативные отличия, общими тенденциями обоих масс-медийных дискурсов оказались различные формы вербальной агрессии, враждебность, конфликтность, соперничество, конфронтация, замена критической и рациональной аргументации на гиперболическое, обобщающие и метафорические представление событий и их участников.

Перспективным, на наш взгляд, представляется расширение хронологических рамок исследования с проведением сопоставительного диахронического анализа языковой интерпретации начального периода украинского кризиса и актуальных событий в Украине. Релевантным также будет проведение сравнительного анализа российского и украинского политического дискурса с целью выявления разных способов дискурсивного построения социальной реальности в условиях политического, социального и идеологического противостояния.

“La questione ucraina nel discorso politico russo contemporaneo”

Riepilogo della tesi

La tesi si propone di analizzare il discorso politico russo contemporaneo in rapporto alla “questione ucraina”.

I processi socio-politici – che hanno avuto luogo in Ucraina a partire dal novembre 2013 – hanno oltrepassato presto i limiti di una crisi statale interna e raggiunto il centro dell’attenzione dell’*élite* politica russa, dei *mass media* e dell’opinione pubblica. L’interpretazione della questione ucraina da parte della politica ufficiale e dei *mass media*, nonché la sua discussione attiva in vari ambienti della società, formano il “discorso” riconducibile alla crisi russo-ucraina.

Nell’ambito del presente studio, che si propone di fornirne un’analisi, il “discorso” è un fenomeno comunicativo complesso, un insieme di testi prodotti in un determinato contesto comunicativo e sociale. Centrale, quindi, è la comprensione del discorso, in quanto uso sistematico e strutturato della lingua, determinato da una particolare mentalità ideologicamente e socialmente condizionata.

Lo studio è condotto sulla base di un campione di articoli incentrati sulla “questione ucraina”, tratti dai giornali russi nel periodo compreso tra dicembre 2013 e febbraio 2015, nonché sui discorsi ufficiali del presidente russo. La scelta di un simile arco temporale per l’analisi deriva dal fatto che in quegli anni le autorità russe e i *mass media* hanno dedicato largo spazio all’argomento “Ucraina”.

L’analisi è volta ad individuare le caratteristiche del discorso ufficiale russo nella trattazione della questione ucraina mettendolo a confronto con il discorso dei *mass media* che costituiscono il principale canale di diffusione della comunicazione politica e di formazione dell’opinione pubblica.

La scelta di analizzare i discorsi pubblici del Presidente della Federazione russa è stata motivata dal fatto che la lingua del capo dello Stato rispecchia in gran parte i principi base delle visioni del popolo e riassume il suo atteggiamento nei confronti della storia e della situazione politica contemporanea. L’interpretazione degli eventi nei discorsi ufficiali del presidente è considerata in questo lavoro come rappresentante l’opinione della *leadership* del Paese sulla questione delle relazioni russo-ucraine. Gli interventi pronunciati dal capo dello Stato nel periodo della crisi politica, sono qui considerati come un esempio di linguaggio ideologicamente orientato, volto a rafforzare il consolidamento della società e ad aumentarne i sentimenti patriottici.

Tanto quanto i discorsi del presidente, i mezzi di comunicazione di massa rappresentano un’importante fonte di ricerca. Nella loro narrazione del conflitto sociale, i *media* contribuiscono a crearne un’immagine, in virtù delle loro due principali funzioni, quella informativa e quella persuasiva. In effetti, se da un lato i *media* agiscono per conto dello Stato e delle istituzioni pubbliche, dall’altro lato sono orientati sul sistema di idee e di aspettative etiche ed estetiche dei destinatari. La differenza negli orientamenti di valore dei

soggetti politici concorrenti porta al fatto che il campo informativo creato dai *mass media* si rivela molto contraddittorio, il che contribuisce alla creazione di molte rappresentazioni dello stesso evento, spesso in grado di escludersi reciprocamente. Di conseguenza, sorge la necessità di uno studio approfondito dei diversi tipi di discorso politico, al fine di evidenziare la relazione tra una posizione ideologica e i mezzi linguistici impiegati per esprimerla in un determinato discorso. Per raggiungere questo obiettivo, nello studio vengono presi in esame i *media* che riflettono la posizione delle autorità dello Stato (i *media* ufficiali del governo russo e la stampa “allineata”), nonché un giornale russo dell’opposizione.

Molti studiosi notano che durante importanti crisi sociali si verificano notevoli cambiamenti nella lingua. Ogni nuova svolta nell’evoluzione storica di uno Stato porta a un “riassetto” del linguaggio e alla creazione del proprio *thesaurus* lessico-fraseologico nonché delle metafore e dei simboli concettuali (Будаев, Чудинов 2008, 17). Il sistema lessicale e fraseologico è, infatti, estremamente flessibile, in quanto recepisce i cambiamenti quantitativi e qualitativi verificatisi a seguito dei maggiori sconvolgimenti che hanno riguardato la vita sociale e politica di uno Stato. Partendo da questo presupposto, un aspetto importante del presente studio risiede nell’analisi del ruolo del discorso come ambiente in cui emergono nuove unità lessicali o in cui si formano i loro nuovi significati. In questo contesto, la neologizzazione è considerata un processo di innovazione del sistema lessicale e semantico di una lingua, verificatosi in seguito alle trasformazioni della coscienza linguistica dei parlanti e dovuto ai cambiamenti nei loro orientamenti verso gli avvenimenti sociali e politici.

La tesi è composta da: premessa, quattro capitoli, conclusioni, riepilogo in italiano, bibliografia e due appendici.

Nella premessa viene esposta la cronologia degli eventi bellici e sociali avvenuti durante la crisi russo-ucraina.

Il primo capitolo, “Il discorso politico nel paradigma degli studi linguistici contemporanei”, è dedicato alle questioni teoriche riguardanti lo studio in oggetto. In primo luogo, nel capitolo viene offerta una panoramica sugli studi della “teoria del discorso” e della sua analisi (Harris 1952; Foucault 1971, 1980; 1996; Halliday 1978, 1994; Stubbs 1985; Habermas 1994; Van Dijk 1989, 1993; Fairclough 1985; 1989, 2003; Van Leeuwen 1995, 1996; Бенвенист 1974; Серио 1999; Ревзина 2005; Карасик 2000; Макаров 2003; Кубрякова 2004).

In secondo luogo, il primo capitolo affronta il problema della definizione di cosa sia il discorso politico. Il discorso politico – inteso come pratica sociale realizzata nel contesto istituzionale (concezione “stretta” di discorso politico) – si distingue dal discorso politico mediatico (concezione “ampia”). A tal proposito, per discorso politico si intende un processo (un’attività verbale, interazione sociale) che coinvolge vari soggetti che agiscono nel contesto politico e contribuiscono a formare gli argomenti pertinenti al contesto. L’obiettivo principale di ogni attività politica è la lotta per il potere e l’ottenimento del consenso. Esso è strettamente legato alla capacità di *persuasione*, cioè l’intenzione del mittente di influenzare il destinatario per persuaderlo o incentivarlo a compiere determinate

azioni. Su questa base, il discorso politico può avere diverse funzioni: legittimante, persuasiva, rappresentativa, simbolica, rituale.

In terzo luogo, nel primo capitolo vengono analizzati gli approcci linguistici allo studio del discorso politico. In questa sezione mi sono soffermata sull'illustrazione della metodologia, impiegata ai fini della mia ricerca: l'approccio descrittivo, l'analisi critica del discorso, l'approccio cognitivo e l'analisi dei *corpora*.

L'approccio descrittivo consiste nell'individuare e descrivere fenomeni linguistici verificatisi in una situazione extralinguistica in un determinato arco temporale, senza fornire ancora alcuna considerazione interpretativa o critica (De Mauro 1996; Adamo, Della Valle 2017; Земская 1992, 1996; Улуханов 2007; Скляревская 2007; Крысин 2010; Гак 1998; Зализняк 2001; Стернин 2004, 2008; Падучева 2000; Шмелева 1993, 2009; Иссерс 2014, Кудрявцева 2004). Questo approccio ha permesso di rilevare come una situazione o un evento socio-politico contribuiscono all'innovazione lessicale e fraseologica, come essi portano all'incremento della frequenza d'uso di alcuni vocaboli o locuzioni.

L'analisi critica del discorso politico (Fairclough 1985, 1989; Wodak 1989, 2013; Wodak e Weiss 2003; Van Dijk 1993, 2006; Кара-Мурза 2003) si concentra, invece, sulle pratiche discorsive attraverso le quali è esercitato il potere e vengono promosse le ideologie. Questo metodo è volto ad analizzare le modalità di abuso di potere nei vari contesti sociali, la disuguaglianza e l'ingiustizia sociale. Questo approccio è utile nell'analisi del discorso politico istituzionale e mediatico, poiché consente di rivelare le intenzioni implicite dei soggetti politici (nel caso del discorso istituzionale) o dei *mass media* che agiscono come promotori delle ideologie delle classi politiche dominanti.

La comunicazione politica è efficace quando porta al raggiungimento del suo obiettivo principale, ossia l'ottenimento o il rafforzamento del potere. Esso si ottiene attraverso una serie di pratiche discorsive note come *strategie e tattiche comunicative*. Per *strategia comunicativa* si intende un "piano di realizzazione ottimale di un'intenzione comunicativa" (Чернявская 2006, 45) che determina: 1) il contenuto/l'argomento del messaggio; 2) l'effetto comunicativo che il mittente vorrebbe esercitare sul destinatario; 3) la scelta e la combinazione dei mezzi linguistici con i quali il mittente vorrebbe raggiungere i suoi obiettivi comunicativi (*ivi*). A un livello più basso della gerarchia, la *tattica comunicativa* è una tecnica specifica, volta alla realizzazione della strategia comunicativa.

L'approccio cognitivo al discorso politico si basa sull'applicazione della teoria della metafora concettuale (Lakoff&Johnson 1980; Lakoff 1991; Mussolf 2000, 2016; Chilton 1996; Charteris-Black 2004a, 2004b). In questo ambito la metafora è intesa come "un'operazione mentale principale, uno strumento per conoscere, categorizzare, concettualizzare, valutare e spiegare il mondo" (Чудинов 2004, 91). In questa prospettiva, la metafora è un meccanismo cognitivo che facilita la comprensione dei concetti astratti, facendo riferimento a concetti più semplici e comprensibili. La base della comprensione è costituita, quindi, dalle conoscenze acquisite dall'uomo grazie all'interazione con il mondo esterno. Oltre alla funzione *cognitiva*, la metafora svolge una funzione *persuasiva* nel

discorso. Grazie al suo carattere figurativo ed espressivo è un mezzo importante per influenzare il destinatario.

Per concludere, l'analisi dei *corpora* (Baker 2006; Flowerdew 2012; Chiari 2007; Conrad 2002; McEnery&Hardie 2012; Partington 2002; Hunston 2002; Hardt-Mautner 1995; Baldry 2000) è adatto allo studio del discorso politico, poiché aiuta ad incrementare l'affidabilità e l'obiettività dei risultati ottenuti. Considerando che gli strumenti utilizzati in questo tipo di analisi includono l'elaborazione elettronica dei dati, i metodi statistici prevalgono in questo tipo di ricerca. Questo approccio permette di individuare le proprietà delle unità linguistiche, in base alla loro frequenza d'uso (con la creazione di liste di frequenza) e alla loro co-occorrenza con altre unità nel *corpus* (tramite le concordanze, ossia una selezione automatica di tutti i contesti in cui viene utilizzata una determinata parola). Inoltre, gli strumenti statistici consentono di mettere a confronto più *corpora*, identificando in tal modo le parole chiave caratterizzanti ogni *corpus*. Si sottolinea l'esistenza dei macro-*corpora* (repertori che comprendono milioni di unità come, per esempio, il *Corpus Nazionale della Lingua Russa*), e dei micro-*corpora* (*corpora* di estensione minore creati *ad hoc* per fini specifici). Il vantaggio di questo tipo di analisi, rispetto ai metodi tradizionali, consiste nel fatto che l'analisi dei *corpora* considera le peculiarità combinatorie dei vocaboli o la loro frequenza. Di conseguenza, viene meno la possibilità di trascurare elementi semantici importanti o di concentrarsi su dettagli poco significativi.

Il secondo capitolo “Corpus analysis del discorso politico russo sulla questione ucraina” è dedicato alla descrizione delle modalità di composizione del *corpus* e dei metodi della sua analisi. Prendendo in esame i discorsi del presidente Vladimir Putin e gli articoli tratti da quattro testate russe (la stampa ufficiale, un tabloid, un giornale di indirizzo economico-finanziario e un giornale dell'opposizione), si svolge un'analisi contrastiva da cui emergono le caratteristiche semantiche, stilistiche e pragmatiche che contraddistinguono ogni singolo tipo di discorso. A una breve descrizione dei discorsi del presidente russo sulla crisi ucraina segue una rassegna generale dei quattro giornali analizzati. Si illustrano, inoltre, le potenzialità del *software AntConc* utilizzato per l'elaborazione quantitativa dei dati del *corpus*.

Il *corpus* comprende 17 trascrizioni di discorsi tenuti dal presidente russo Vladimir Putin per un totale di 106.570 parole riguardanti la questione ucraina, nel periodo compreso tra dicembre 2013 e aprile 2015, cioè la fase più acuta della crisi ucraina. I dati sono stati tratti dal sito ufficiale del presidente russo <http://kremlin.ru/>. La scelta di questo arco temporale è dovuta all'attenzione che Vladimir Putin ha rivolto alla questione ucraina in questo periodo.

Per analizzare le narrazioni della crisi ucraina da parte dei *mass media* russi è stato creato un *corpus ad hoc*, per un totale di 755.323 parole. Gli articoli sono stati tratti dalle versioni elettroniche di tre testate russe nazionali: “*Rossijskaja gazeta*” (177.874 parole), l'organo ufficiale del governo, “*Kommersant*” (143.447 parole), quotidiano politico-finanziario, “*Novaja gazeta*” (144.545 parole), periodico d'opposizione, e, infine, della testata moscovita “*Moskovskij komsomolec*”, nota per la sua trattazione di argomenti sensazionali e provocatori sulla politica e sulla società russa. La scelta di questi periodici

come fonte per l'analisi è stata motivata dalla loro alta diffusione, dal tipo di tematiche politiche trattate e dallo spazio dedicato alla questione ucraina.

Gli articoli sono stati selezionati dai siti web ufficiali delle fonti indicate, attraverso la ricerca delle parole chiave: “Украина”, “украинский кризис”, “Майдан”, “Крымский референдум”, “Донбасс”, “вооруженный конфликт на юго-востоке Украины”.

Per l'elaborazione automatica dei dati è stato utilizzato il programma *AntConc* che è dotato delle seguenti funzioni: creazione delle liste di frequenze (*WordLists*), definizione di parole chiave (*KeyWords*), creazione delle concordanze (*Concordances*). A differenza della funzione *WordList* che fornisce informazioni statistiche generali, la funzione *KeyWords* consente di individuare le parole salienti per ogni *sottocorpus*. In tal modo è stato possibile individuare le parole che tendono ad apparire più spesso in un periodico rispetto ad un altro, rivelando così le sue tematiche principali.

La modalità dell'analisi è stata la seguente: il *corpus* generale è stato suddiviso in 5 *sottocorpora*: 1) discorsi del presidente; 2) “*Rossijskaja gazeta*”; 3) “*Kommersant*”; 4) “*Moskovskij komsomolec*”; 5) “*Novaja gazeta*”. Per ogni *sottocorpus* è stato generato un elenco di parole chiave. Ogni parola è stata analizzata dal punto di vista della sua co-occorrenza con altre parole nei contesti.

L'analisi delle parole chiave registrate nel discorso istituzionale ha dimostrato che i principali argomenti trattati da Vladimir Putin sono stati i seguenti: lo sviluppo e il sostegno dell'economia russa durante la crisi ucraina, il mantenimento delle relazioni di partenariato con altri Paesi, la salvaguardia della coesione nazionale russa nel periodo della crisi. È da notare che nei suoi discorsi il presidente tende ad instaurare un dialogo con i leader degli Stati coinvolti nella crisi, inteso a risolvere le controversie in modo diplomatico. Inoltre, nel linguaggio di Vladimir Putin sono spesso presenti i concetti di ordine e stabilità attraverso i quali egli agisce come un difensore dei valori tradizionali cercando di consolidare l'unione tra i cittadini. L'appello ai valori, quindi, è una tecnica efficace attraverso la quale il presidente cerca un sodalizio con il pubblico e mira a rafforzare la propria autorevolezza.

Dall'analisi dei *mass media* emerge che la situazione «crisi ucraina» è stata modellata in modo diverso nei periodici analizzati. La scelta dei mezzi linguistici nel descrivere la situazione è stata effettuata in linea con l'orientamento ideologico di ogni giornale, tenendo conto delle aspettative dei lettori.

“*Rossijskaja gazeta*” si è concentrata sugli argomenti relativi al conflitto armato e le sue conseguenze, le azioni violente dell'esercito ucraino, la protezione della lingua russa e della popolazione russofona in Ucraina, la sicurezza dei giornalisti russi in Ucraina. Il giornale è contraddistinto da una tendenza a impiegare termini connotati negativamente per la descrizione degli eventi (*боевики, штурмовики, нацисты, обстрел, преступления, убийства, ущерб, гибель*).

Gli argomenti principali del giornale “*Kommersant*” sono stati il referendum in Crimea e le sue conseguenze per l'economia russa. Le parole chiave individuate in questo giornale, a differenza degli altri, non hanno accezioni negative. Questo aspetto mostra come i giornalisti abbiano teso a descrivere oggettivamente la situazione in Ucraina, utilizzando l'argomentazione logica.

La lista di parole chiave di “*Moskovskij komsomolec*” comprende un numero più elevato di vocaboli connotativi, tra cui parole denigratorie (*укрон, хунта*) e la denominazione ironica dell’Ucraina (*Незалежна*). Sono stati usati mezzi espressivi ed emotivi, al fine di attrarre l’attenzione dei lettori, formare la loro opinione sugli argomenti socio-politici correnti e orientare le loro preferenze politiche e ideologiche. Queste caratteristiche sono in linea con l’orientamento di “*Moskovskij komsomolec*”, testata scandalistica che rinuncia a un’impostazione obiettiva a favore di notizie scandalistiche e sensazionali.

Infine, “*Novaja gazeta*” si contraddistingue dagli altri periodici analizzati, per il suo utilizzo di parole che denunciano la mancata obiettività nella rappresentazione degli eventi da parte dei “giornali del potere” (*пропаганда, миф*). Essendo una testata di opposizione, “*Novaja gazeta*” è caratterizzata da una forte critica del governo russo (la politica russa nei confronti dell’Ucraina è denominata come *вторжение, аннексия*). Inoltre, a differenza degli altri giornali, in essa emerge una diversa connotazione dei militanti filorusi: mentre nei giornali governativi hanno prevalso i termini neutri (*пророссийские активисты, сторонники федерализации*) o di accezione positiva (*ополченцы, повстанцы*), in “*Novaja gazeta*” i termini negativi sono stati più frequenti (*сепаратисты, террористы*).

Nel terzo capitolo “Le strategie e le tattiche comunicative nel discorso politico russo contemporaneo” si svolge un’analisi delle strategie e delle tattiche comunicative nel discorso politico russo ufficiale (nel linguaggio del presidente) e in quello mediatico, nonché l’analisi delle metafore con un particolare riguardo alla loro funzione persuasiva.

Dall’analisi del linguaggio del presidente emerge che Vladimir Putin ha utilizzato le seguenti strategie: la strategia di *legittimazione, di esaltazione, di screditamento e di delegittimazione*.

La strategia di *legittimazione* si basa sull’argomentazione della legalità delle azioni intraprese dal governo russo nei confronti della Crimea. Essa viene realizzata attraverso le denominazioni *присоединение, воссоединение, включение, историческая справедливость, историческая родина, исконно русские земли*. Sarebbe, dunque, che il riferimento alla storia sia una tecnica ricorrente nelle argomentazioni del capo dello Stato.

La strategia di *esaltazione* consiste nella creazione dell’immagine della Russia come uno Stato interessato ad instaurare rapporti di cooperazione con altri Stati: *диалог, сотрудничество, доверие, цивилизованные отношения*. Un altro argomento ricorrente ha riguardato la rispettabilità dello Stato russo: *самостоятельный, активный участник международной жизни*. Nei confronti dell’Ucraina il presidente si pone come una parte interessata alla risoluzione delle controversie sociali e al superamento della crisi economica: *стабилизация, восстановление украинской экономики, поддержка и помощь Украине, удержат украинскую экономику от краха*. È proprio del linguaggio di Putin di raffigurare gli ucraini come *братский народ* e l’Ucraina come *партнер, добрый сосед, друг*.

Nei confronti dei manifestanti delle proteste antigovernative in Ucraina (Euromaidan) e del nuovo governo ucraino Vladimir Putin utilizza la strategia di *screditamento* e di

delegittimazione. Queste strategie si realizzano quando egli si riferisce alla presa violenta del potere: *узурпация власти, государственный переворот, вооруженный захват власти*, alle azioni illegali compiute dai militanti filoeuropei: *террор, убийства, погромы*, alla diffusione del nazionalismo in Ucraina: *неонацисты, русофобы, антисемиты, наследники Бандеры, приспешники Гитлера, каратели*.

Il Presidente russo ha fatto ricorso sia all'argomentazione logica, che a quella emotiva (ossia alle nozioni di *logos* e *pathos*, tipiche della retorica classica). La persuasione emotiva si è manifestata nell'utilizzo delle espressioni connotative (*болит душа за украинский народ, чувствовать сердцем и душой*), nel lessico colloquiale (*решить междусобойчиком, передали Крым как мешок картошки, хозяйничать у нашего забора*). L'impatto emotivo si raggiunge, inoltre, attraverso l'uso di metafore volte a descrivere la Russia come un essere vivente (*Россия опустила голову, Россия смирилась*), e della Russia come 'casa' (*После тяжёлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!*).

L'analisi successiva dei *mass media* ha rivelato che i giornali russi governativi hanno ripreso in parte la retorica del Presidente, in quanto hanno usato tecniche volte a legittimare le azioni del governo e a denigrare gli avversari, come, ad esempio, l'uso di vocaboli ideologicamente marcati per denominare il governo ucraino e i suoi sostenitori (*бандеровцы, фашисты, нацисты, каратели, антисемиты*). Ciò che contraddistingue i *mass media* governativi dal discorso ufficiale è un'alta presenza di un linguaggio offensivo e insultante nei confronti dei politici ucraini e dei suoi sostenitori (anche se in proporzioni diverse a seconda del giornale): *укрон, укр, свидомит, правосек, майдаун, майданутый*. La differenza tra le narrazioni della crisi ucraina nel discorso ufficiale e nel linguaggio dei *media* dipende dalla differenza degli status dei partecipanti alla comunicazione, dal contesto in cui si svolge la comunicazione e soprattutto dai fini comunicativi dei partecipanti.

La strategia di *screditamento* attuata dal giornale di opposizione "*Novaja gazeta*" si esprime attraverso la rappresentazione negativa del governo russo, per cui vengono constatate la crisi economica, l'inefficienza delle autorità, la copertura solo parziale degli eventi da parte dei *media* filogovernativi, gli effetti negativi delle politiche governative sull'economia e sullo *status* della Russia nel contesto internazionale.

Il significato "crisi economica in Russia" è espresso tramite termini economici (*рецессия, застой, девальвация, инфляция, снижение*); sostantivi, aggettivi e verbi dell'uso comune (*ухудшение, нестабильность, падение, катастрофа, провал, проблема, примитивизация, слабая, уязвимая, подтачивать*); costrutti comparativi (*экономика России не лучше, чем экономика латиноамериканских стран*); definizioni (*слабое звено – экономика России*).

La tendenza, del giornale di opposizione, di sostituire la narrazione dei fatti con l'interpretazione di alcune caratteristiche permanenti nel governo si manifesta nei commenti sulla corruzione, sul malgoverno e sull'assenza di democrazia (*коррупция, отсутствие демократии, нет нормального парламента и оппозиции*). Questa tattica è attuata anche attraverso la raffigurazione negativa dell'*élite* politica (*безумная, свихнувшаяся власть*).

La predisposizione, di «*Novaja gazeta*», alla demitizzazione e alla “ricerca della verità” si manifesta nell’uso frequente delle espressioni: *кремлевские пропагандисты, министерство пропаганды, информационная война*. Concentrandosi sulle conseguenze negative della politica estera della Federazione russa, gli autori di questo giornale ricorrono spesso a vocaboli ed espressioni che denominano lo *status* di isolamento della Russia (*страна-изгой, международная изоляция*).

Riassumendo, nella comunicazione politica mediatica sia governativa che quella dell’opposizione, la funzione interpretativa prevale sulle altre funzioni (soprattutto su quella informativa). Dal momento che i media non riflettono, bensì modellano la realtà sociale, essi hanno un forte potenziale manipolativo. I media in questo senso sono “un fattore importante dell’esercizio del potere” (Fairclough 2001, 30).

Le metafore più frequentemente utilizzate dai *mass media* russi sono quelle che fanno riferimento alle sfere *ludica, militare, medica, della parentela, teatrale, commerciale, sportiva*.

La rappresentazione della crisi-russo ucraina tramite la metafora *ludica* ha permesso di interpretare la situazione internazionale che si è creata in seguito alla crisi ucraina come un gioco (spesso un gioco d’azzardo – carte, casinò: *большая игра, рискованная игра, ставка, поставить на кон*) e i suoi partecipanti come giocatori (*игроки, участники игры*). Questo modello è rilevante perché contiene le componenti semantiche legate al “rischio”, all’“avventura”, all’“azzardo”, alla “voglia di vincere”, all’“ambizione” e alla “rivalità”. L’Ucraina svolge in questo gioco un ruolo passivo (*пешка, разыграть украинскую карту*), mentre la Russia, l’Europa e gli USA sono i giocatori che definiscono le regole del gioco (*Запад и Россия определяют новые правила игры*). In questo caso, si attua una strategia di screditamento nei confronti dell’Ucraina e di esaltazione della Russia.

La metafora *militare* è stata impiegata nella descrizione delle controparti. È stata usata la terminologia militare: *блокада, фронт, поле битвы, военные рельсы, укрепрайон, вооруженный лагерь, бомба, битва, тяжелая артиллерия*. Il potenziale pragmatico di questa metafora consiste nel formare l’idea del “nemico” e la necessità di combatterlo. Il vocabolario militare è stato impiegato anche per descrivere la situazione della “guerra commerciale” contro la Russia: le sanzioni (*наступательные действия, заложники санкций, ополчиться против России*).

Il carattere antagonistico della crisi russo-ucraina è stato concettualizzato anche tramite la metafora *sportiva*. La somiglianza concettuale della politica con lo sport è dovuta principalmente alla concorrenza e al desiderio di vincere. Per descrivere la situazione ucraina è stato fatto riferimento alle gare sportive (*состязание*), ai tipi di sport (*футбол, хоккей, бокс*), alle azioni degli atleti (*играть на поле, сделать выпад, играть мускулами, меряться мышцами*).

La strategia di screditamento si realizza anche attraverso le metafore *medica, teatrale e commerciale*. Nel caso della metafora *medica* l’Ucraina è stata paragonata ad un essere malato (*зараза, эпидемия, вирус, диагноз, синдром, недуг*) che aveva bisogno delle cure (*шоковая терапия, лечение, оздоровление*). Così è stata formata l’immagine dell’Ucraina

colpita da una forte crisi economica, e del governo ucraino impegnato nella diffusione di sentimenti antirusi (*зараза нацизма, чума, эпидемия*).

Con la metafora *teatrale* la situazione “crisi ucraina” è stata modellata come uno spettacolo organizzato e messo in scena (*Майдан был срежиссирован Госдепартаментом США*), guidato da direttori e burattinai esperti (*кукловод Украины – Америка, опытные кукловоды*) e eseguito da pagliacci e burattini (il governo ucraino e i militanti ucraini): *марионетки, политические клоуны*.

Con la metafora *commerciale* la crisi è stata concettualizzata nei termini di un’attività di compra-vendita (*проект, бизнес, дивиденды*), i suoi partecipanti come i venditori, l’Ucraina come una merce (*Украина стала предметом торга, продать Украину в розницу*).

Le metafore analizzate hanno un potenziale di grande impatto sui lettori, in quanto il riferimento ai relativi concetti provocano una reazione emotiva, evocano associazioni e immagini, modellano il loro atteggiamento nei confronti degli eventi trattati nei *mass media*, rendendoli così partecipi dell’attuale situazione politica. Di conseguenza, con l’aiuto di queste metafore gli autori dei testi raggiungono il loro obiettivo comunicativo che consiste nell’influenzare implicitamente la coscienza dei destinatari, orientando il loro atteggiamento e giudizio sugli eventi della vita politica.

Nel quarto capitolo “Innovazioni lessicali e fraseologiche della crisi russo-ucraina” vengono presi in esame i neologismi creati durante il periodo del conflitto. Viene illustrato che l’arricchimento del vocabolario di una lingua durante gli sconvolgimenti sociali e politici avviene sia attraverso il conio di nuove unità lessicali sia attraverso il cambiamento del significato di quelle già esistenti. Un’altra fonte per la creazione dei neologismi è il processo di attivazione del vocabolario passivo che si rivela adatto a svolgere determinate funzioni comunicative durante il periodo oggetto di studio.

Il punto di partenza per l’analisi è costituito dalla definizione della nozione di *neologismo* e della distinzione tra *neologismi veri e propri* (neologismi formali) e *neologismi semantici*. Successivamente, essi vengono messi a confronto con gli *occasionalismi* e con i *vocaboli potenziali*. La differenza consiste nel fatto che mentre i neologismi sono unità lessicali entrate nell’uso e regolarmente riprodotte nel linguaggio, gli occasionalismi rappresentano gli usi singoli verificatisi una o poche volte in un determinato contesto. Di conseguenza, gli occasionalismi possono essere considerati come una manifestazione delle possibilità creative di una lingua. Infine, i vocaboli potenziali rientrano nella categoria di “potenzialità”, nel senso di unità lessicali che potrebbero essere create secondo i modelli derivazionali.

L’analisi procede con la trattazione del fenomeno delle *parole chiave del momento*. Con questa definizione si intendono i vocaboli che per un determinato periodo di tempo rimangono al centro dell’attenzione pubblica, perché legati ad alcuni concetti rilevanti. Si sostiene che i neologismi e le *parole chiave del momento* sono due nozioni correlate, poiché i vocaboli che denominano nuovi fenomeni diventano spesso vocaboli chiave del momento. Ai fini della presente analisi, sono state prese in considerazione le seguenti caratteristiche di queste unità linguistiche: alta frequenza d’uso nei *mass media*; cambiamento delle loro

proprietà combinatorie, acquisizione di nuovi significati e connotazioni; incremento del loro potenziale derivativo e, di conseguenza, l'espansione della loro portata e semantica.

Successivamente, oggetto dell'analisi sono le fonti da cui sono stati tratti i neologismi: “Словарь года” (“Vocabolario dell'anno”), “Слово года” (“La parola dell'anno”) e “Словарь перемен” (“Il vocabolario dei cambiamenti”) – progetti realizzati *online* da gruppi di linguisti impegnati nella selezione dei neologismi conati nell'arco di un anno solare. Alla fine di ogni anno, tramite il voto di una giuria composta da esperti, è stilata una classifica dei vocaboli e delle espressioni più significative. Visto che nell'anno 2014 la maggior parte dei neologismi registrati nei vocabolari sopracitati hanno riguardato la crisi ucraina, si conclude che essi costituiscono una fonte illustrativa importante per i fini della presente ricerca.

Applicando un criterio semantico, sono stati individuati i neologismi che denominano gli eventi e i partecipanti alla crisi: i militari russi (eufemismo *вежливые люди*, espressione ironica *зеленые человечки*), i militari ucraini (*киборги*), la situazione in Crimea (*крымская весна*, *крымнаш*), le proteste filorusse nell'Ucraina dell'Est (*русская весна*), le nuove unità territoriali (*Новороссия*), i militanti filoucraini (*бандерлоги*), il governo ucraino (*хунта*), il lessico denigratorio per definire la controparte (*укроп*, *ватник*), le sanzioni (*запрещенка*, *санкционка*).

Dal punto di vista formale, la maggior parte dei neologismi è stata coniata sui modelli tipici di formazione della lingua russa (derivazione morfologica e semantica). Tuttavia, sono presenti casi di formazione delle parole con i modelli non tipici (per esempio *крымнаш* che si è formato in seguito alla trasformazione di un sintagma in un vocabolo). La presenza di modelli non tradizionali è spiegata dall'influenza della comunicazione su Internet. Il linguaggio spontaneo dei social network contribuisce alla creazione dei nuovi vocaboli che entrano nei *mass media* e nell'uso comune.

La collocazione *вежливые люди* (persone educate), che rientra nella categoria dei neologismi semantici, ha meritato un'analisi dettagliata vista la sua posizione di preminenza nella classifica di “Слово года” e “Словарь года”. L'espressione è stata coniata per denominare i soldati russi che hanno partecipato all'operazione militare in Crimea alla fine del febbraio 2014 sprovvisi dei segni di riconoscimento. L'analisi ha rilevato che la reinterpretazione in chiave eufemistica dell'aggettivo *вежливый* ha prodotto una grande quantità di collocati (*вежливый Крым*, *вежливый захват*, *вежливый человек*). La collocazione stessa ha subito significativi cambiamenti formali e semantici che si sono manifestati nei vari giochi linguistici e nel loro uso fuori dal contesto della crisi ucraina. Nello stesso tempo, per denominare i militari russi è stata coniata un'altra collocazione: *зеленые человечки* (uomini verdi), la quale, però, si è distinta dalla prima per le sue connotazioni semantiche e pragmatiche.

Sempre relativamente ai neologismi semantici, sono stati presi in esame due vocaboli molto usati durante la crisi ucraina: *укроп* e *ватник*, entrambi termini spregiati, il primo usato nei riguardi degli ucraini, il secondo per definire i russi. Nel primo caso si tratta di uno slittamento semantico per mezzo di una metafora (si utilizza il nome di una pianta per denominare una persona), nel secondo di uno slittamento semantico per mezzo di una

metonimia (un capo di abbigliamento per denominare una persona). È da notare che nel tempo il significato di entrambi i vocaboli ha subito delle trasformazioni: conosciuti come insulti, sono stati appropriati dal gruppo di persone a cui erano diretti e hanno iniziato a essere usati come un segno di auto-identificazione. Pertanto, la loro connotazione negativa è diminuita.

Per quanto riguarda l'attivazione del vocabolario passivo come una delle fonti per il rinnovamento lessicale, in questo lavoro si introduce il termine "vocabolario attualizzato". Esso sta ad indicare quelle unità lessicali che durante il periodo analizzato hanno aumentato la loro rilevanza funzionale e la loro frequenza d'uso, a causa dell'attualizzazione dei concetti e dei fenomeni a loro associati. È stato registrato un uso frequente di vocaboli che si riferiscono alla Seconda Guerra Mondiale: *ополченцы, ополчение, каратели, бандеровцы, фашисты, нацисты, карательные батальоны, карательные отряды, народное ополчение, котел (Дебальцевский котел, Илловый котел), Хатынь*. Inoltre, è stato attivato il lessico relativo al periodo sovietico («враг народа», «красная угроза», «холодная война», *агенты запада, запрещенка*) e ai periodi difficili nella storia dell'Ucraina (*Руина, махновщина, петлюровщина*). L'uso nei *mass media* di questo tipo di vocabolario ha attivato per reazione la memoria di questi eventi storici.

Nelle **conclusioni generali** vengono esposti i principali risultati dell'analisi e delineate le prospettive per ulteriori ricerche.

Lo studio sulla rappresentazione della questione ucraina nella lingua russa è stato condotto utilizzando i discorsi del presidente della Federazione russa e le pubblicazioni di quattro periodici. La combinazione di metodi di analisi *corpus-based*, cognitivo e comunicativo-pragmatico ha permesso di identificare le caratteristiche della comunicazione politica in Russia contemporanea nel contesto di un conflitto sociale e politico. L'applicazione della metodologia basata sui *corpora*, che in Russia si trova ancora in fase di sviluppo, ha permesso di ottenere risultati oggettivi. Inoltre, l'analisi critica del discorso ha consentito di identificare le strategie volte ad influenzare l'opinione pubblica nelle sue preferenze politiche.

I differenti fini comunicativi perseguiti dai soggetti della comunicazione politica hanno portato a una diversa scelta di strumenti linguistici, al fine di modellare la situazione "crisi ucraina". Per quanto riguarda il discorso ufficiale, il soggetto (il presidente) agisce con l'obiettivo di legittimare sé stesso come personalità autorevole, in grado di assolvere ai compiti che gli sono assegnati. Lo strumento linguistico è quindi usato per dare una rappresentazione positiva di sé e, al contempo, una rappresentazione negativa della controparte. Inoltre, in quanto soggetto politico operante nel contesto istituzionale, il presidente agisce come portavoce dell'intera comunità. Il suo linguaggio è mirato a una funzione aggregativa, raggiunta mediante la trasmissione di valori specifici e idee patriottiche.

L'obiettivo dei giornali governativi consiste nella legittimazione delle azioni dei soggetti al potere e nella delegittimazione dei gruppi di opposizione. Il rafforzamento del potere del Governo è stato realizzato mediante tentativi di unificazione della società nella lotta contro il "nemico esterno", nonché attraverso la creazione di un'immagine delle

autorità che “proteggono il proprio popolo”. Il discorso del potere è caratterizzato dall’appello al patriottismo e da una retorica politicamente affidabile. La creazione di un’immagine negativa dell’avversario politico è stata raggiunta attraverso l’uso di etichette, soprannomi, denominazioni sprezzanti, lessemi espressivi ed epiteti connotati negativamente. Il discorso del potere trova la sua argomentazione nel tentativo di creare, nella coscienza del pubblico, associazioni negative, idee stereotipate e pregiudizi nei confronti del gruppo “gli altri”. Infine, il meccanismo di persuasione, che spesso è attuato in modo implicito, consiste nel provocare nel destinatario una reazione emotiva, in grado di diminuirne il pensiero critico e ad aumentarne il conformismo politico.

Il discorso dell’opposizione è volto a formare nei destinatari una visione ideologica opposta a quella creata dal discorso del potere. I periodici d’opposizione presentano caratteristiche discorsive che mirano a creare nel pubblico un atteggiamento critico nei confronti degli avvenimenti politici e del Governo, attraverso strategie linguistiche determinate dall’intenzione di confutazione, messa in dubbio, ricerca della verità, accusa di menzogne. L’opposizione usa la strategia dello screditamento che consiste in tattiche di accusa e messa in ridicolo delle autorità e delle loro azioni, anche attraverso la descrizione negativa di caratteristiche personali. Tuttavia, lo strumento di persuasione prediletto dall’opposizione è stato rappresentato dalle obiezioni rivolte alle idee veicolate dal discorso del potere.

Lo studio comparato del discorso del potere e di quello dell’opposizione ha permesso di mettere in luce l’eterogeneità ideologica della società russa contemporanea e di chiarire il rapporto tra l’orientamento politico di alcune testate giornalistiche e il linguaggio da esse impiegato per esprimerlo. Nonostante le differenze semantiche e comunicative, entrambi i discorsi mediatici rivelano una tendenza generale a varie forme di aggressività e confronto verbale, ostilità, conflitto, rivalità, sostituzione dell’argomentazione critica e razionale con una rappresentazione iperbolica, generalizzante e metaforica degli eventi e dei loro partecipanti.

Per quanto riguarda le prospettive future di ricerca, sarebbe utile ampliare il quadro cronologico dello studio con un’analisi diacronica della situazione linguistica dal periodo iniziale della crisi ucraina fino a quello attuale. Inoltre, un confronto tra il discorso politico russo e quello ucraino porterebbe a identificare i diversi modi di costruzione discorsiva della realtà sociale nel contesto del confronto politico, sociale e ideologico.

L’elenco bibliografico comprende 94 unità in russo, 90 unità in italiano, inglese e spagnolo, 39 fonti online, 19 fonti lessicografiche.

L’Appendice 1 contiene un elenco di discorsi presidenziali sull’Ucraina per il periodo da dicembre 2013 ad aprile 2015. Nell’Appendice 2 è indicato il *corpus* metaforico dei mass media con il calcolo della frequenza delle metafore.

Библиография

- Авдеевко, И.А. *Структурные и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста* : автореф. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Барнаул, 2001.
- Алексеева, А.А. «Крымнаш»: конфликтные речевые тактики в социальной сети «ВКонтакте» // *Политическая коммуникация. Перспективы развития научного направления* : материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 26-28 августа 2014), гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, УГПУ, 2014. С.6-9.
- Аристотель. Политика // Аристотель. *Сочинения: В 4-х томах*. Т.4. Москва, Мысль, 1983. С. 376–644.
- Аристотель. *Риторика. Поэтика* / пер. О.П. Цыбенко (Риторика) и В.Г. Аппельрота (Поэтика). Москва, Лабиринт, 2000.
- Баранов, А.Н. *Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики*. Москва, Фонд ИНДЕМ, 2004.
- Баранов, А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // *Человек*. 1997. № 6. С. 108-118.
- Баранов, А.Н. Языковые игры времен перестройки (феномен политического лозунга) // *Русистика*. 1993. №2. С.64-72.
- Баранов, А. Н., Казакевич, Е.Г. *Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре)*. Москва, Знание, 1991.
- Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. *Русская политическая метафора. Материалы к словарю*. Москва, 1991.
- Баранов, А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // *Язык и социальное познание* : сборник статей. Москва, Центр совет. филос. (методолог.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990а.
- Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва, Прогресс, 1987.
- Будаев, Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // *Политическая лингвистика*. №6 (60). 2016. С.12-17.
- Будаев, Э.В. Экстралингвистические корреляции российской морбиальной метафорики // *Современная политическая лингвистика* : тезисы международной научной конференции. Екатеринбург, 2011. С. 41-43.
- Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. *Зарубежная политическая лингвистика*. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т., 2008.
- Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // *Политическая лингвистика*. Вып.20. Екатеринбург, 2006. С. 75-94.
- Булгакова, Н. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // *Мир русского слова*. 2012. № 2. С.42-47.
- Ван Дейк, Т. *Язык, познание, коммуникация*. Москва, Прогресс, 1989.
- Вепова, И.Т. Об актуальной лексеме Крымнаш // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры*: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 г.) / ред. коллегия Л.А.Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. В 15 т. Т.2. СПб, МАПРЯЛ, 2015. С.31-35.
- Вепова, И.Т. «Мы их в сортире замочим» или штрихи к риторическому портрету В.В.Путина // *Политический дискурс в России – 4*: материалы рабочего совещания. Москва, Диалог – МГУ, 2000. С. 43-45.
- Вепова, И.Т., Купина, Н.А., Михайлова, О.А., Предисловие // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности*: коллективная монография. Екатеринбург, УрГУ, 2006. С.9-18.
- Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2011. № 4 (38). С. 286-291.
- Ворожбитова, А.А. Постсоветская ментальность в зеркале публицистического дискурса // *Языковая структура и социальная среда* : межд. зб. науч. трудов. Воронеж, Изд-во ВГТУ, 2000. С.14-17.
- Гаврилова, М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // *Полис. Политические исследования*. №3, Москва, Полис, 2014. С. 127-139.
- Гайкова, О.В. *Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации* (на материале англ. яз.) : автореф. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Гальперин, И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва, Просвещение, 1981.

- Гончарова, Е.А. Научная коммуникация – дискурс – интердискурсивность // *Текст и дискурс. Проблема экономического дискурса*. СПб, 2001. С.59-67.
- Грищенко, А.И., Николина, Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности*: коллективная монография. Екатеринбург, УрГУ, 2006. С. 175-188.
- Гурочкина, А.Г. *Понятие дискурса в современном языкознании* // *Номинация и дискурс*: межвуз. сб. науч. тр. Рязань, Изд-во РГПУ, 1999. С.12-15.
- Гусейнов, Г. *Язык мой – Wrack мой. Хроника от Ромула до Ленинопада*. Киев, Laurus, 2017.
- Добросклонская, Т.Г. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь*. Москва, Изд-во «Флинта» ; Изд-во «Наука», 2008.
- Желтухина, М.Р. *Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. Москва-Волгоград, Изд-во ВФ МУПК, 2003.
- Желтухина, М.Р. *Колическое в политическом дискурсе* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000.
- Журавлева, Н.Г. «Модное» слово: к вопросу о содержании понятия // *Научная мысль Кавказа*. 2009. № 2. С.132-137.
- Загоровская, О.В. Основные процессы в развитии русской лексики на рубеже XX-XXI в.в. // *Проблемы русистики на рубеже XX-XXI вв*. Воронеж, 2001. С.5-24.
- Захаров, А. В. Народные образы власти // *Полис*, № 1, 1998. С.23-35.
- Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX века (1985-1995)* / В.Л. Воронцова и др.; под ред. Е.А.Земской. Москва, Языки русской культуры, 1996. С.90-144.
- Земская, Е.А. *Словообразование как деятельность*. Москва, Наука, 1992.
- Иссерс, О.С. От серьезного до смешного. Игровой потенциал российского слова года // *Политическая лингвистика*. 2015. № 4 (54). С.25-31.
- Иссерс, О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 48-53.
- Иссерс, О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва URSS / УРСС; ЛКИ, 2008.
- Какорина, Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)* / В.Л. Воронцова и др.; под ред. Е.А.Земской. Москва, Языки русской культуры, 1996. С. 409-426.
- Какорина, Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // *Русский язык конца XX века (1985-1995)* / В.Л. Воронцова и др.; под ред. Е.А.Земской. Москва, Языки русской культуры, 1996. С.86-89.
- Какорина, Е.В. *Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (трансформация семантико-стилистической сочетаемости)*: автореф. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Москва, 1992.
- Карякин, А.В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // *Вестник ВолГУ*. Сер. 2: Языкознание. 2009. №2. С.163-167.
- Кипарисов, Г.О. *Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода* : автор. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филол. наук. Тамбов, 2011.
- Клушина, Н.И. *Стилистика публицистического текста*. Москва, МедиаМир, 2008.
- Кондратьева, О.Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа // *Политическая лингвистика*. 2017. №5 (65). С.80-84.
- Костина, А.В., Макаревич, Э.Ф., Карпихин, О.И. *Основы рекламы*. Москва, КноРус, 2008.
- Костомаров, В.Г. *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. СПб, Златоус, 1999.
- Котов, Б.С. Метафора как средство создания «образа врага» в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны // *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. №1. 2014. С.94-110.
- Кронгауз, М.А. *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва, Языки славянских культур, 2007.
- Крысин, Л.П. (отв. ред.). *Современный русский язык. Система – норма – узус*. Ин-ут рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. Москва, Языки славянских культур, 2010.
- Крысин, Л.П. *Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии*. Москва, Знак, 2008.
- Кубрякова, Е.С. *Язык и знание*. Москва, «Языки славянской культуры», 2004.

- Кудрявцева, Л.А. Массмедийный политический дискурс Украины: особенности «послемайданного» периода // *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке*. Москва, Академический проект, 2011. С.31-43.
- Кудрявцева, Л.А. *Моделирование динамики словарного состава языка* : 2-е изд. испр. Киев, ИПЦ «Киевский университет», 2004.
- Макаров, М.Л. *Основы теории дискурса*. Москва, ИТДГК «Гнозис», 2003.
- Михалева, О.Л. *Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия*. Москва, Либроком, 2009.
- Норман, Б.Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) // *Славяноведение*. 1997. № 4. С. 26-33.
- Паршина, О.Н. *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России*: дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Саратов, 2005.
- Радченко, Д.А., Архипова, А.С. «Язык вражды» российско-украинского конфликта как нападение и защита // *Ad Iteregio*. 2018. №1. С.191-220.
- Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // *Критика и семиотика*. Вып .8. Новосибирск, 2005. С. 66-78.
- Руженцева, Н.Б. *Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе*. Екатеринбург, УГПУ, 2004.
- Серио, П. Как читают тексты во Франции // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса* / пер. с фр. и португ. Москва, Прогресс, 1999.
- Склярская, Г.Н. Предисловие // *Толковый словарь современного русского языка XX века*. Языковые изменения. СПб.: РАН, 1998. С. 4-12.
- Склярская, Г.Н. *Метафоры в системе языка*. СПб, Наука, 1993.
- Сопова, И.В. *Фразеология и институциональный дискурс в лингвоперсоналогическом аспекте (на материале речевых манифестаций В.В.Путина и А.Меркель)*: автореф. дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Белгород, 2011.
- Сорокин, Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // *Политический дискурс в России*: материалы рабочего совещания (Россия, Москва, 30 марта 1997 г.). Москва, НИОПИК, 1997. С. 57-62.
- Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // *Язык и наука конца XX века*. Москва, 1995. С.35-73.
- Стернин, И.А. Основы изменения в русском языке конца XX-начала XXI века // *Теоретические и прикладные проблемы языкознания* : избр. работы. Воронеж, Истоки, 2008. С. 200-209.
- Стернин, И.А. *Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX-начала XXI века*. Воронеж, 2004.
- Стернин, И.А. *Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века*. Туапсе, Туапсинская типография, 2000.
- Феденева, Б.Б., Чудинов. А.П. *Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х годов XX века*: дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Екатеринбург, 1996.
- Филинский, А.А. *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000* : дисс. на соиск. науч. ст. канд. филолог. наук. Тверь, 2002.
- Фомина, З.Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // *Язык и эмоции*. Москва, 1991. С.207-215.
- Фуко, М. Археология знания / пер. с французского М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб, ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004 (Серия «Ars Pura. Французская коллекция»).
- Фуко, М. Порядок дискурса // *Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности* / пер. с франц., комм. и послесл. С.Табачниковой. Москва, Касталь, 1996. С.47-96.
- Халипов, В.Ф. *Кратология как система наук о власти*. Москва, Республика, 1999.
- Ханпира, Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // *Развитие словообразования современного русского языка*. Москва, Наука, 1966. С. 153-166.
- Цуладзе, А. *Политические манипуляции, или Покорение толпы*. Москва, Книжный дом «Университет», 1999. С. 86-87.
- Чалдини, Р. *Психология влияния*. СПб, Питер, 2006.
- Черникова, Н.В. *Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере* : дисс. на соиск. науч. степени д-ра филолог. наук. Москва, 2008.

- Чернявская, В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2006.
- Чудинов, А.П. *Теория и методика лингвистического анализа политического текста* / отв. ред. А.П. Чудинов; авторы: Э.В. Будаев, Е.В. Дзюба, О.Н. Кондратьева, Н.Н. Кошкарлова и др. Екатеринбург, УрГПУ, 2016.
- Чудинов, А.П. *Политическая лингвистика: учебное пособие*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2012.
- Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // *Вопросы когнитивной лингвистики*. №1 (001). 2004. С.91-105.
- Чудинов, А. П. Новые русские метафоры // *Русская речь*. 2003. № 2. С. 44-48.
- Чудинов, А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург, УрГПУ, 2001.
- Шейгал, Е.И. *Семиотика политического дискурса* : дисс. на соиск. науч. ст. д-ра филолог. наук. Волгоград, 2000.
- Шейгал, Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса // *Политический дискурс в России – 3*: Материалы раб. совещ. Москва, Диалог – МГУ, 1999. С. 114-123.
- Шведова, Н.Ю. (под ред.). *Русская грамматика*. Москва, Наука. Т. I., 1980.
- Шмелева, Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // *Политическая лингвистика*. Вып.2 (28). Екатеринбург, 2009. С. 63-67.
- Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента // *Colequium*. Киев, 1993. № 1. С. 33-41.
- Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. Москва, Прогресс, 1975. С. 193-230.
- Adamo, G., Della Valle, V. *Che cos'è un neologismo?* Roma, Carocci editore, 2017.
- Andersson, L.G., Trudgill, P. *Bad Language*. Oxford, Basil Blackwell Limited, 1990.
- Antonelli, G. *Volgare eloquenza. Come le parole hanno paralizzato la politica* (collana “Tempi nuovi”). Roma; Bari, Laterza, 2017.
- Baker, P. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, New York, Continuum, 2006.
- Baker, P., Gabrielatos, C., Khosravinik, M., Krzyzanowski, M., McEnery, T., & Wodak, R. A Useful Methodological Synergy? Combining Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics to Examine Discourses of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press, in *Discourse and Society*, 19 (3), 2008. P. 273-306.
- Baldry, A. Introduction, in A. Baldry (ed.) *Multimodality and Multimediality in the Distance Learning Age*. Campobasso, Palladino, 2000. P. 11-40.
- Beccaria, L. et al. *I linguaggi settoriali in Italia*. Milano, Bompiani, 1973.
- Bolasco, S., Giuliano, L., Galli De' Paratesi, N. *Parole in libertà. Un'analisi statistica e linguistica dei discorsi di Berlusconi*. Roma, Manifestolibri, 2009.
- Brown, G. & Yule, G. *Discourse Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983.
- Burkhardt, A. *Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung*, in Josef Klein/Hajo Diekmannshenke (Hrsg.) *Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation*. De Gruyter, Berlin 1996 (= Reihe Sprache, Politik, Öffentlichkeit 7), S. 75-100.
- Burr, V. *An Introduction to Social Constructionism*. London, Sage, 1995.
- Carta, M. Diario della crisi (novembre 2013 – maggio 2015), in *Attacco all'Ucraina*, a cura di S.Teti, M. Carta. Roma, Sandro Teti Editore, 2015.
- Cedroni, L. *Politolinguistica: l'analisi del discorso politico* [con prefazione di Tullio De Mauro]. Roma, Carocci, 2014.
- Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2004a.
- Charteris-Black, J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2004b.
- Chiari, I. *Introduzione alla linguistica computazionale* [con prefazione di Tullio De Mauro]. Roma, Laterza, 2007.
- Chilton, P. *Analysing Political Discourse. Theory and Practice*. London, New York, Routledge, 2004.
- Chilton, P. *Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House*. New York; Bern; Frankfurt, Peter Lang Inc., 1996.
- Chilton, P. *Orwellian Language and the Media*. London, Pluto Press, 1988.

- Chilton, P. Nukespeak: Nuclear Language, Culture and Propaganda, in *Nukespeak: The Media and the Bomb* / C. Aubrey (ed.). London, 1982.
- Chomsky, N., Herman, E.S. *La fabbrica del consenso* ; traduzione di Stefano Rini; con un saggio di Alberto Leiss e Letizia Paolozzi. Milano, Il Saggiatore, 2014.
- Cicerone, T.M. Dell'oratore. Al fratello Quinto libri tre, in M. Tullio Cicerone. *Opere retoriche*. Vol. I. De oratore. Brutus. Orator [a cura di Giuseppe Norcio]. Torino, UTET, 1970.
- Conrad, S. Corpus Linguistics Approaches for Discourse Analysis, in *Annual Review of Applied Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. P. 75-95.
- Cortelazzo, M.A. *Il linguaggio della politica*, Roma-Firenze, Editoriale L'Espresso-Accademia della Crusca, 2016.
- Coseriu, E. Lenguaje y política, en *El lenguaje político* / Manuel Alvar, coordinador. Madrid, Fundación Friedrich Ebert, 1987.
- Coulthard, M. *An Introduction to Discourse Analysis*. New York, Longman Group, 1985.
- Dell'Anna, M.V. *Lingua italiana e politica*. Roma, Carocci, 2010.
- De Maio, G. Russia's View of Ukraine After The Crisis, in *IAI Working Papers* 16/04, February 2016. P.1-21.
- Denton, R. E. Jr., Woodward, G.C. *Political Communication in America*. New York, Praeger, 1985.
- Desideri, P. *Teoria e prassi del discorso politico. Strategie persuasive e percorsi comunicativi*. Roma, Bulzoni editore, 1984.
- Desideri, P. Origini e sviluppi delle analisi e delle teorie sul linguaggio politico (1920-1960), in *Linguistica*. Ljubljana, Filozofska fakulteta Univerze Edvarda Kardelja v Ljubljani, 2009. P.41-53.
- Fairclough, N. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London; New York, Routledge, 2003.
- Fairclough, N. *Language and Power* (2nd ed.). London, Longman, Pearson Education, 2001.
- Fairclough, N. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis, in *Journal of Pragmatics*. Vol. 9. 1985. P.739-63.
- Flowerdew, L. How is Corpus Linguistics Related to Discourse Analysis?, in *Corpora and Language Education. Research and Practice in Applied Linguistics*. London, Palgrave Macmillan, 2012. P.81-110.
- Fowler, R. *Language and Control*. London, Routledge, 1979.
- Geiss, M. *The Language of Politics*. New York, Springer Verlag, 1987.
- Gergen, K. The Social Constructionist Movement in Modern Social Psychology, in *American Psychologist*. 40 (3), 1985. P. 266-75.
- Giansante, G. *La comunicazione politica online. Come usare il web per costruire consenso e stimolare la partecipazione*. Roma, Carocci, 2014.
- Giansante, G. *Le parole sono importanti: i politici italiani alla prova della comunicazione*. Roma, Carocci, 2011.
- Graber, D.A. *Mass Media and American Politics*, 3rd ed. Washington, DC, CQ Press, 1989.
- Graber, D. Political Languages, in *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London, Sage Publications, 1981. P.195-224.
- Gualdo, R. Il linguaggio politico, in *Lingua e identità. Una storia sociale dell'italiano*, a cura di P.Trifone. Roma, Carocci, 2009.
- Gualdo, R. *L'italiano dei giornali*. Roma, Carocci, 2009.
- Gualdo, R. Dell'Anna, M.V. *La faconda Repubblica. La lingua della politica in Italia (1992-2004)*. San Cesario di Lecce, Manni, 2004.
- Grice, P. *Logica e conversazione. Saggi su intenzione, significato e comunicazione*. Bologna, Il Mulino, 1993.
- Habermas, J. 1977. P. 259, cit. in: Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2011. № 4 (38). С. 286-291.
- Habermas, J. Some Questions Concerning the Theory of Power: Foucault Again, in Kelly, Michael (ed.). *Critique and Power: Recasting the Foucault / Habermas Debate*. Cambridge, Massachusetts / London, MIT Press. 1994. P.79-108.
- Harris, Z. Discourse Analysis, in *Language*. Vol. 28 (1). 1952. P. 1-30.
- Halliday, M. *An Introduction to Functional Grammar*, 2nd edition. London, Edward Arnold, 1994.
- Halliday, M. *Spoken and Written Language*. Oxford, Oxford University Press, 1985.
- Halliday, M. The Sociosemantic Nature of Discourse, in *Language as Social Semiotics*. London, Edward Arnold, 1978.
- Halliday, M. "Anti-languages", in *American Antropologist*, 78 (3), 1976. P.570-584.

- Herman, E.S. and Chomskiy, N. *Manufacturing Consent – The Political Economy of the Mass Media*. New York, Pantheon Books, 1988.
- Hodge, R., & G. Kress. *Social Semiotics*. Cambridge, Polity, 1988.
- Hunston, S. *Corpora in Applied Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.
- Jorgensen, M. Philips, L. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Sage, 2002.
- Keith, A., Burrige, K. *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon*. New York, Oxford University Press, 1991.
- Lakoff, G., Johnson, M. *Metafora e vita quotidiana* (trad. di P.Violi). Milano, Bompiani, 1998.
- Lakoff, J. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf, in *Journal of Cognitive Semiotics*. IV (2). 1991. P.5-19.
- Landtsheer Ch., de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach, in *Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4. P. 299-342.
- Lasswell, H.D., Leites, N. [a cura di]. *Il linguaggio della politica : studi di semantica quantitativa* [scritti di Raymond Fadner ... [et al.] ; introduzione di Gianni Statera ; traduzione di L. Cannavo. Torino, ERI, 1979.
- Lippmann, W. Opinione pubblica ; prefazione di Nicola Tranfaglia ; traduzione di Cesare Mannucci. Roma, Donzelli, 2018. Opera originale: Lippmann, W. Public opinion. New York, Harcourt, Brace and Company, 1922.
- Martin, J. *English Text*. Amsterdam, John Benjamin, 1992.
- McEnery, T., Hardie, A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012.
- Milizia, D. Classifying Phraseology in a Spoken Corpus of Political Discourse, in *ESP Across Cultures*. 2006, 3. P.41-65.
- Musolff, A. *Mirror Images of Europe. Metaphors in the Public Debate about Europe in Britain and Germany*. München, Iudicium, 2000.
- Ondelli, S. Esempi recenti della retorica populista in Italia: da Forza Italia al Movimento 5 stelle, in *L'italiano della politica e la politica per l'italiano: Atti del 11° Convegno ASLI Associazione per la Storia della Lingua Italiana (Napoli, 20-22 novembre 2014)*. Franco Cesati editore, 2016. P.333-347.
- Orwell, G. *1984* [traduzione di Gabriele Baldini ; con un'introduzione, un'antologia critica e una bibliografia a cura di Aldo Chiaruttini]. Milano, Arnoldo Mondadori, 1986 (Titolo dell'opera originale *Nineteen Eighty Four*).
- Partington, A., Taylor, Ch. *Persuasion and Politics*. Milano, LED, 2010.
- Partington, A. *The Linguistics of Political Argument. The Spin-Doctor and the Wolf-Pack at the White House*. Abingdon-on-Thames, Routledge, 2002.
- Reyes, A. Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions, in *Discourse&Society*. Vol. 22 (6). Sage, 2011. P. 781-807.
- Santa Ana, O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. Austin, University of Texas Press, 2002.
- Schiffrin, D. *Approaches to Discourse* (Blackwell Textbooks in Linguistics). Oxford, Blackwell, 1994.
- Schudson, M. Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s, in *Media, Culture and Society*. Vol. 19, №3. London, 1997. P.311-330.
- Spina, S. *Openpolitica: il discorso dei politici italiani nell'era di Twitter*. Milano, FrancAngeli, 2012.
- Stubbs, M. *Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford, Basil Blackwell, 1985.
- Van Leeuwen, T. Genre and Field in Critical Discourse Analysis, in *Discourse&Society*, 4 (2), 1993. P.193-223.
- Van Leeuwen, T. Representing Social Action, in *Discourse and Society*, 6 (1), 1995. P.81-106.
- Van Leeuwen, T. The Representation of Social Actors, in C.R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard (eds.) *Texts and Practices: Reading in Critical Discourse Analysis*. London, Routledge, 1996. P.32-70.
- Wodak, R. Critical Discourse Analysis: Challenges and Perspectives [editor's introduction], in *Methods of Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory*. Los Angeles, London, SAGE, 2013. Vol. 1. P.xix-xlii.
- Van Dijk, T.A. Discourse and Manipulation, in *Discourse & Society*. Vol. 17. 2006. P.359-383.
- Van Dijk, T. What is a Political Discourse Analysis?, in Blommaert J., Bulcaen C. (eds.). *Belgian Journal of Linguistics : Political Linguistics*. Vol. 11. Issue 1. Jan 1997. Amsterdam, John Benjamins, 1998. P.11-52 .
- Van Dijk, T. Principles of Critical Discourse Analysis, in *Discourse&Society*. 1993. Vol.4, №2. P. 249-283.

- Van Dijk, T. *News as Discourse*. London, Erlbaum Associates, 1988.
- Walker, S. *Hate Speech: The History of an American Controversy*. Lincoln, New York, 1991.
- Wei, J.M. *Virtual Missiles: Metaphors and Allusions Used in Taiwanese Political Campaigns*. Lanham, Lexington Books, 2001.
- Wodak, R., Weiss, G. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. New York, Palgrave Macmillan, 2003.
- Wodak, R. (ed.). *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*. Amsterdam, John Benjamins, 1989.
- Zinken, J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse, in *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25. № 5/6. P.1-13.

Онлайн-источники

- Будаев, Э.В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // *Аналитика культурологии*, №3 (9), 2007: электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskaya-metafora-v-lingvokulturologicheskom-aspekte> (дата обращения 11.12.2017).
- Кронгауз, М.А. «Вырабатываются специальные слова ненависти» // *Новая газета*, 12.09.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/12/61126-maksim-krongauz-171-vyrabatyvayutsya-spetsialnye-slova-nenavisti-187> (дата обращения 18.02.2019).
- Мосин, А.Г. «Об обогащении русского языка» // *Блог А.Н.Алексеева* : электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/ot-nashkrym2019a-do-namkrysh2019a> (дата обращения 16.05.2018).
- Паренти, М. *Демократия для немногих*. Москва, Прогресс, 1990: электронный ресурс. Режим доступа: <https://libking.ru/books/sci-/sci-politics/465477-maykl-parenti-demokratiya-dlya-izbrannyh-nastolnaya-kniga-o-politicheskikh-igrakh-ssha.html> (дата обращения 18.12.2018).
- Паршин, П.Б. *Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/Archive/2000/> (дата обращения 23.03.2018).
- Садкова, Е. «Никаких няш-мяш, потому что Крымнаш» // *Общественный контроль*, 08.01.2015: электронный ресурс. Режим доступа: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/29390-nikakikh-nyash-myash-potomu-chto-krymnash.html> (дата обращения 13.01.2018).
- Чудинов, А.П. (отв. ред.). *Современная политическая коммуникация*: учебное пособие. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т., 2009 : электронный ресурс. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1635592/> (дата обращения 12.01.2018).
- Шейгал, Е.И. Театральность политического дискурса // *Единицы языка и их функционирование*: межв. сб. науч. тр. Вып. 6. Саратов, Изд-во СГАП, 2000: электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.philology.ru> (дата обращения 18.09.2019).
- Шмелев, А.Д. «Колорады», «ватники», «укропы». Язык вражды и риторика ненависти [интервью] // *Правмир: Благотворительный фонд*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/koloradyi-vatniki-ukropyi-yazyik-vrazhdyi-i-ritorika-nenavisti/> (дата обращения 18.02.2019).
- «Валдайская» речь Путина: критика Запада как путь к диалогу // *РИА Новости*, 24.10.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://ria.ru/20141024/1029977993.html> (дата обращения 11.11.2019).
- «Вежливые, колорады и ватники: Как события 2014 года изменили русский язык» [интервью с А.Михеевым] // *Lenta.ru*, 30.12.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2014/12/30/word/> (дата обращения 25.09.2018).
- «Деловые издания – лидеры по длительности цитирования. Данные исследования за май 2009». Архивировано августа 2009 года // *TNS Media Intelligence*, 5 июня 2009: электронный ресурс. Режим доступа: https://kantartns.ru/rus/press/news/_news_article.wbp?article-id=1DB65DC1-CD03-445F-AC67-0A746F24DFD5 (дата обращения 13.04.2018).
- «Как Владимир Путин общался с народом: Ъ собрал яркие моменты прямых линий с президентом» // *Коммерсантъ*, 15.06.2017: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2962818> (дата обращения 11.11.2019).
- «Когда россиянам нечем гордится, они создают себе врага» // *Сноб*, 11.08.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://snob.ru/profile/10069/blog/79594> (дата обращения 15.10.2014).

- «Мартовские рейтинги одобрения и доверия», 26.03.2014 // *Левада-Центр*: Аналитический центр Юрия Левады: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2014/03/26/martovskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-2/>.кого (дата обращения 18.07.2018).
- Медиалогия*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.mlg.ru/ratings/> (дата обращения 13.04.2018).
- «Нагнули всех, а теперь возмущаются» // *Газета.ру*, 18.03.2014: электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2014/03/17_a_5953769.shtml (дата обращения 01.11.2019).
- «Образ врага в меняющемся мире» // *Независимая газета*, 25.06.2013: электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ng.ru/stsenarii/2013-06-25/9_enemy.html (дата обращения 16.10.2018).
- «Откуда взялись «Крымнаш» и другие мемы» // *Газета.ру*, 07.06.2015: электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2015/06/07_a_6746362.shtml (дата обращения 31.03.2019).
- «Отношение россиян к другим странам», 06.08.2014 // *Левада Центр*: Аналитический центр Юрия Левады: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2014/08/06/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam-7/> (дата обращения 16.12.2017).
- «Российско-украинские отношения», 30.10.2017 // *Левада-Центр*: Аналитический центр Юрия Левады: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/10/30/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-2/> (дата обращения 16.12.2017).
- «Россия на рубеже тысячелетий» // *Независимая газета*, 30.12.1999: электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения, 01.10.2019).
- «Россияне назвали главных врагов России» // *Левада-Центр*: Аналитический центр Юрия Левады, 10.01.2018: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyanepnazvali-glavnyh-vragov-strany/> (дата обращения 15.10.2014).
- «Русская весна на Юго-Востоке Украины» // *РИА Новости Украина*, 03.03.2014: электронный ресурс. Режим доступа: <https://rian.com.ua/analytics/20140303/340429692.html> (дата обращения 15.01.2018).
- «СМИ в соцмедиа: 2018 год. Рейтинги» // *Медиалогия*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/socmedia/6455/> (дата обращения 13.04.2018).
- «У нас никогда не будут работать роботы. Сергей Кожеуров и Алексей Полухин – о редакционной политике, «газете смыслов», и о том, почему «Новую» можно закрыть, но нельзя переформатировать» // *Новая газета*, 2 апреля 2018: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/04/01/76021-u-nas-nikogda-ne-budut-rabotat-roboty> (дата обращения 09.09.2019).
- Adamo, G. Confessioni di un neologista: se metti in magazzino l'effimero, mostra le parole nuove, in *Treccani*: электронный ресурс. Режим доступа: http://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/speciali/dizionario/Adamo.html (дата обращения 23.08.2019).
- Analysis*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://a.pr-cy.ru/www.kommersant.ru/> (дата обращения 09.09.2019).
- Analysis*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://a.pr-cy.ru/www.mk.ru/> (дата обращения 09.09.2019).
- Analysis*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://a.pr-cy.ru/rg.ru/> (дата обращения 18.07.2019).
- Analysis*: электронный ресурс. Режим доступа: <https://a.pr-cy.ru/www.novayagazeta.ru/> (дата обращения 09.09.2019).
- Anthony, L. (2017). AntConc (Versione 3.5.2) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University, available from <http://www.laurenceanthony.net/software> (дата обращения 17.01.2018).
- Hardt-Mautner, G. "Only connect": *Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics*. University of Lancaster. Retrieved January 10, 2011, available from http://ucrel.lancs.ac.uk/tech_papers.html (дата обращения 12.07.2019).
- Yatsko, V.A. *Integrational Discourse Analysis Conception*, available from: <http://yatsko.zohosites.com/integrational-discourse-analysis-conception.html> (дата обращения 03.12.2017).
- La Rubrica di Tullio de Mauro all'Internazionale: Tra evoluzione linguistica e de-alfabetizzazione, in *Internazionale*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://archivio.occhiaperti.net/index.phtml?id=6548> (дата обращения 23.08.2019).
- "Media poles apart in Ukraine crisis", in *BBC News*. 16 April 2014, available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-27047896> (дата обращения 15.01.2018).
- Nazemroaya, Mahdi Darius (14 March 2014). *Controlling the Lens: The Media War Being Fought Over Ukraine Between the Western Bloc and Russia*. *Global Research* (Centre for Research on

Globalization), available from: <https://www.globalresearch.ca/controlling-the-lens-the-media-war-being-fought-over-ukraine-between-the-western-bloc-and-russia/5373364> (дата обращения 16.12.2017).

“The Media War Behind the Ukraine Crisis”, in *The Moscow Times*. 11 March 2014, available from: <https://themoscowtimes.com/news/the-media-war-behind-the-ukraine-crisis-32837> (дата обращения 15.01.2018).

“World media offer divergent views on Ukraine crisis”, in *BBC News*, 4 March 2014, available from: <https://www.bbc.com/news/blogs-echochambers-26441892> (дата обращения 15.01.2018).

Словари

Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. *Словарь русских политических метафор*. Москва, Русский язык, 1994.

Вишневецкая, М.А. *Словарь перемен-2014*. Москва, Три квадрата, 2014.

Жаботинская, С.А. *Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан-антимайдан: Словарь-тезаурус лексических инноваций*. Киев, УАКЛиП, 2014.

Иванов, Л.Ю., Сквородников, А.П., Ширяев, Е.Н. *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2003.

Коновалов, В.Н. *Политология. Словарь*. Москва, РГУ, 2010: электронный ресурс. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/11/Аннексия> (дата обращения 15.09.2019).

Матвеева, Т.В. *Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика*. Москва, Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2003.

Матвеева, Т.В. *Полный словарь лингвистических терминов*. Ростов н/Д; Феникс, 2010.

Михальченко, В.Ю. (под ред.). *Словарь социолингвистических терминов*. Москва, Институт языкознания РАН, 2006.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (под ред.). *Толковый словарь языка Совдепии*. СПб., СПГУ, 1998.

Склярская, Г.Н. (авт.-сост.). *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*: ок. 8500 слов и устойчивых словосочетаний. Москва, Эксмо, 2007.

Ярцева, В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*: электронный ресурс. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/331b.html> (дата обращения 15.01.2018).

«Слово года»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda/> (дата обращения: 18.03.2018).

«Словарь года»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/slovargoda/about/> (дата обращения: 18.03.2018).

«Словарь перемен»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda2011/> (дата обращения: 18.03.2018).

Современный толковый словарь русского языка Ефремовой: электронный ресурс. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения: 28.03.2019).

Толковый словарь русского языка Ушакова: электронный ресурс. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/usakov/410397.html> (дата обращения: 28.03.2019).

Толковый словарь русского языка / под ред. С.И.Ожегова, Н.Ю. Шведовой: электронный ресурс. Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm> (дата обращения 13.07.2019).

De Mauro, T. *Dizionario delle parole del futuro*. Roma-Bari, Laterza, 2006.

Dizionario Treccani: электронный ресурс. Режим доступа: http://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/speciali/dizionario/Adamo.html (дата обращения 23.08.2019).

Корпус

«*Российская газета*»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://rg.ru/search/> (дата обращения 12.11.2019).

«*Московский комсомолец*»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mk.ru/> (дата обращения 15.11.2019).

Издательский дом «*Коммерсантъ*»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения 15.11.2019).

«*Новая газета*»: электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/> (дата обращения 14.11.2019).

Национальный корпус русского языка: электронный ресурс. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения 14.10.2019).

Приложение 1. «Корпус выступлений В.Путина по украинскому вопросу»

1. Послание Президента Федеральному собранию, 12 декабря 2013, <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>
2. Обращение Президента Российской Федерации, 18 марта 2014 («Крымская речь»), <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>
3. Митинг «Мы вместе» в поддержку принятия Крыма в состав Российской Федерации, 18 марта 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/20607>
4. Совещание с постоянными членами Совета Безопасности, 21 марта 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/20623>
5. Церемония подписания законов о принятии Крыма и Севастополя в состав России, 21 марта 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/20626>
6. Встреча с членами Совета Палаты Совета Федерации, 27 марта 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/20645>
7. Совещание с членами правительства, 9 апреля 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/20746/photos>
8. Обращение Президента России к лидерам ряда иностранных государств, 10 апреля 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/20751>
9. Совещание с членами Совета Безопасности, 11 апреля 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/20763>
10. Прямая линия с Владимиром Путиным, 17 апреля 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/20796>
11. Выступление на праздничном концерте, посвященном 69-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 70-летию освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков, 9 мая 2014, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/20993>
12. Обращение к лидерам Европейских государств по вопросу поставок и транзита российского газа через территорию Украины, 15 мая 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/21025>
13. Всероссийский молодежный форум «Селигер-2014», 29 августа 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/46507>
14. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>
15. Послание Президента Федеральному Собранию, 4 декабря 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>
16. Большая пресс-конференция Владимира Путина, 18 декабря 2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/47250>
17. Прямая линия с Владимиром Путиным, 16 апреля 2015, <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>

Приложение 2. «Метафорический корпус («Российская газета», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Новая газета»)»

Метафорическая модель	Примеры	Кол-во	%
Игровая	Пешка в геополитической игре, большая игра, разыграть, поставить на кон, правила игры, повысить ставки, выиграть, проиграть, раскрывать карты, системный игрок, разыграть украинскую карту, блефовать, двойная игра, расклад, пасьянс	47	15,6
Военная	Военные рельсы, мобилизационный режим, прорвать блокаду, новый фронт, поле боя, вооруженный лагерь, бомба, наступательные действия, оружие, выработать тактику, тяжелая артиллерия, битва, ополчиться, форпост, обоюдоострый меч санкций	35	11,6
Метафора болезни	Диагноз, донецкий синдром, паралич, вирус, болезнь, шоковая терапия, оздоровление, заражен, локальное заболевание, отравление разума, бред, фантомные боли империи, инвалиды информационной войны, невроз	31	10,2
Метафора родства	Братья, братские узы, братские народы, близкий родственник, развод и девичья фамилия, бедный родственник, пасынок, мачеха	23	7,7
Театральная	Крымский сценарий, политическая авансцена, кукловод, марионетка, дирижер, политические театры, спектакль, за кулисами, плясать под дудку, политические клоуны, занавес, водевиль, трагедия, фарс, маскарад, мизансцена, маскарад, режиссер, зрители	25	8,3
Коммерческая	Заплатить высокую цену, торговаться, торг, политический бизнес-проект, продажа Украины в розницу, дивиденды	22	7,3
Спортивная	Реванш за Майдан, раунд санкций, играть мускулами, сделать выпад, состязание воли, санкционный трамплин, фехтование	18	5,9
Неживой природы	Водный поток, мутный поток, политическая сейсмичность, внешнеполитическая волна, турбулентность, тектонический сдвиг	16	5,3
Техническая	Завинчивание гаек, рычаг влияния, рычаг давления, маховик пропаганды, механизм перемирия, машина военной пропаганды	12	3,9
Физиологическая	Наступить на любимую мозоль, бить по нерву, военный палец, санкции ударят по голове, удар в зубы	10	3,3

Зооморфная	Показать зубы санкциям, хромые утки, направить жало на Украину, комариный укус	12	3,9
Транспортная	Лобовое столкновение с Западом, дать зеленый свет, встречное движение, буксовать, крутой маршрут, дрейф	10	3,3
Температуры	Ситуация накалилась, разжигать пожар ненависти, накал вокруг Украины, эра заморозков, похолодание	8	2,6
Персонификация	Украина затягивает пояса, изможденная Майданом, поставить Россию на колени, Россия в одиночной камере, голодная Украина, жестокие экономические объятия Запада	8	2,6
Компьютерная	Перезагрузка власти, реформатирование «майданных революций», негативный драйвер	7	2,3
Гастрономическая	Политическая корчма, натовская кухня, идеологический коктейль, ТВ-стряпня	5	1,6
Криминальная	Гангстеры, политические мародеры, политические преступники	3	1,0
Фитометафора	Нацизм распространяется как споры поганых грибов	1	0,3
Архитектурная	Ремонт фасада власти	1	0,3
Религиозная	Америка - апостол однополярного мира	1	0,3
Смешанная		6	1,9
Общее количество:		301	100